370
543

КТ

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

Зак. 4226. Утильцех 1-й Образцовой тип.

п 34 г.

ПЕТЕРБУРГЪ, КАБИНЕТСКАЯ, Д. 18.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ

ШКОЛА и ЖИЗНЬ

L'ÉCOLE ET LA VIE

Schule und Leben — School & Life

В. Г. Бѣлинскій.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Московская Губернская
Центральная Библиотека

90968

371
Б-43

Съ вступительной статьей

Г. А. ФАЛЬБОРКА

и

очеркомъ жизни и педагогическ. дѣятельности Бѣлинскаго, примѣчаніями и библіографическими указаніями

А. Г. Фомина.

Дома Работников Просвещения Кр.-Пресненск. района
БИБЛИОТЕКА

370
Б43.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

Тип. «Сѣверъ», Спб., Невскій № 140-2

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Несмотря на то, что Бѣлинскому давно уже отведено почетное мѣсто въ исторіи русской педагогіи, что его педагогическіе взгляды не утратили до настоящаго времени своего значенія, у насъ до сихъ поръ не было сколько-нибудь полнаго отдѣльнаго изданія его педагогическихъ статей. Въ имѣющіяся у насъ книги (И. Ѳеоктистова «Сводъ мнѣній Бѣлинскаго о дѣтской литературѣ» Спб. 1884; 2-е изд. Спб. 1898; А. Н. Сальникова «Бѣлинскій о воспитаніи умственномъ и нравственномъ» Спб. 1898; Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова «Бѣлинскій о воспитаніи и книгахъ для дѣтскаго чтенія» М. 1911) вошла только незначительная часть всего написаннаго Бѣлинскимъ въ области педагогіи. Извлечь изъ его сочиненій все, относящееся къ этой области, и ставитъ своею задачею настоящая книга.

Стремясь къ полнотѣ и къ тому, чтобы дать вѣрный, не искаженный текстъ Бѣлинскаго, мы положили въ основу составленной нами книги провѣренное по первопечатному тексту изданіе подъ редакціей С. А. Венгерова, доведенное пока до середины 1845 г. Съ середины же 1845 г. мы положили въ основу наиболѣе полное послѣ изданія подъ ред. С. А. Венгерова—изданіе Солдатенкова и Щепкина. Тѣ статьи изъ этого изданія, которыя вошли въ болѣе тщательное, хотя и менѣе полное изданіе подъ редакціей Иванова-Разумника, мы печатаемъ по тексту этого послѣдняго. Въ составленный нами сборникъ статей Бѣлинскаго включена рецензія на V—VII книжки «Библіотеки для воспитанія», изд. П. Рѣдкинымъ ,напечатанная въ 1847 г. въ «Современникѣ», не по-

мѣщенная ни въ одномъ изданіи сочиненіи критика. О соображеніяхъ, дающихъ намъ основаніе утверждать, что эта рецензія принадлежитъ перу Бѣлинскаго, см. на стр. 249—250 нашихъ примѣчаній.

Придерживаясь современной орѳографіи, мы сохранили характерныя особенности текста Бѣлинскаго, соблюдая его курсивы.

Считая основною задачею настоящаго изданія—дать картину постепеннаго развитія педагогическихъ воззрѣній Бѣлинскаго, мы располагаемъ статьи его въ хронологическомъ порядкѣ. Статьи, всецѣло посвященныя педагогическимъ вопросамъ, напечатанныя нами полностью, отмѣчены звѣдочкой (*). Отсутствіе ея показываетъ, что статья не посвящена всецѣло педагогіи и изъ нея взято только то, что относится къ этой области. Пропуски не относящагося къ педагогіи отмѣчены двумя тире (— —).

Помѣщенный послѣ сочиненіи Бѣлинскаго указатель имѣетъ въ виду облегчить наведеніе справокъ.

Въ примѣчаніяхъ мы сосредоточились главнымъ образомъ на комментаріи чисто педагогическаго характера, стремясь, по возможности, установить связь между статьями, отмѣтить наиболѣе существенныя измѣненія во взглядахъ Бѣлинскаго.

Данныя послѣ примѣчаній библіографическія указанія имѣютъ въ виду помочь читателю, желающему изучить Бѣлинскаго.

А. Фоминъ.

«Отъ воспитанія человѣкъ можетъ сдѣлаться или добродѣтельнымъ Сократомъ или развращеннымъ Нероном̀ъ».

Бѣлинскій.

Русская литература XIX вѣка окружена немеркнущимъ ореоломъ «учительства». Сквозь густой мракъ, окутывавшій русскую жизнь, блестѣли путеводными звѣздами высокія творенія искусства, не дававшія общества заплесневѣть въ душномъ казематѣ политической реакціи. Блестящая плеяда дѣятелей «эпохи великихъ реформъ», спасенная и взлѣлѣянная русской литературой, доказала плодотворность ея высокой миссіи. Наша литературная критика до послѣдняго времени выходила изъ чисто-эстетическихъ рамокъ, чтобы дать волю гражданской скорби; она не только анализировала художественныя произведенія, но разбирала и отображенную въ нихъ подлинную дѣйствительность; высказывавшееся при этомъ міропониманіе становилось лозунгомъ для цѣлаго поколѣнія современниковъ. Родоначальникъ русской литературной критики В. Г. Бѣлинскій былъ въ то же время однимъ изъ духовныхъ вождей русскаго общества 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Вниманіе Бѣлинскаго къ педагогіи можно понять только въ связи съ общимъ его міровоззрѣніемъ. Черезъ всю исторію умственнаго развитія Бѣлинскаго проходитъ красной нитью презрѣніе къ мѣщанству, къ пошлости. Древней цитаделью рутины и пошлости является замкнутая семья. Животная любовь къ дѣтямъ заставляетъ родителей слѣпо слѣдовать испытанной традиціи и боязливо сторониться новизны. Вѣчно развивающееся въ поискахъ истины міровоззрѣніе неистоваго Виссаріона было могучимъ вызовомъ затхлому мѣщанству. Много ядовитыхъ стрѣлъ направилъ Бѣлинскій въ самаго закоренѣлаго врага обновленія — семью и семейное воспитаніе. Но борьбу нельзя было

вести при помощи толстыхъ трактатовъ. И подобно тому, какъ критико-литературныя статьи Бѣлинскаго содержатъ цѣлую философскую систему, такъ и въ рецензіяхъ о дѣтской книжкѣ мы находимъ не приведенное въ систему, но цѣльное педагогическое міровоззрѣніе, пробившее брешь въ неприступной крѣпости мѣщанскаго воспитанія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ произведеніе нерѣдко служитъ лишь поводомъ къ изложенію и защитѣ извѣстныхъ общихъ положеній. Характерна въ этомъ отношеніи рецензія объ учебникѣ по шелководству; забывъ или умышленно игнорируя послѣднее, Бѣлинскій пишетъ замѣтку о болѣе общемъ и важномъ вопросѣ — о преподаваніи теоріи словесности.

Избравъ мишенью мѣщанское воспитаніе, весь строй семейныхъ взаимоотношеній, Бѣлинскій обрушивается на него съ обычной силой и язвительностью. Его возмущаетъ рутина и фальшь, низменность цѣлей и грубость средствъ, царящія въ воспитаніи. Родители видятъ въ своихъ дѣтяхъ игрушку, а не будущихъ гражданъ; они не понимаютъ огромнаго значенія воспитанія, особенно ранняго. Отцы и матери заботятся больше о собственномъ спокойствіи, чѣмъ о правильномъ развитіи своихъ дѣтей. Они считаютъ свою задачу выполненной, когда ребенокъ *кажется* хорошимъ, хотя бы онъ былъ дурнымъ. Подрывая устои традиціоннаго воспитанія, Бѣлинскій отъ разрушенія переходитъ къ блестящей проповѣди новыхъ идеаловъ и новыхъ методовъ воспитанія.

Много разъ повторяетъ Бѣлинскій ту мысль, что «воспитаніемъ рѣшается участь человѣка». Вырабатывая положительную программу воспитанія, Бѣлинскій, какъ истый реалистъ по всему душевному складу, не могъ удовольствоваться туманными, хотя и возвышенными педагогическими идеалами, разъ они были оторваны отъ живой дѣйствительности. И главнымъ основаніемъ его воззрѣній сдѣлалось непосредственное наблюденіе надъ дѣтской психикой. Отрѣшившись отъ Локковской теоріи, видѣвшей въ душѣ ребенка «бѣлую доску», Бѣлинскій примкнулъ къ теоріи «врожденныхъ идей»: онъ охотно сравниваетъ ребенка съ растеніемъ; въ рукахъ опытнаго садовника дикая лѣсная яблоня можетъ приносить сладкія яблоки, но никогда не принесетъ она жолудей. «Каждый человѣкъ есть индивидъ и, какъ хорошимъ, такъ и дурнымъ можетъ сдѣлаться только *индивидуально*». Индивидуальность и эластичность, такъ сказать, дѣтской души превращаютъ педагогію въ великое искусство—не искажая, совершенствовать природу ребенка. Съ уваженіемъ и любовнымъ вниманіемъ относится Бѣлинскій къ развивающемуся человѣку, понимая закономѣрность

каждаго періода жизни, со свойственной каждому возрасту психикой, то, что Пушкинъ выразилъ въ двустишіи:

Смѣшонъ намъ юноша степенный,
Смѣшонъ и вѣтренный старикъ.

Такъ, онъ считаетъ игры и забавы естественной принадлежностью младенчества, этого «необходимаго періода нашего существованія». Точно такъ же въ юношескомъ энтузіазмѣ онъ видитъ «необходимый моментъ нравственнаго развитія человѣка». Эти истины все еще не дождались практическаго примѣненіи въ области школьной дисциплины, которая знаетъ учениковъ, не различая возрастовъ.

Взглядъ Бѣлинскаго на цѣль воспитанія непосредственно вытекаетъ изъ его неизмѣннаго преклоненія передъ реальной человѣческой личностью. «Человѣкъ—самоцѣль»—такъ формулировалъ онъ этотъ принципъ. Въ самой значительной своей педагогической статьѣ—рецензіи на сказки Гофмана, Бѣлинскій съ присущей ему страстностью настаиваетъ на томъ, что «первоначальное воспитаніе должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но *человѣка*, который могъ бы впослѣдствіи быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть *человѣкомъ*». Провозглашеніе принципа человѣчности въ то время, когда, «предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся», доказываетъ лучше всего, какъ далеки были воззрѣнія Бѣлинскаго отъ идеаловъ оффиціальной педагогіи, какое слѣдовательно высокое облагораживающее вліяніе они должны были оказывать на русское общество.

Проповѣдь «человѣчности» была въ устахъ Бѣлинскаго не только плодомъ холодныхъ размышленій. Воспоминанія К. Д. Кавелина, котораго Бѣлинскій готовилъ къ университету, убѣждаютъ въ томъ, что, мало заботясь о прохожденіи курса, послѣдній воспитывалъ въ своемъ ученикѣ критическое отношеніе къ дѣйствительности, любовь къ знанію и нравственнымъ принципамъ, т. е. какъ разъ элементы «человѣчности». Кавелинъ называетъ за это Бѣлинскаго «плохимъ педагогомъ», но, очевидно, только потому, что самъ неправильно сводитъ всю педагогическую дѣятельность къ преподаванію школьной учебы.

Если цѣль воспитанія — человѣчность, то орудіемъ его является любовь, этотъ «осуществившійся явленный разумъ», по выраженію Бѣлинскаго. Воззрѣнія Бѣлинскаго на любовь продиктованы всецѣло романтизмомъ, въ сладкомъ плѣну у котораго долгое время находился неистовый Виссаріонъ. «Любовь—есть высшая единая дѣйстви-

тельность, внѣ которой все—призраки», восклицалъ въ порывѣ мистическаго одушевленія Бѣлинскій. Родительское чувство — частное проявленіе этой вселенской любви—должно быть настолько же выше любви животнаго къ своему дѣтенышу, насколько разумъ выше инстинкта; родительская любовь есть любовь «къ будущему человѣку»; воспитаніе—высокое и отвѣтственное служеніе, а вовсе не одно только пріятное времяпрепровожденіе; оно «требуетъ всего человѣка», обязывая родителей быть живымъ примѣромъ внушаемой дѣтямъ нравственной жизни. Зато при немъ узы, связывающія родителей съ дѣтьми, съ годами крѣпнутъ, а не слабѣютъ, и вырастаетъ поколѣніе идеалистовъ, самоотверженныхъ служителей истины.

Не ограничиваясь общими принципами, Бѣлинскій высказалъ много цѣнныхъ мыслей объ отдѣльныхъ сторонахъ воспитанія. Сюда относится, напримѣръ, пропаганда національнаго воспитанія, которое Бѣлинскій замѣчательнымъ образомъ сочетаетъ съ космополитическимъ принципомъ «человѣчности». Черезъ знакомство съ высочайшими проявленіями національнаго духа долженъ ребенокъ проникаться общечеловѣческими идеалами. «Кто не принадлежитъ своему отечеству, тотъ не принадлежитъ и человѣчеству», писалъ Бѣлинскій. Тонкій, культурный націонализмъ Бѣлинскаго былъ безконечно далекъ отъ защиты тьмы и кнута, которая также претендовала на званіе націонализма въ эпоху николаевской реакціи.

Бѣлинскій оказалъ огромную услугу воспитанію національнаго чувства, заставивъ своей блестящей критикой ввести въ школу Пушкина и Гоголя и пріучивъ русское юношество «паче всего любить родную литературу».

Какъ критикъ дѣтской книги, Бѣлинскій оставилъ совершенно опредѣленное ученіе, которое обнаруживаетъ въ немъ поразительное знаніе дѣтской души. Можно смѣло сказать, что ни русская, ни западно-европейская педагогическая литература настоящаго времени не могли бы сообщить Бѣлинскому много новаго по вопросу о дѣтской книгѣ. Извѣстный трудъ Вольгаста представляетъ подробное изложеніе воззрѣній, которыя отстаивалъ Бѣлинскій около 70 лѣтъ тому назадъ. Признавая огромное воспитательное значеніе за искусствомъ, Бѣлинскій именно поэтому былъ ярымъ врагомъ всякой искусственности въ воспитаніи. Съ необыкновенной энергіей возстаетъ онъ противъ «дурно склеенныхъ разсказовъ, пересыпанныхъ нравственными сентенціями». Дитя, по мѣткому выраженію Бѣлинскаго должно быть «чувствующимъ» красоту, истину, добро, но не «чувствительнымъ». Резонерство дѣтскихъ писателей сѣетъ скуку, сѣетъ

фальшь, портитъ художественный вкусъ ребенка; оно обращается къ разсудку, тогда какъ ребенокъ живетъ чувствомъ. И Бѣлинскій даетъ великій завѣтъ авторамъ дѣтской книги: «Пишите, пишите для дѣтей, но только такъ, чтобы вашу книгу съ удовольствіемъ прочелъ и взрослый», притомъ «не какъ дѣтское сочиненіе, а какъ литературное произведеніе, писанное для всѣхъ». Бѣлинскій прекрасно понималъ, что изъ его взглядовъ отнюдь не слѣдуетъ, будто и всякая книга, годная для взрослыхъ, тѣмъ самымъ пригодна для дѣтей. Такъ, рекомендуя Донъ-Кихота, какъ прекрасный матеріалъ для дѣтскаго чтенія, Бѣлинскій совѣтуетъ выбросить циничныя подробности, но не допускаетъ мысли о пересказѣ этого романа, уснащенномъ нравоученіями.

Бѣлинскій не разъ возвращался къ вопросу о педагогической пользѣ фантастики и послѣ долгихъ колебаній остановился на той точкѣ зрѣнія, которая считается безспорной въ настоящее время. Полезность фантастическаго элемента опредѣляется его естественностью. Дитя живетъ чувствомъ; ему нужны краски, образы, звуки, нужны не разсужденія, а разсказы, не выводы и сентенціи, а самая жизнь. Дѣтская книжка должна поэтому удовлетворять требованіямъ художественности, фантастичности, безыскусственной нравственности, но отнюдь не быть приторной и—фарисейски—фальшивой идеализаціей дѣйствительности: «Der gute wird belohnt, der Böse nicht geschont». Бѣлинскій убѣжденъ въ неосновательности опасеній, будто бы фантастика способствуетъ развитію необузданности. Истинная поэзія по глубоко-вѣрному замѣчанію Бѣлинскаго—всегда нравственна; Гомеръ поэтому естественное чтеніе дѣтства и юношества, такъ какъ культъ красоты царитъ безраздѣльно въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Эмпирическимъ путемъ выработалось ученіе Бѣлинскаго о дѣтской книгѣ; оно основывается цѣликомъ на психологіи ребенка; нельзя не вспомнить, что онъ проповѣдывалъ бережное отношеніе къ дѣтской природѣ въ то время, когда кругомъ шла вакханалія обезличенія ребенка.

Отъ зоркаго глаза Бѣлинскаго не укрылось огромное значеніе наглядности, которое въ наше время является необходимымъ спутникомъ воспитанія и обученія; Бѣлинскій называлъ его «основаніемъ дѣтскаго развитія» и привѣтствовалъ книги, снабженныя хорошими иллюстраціями, картами и т. д. Еще не занималась заря женскаго образованія въ Россіи, когда въ защиту его раздался мужественный голосъ Бѣлинскаго. Язвительно осмѣивая положеніе дѣвочки, изъ которой выращиваютъ не человѣка, а невѣсту; возмущаясь вообще утилитарнымъ взглядомъ на назначеніе женщины, вы-

ставляя идеалъ человѣчности, не знающій различія между мужчиной и женщиной, Бѣлинскій проторилъ дорогу современности. Къ чему ни прикасался острымъ умомъ своимъ геніальный критикъ — отовсюду начиналъ бить источникъ глубокой мысли, чистаго чувства. Мимоходомъ заговоривъ о половомъ воспитаніи, онъ высказываетъ необычайно смѣлую для своего времени и вмѣстѣ съ тѣмъ плодотворную мысль: «добродѣтель дѣвушки (и юноши) не въ томъ, чтобы она младенчески не знала, а въ томъ, чтобы она младенчески знала и въ знаніи оставалась чистой и дѣвственной». Здѣсь цѣлая программа воспитанія, до нашего времени не осуществленная, но именно теперь завоевывающая принципіальное сочувствіе.

Касаясь казенной школы, Бѣлинскій обнаруживаетъ вопіющій оптимизмъ, который становится понятнымъ только въ связи съ пережитой имъ полосой философскаго преклоненія передъ разумностью дѣйствительнаго міра. Прозрѣвши, онъ въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю достаточно ясно высказалъ свою ненависть къ реакціи во всѣхъ ея проявленіяхъ. Во всякомъ случаѣ симпатіи Бѣлинскаго къ обаятельному античному міру и вытекавшее отсюда требованіе преподаванія древнихъ языковъ въ средней школѣ не имѣло ничего общаго съ Уваровскимъ «классицизмомъ». Бѣлинскій преклонялся предъ гражданскими добродѣтелями, предъ свободой личности грека и римлянина; министерство народнаго просвѣщенія мечтало зубрежкой грамматики притупить умъ, дабы воспитать «покорность властямъ и преданность правительству», дабы выработать «средняго» человѣка-чиновника, безсловесный винтикъ въ бюрократическомъ механизмѣ. Горячій сторонникъ народнаго образованія, Бѣлинскій придавалъ огромное значеніе повсемѣстному распространенію грамотности, приближенію науки къ народнымъ массамъ, привѣтствовалъ попытки популяризаціи знаній.

Занявъ волею своего таланта постъ руководителя общественнымъ мнѣніемъ, Бѣлинскій ни съ собою ни съ кѣмъ бы то ни былъ не шелъ на компромиссы. Отъ тьмы жестокости и рутины «гнусной рассейской дѣйствительности», онъ звалъ къ свѣту, любви и свободѣ. Первое педагогическое произведеніе Бѣлинскаго. «Разсужденіе о воспитаніи», отъ котораго до насъ дошли жалкіе отрывки, было написано въ 1829 году, —18-лѣтнимъ юношей; лебединой пѣснью его была рецензія на дѣтскую книгу. Этотъ фактъ какъ бы симоволизируетъ интересъ великаго критика къ вопросамъ воспитанія.

Откуда черпалъ Бѣлинскій идеи и принципы, опередившіе свое время на много дѣсятилѣтій? Изъ нѣсколькихъ упоминаній о Руссо

мы можемъ заключить о знакомствѣ Бѣлинскаго съ геніальнымъ реформаторомъ педагогіи. Быть можетъ, онъ по слуху былъ знакомъ и съ Песталоцци, хотя съ увѣренностью сказать этого нельзя. Ни теоретически, ни практически за ничтожными исключеніями Бѣлинскій педагогіи не изучалъ. Родина Шеллинга, Фихте, Гегеля,—умовъ, могущественно повліявшихъ на философское развитіе Бѣлинскаго, была въ 30-хъ и 40-хъ годахъ во власти реакціонныхъ идей Карла Шмидта. Россія не имѣла еще въ это время собственнаго педагогическаго лица. Правда, при Екатеринѣ II былъ популяренъ лозунгъ: воспитаніе «человѣка»; правда, при ней же была сдѣлана серьезная попытка распространить въ народѣ просвѣщеніе, но идеи, цѣликомъ заимствованныя изъ Австріи, были забыты, не оставивъ сколько-нибудь замѣтнаго слѣда, а распространеніе просвѣщенія въ народѣ дальше громкихъ фразъ и безсильныхъ попытокъ не пошло.

Эпоха Николая I тяжело отразилась на русскомъ просвѣщеніи. Идея государственной педагогіи проводилась въ жизнь съ необыкновеннымъ упорствомъ: личность объявлялась опасной для государства и подлежала искорененію во славу бюрократіи. Распространеніе грамотности было признано нежелательнымъ. На этомъ мрачномъ фонѣ расцвѣтъ таланта Бѣлинскаго представляется такимъ же загадочнымъ, какъ и генія Пушкина и Гоголя. Не имѣя предшественниковъ, Бѣлинскій самъ положилъ прочную основу для возникновенія русской педагогіи. Пироговъ, Водовозовъ, Стоюнинъ особенно послѣдніе повторяли или развивали идеи, брошенныя Бѣлинскимъ.

Бѣлинскій не оставилъ намъ стройнаго ученія, но это не его вина: слишкомъ неблагопріятны были условія, въ которыхъ приходилось ему работать. Въ одной рецензіи онъ, уклонившись по обыкновенію въ сторону общихъ вопросовъ, ловитъ себя на этомъ и замѣчаетъ: «Много, много еще можно бы было сказать объ этомъ предметѣ, но мы и такъ уже заговорились и совсѣмъ потеряли изъ виду книжки г. Бурьянова, по давшія намъ поводъ къ этимъ разсужденіямъ». За холоднымъ замѣчаніемъ скрывается настоящая драма. Издатель «Отечественныхъ записокъ» Краевскій, обязанный успѣхомъ журнала исключительно его сотрудничеству, заваливалъ геніальнаго критика мелкой журнальной работой—сонниками, иностранными грамматиками, лубочными сказками, заставляя писать обо всей этой белибердѣ рецензіи. «Святители!—жаловался Бѣлинскій, о чемъ не пишу я ему, какихъ книгъ не разбираю! И по части архитектуры и по части медицины... Онъ сдѣлалъ изъ меня враля, шарлатана, свою собаку, осла, на которомъ онъ въѣзжаетъ въ Іерусалимъ своихъ успѣховъ». Матеріаль-

ная нужда заставляла Бѣлинскій терпѣть и изнемогать подъ бременемъ этой работы, которая лишала его досуга и душевнаго равновѣсія: онъ даже критическія статьи свои писалъ съ безумной быстротой, не отдѣлывая ихъ до желательной ему законченности.

Но разсѣянное и впервые здѣсь собранное педагогическое наслѣдство Бѣлинскаго даетъ намъ право утверждать: будь условія жизни и работы преждевременно умершаго критика болѣе благопріятны, мы дождались бы отъ него такой книги о воспитаніи, которая могла бы стать для Россіи тѣмъ, чѣмъ сдѣлался «Эмиль» для всего человѣчества.

Г. Фальборкъ.

4 Августа 1912 г.

Жизнь Бѣлинскаго и его педагогическая дѣятельность *).

Родился Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, по указанію метрики, 1 іюня 1811 года **) въ Свеаборгѣ, въ семьѣ флотскаго лѣкаря, Григорія Никифоровича Бѣлынскаго, переѣхавшаго въ 1816 году въ г. Чембаръ Пензенской губерніи и занявшаго должность уѣзднаго лѣкаря.

Посмотримъ прежде всего какъ прошло дѣтство будущаго пламеннаго защитника дѣтей и горячаго проповѣдника любви къ нимъ,—та эпоха жизни, которая кладетъ такой глубокій отпечатокъ на личность и внутренній міръ человѣка?

Воспоминанія лицъ, знавшихъ семью Бѣлинскаго, объ окружающей его въ дѣтствѣ обстановкѣ довольно разнорѣчивы. Родственница Бѣлинскаго, г-жа Щ. разсказываетъ объ его отцѣ: ***) „Это былъ человѣкъ съ насмѣшливымъ умомъ, беззаботнымъ, честнымъ и прямымъ характеромъ, часто жертвовавшій общественными и семейными выгодами своему юмористическому направленію, отчасти либеральному, отчасти семинарскому. Онъ вынесъ изъ школы идеи, заброшеныя первою французскою революціей, и здравый взглядъ на литературу. Отдавая должную дань почтенія европейскимъ талантамъ первой величины, начиная съ Шиллера и проч., онъ довольно мѣтко и цинично-добродушно смѣялся надъ гордившимся своими зачерствѣлыми предразсудками провинціальнымъ обществомъ

*) Эта работа ставитъ своей задачей обрисовать дѣятельность Бѣлинскаго, какъ *педагога-практика*, и сообщить важнѣйшія біографическія данныя. Характеристика и оцѣнка педагогическихъ взглядовъ Бѣлинскаго, высказанныхъ имъ въ сочиненіяхъ, не входитъ въ задачу настоящаго очерка. Первоначально, въ сокращенномъ видѣ, онъ былъ напечатанъ въ «Школѣ и Жизни» (1911, № 22).

**) Метрика Бѣлинскаго опубликована В. Е. Рудаковымъ („Архивные розыски о рожденіи Бѣлинскаго и о происхожденіи его матери"—„Историч. Вѣстн.", 1911, кн. V) Дата дня рожденія критика, указанная въ метрикѣ, противорѣчитъ другимъ даннымъ, по которымъ день рожденія Бѣлинскаго 30 мая. Вѣрность метрики оспаривается (см. Н. О. Лернеръ „30 мая или 1 іюня?"—„Рѣчь", 1911, № 132, 16 мая и „Дата рожденія Бѣлинскаго"—„Русская Старина", 1911, кн. V). См. также А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, 2-е изд. СПБ. 1908, стр. 7. 640 и 641 и С. А. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской литературы. СПБ. 1907, стр. 280—282.

***) „Русскій", 1862, № 15 (въ „Дорожныхъ запискахъ" Погодина).

Чембара... Идеи отца имѣли большое вліяніе на религіозное и нравственное развитіе Виссаріона. Жена Григорія Бѣлинскаго съ самого начала супружеской жизнн внушала ему къ себѣ равнодушіе своимъ неистово-бѣшеннымъ нравомъ, своенравною независимостью и неразвитостью: не имѣя злого сердца, она соединяла въ своемъ характерѣ задорливость съ безкорыстнымъ прямодушіемъ, при самыхъ обыкновенныхъ способностяхъ, и представляла собою типъ екатерининскаго вѣка, когда идолопоклонство чинамъ и общественнымъ званіямъ замѣняли вѣру въ человѣческое достоинство. Мужъ-поповичъ, какія бы ни были его личныя достоинства, долженъ былъ, по ея понятіямъ, работать для своей семьи, не забывая должнаго поклоненія своей женѣ, дочери флотскаго офицера, которая была въ состояніи посѣщать гостинныя провинціальныхъ барынь, окружныхъ вассалками-чиновницами... Мужъ, для спасенія независимости, оттолкнулся отъ семьи, заключившись въ кругу чиновнически уѣзднаго разгула. Семейная жизнь ихъ сдѣлалась рядомъ непріязненныхъ столкновеній: неистовые упреки жены за безпечность мужъ встрѣчалъ насмѣшливымъ равнодушіемъ... дѣти, постоянные свидѣтели бурныхъ домашнихъ сценъ, по взгляду матери, стали представлять отца въ видѣ тирана, лишающаго ихъ насущныхъ потребностей жизни. Часто Виссаріонъ (бывши уже гимназистомъ) декламировалъ свою ненависть къ отцу отчаянно восторженными возгласами героевъ Шиллера".

Воспоминаніямъ г-жи Щ. довѣрять нельзя *), но вотъ что разсказываетъ Лажечниковъ: „Общество, которое дитя встрѣчало у отца, были городскіе чиновники, большею частію чины полиціи, съ которыми уѣздный лѣкарь имѣлъ дѣло по своей должности (отъ которой ничего не наживалъ). Общество это видѣлъ онъ на распашку, часто за ерофеичемъ и пуншемъ, слышалъ рѣчи, вращавшіяся болѣе всего около частныхъ интерересовъ, приправленныхъ цинизмомъ взяточничества и мерзкихъ продѣлокъ, видѣлъ во-очію неправду и черноту, не замаскированныя боязнью гласности, незакрашенныя лоскомъ образованности, видѣлъ и купленное за ведерко крестное цѣлованіе понятыхъ и свидѣтельствованіе разнаго рода побоевъ и пр. и пр. Душа его, въ которую пала съ малолѣтства искра Божія, не могла не возмущаться при слушаніи этихъ рѣчей, при видѣ разнаго рода отвратительныхъ сценъ. Съ раннихъ лѣтъ накипѣла въ ней ненависть къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному, въ чемъ бы они не проявлялись, въ обществѣ или въ литературѣ. Оттого-то его убѣжденія перешли въ его плоть и кровь, слились съ его жизнью. Только съ жизнью онъ и покинулъ ихъ. Прибавьте къ безотрадному зрѣлищу гнилого общества, которое окружало его въ малолѣтствѣ, домаш-

*) Это прекрасно показано С. А. Венгеровымъ—„Очерки по исторіи русской литературы". СПБ. 1907. стр. 286—287.

нее горе, бѣдность, нужды, вѣчно его преслѣдовавшія, вѣчную борьбу съ ними, и вы поймете, отчего произведенія его иногда переполнялись желчью, отчего въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ изъ наболѣвшей груди его вырывались грозно-обличительныя рѣчи, которыя, казалось, душили его".

Противъ этой характеристики протестуетъ близкій родственникъ, школьный товарищъ и другъ Бѣлинскаго, Д. П. Ивановъ, говоря, что слова Лажечникова „есть ни что иное, какъ общія мѣста: никогда ни какихъ попоекъ ни съ какими чинами полиціи въ домѣ Григорія Никифоровича не бывало. Онъ всегда держался вдали отъ этого общества, надъ которымъ возвышался умомъ, образованіемъ, нравственными убѣжденіями". Реабилитируя отца Бѣлинскаго, говоря, что онъ любилъ сына, что между ними не было обостренной вражды, Ивановъ, всетаки, не отрицаетъ, что семейная обстановка, окружающая Бѣлинскаго, была тяжелой, что между родителями были раздоры, что мать была вспыльчивой и раздражительной.

Такія свѣдѣнія мы находимъ въ воспоминаніяхъ лицъ, знавшихъ семью Бѣлинскаго.

Что касается біографовъ, то одни изъ нихъ даютъ вполнѣ опредѣленную отрицательную характеристику отца Бѣлинскаго, другіе не высказываются опредѣленно, но склоняются болѣе къ положительной, хотя и отмѣчаютъ дурныя качества. И это наблюдается не только въ старыхъ, но и новѣйшихъ работахъ о Бѣлинскомъ. „Домашняя обстановка, въ которой онъ росъ,—говоритъ Н. О. Лернеръ,—была прямо ужасающая: мало теплоты и привѣта находилъ онъ въ грубой, неинтеллигентной домашней средѣ. Отецъ Бѣлинскаго былъ человѣкъ весьма невысокихъ душевныхъ качествъ, пустой и мелкій" *). Другой новѣйшій изслѣдователь, Ивановъ-Разумникъ, держится иного взгляда. Говоря, что Бѣлинскій не любилъ отца, Ивановъ-Разумникъ замѣчаетъ: „Врядь ли эта ненависть была вполнѣ заслужена: отецъ Бѣлинскаго былъ, повидимому, не заурядный человѣкъ, стоявшій значительно выше окружающей его уѣздной среды" **).

Намъ кажется, что тотъ матеріалъ, которымъ распалагаетъ историкъ литературы, не даетъ возможности составить вполнѣ опредѣленное мнѣніе объ отцѣ критика, которое высказываютъ біографы, часто безъ всякихъ оговорокъ, но, несомнѣнно, въ немъ было не мало отрицательныхъ чертъ и онъ былъ тяжелымъ по характеру человѣкомъ. Гораздо опредѣленнѣе вырисовывается обликъ матери: это была, возможно, добрая по существу женщина, но, несомнѣнно, умственно недалекая, неразвитая, вспыльчивая, раздражительная, своевольная, съ мелкимъ самолюбіемъ, понимавшая всю задачу матери лишь въ томъ, чтобы накормить дѣтей какъ можно больше, особенно сластями.

*) Бѣлинскій. Критико-біографическій очеркъ. М. 1910, стр. 4.

**) Вступительная статья при Сочиненіяхъ Бѣлинскаго, подъ редакціей Иванова—Разумника, т. I, СПБ. 1911.

Но какъ не разнорѣчивы воспоминанія о дѣтствѣ Бѣлинскаго, если объ его отцѣ нельзя составить вполнѣ опредѣленнаго взгляда, то не подлежитъ сомнѣнію, что окружающая ребенка обстановка была тяжелой, атмосфера удушливой. Въ этомъ пунктѣ сходятся всѣ воспоминанія, несмотря на противорѣчія. Подтверждаютъ это и отзывы самого Бѣлинскаго въ его письмахъ. Обладая удивительно добрымъ сердцемъ, онъ повидимому, не питалъ къ родителямъ настоящей злобы, ненавидя ихъ лишь въ минуты высшаго обостренія отношеній, раздраженія; иногда въ письмахъ проглядываетъ жалость, снисходительность, но, несомнѣнно, настоящей сыновней любви, расположенія Бѣлинскій къ родителямъ не испытывалъ. Совершенно опредѣленно письма Бѣлинскаго говорятъ за то, что его дѣтство было тяжелымъ, что родители причиняли не мало страданій чуткой и нѣжной душѣ Бѣлинскаго. Напримѣръ, 16 апрѣля 1840 г. онъ пишетъ Боткину: „Одно меня ужасно терзаетъ: робость моя и конфузливость не ослабѣваютъ, а возрастаютъ въ чудовищной прогрессіи. Нельзя въ люди показаться... истинное Божіе наказаніе. Это доводитъ меня до смертельнаго отчаянія. Что это за дикая странность? Вспомнилъ я разсказъ матери моей. Она была охотница рыскать по кумушкамъ..., я, грудной ребенокъ, оставался съ нянькой, нанятою дѣвкою: чтобъ я не безпокоилъ ее своимъ крикомъ, она меня душила и била. Можетъ быть—вотъ причина. Впрочемъ, я не былъ груднымъ: родился я больнымъ при смерти, груди не бралъ и не зналъ ея..., сосалъ я рожокъ и то, если молоко было прокислое и гнилое—свѣжаго не могъ брать. Потомъ: отецъ меня терпѣть не могъ, ругалъ, унижалъ, придирался, билъ нещадно и площадно—вѣчная ему память. Я въ семействѣ былъ чужой. Можетъ быть-въ этомъ разгадка дикаго явленія. Я просто боюсь людей: общество ужасаетъ меня“. Ранѣе этого письма, 16 декабря 1839 года, Бѣлинскій пишетъ Боткину: „Имѣть отца и мать для того, чтобы смерть ихъ считать моимъ освобожденіемъ, слѣдовательно не утратою, а, скорѣе, пріобрѣтеніемъ, хотя и горестнымъ; имѣть брата и сестру, чтобы не понимать, почему и для чего они мнѣ братъ и сестра, и еще брата, чтобы быть привязаннымъ къ нему какимъ то чувствомъ состраданія—все это не слишкомъ утѣшительно“.

Мы остановились болѣе на обрисовкѣ дѣтства Бѣлинскаго, чѣмъ остановимся на другихъ біографическихъ фактахъ, такъ какъ данныя о дѣтскихъ годахъ являются какъ бы ключемъ къ многимъ его страницамъ, въ которомъ онъ такъ горячо и пламенно обрушивается противъ деспотизма семьи, противъ насилія надъ ребенкомъ и выступаетъ съ горячей проповѣдью любви къ нему, уваженія его личности, считая эти условія главнѣйшими факторами духовнаго развитія. Если эти страницы были выраженіемъ вообще высоко-гуманной личности Бѣлинскаго, ненавидящей всякое насиліе, то намъ кажется, что не

малую роль играли и личныя впечатлѣнія пережитаго. Испытавъ самъ всю тяжесть семейной обстановки, на опытѣ узнавъ, какъ это вредно отражается на духовномъ мірѣ человѣка, страдая такъ много въ дѣтствѣ, Бѣлинскій съ необычайной силой чувства возставалъ противъ насилія надъ ребенкомъ, проповѣдывалъ любовь къ нему. И оттого въ этихъ страницахъ такъ много чувства, что онѣ были результатомъ пережитаго, перечувствованнаго, что дѣтскія страданія оставили глубокій слѣдъ на нѣжной душѣ Бѣлинскаго.

Въ 1820 году Бѣлинскій поступилъ въ Чембарское уѣздное училище. Смотритель Грековъ былъ добрымъ человѣкомъ, но въ общемъ атмосфера въ училищѣ была тяжелая: господствовала схоластика, примѣнялась розга. И въ горячихъ протестахъ Бѣлинскаго противъ этого, которые проходятъ черезъ всѣ его статьи, возможно, что опять таки играло извѣстную роль лично пережитое. Очень цѣнны слѣдующія строчки воспоминаній Иванова, учившагося вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, показывающія какъ рано зародилось въ Бѣлинскомъ то горячее негодованіе противъ тѣлеснаго наказанія и истязанія дѣтей, которое такъ ярко выступаетъ въ его статьяхъ. Ивановъ разсказываетъ объ учителѣ русскаго языка Рубашевскомъ, что это „былъ страстный любитель наказанія, розогъ, которыя онъ употреблялъ въ видѣ ласки, наказывая ими сквозь платье, ради личной потѣхи, совершенно невиннаго и прилежнаго мальчика: отодравши его немилосердно, старался потомъ успокоить поцѣлуями и щекоткою. Когда родители выговаривали учителю за эти выходки, онъ извинялся будущею пользою, плѣнившись вѣроятно системою спартанскаго воспитанія или обычаями своей бурсы. Благородное негодованіе на этотъ вандализмъ Виссаріона возбудило энергическія жалобы къ смотрителю со стороны Григорія Никиф... Надобно замѣтить, что Виссаріонъ никогда не былъ предметомъ этихъ дикихъ любезностей бурсака учителя и вмѣшивался въ дѣло не столько по участію къ товарищамъ, которые были моложе его классомъ, но потому, что находилъ подобные поступки возмутительными“.

Окончивъ уѣздное училище, Бѣлинскій въ 1825 году перешелъ въ Пензенскую гимназію, имѣвшую тогда 4 высшихъ класса.

Въ гимназіи было нѣсколько хорошихъ преподавателей, особенно учитель естественной исторіи Поповъ, о которомъ Бѣлинскій сохранилъ самыя лучшія воспоминанія, но не было недостатка и въ отрицательномъ, зубристикѣ, схоластикѣ. Такъ напримѣръ, объ учителѣ русскаго языка Лажечниковъ разсказываетъ: „Онъ твердо зазубрилъ всѣ возможныя риторики, русскія и латинскія, и даже вздумалъ было преподавать одну изъ нихъ по іезуитскому руководству Лежая. Большею частью забивалъ онъ учениковъ хитрыми упражненіями на фигурахъ и тропахъ, какъ будто училъ выдѣлывать изъ словъ разные

фокусы. Разумѣется, по тогдашнему, онъ училъ и «изобрѣтать» по извѣстнымъ вопросамъ: кто, что и т. д.".

Но нельзя сказать, чтобы Бѣлинскій не былъ оцѣненъ гимназіей: его талантливость, развитіе не по лѣтамъ обратило вниманіе и онъ пользовался расположеніемъ цѣлаго ряда преподавателей. Но гимназія въ общемъ не удовлетворяла Бѣлинскаго и, задумавъ поступить въ университетъ, онъ сталъ въ 3 классѣ приготовлятся къ экзамену, забросивъ гимназію, пропуская уроки. Въ январѣ 1829 года Бѣлинскій былъ вычеркнутъ изъ ученическихъ списковъ 3 класса, но это не было «исключеніе» въ обычномъ смыслѣ слова, онъ былъ вычеркнутъ потому, что пересталъ ходить на уроки.

По свидѣтельству школьнаго товарища Иванисова, въ гимназіи „Бѣлинскій жилъ въ большой бѣдности" *). Ивановъ протестуетъ противъ этого, говоря, что не было той бѣдности, о которой говоритъ Иванисовъ. Но слова послѣдняго подтверждаетъ самъ Бѣлинскій въ письмѣ къ родителямъ отъ 17 февраля 1831 г.: „Вы сами знаете, какъ сладки были лѣта моего младенчества.... Учась въ гимназіи, я жилъ въ бѣдности". Отношенія Бѣлинскаго къ родителямъ въ эпоху пребыванія въ гимназіи оставались холодными, онъ чуждался семьи. По свидѣтельству Иванова, „какъ до поступленія въ гимназію, такъ и во время отпусковъ Бѣлинскій большую часть времени, можно сказать даже ежедневно, проводилъ въ нашемъ домѣ". Это подтверждается и г-жой Щ.: „Отъ невзгодъ семьи Бѣлинскій находилъ убѣжище въ домѣ родной племянницы своего отца жены чембарскаго секретаря уѣзнаго суда Иванова.... Къ родному отцу онъ былъ холоденъ, почти враждебенъ: съ матерью помимо привычныхъ дѣтству инстинктовъ, у него не было никакой разумной связи".

Уже въ уѣздномъ училищѣ въ Бѣлинскомъ проявился большой интересъ къ литературѣ и уже сказались литературныя наклонности: онъ писалъ стихи. Этотъ интересъ и наклонности еще болѣе развились въ гимназіи. Объ этомъ цѣнныя свѣдѣнія сообщаетъ упомянутый уже учитель Поповъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ. Въ письмѣ къ Попову 30 апрѣля 1830 г. Бѣлинскій пишетъ: „Бывши во второмъ классѣ гимназіи, я писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго".

Подводя итоги гимназическаго періода жизни Бѣлинскаго, А. Н. Пыпинъ замѣчаетъ: „Интересъ къ литературѣ, т. е. интересъ къ поэтическому, изящному, былъ у Бѣлинскаго такимъ господствующимъ, что поглощалъ всю его умственную энергію: уже съ этихъ поръ у него не было охоты къ сухимъ и точнымъ изученіямъ, какъ осталось и до конца: онъ отдавался только

*) «Москов. Вѣдом.», 1861, № 135.

тому, что затрагивало его идеальные интересы, возбуждало его энтузіазмъ“... *).

А. Н. Пыпинъ говоритъ, что къ рождеству 1828 года Бѣлинскій „уѣхалъ въ Чембаръ и уже не возвращался въ гимназію“. Но есть указанія на то, что Бѣлинскій нѣкоторое время былъ неоффиціальнымъ преподавателемъ русскаго языка въ гимназіи. „Въ 1829 году, когда я поступилъ въ I-й классъ пензенской гимназіи,—разсказываетъ Буслаевъ,—прежній учитель Русскаго языка выбылъ, а новаго опредѣлить еще не успѣли. Тогда на нѣсколько мѣсяцевъ гимназическое начальство поручило обучать насъ гимназисту Бѣлинскому. Онъ уже кончилъ курсъ въ это время, но оставался въ Пензѣ, потому что не имѣлъ средствъ ѣхать въ Москву, гдѣ намѣревался поступить въ университетъ. Онъ много намъ диктовалъ и заставлялъ насъ учить наизусть стихи, изъ которыхъ какъ сейчасъ помню: „О, дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта“ и „О, ты, пространствомъ безконечный“ **).

В. Быстренинъ, напечатавшій статью о пребываніи Бѣлинскаго въ гимназіи на основаніи архивныхъ матеріаловъ ***), считая разсказъ Буслаева достовѣрнымъ, замѣчаетъ: „Надо, впрочемъ, обратить вниманіе на нѣкоторую неточность даты, обозначенной Буслаевымъ,—въ 1829 году, когда я поступилъ и т. д.... Съ февраля 1829 года фамилія Бѣлинскаго въ спискахъ учениковъ болѣе не встрѣчается, слѣдовательно, періодъ учительства Бѣлинскаго можетъ быть отнесенъ ко времени съ января по іюнь 1829 г., а для этого Буслаевъ, бывшій тогда въ первомъ классѣ, долженъ быль поступить въ гимназію въ 1828 году, а не въ 1829 г. И это соображеніе вполнѣ подтверждается полугодичной вѣдомостью за 1828—1829 учебный годъ, гдѣ указано, что Ѳедоръ Буслаевъ 12-ти лѣтъ поступилъ 1-го августа 1828 въ I-й классъ“.

Хотя разсказъ Буслаева фактически не подтвержденъ, но за достовѣрность его говоритъ то обстоятельство, что Бѣлинскій въ гимназіи обратилъ всеобщее вниманіе обширными литературными познаніями, занималъ, какъ ученикъ, особое положеніе въ виду своихъ выдающихся способностей. Поэтому ничего невѣроятнаго нѣтъ въ томъ, что ему, уволенному изъ 3-го класса, поручили преподаваніе, тѣмъ болѣе, что въ это время сильно ощущался недостатокъ въ учителяхъ, особенно въ провинціи.

Въ 1829 году Бѣлинскій поступилъ въ Московскій университетъ на словесный факультетъ. Въ 1830 году имъ была написана драма „Дмитрій Калининъ“, въ которой онъ съ большой силой обрушился на крѣпостное право. Представивъ драму въ началѣ 1831 г. въ цензуру, состоящую тогда изъ профес-

*) Бѣлинскій, 2-е изд. стр. 28.

**) Зеленецкій. Историческій очеркъ Пензенской I-й гимназіи. Пенза. 1889.

***) «Новости», 1898, 27 января.

соровъ университета, Бѣлинскій навлекъ ихъ гнѣвъ за „дерзость“, драма была признана „безнравственной“, „позорящей университетъ“. Послѣ этого администрація университета стала преслѣдовать Бѣлинскаго, смотрѣть на него какъ на опаснаго человѣка. Въ сентябрѣ 1832 года Бѣлинскій былъ уволенъ по „ограниченности способностей“ изъ университета. Въ увольненіи, какъ смотрятъ многіе изслѣдователи, сыграла не малую роль драма.

Въ университетѣ Бѣлинскій всецѣло былъ поглощенъ литературными интересами и театромъ, вращался въ знаменитомъ кружкѣ Станкевича, гдѣ эти интересы царили всецѣло.

Отмѣтимъ еще, что уже на первомъ курсѣ университета Бѣлинскій интересовался педагогіей, о чемъ свидѣтельствуетъ написанное имъ въ 1829 году „Разсужденіе о воспитаніи“. И этотъ интересъ сохранился въ Бѣлинскомъ всю жизнь, всегда онъ живо интересовался педагогическими вопросами, постоянно касаясь ихъ въ своихъ статьяхъ.

Къ эпохѣ студенчества относится и появленіе Бѣлинскаго въ печати. Въ 1832 году онъ помѣстилъ въ „Листкѣ“ стихотвореніе „Русская быль“ и маленькую замѣтку о „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина.

Уволенный изъ университета Бѣлинскій очень бѣдствовалъ матеріально и искалъ литературной работы и уроковъ, стремился отправиться „на кондицію“, но безуспѣшно. Матеріальное положеніе нѣсколько улучшилось лишь въ 1833 году, когда, познакомившись съ Надеждинымъ, Бѣлинскій получилъ переводную работу въ издаваемыхъ Надеждинымъ „Молвѣ“ и „Телескопѣ“. Но работа эта, всетаки, давала очень мало средствъ и Бѣлинскій искалъ учительской работы, между прочимъ хотѣлъ получить мѣсто уѣзднаго учителя въ Бѣлорусскій учебный округъ.

„Въ то время,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—пріѣхалъ въ Москву попечитель этого округа Карташевскій, къ которому Бѣлинскій и получилъ рекомендацію отъ Надеждина. Въ концѣ апрѣля 1833 года Бѣлинскій подалъ Карташевскому оффиціальную просьбу. Тогда именно принимались особенныя заботы объ устройстѣ Бѣлорусскаго округа, о снабженіи его русскими учителями, для привлеченія которыхъ давались имъ нѣкоторыя служебныя преимущества: пребываніе Карташевскаго въ Москвѣ, вѣроятно, имѣло цѣлью именно пріисканіе учителей. Но планъ Бѣлинскаго все-таки не состоялся. Карташевскій обѣщалъ —впредь до открытія новыхъ уѣздныхъ училищъ — дать ему мѣсто приходскаго учителя, съ жалованіемъ 400 р. асс. Дѣло затянулось: Карташевскій взялъ бумаги Бѣлинскаго и уѣхалъ, но мѣста не давалъ. Бѣлинскій возобновилъ еще разъ свою просьбу, но, не получая отвѣта, вытребовалъ, наконецъ, свои бумаги и, несмотря на новыя обѣщанія Карташевскаго дать ему лучшее мѣсто, совсѣмъ отказался отъ намѣренія ѣхать въ

Бѣлоруссію“ *). Затѣмъ Бѣлинскій искалъ мѣста въ Московскомъ учебномъ округѣ. Не получивъ, Бѣлинскій сталъ давать частные уроки, благодаря содѣйствію Надеждина. Матеріальное положеніе стало улучшаться.

Въ 1834 году Бѣлинскій выступилъ въ „Молвѣ“ съ знаменитыми „Литературными мечтаніями“, обратившими сразу вниманіе на него литературныхъ круговъ и давшими литературное имя. „Литературныя мечтанія“, по свидѣтельству Прозорова, доставили Бѣлинскому массу уроковъ, ему приходилось даже отказываться отъ предложеній.

Работа Бѣлинскаго въ „Молвѣ“ и „Телескопѣ“ Надеждина съ каждымъ днемъ дѣлалась интенсивнѣе. Весной 1835 года Надеждинъ, уѣхавъ изъ Петербурга, передалъ веденіе журналовъ Бѣлинскому, который руководилъ журналами около полугода, отдавшись работѣ всецѣло.

Послѣ запрещенія въ 1836 году „Телескопа“ за напечатаніе извѣстнаго „Философическаго письма“ Чаадаева, Бѣлинскій остался безъ заработка и ужасно бѣдствовалъ. Къ этому времени относится работа Бѣлинскаго надъ грамматикой, которую онъ задумалъ еще въ 1834 году.

Бѣлинскій уже тогда интересовался этой областью и показателемъ этого является большая рецензія о грамматикѣ Калайдовича и работа надъ переводомъ французской грамматики Сильверста де-Саси. Переводъ этотъ не былъ напечатанъ **)

Составивъ грамматику, Бѣлинскій обратился къ попечителю Московскаго учебнаго округа съ просьбой напечатать ее на казенной счетъ, думая, что его трудъ будетъ признанъ подходящей учебной книгой. Составленіемъ грамматики Бѣлинскій имѣлъ въ виду поправить свои матеріальныя дѣла. Книга была не одобрена, какъ учебникъ, но Бѣлинскій, вѣря въ ея успѣхъ, издалъ на свой счетъ въ 1837 году подъ заглавіемъ „Основанія русской грамматики для первоначальнаго обученія“.

Появленіе грамматики печать привѣтствовала, признала книгу заслуживающей вниманія. Константинъ Аксаковъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ (1834, № 1) назвалъ книгу Бѣлинскаго „примѣчательной въ нашей ученой литературѣ“, хотя во многомъ не соглашался съ Бѣлинскимъ. Анонимный рецензентъ „Литературныхъ прибавленій къ „Русскому Инвалиду“ (1837, № 36 и 37), обнаруживъ большую компетентность въ данной области, говорилъ, что „грамматика Бѣлинскаго есть пріятное явленіе въ нашей литературѣ, бѣдной хорошими книгами для первоначальнаго обученія, и съ большой пользою можетъ быть употреблена преподавателями русскаго языка, несмотря на существующія уже руководства гг. Греча и Востокова“, находилъ, что „раціональная, основанная на твердыхъ началахъ „Грам-

*) Бѣлинскій, 2-е изд. стр. 67.

**) Сочиненія Бѣлинскаго подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 28—42, т. III, стр. 512.

матика“ г-на Бѣлинскаго составляетъ довольно значительное пріобрѣтеніе науки о Русскомъ Словѣ“. Даже Сенковскій, находившійся въ худыхъ отношеніяхъ съ Бѣлинскимъ, писалъ: „Съ удовольствіемъ замѣчаемъ появленіе новой Русской грамматики. Мы не думаемъ, чтобы трудъ Г. Бѣлинскаго годился „для первоначальнаго обученія“ уже и потому, что онъ слишкомъ огроменъ: но тутъ есть много дѣльнаго“. („Библ. для чтенія“, 1837, т. 23, отд. VI, стр. 18).

Полевой сказалъ Кольцову о Грамматикѣ Бѣлинскаго: „Она для дѣтей, а вовсе не дѣтская: эта грамматика болѣе философская. Дѣти ея не поймутъ“ *). Съ этимъ мнѣніемъ Полевого можно согласиться. Дѣйствительно, Грамматика Бѣлинскаго недоступна для учениковъ. Но какъ Грамматика вообще, книга Бѣлинскаго для своего времени, по мнѣнію знатока этой области проф. С. К. Булича, стояла не ниже грамматики Греча, пользовавшейся тогда большимъ научнымъ именемъ **).

Мало пригодная, какъ учебная книга, Грамматика Бѣлинскаго не пошла, не окупила расходовъ и онъ впалъ въ долги, матеріальное положеніе еще болѣе обострилось, къ этому присоединилась болѣзнь. Благодаря содѣйствію друзей, Бѣлинскій провелъ лѣто 1837 года на Кавказѣ.

Видя, очевидно, тяжелое матеріальное положеніе Бѣлинскаго, С. Т. Аксаковъ, бывшій тогда директоромъ Константиновскаго Межевого института, въ началѣ 1838 года предложилъ Бѣлинскому давать уроки русскаго языка. 10 марта Бѣлинскій писалъ Аксакову: „Съ удовольствіемъ принимаю предложеніе Ваше преподавать русскій языкъ въ двухъ старшихъ классахъ Константиновскаго Межевого Института, по 9 часовъ въ недѣлю, съ жалованіемъ по 1300 рублей въ годъ, о чемъ и имѣю честь Васъ увѣдомить“. 18 марта Аксаковъ сообщаетъ попечителю Института, что на мѣсто преподавателя русскаго языка пригласилъ „извѣстнаго мнѣ своей грамматикой, принятой съ большимъ одобреніемъ знатоками филологіи, и своимъ знаніемъ русской словесности, а равно литературными по сей части трудами, неслужащаго дворянина г. Бѣлинскаго, который изъявилъ согласіе преподавать русскій языкъ въ двухъ старшихъ классахъ института по 9 часовъ въ недѣлю съ жалованьемъ, производившимся его предмѣстнику, по тысячѣ триста рублей въ годъ“.

Черезъ двѣ недѣли Аксаковъ просилъ попечителя принять Бѣлинскаго на дѣйствительную службу „ибо онъ оказалъ отличныя способности въ преподаваніи“. „Имѣя въ виду,—пишетъ главный директоръ 9 іюня 1838 г.,—съ одной стороны удостовѣреніе г. Аксакова, что Бѣлинскій при сдѣланномъ ему испытаніи, оказался способнымъ къ преподаванію воспитанникамъ

*) Письмо Кольцова къ Бѣлинскому 21 февраля 1838 г.—Сочиненія Кольцова, изд. Академіи Наукъ, стр. 175. СПБ. 1909.

**) Сочиненія Бѣлинскаго, подъ редакціей С. А. Венгерова, т. III. стр. 514.

межевого института русскаго языка, и что онъ извѣстенъ сочиненной имъ грамматикой, принятой съ большимъ одобреніемъ, но съ другой, принимая въ соображеніе, что согласно § 320 Высочайше утвержденнаго 8 декабря 1828 года Устава учебныхъ заведеній даже учителя частныхъ учебныхъ заведеній обязаны имѣть свидѣтельства отъ университета, или, по крайней мѣрѣ, отъ гимназіи, на право преподаванія тѣхъ наукъ, коимъ намѣрены обучать,—какового свидѣтельства о Бѣлинскомъ не представлено,—я не считаю себя въ правѣ утвердить нынѣ его, Бѣлинскаго, въ должности учителя русскаго языка при институтѣ, а полагаю возможнымъ дозволить ему продолжать преподаваніе сего предмета по найму".

22 октября Бѣлинскій писалъ къ Аксакову: „Непредвидѣнныя обстоятельства лишаютъ меня возможности продолжать мои уроки въ классахъ Межевого института, почему и прошу Васъ покорнѣйше дать мнѣ отъ нихъ увольненіе". Съ 1 ноября мѣсто Бѣлинскаго занялъ уже другой преподаватель. Такимъ образомъ Бѣлинскій занимался съ марта по конецъ октября 1838 года *).

Отказъ Бѣлинскаго, повидимому, былъ обусловленъ тѣмъ, что къ этому времени онъ, вставъ во главѣ „Московскаго Наблюдателя", всецѣло опять отдался любимой литературной дѣятельности.

Насколько позволяютъ судить имѣющіяся біографическія данныя, преподаваніе въ Межевомъ институтѣ было послѣднимъ эпизодомъ педагогической дѣятельности Бѣлинскаго; больше къ ней онъ уже не возвращался.

Работа въ „Московскомъ Наблюдателѣ" не улучшила матеріальнаго положенія Бѣлинскаго, онъ продолжалъ нуждаться. Участіе его въ „Московскомъ Наблюдателѣ" продолжалось не долго. Въ октябрѣ 1839 года Бѣлинскій переѣхалъ въ Петербургъ и сталъ энергично работать въ „Отечественныхъ Запискахъ" Краевскаго. Благодаря участію Бѣлинскаго, этотъ журналъ вскорѣ занялъ первенствующее положеніе въ современной журналистикѣ, а работа въ немъ поставила Бѣлинскаго на первое мѣсто въ критикѣ.

Въ 1843 году Бѣлинскій женился.

Работа въ „Отечеств. Запискахъ" была для Бѣлинскаго тяжелой, издатель Краевскій требовалъ отъ него непосильной работы, оплачивая ее очень плохо. Наконецъ, Бѣлинскій рѣшился порвать съ Краевскимъ, и въ 1846 году оставилъ „Отечеств. Записки", начавъ работать въ „Современникѣ", пріобрѣтеннымъ въ этомъ году Некрасовымъ и Панаевымъ. Работа въ

---

*) О преподаваніи Бѣлинскаго въ Межевомъ Институтѣ извѣстно очень мало. Немногія приведенныя нами свѣдѣнія извлечены изъ архива Института Н. Л. Волковымъ: «В. Г. Бѣлинскій, какъ преподаватель Межевого Института».—Памятная книжка Константиновскаго Межевого Института за 1901—1902 г. и отдѣльно М. 1903.

„Современникѣ“ не улучшила матеріальнаго положенія Бѣлинскаго, здоровье было окончательно расшатано усиленной работой. Благодаря содѣйствію друзей, Бѣлинскій лѣто 1847 года провелъ заграницей. Вернувшись въ сентябрѣ въ Петербургъ, онъ энергично принялся за работу, но силы слабѣли съ каждымъ днемъ и 26 мая 1848 года Бѣлинскій умеръ. *)

Закончивъ обрисовку жизни Бѣлинскаго, отмѣтимъ, что въ біографическомъ о немъ матеріалѣ очень много опредѣленныхъ указаній на то, что Бѣлинскій горячо любилъ дѣтей. Такимъ образомъ, та горячая любовь къ дѣтямъ, которую проповѣдывалъ въ своихъ сочиненіяхъ Бѣлинскій, была личнымъ его чувствомъ.

Ивановъ въ своихъ воспоминаніяхъ свидѣтельствуетъ, что Бѣлинскій „очень любилъ дѣтей“. Объ этомъ разсказываютъ и другія лица, знавшія критика. Трогательный разсказъ объ этой любви Бѣлинскаго къ дѣтямъ мы находимъ у Герцена въ „Быломъ и Думахъ“: „Притѣсняемый денежно литературными подрядчиками, притѣсняемый нравственно цензурой, окруженный въ Петербургѣ людьми малосимпатичными, снѣдаемый болѣзнью, для которой балтійскій климатъ былъ убійственень, Бѣлинскій становился раздражительнѣе и раздражительнѣе. Онъ чуждался постороннихъ, былъ до дикости застѣнчивъ и иногда недѣли цѣлыя проводилъ въ мрачномъ бездѣйствіи... Часто, выбившись изъ силъ, приходилъ онъ отдыхать къ намъ, лежа на полу съ двухлѣтнимъ ребенкомъ онъ игралъ съ нимъ цѣлыя часы“. Этотъ разсказъ Герцена чрезвычайно знаменателенъ: больной, раздраженный, обезсиленный Бѣлинскій находилъ отраду въ ребенкѣ!

Горячо любя дѣтей вообще, Бѣлинскій очень любилъ свою дочь Ольгу, родившуюся въ 1845 году. Это особенно видно изъ писемъ Бѣлинскаго 1846—1847 гг. къ женѣ.

Подведемъ теперь итоги тому, что извѣстно о Бѣлинскомъ, какъ педагогѣ-практикѣ.

Чѣмъ былъ обусловленъ тотъ фактъ, что Бѣлинскій давалъ уроки, искалъ учительскаго мѣста—имѣлъ ли онъ къ этому призваніе и любовь, или же исключительно играло роль добываніе средствъ къ жизни? А. Н. Пыпинъ склоненъ къ послѣднему заключенію, говоря, что „Бѣлинскій не имѣлъ педагогическаго призванія и не выносилъ учительства“. Н. О. Лернеръ тоже замѣчаетъ, что Бѣлинскій „за преподаваніе брался неохотно“. Дѣйствительно, сохранившіяся біографическія данныя приводитъ къ заключенію, что Бѣлинскій не чувствовалъ призванія къ учительской дѣятельности и, если занимался ею, то въ

*) Въ нашу задачу не входило давать подробную біографію Бѣлинскаго, мы остановились лишь на главнѣйшихъ біографическихъ фактахъ. Въ концѣ книги мы укажемъ наиболѣе заслуживающіе вниманія труды о жизни, дѣятельности, міросозерцаніи и взглядахъ Бѣлинскаго.

виду стѣсненнаго матеріальнаго положенія, уроки—были средство къ существованію. И это было при несомнѣнномъ интересѣ Бѣлинскаго не только къ педагогическимъ вопросамъ вообще, но и къ преподаваемымъ предметамъ—грамматикѣ и русскому языку. Бѣлинскій брался за учительскую дѣятельность лишь тогда, когда матеріальное положеніе было тяжело. Какъ только оно немного поправлялось, Бѣлинскій оставлялъ это поприще. Сохранилось свидѣтельство самого Бѣлинскаго, что учительскій трудъ не привлекалъ его. Въ 1837 году, надѣясь получить литературную работу въ изданіяхъ Полевого, Бѣлинскіи въ одномъ письмѣ, 21 ноября 1837 года, пишетъ: „Если это дѣло не состоится, тогда останется мнѣ одинъ источникъ содержанія—уроки. Горькая участь! Она грозитъ и душѣ и тѣлу, потому что то и другое тупѣетъ отъ насильственныхъ занятій". Въ этихъ словахъ—настоящее отвращеніе къ педагогической дѣятельности.

Отмѣтимъ, что въ другомъ письмѣ 10 сентября 1838 года къ Бакунину Бѣлинскій выражаетъ удовлетвореніе учительскою дѣятельностью. Письмо это относится къ эпохѣ преподаванія въ Межевомъ Институтѣ. „Съ ненасытнымъ любопытствомъ вглядываюсь я въ эти пружины, въ эти средства, по наружности столь грубыя, пошлыя и прозаическія, которыми созидается эта польза, не блестящая, не замѣтная, если не слѣдить за ея развитіемъ во времени, неуловимая для поверхностнаго взгляда, но великая и благодатная своими слѣдствіями для общества. Пока есть сила, я самъ рѣшаюсь на все, чтобы принести на алтарь общественнаго блага и свою лепту. Къ намъ пріѣхалъ попечитель, назначилъ у себя въ комнатахъ экзамены выпускнымъ ученикамъ: я ожидалъ своего экзамена безъ робости, безъ безпокойства, сдѣлалъ его со всѣмъ присутствіемъ духа, смѣло, хорошо: попечитель меня обласкалъ, я говорилъ съ нимъ и—не узналъ самого себя... Да, дѣйствительность вводитъ меня въ дѣйствительность. Смотря на каждаго не по ранѣе заготовленной теоріи, а по даннымъ, имъ же самимъ представленнымъ, я начинаю умѣть становиться къ нему въ настоящія отношенія, и потому мною всѣ довольны, и я всѣми доволенъ".

Если это письмо говоритъ о томъ, что Бѣлинскій былъ искренне удовлетворенъ учительской работой, то не надо забывать, что оно написано въ ту эпоху, когда Бѣлинскій принялъ дѣйствительность во всемъ ея цѣломъ, когда примиреніе съ ней, удовлетвореніе ею возвелъ въ догматъ, въ главное положеніе нравственнаго кодекса.

Такимъ образомъ, это письмо не можетъ поколебать того общаго заключенія, выносимаго изъ сохранившагося матеріала объ учительской дѣятельности Бѣлинскаго, что онъ не чувствовалъ къ ней призванія.

Къ сожалѣнію, сохранилось очень мало данныхъ, чтобы можно было вполнѣ очертить Бѣлинскаго, какъ педагога-прак-

тика вообще, и въ частности, какъ учителя и воспитателя-практика, выяснить какимъ онъ былъ въ этой роли, какъ велъ обученіе и воспитаніе.

Въ письмѣ къ Бакунину 16 августа 1837 года Бѣлинскій пишетъ: „Я взялъ къ себѣ брата, котораго отъ души люблю, который много обѣщаетъ въ будущемъ, чтобы передать ему все, что есть во мнѣ хорошаго и предохранить его отъ всего, что есть во мнѣ дурного, чтобы развить въ немъ его прекрастные элементы, словомъ, чтобы создать человѣка по духу и истинѣ. Чтобы ему было не скучно, чтобы онъ съ юныхъ лѣтъ имѣлъ друга, я взялъ къ себѣ племянника, котораго впрочемъ люблю для самого него и для котораго хотѣлъ сдѣлать по возможности все тоже, что и для брата. А сдѣлать все это я могъ не иначе, какъ любовью, какъ пріобрѣтая ихъ довѣренность, сдружившись съ ними, занимаясь съ ними и наукою и бесѣдами. И чтоже? Я не успѣлъ ни въ чемъ. Видя ихъ дурно накормленными, еще хуже одѣтыми, мучимой моими нуждами, сознаніемъ своего паденія, я одичалъ въ семействѣ и вмѣсто дружбы и откровенности возбудилъ въ нихъ къ себѣ что то въ родѣ боязливаго уваженія. Вмѣсто того, чтобы съ любовью и кротостью исправлять недостатки брата, происходящіе отъ его пылкаго характера и дурного воспитанія, въ которомъ онъ нисколько не виноватъ, я ругалъ его, какъ пьяный сапожникъ; доводимый до ожесточенія моими неудачами, не зная языковъ, недалекій въ наукѣ, я не могъ и такъ много сдѣлать для нихъ: но занятый то своими безплодными дѣлами, то дѣйствительностью своего положенія, я жилъ большею частью внѣ своего дома и, приходя домой, запирался въ кабинетъ и, бѣдные, они даже не ждали меня за столомъ, потому что я обѣдалъ особенно. Учителей дать имъ я былъ не въ состояніи. Племянника я только отвратилъ безполезно отъ бѣднаго, но вѣрнаго пути, который ему былъ назначенъ родными его... И что всему этому причиною? Неаккуратность, безпорядокъ жизни, неосновательныя надежды на будущее“.

Это мѣсто изъ письма Бѣлинскаго очень цѣнно для характеристики его какъ педагога-практика, для обрисовки того какъ смотрѣлъ на его задачи Бѣлинскій. Мы видимъ, что Бѣлинскій на первый планъ выдвигалъ моральное воздѣйствіе, главнѣйшими воспитательными орудіями выставляя любовь, тѣсное дружественное отношеніе между ученикомъ и воспитателемъ, что его воспитательнымъ идеаломъ было „создать человѣка по духу и истинѣ“, что онъ большое воспитательное и образовательное значеніе видѣлъ въ дружественной бесѣдѣ. Эти самые идеалы и взгляды Бѣлинскій высказываетъ и въ сочиненіяхъ. И то, что мы знаемъ о Бѣлинскомъ, какъ педагогѣ-практикѣ, показываетъ, что и въ своей практической педагогической дѣятельности онъ обращалъ главное вниманіе именно на это. Какъ педагогъ-практикъ Бѣлинскій вырисовы-

вается въ такихъ очертаніяхъ: признавая постановку тогдашняго школьнаго дѣла нелѣпой, относясь отрицательно къ господствующей въ ней системѣ обученія, Бѣлинскій не чувствовалъ расположенія къ своей роли, какъ учителя, относился халатно къ своимъ непосредственнымъ учительскимъ задачамъ, не обращалъ должнаго вниманія на обученіе въ узкомъ смыслѣ этого слова. Бѣлинскій самъ вынесъ очень мало изъ школы, ученіе въ ней ему дало мало, онъ пріобрѣлъ любовь къ знанію, къ литературѣ, наукѣ, его духовныя силы развились внѣ вліянія школьнаго ученія, а путемъ чтенія, саморазвитія, самоуглубленія, размышленій. И Бѣлинскій, прекрасно сознавая это, имѣя передъ собою личный опытъ, занамаясь педагогической дѣятельностью, преподаваніемъ, обращалъ главное вниманіе на развитіе духовныхъ силъ ученика, способности критически разбираться въ дѣйствительности, на возбужденіе духовныхъ интересовъ, любви къ знанію, истинѣ, халатно относясь, какъ уже замѣчено, къ ученію въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Какъ мы видѣли выше, С. Т. Аксаковъ считалъ, что Бѣлинскій „оказалъ отличныя способности въ преподаваніи“. Но не надо забывать, что Аксаковъ давалъ этотъ отзывъ въ оффиціальной бумагѣ, возможно выражая такой взглядъ лишь потому, что предоставленіемъ мѣста Бѣлинскому въ Межевомъ Институтѣ хотѣлъ помочь человѣку, къ которому чувствовалъ расположеніе. Возможно, наконецъ, и другое: Аксаковъ примѣнялъ сравнительную точку зрѣнія, считая Бѣлинскаго подходящимъ преподавателемъ лишь по сравненію съ другими; нужно не забывать общій низкій уровень тогдашнихъ преподавателей. Быть можетъ, какъ преподаватель, Бѣлинскій привлекалъ Аксакова не столько умѣлымъ преподаваніемъ, сколько тѣмъ, что умѣлъ возбудить духовныя силы, интересъ къ литературѣ, вліять на духовное развитіе.

Въ приведенномъ выше письмѣ Бѣлинскаго о преподаваніи въ Межевомъ Институтѣ онъ говоритъ объ успѣшности своихъ занятій. Но, какъ уже отмѣчено, это письмо написано въ эпоху примиренія съ дѣйствительностью, когда Бѣлинскій склоненъ былъ видѣть ее не въ истинномъ свѣтѣ, а чрезъ призму своихъ субъекивныхъ ощущеній. Въ такую эпоху вполнѣ вѣроятно, Бѣлинскому казалось, что онъ хорошій преподаватель.

Въ архивѣ Межевого Института не сохранилось никакихъ данныхъ, которыя бы освѣщали дѣятельность Бѣлинскаго, какъ преподавателя. Всѣ же другія данныя о педагогической дѣятельности его говорятъ за то, что онъ былъ плохимъ учителемъ-практикомъ. Это подтверждаетъ и Грамматика Бѣлинскаго. Мы знаемъ, что эта область очень интересовала Бѣлинскаго. Его грамматика была написана спеціально какъ учебная книга „для первоначальнаго обученія“. И Бѣлинскій былъ убѣжденъ, что она дѣйствительно, соотвѣтствуетъ этой цѣли, но, при всѣхъ ея достоинствахъ, какъ грамматики вообще, она очень мало

пригодна для обученія дѣтей. Это показываетъ какимъ плохимъ практикомъ-учителемъ былъ Бѣлинскій даже въ той области, которой онъ особенно интересовался.

Самъ Бѣлинскій, какъ мы видѣли, въ письмѣ къ Бакунину признаетъ свою несостоятельность, какъ учителя-практика.

Но какимъ-же былъ Бѣлинскій, какъ воспитатель-практикъ. Въ томъ же письмѣ самъ онъ указываетъ на свою несостоятельность не только какъ учителя, но и какъ воспитателя-практика. Но это признаніе было сдѣлано въ эпоху мучительнаго душевнаго кризиса, внутренняго разлада. Возможно, что въ это время, дѣйствительно, Бѣлинскій, какъ воспитатель оказался несостоятельнымъ, но вообще сохранившіяся данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что если онъ былъ плохимъ учителемъ-практикомъ, если его уроки не способствовали учебнымъ успѣхамъ его учениковъ, то зато онъ высоко стоялъ какъ воспитатель въ широкомъ смыслѣ слова, способствуя умственному и нравственному развитію, пробуждая духовныя силы, любовь къ знанію, развивая способность критически мыслить и разбираться въ окружающей дѣйствительности. Объ этомъ свидѣтельствуютъ воспоминанія К. Д. Кавелина, котораго Бѣлинскій подготовлялъ къ университету. „Училъ онъ меня плохо,—разсказываетъ Кавелинъ,—задавалъ по книжкѣ, выслушивалъ разсѣянно, безъ дополненій и поясненій (на одномъ урокѣ, когда мы были вдвоемъ, онъ мнѣ по секрету объявилъ что де Екатерина II вовсе не была такая великая безупречная женщина, какъ объ ней разсказываютъ: это произвело на меня очень сильное впечатлѣніе) и, наконецъ, предоставилъ меня собственной судьбѣ, говоря, что я юноша умный и съ учебникомъ справлюсь самъ. Но насколько онъ былъ плохой педагогъ, мало знающій предметъ, которому училъ, настолько онъ благотворно дѣйствовалъ на меня возбужденіемъ умственной дѣятельности, умственныхъ интересовъ, уваженія и любви къ знанію и нравственнымъ принципамъ. Мы занимались съ нимъ больше разговорами, въ которыхъ не было ничего педагогическаго въ школьномъ смыслѣ, и я только по счастливой случайности не провалился на экзаменѣ, но эти разговоры оставили во мнѣ гораздо больше, чѣмъ детальное и аккуратное знаніе учебника и руководствъ... Въ чемъ собственно состояли наши разговоры, этого я рѣшительно не помню... Вообще критическое отношеніе ко всей окружающей меня дѣйствительности, соціальной, религіозной и политической, благодаря Бѣлинскому, во мнѣ засѣло, хотя въ очень наивной, неопредѣленной и мечтательной формѣ... Неопредѣленныи стремленія были и прежде во мнѣ, но теперь, благодаря Бѣлинскому, путь ихъ быль намѣченъ“.

Итакъ, послѣ всего сказаннаго, подводя итоги дѣятельности Бѣлинскаго какъ педагога-практика, нужно расчленить ее на двѣ части: Бѣлинскій былъ плохимъ учителемъ-практикомъ, но не плохимъ воспитателемъ-практикомъ.

19847

И намъ кажется, что если Бѣлинскому была непріятна педагогическая работа, то только *обученіе* въ узкомъ смыслѣ слова, но не *воспитаніе*: къ этой сторонѣ педагогической дѣятельности онъ относился съ вниманіемъ и любовью, эта сторона интересовала его.

Бѣлинскій былъ плохимъ учителемъ, несмотря на то, что въ своихъ сочиненіяхъ обнаружилъ вѣрное пониманіе задачъ обученія, что имѣлъ большой интересъ къ преподаваемымъ предметамъ—грамматикѣ и русскому языку.

Мы наблюдаемъ здѣсь явленіе, которое часто встрѣчается въ жизни: прекрасный теоретикъ-педагогъ и хорошій воспитатель-практикъ бываетъ очень плохимъ преподавателемъ.

Такимъ и былъ Бѣлинскій, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ педагоговъ-писателей, имѣющій громадное значеніе въ исторіи развитія русской педагогической мысли, внесшій много цѣнныхъ вкладовъ въ русскую педагогію, всегда живо интересовавшійся вопросами воспитанія и обученія.

А. Фоминъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

БѢЛИНСКАГО.

1829 г.

1. Разсужденіе о воспитаніи [1]).

— — Отъ воспитанія человѣкъ можетъ сдѣлаться или добродѣтельнымъ Сократомъ, или развращеннымъ Нероном.— —Отъ хода обстоятельствъ (направляемыхъ воспитаніемъ) человѣкъ можетъ умомъ своимъ или уподобиться ангеламъ и возвышаться мыслію, подобно орлу быстропарящему, или быть подобнымъ безсловеснымъ животнымъ и пресмыкаться въ прахѣ, подобно червю презрѣнному.— —Счастливы тѣ молодые люди, которые имѣютъ случаи, подъ руководствомъ опытныхъ ученыхъ, добродѣтельныхъ и образованныхъ наставниковъ усовершенствовать себя и предуготовить къ опасному, хотя и непродолжительному пути по трудной дорогѣ жизни.— —

1830—1831 г.

2. «Дмитрій Калининъ».

Юношеская драма Бѣлинскаго [2]).

1833 г.

3. Переводъ статьи Карла Нодье: «Воспитаніе женщинъ» [3]).

1834 г.

4. Литературныя Мечтанія.

— —*Карамзинъ* предположилъ себѣ цѣлію—*пріучить, пріохотить Русскую публику къ чтенію.* Спрашиваю васъ: можетъ ли призваніе художника согласиться съ какой-нибудь заранѣе предположенной цѣлью, какъ бы ни была прекрасна эта цѣль? Этого мало: можетъ ли художникъ унизиться, нагнуться, такъ сказать, къ публикѣ, кото-

---

[1]) О порядкѣ расположенія статей, принятомъ текстѣ, значеніи знаковъ (* и — —) см. въ Предисловіи въ книгѣ.

[2]) Въ этой драмѣ, очень цѣнной для исторіи духовнаго развитія Бѣлинскаго, онъ, затронувъ цѣлый рядъ соціальныхъ, философскихъ, этическихъ и религіозныхъ вопросовъ, коснулся между прочимъ и воспитанія, далъ характеристику взглядовъ на него тогдашней семьи. Не печатая здѣсь «Дмитрія Калинина», какъ драматическое произведеніе, мы въ примѣчаніяхъ отмѣтимъ значеніе драмы для характеристики педагогическихъ идей Бѣлинскаго.

[3]) Не приводимъ этой статьи, какъ не оригинальной, и переводной но упоминаемъ о ней, такъ какъ выборъ этой статьи Бѣлинскимъ для перевода на русскій языкъ интересенъ для обрисовки его взглядовъ на женское воспитаніе, о чемъ см. примѣчанія.

рая была бы ему по колѣна, и потому не могла бы его понимать! Положимъ, что и можетъ; тогда другой вопросъ: можетъ ли онъ въ такомъ случаѣ остаться художникомъ въ своихъ созданіяхъ? Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ. Кто объясняется съ ребенкомъ, тотъ самъ дѣлается на это время ребенкомъ. *Карамзинъ* писалъ для дѣтей и писалъ по-дѣтски: удивительно ли, что эти дѣти, сдѣлавшись взрослыми, забыли его и, въ свою очередь, передали его сочиненія своимъ дѣтямъ? Это въ порядкѣ вещей: дитя съ довѣрчивостію и съ горячей вѣрой слушало разсказы своей старой няни, водившей его на помочахъ, о мертвецахъ и привидѣніяхъ, а, выросши, смѣется надъ ея разсказами. Вамъ порученъ ребенокъ: смотрите же, что этотъ ребенокъ будетъ отрокомъ, потомъ юношей, а тамъ и мужемъ, и потому слѣдите за развитіемъ его дарованій и, сообразно съ нимъ, перемѣняйте методу вашего ученья, будьте всегда выше его, иначе вамъ худо будетъ: этотъ ребенокъ станетъ въ глаза смѣяться надъ вами. Уча его, еще больше учитесь сами, а не то онъ перегонитъ васъ: дѣти растутъ быстро. Теперь скажите, по совѣсти, sine ira et studio, какъ говорятъ наши записные ученые: кто виноватъ, что какъ прежде плакали надъ «Бѣдной Лизой», такъ нынѣ смѣются надъ нею? Воля ваша, гг. поклонники *Карамзина*, а я скорѣе соглашусь читать повѣсти *барона Брамбеуса*, чѣмъ «Бѣдную Лизу» или «Наталью Боярскую Дочь»! Другія времена, другіе нравы! Повѣсти *Карамзина* пріучили публику къ чтенію, многіе выучились по нимъ читать; будемъ же благодарны ихъ автору, но оставимъ ихъ въ покоѣ; даже вырвемъ ихъ изъ рукъ нашихъ дѣтей, ибо онѣ надѣлаютъ имъ много вреда: растлятъ ихъ чувство приторною чувствительностью.— —

Когда же наступитъ у насъ истинная эпоха искусства?

Она наступитъ, будьте въ томъ увѣрены! Но для этого надо сперва, чтобы у насъ образовалось общество, въ которомъ бы выразилась физіономія могучаго русскаго народа; надобно, чтобы у насъ было просвѣщеніе, созданное нашими трудами, возращенное на родной почвѣ. У насъ нѣтъ литературы: я повторяю это съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, ибо въ сей истинѣ вижу залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ.— —

Итакъ, намъ нужна не литература, которая безъ всякихъ съ нашей стороны усилій явится въ свое время, а просвѣщеніе! И это просвѣщеніе не закоснитъ, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ мудраго правительства. Русскій народъ смышленъ и понятливъ, усерденъ и горячъ ко всему благому и прекрасному, когда рука царя-отца указываетъ ему на цѣль, когда его державный голосъ призываетъ его къ ней! И намъ ли не достигнуть этой цѣли, когда правительство являетъ собой такой единственный, такой безпримѣрный образецъ попечительности о распространеніи просвѣщенія, когда оно издерживаетъ такія громадныя суммы на содержаніе учебныхъ заведеній, ободряетъ блестящими наградами труды учащихъ и учащихся, открывая образованному уму и таланту путь къ достиженію всѣхъ отличій и выгодъ? Проходитъ ли хотя одинъ годъ безъ того, чтобы со стороны неусыпнаго правительства не было совершено новыхъ подви-

говъ во благо просвѣщенія или новыхъ благодѣяній, новыхъ щедротъ въ пользу ученаго сословія? Одно учрежденіе сословія *домашнихъ наставниковъ и учителей* должно повлечь за собой неисчислимыя блага для Россіи, ибо избавляетъ ее отъ вредныхъ слѣдствій иноземнаго воспитанія. Да! у насъ скоро будетъ *свое* русское, народное просвѣщеніе; мы скоро докажемъ, что не имѣемъ нужды въ чуждой умственной опекѣ. Намъ легко это сдѣлать, когда знаменитые сановники, сподвижники царя на трудномъ поприщѣ народоправленія, являются посреди любознательнаго юношества въ центральномъ храмѣ русскаго просвѣщенія возвѣщать ему священную волю монарха, указывать путь къ просвѣщенію въ духѣ *православія, самодержавія* и народности...

Наше общество также близко къ своему окончательному образованію. Благородное дворянство, наконецъ, вполнѣ увѣрилось въ необходимости давать своимъ дѣтямъ образованіе прочное, основательное, въ духѣ вѣры, вѣрности и національности. Наши молодчики, наши *денди,* не имѣющіе никакихъ познаній, кромѣ навыка легко болтать всякій вздоръ по-французски, становятся смѣшными и жалкими анахронизмами. Съ другой стороны, не видите ли вы, какъ въ свою очередь быстро образуется купеческое сословіе и сближается въ семъ отношеніи съ высшимъ? О, повѣрьте, не напрасно держались они такъ крѣпко за свои почтенныя, окладистыя бороды, за свои долгополые кафтаны и за обычаи праотцевъ! Въ нихъ наиболѣе сохранилась русская физіономія, и, принявши просвѣщеніе, они не утратятъ ея, сдѣлаются типомъ народности. Равно взгляните, какое дѣятельное участіе начинаетъ принимать въ святомъ дѣлѣ отечественнаго просвѣщенія и наше духовенство... Да, въ настоящемъ времени зрѣютъ сѣмена для будущаго! И они взойдутъ и расцвѣтутъ, расцвѣтутъ пышно и великолѣпно, по гласу чадолюбивыхъ монарховъ! И тогда будемъ мы имѣть *свою* литературу, явимся не подражателями, а соперниками европейцевъ...— —

5. Грамматика языка русскаго. Часть I. Познаніе словъ. Сочиненіе *Калайдовича.* Москва. 1834.

— —Учебныя книги бываютъ двухъ родовъ. Однѣ изъ нихъ пишутся для первоначальнаго обученія; главное ихъ достоинство должно состоять въ простомъ и ясномъ изложеніи предмета и искусномъ приноровленіи онаго къ дѣтскимъ понятіямъ. Другія же пишутся для людей взрослыхъ, мыслящихъ, и, кромѣ ясности въ изложеніи, требуютъ новаго взгляда или на цѣлый предметъ, или хотя на нѣкоторыя части онаго, или, по крайней мѣрѣ, представленія онаго въ его современномъ состояніи.

Къ которому изъ сихъ двухъ родовъ относится Грамматика Г. *Калайдовича?*

По запутанности и сбивчивости ея изложенія, по отсутствію новыхъ взглядовъ, худо прикрытому мелочными нововведеніями въ тер-

минологіи, ни къ одному; по своей незначительности и неважности, къ первому; по претензіямъ же автора, ко второму.— —

Всѣмъ и каждому извѣстно, что способъ изложенія всякой науки бываетъ *аналитическій* и *синтетическій*, и что, вслѣдствіе сего, всякая наука раздѣляется на *общую* и *частную*, на *теорію* и *приложеніе*. Грамматикъ (наукъ) можетъ быть столько, сколько языковъ и нарѣчій на земномъ шарѣ; но есть одна общая имъ всѣмъ Грамматика, есть Грамматика слова человѣческаго, Грамматика *Всеобщая* или *Философская*. Грамматики языковъ суть Грамматики *частныя*, относящіяся къ ней, какъ виды къ роду, и повѣряющіяся ею. Г. *Калайдовичъ* какъ будто даже и не слыхалъ объ этомъ. Онъ не говоритъ ничего о происхожденіи человѣческаго слова, о его назначеніи, его раздѣленіи на языки, о сходствѣ и различіи языковъ, о причинахъ такого сходства и различія и пр., и пр. Части рѣчи не выводятся у него изъ законовъ слова человѣческаго, или изъ законовъ Русскаго языка; нѣтъ: онѣ у него какъ будто съ неба упадаютъ, и притомъ въ такомъ ужасномъ количествѣ, что страшно и подумать. Бѣдные ученики! трепещу за васъ! Этого мало: онъ даже не почелъ за нужное опредѣлить каждую часть рѣчи, показать необходимость и назначеніе ея существованія. — —

Словопроизведеніе авторъ раздѣляетъ на три главы: *Различіе Словъ, Измѣненіе Словъ, Произхожденіе Словъ*. Вслѣдствіе сего, склоненія *Именъ* и *Прилагательныхъ* и спряженіе *глаголовъ* являются у него въ одной главѣ. Вотъ, можно сказать, единственная новость автора, заслуживающая, по крайней мѣрѣ, опроверженія и паиболѣе обнаруживающая его претензіи на *самомышлительность*. Но правильно ли такое изложеніе Этимологіи? *Словопроизхожденіе* и теорія частей рѣчи должны заключаться во введеніи, какъ предметы, подлежащіе Всеобщей Грамматикѣ, должны составлять *аналитическую* часть Грамматики. Притомъ же, изложеніе каждой части рѣчи особенно гораздо удобнѣе для учащихся; система же Г. *Калайдовича* не только не облегчаетъ изученіе, но еще болѣе затрудняетъ его.— —

Перехожу къ *Глаголу*.

Вотъ самая запутаннѣйшая часть Русской Грамматики. Благодаря нашимъ досужимъ грамотѣямъ, спряженія нашихъ глаголовъ походятъ доселѣ на темный лѣсъ, непроходимую чащу, гдѣ безпрестанно натыкаешься на пни и колоды. И неужели это отъ того, что нѣтъ никакой возможности привести наши спряженія въ ясную систему, основанную на духѣ языка? Совсѣмъ нѣтъ; напротивъ, ничего не можетъ быть проще, яснѣе и удовлетворительнѣе теоріи Русскихъ *Глаголовъ;* вся бѣда отъ страннаго упрямства и неумѣстнаго чванства гг. грамматистовъ. Ибо, во-первыхъ, они хотятъ сочинять, выдумывать законы языка, а не открывать ихъ, не выводить изъ духа онаго; во-вторыхъ, они не хотятъ пользоваться трудами своихъ предшественниковъ, какъ будто бы почитая это унизительнымъ для своего авторскаго достоинства. Удивительно ли послѣ этого, что у насъ по сю пору нѣтъ Грамматики, которую бы можно было принять за руководство при обученіи дѣтей? Для людей, за-

нимающихся преподаваніемъ отечественнаго языка, всего болѣе ощутителенъ недостатокъ въ подобныхъ руководствахъ. Если они сами не имѣютъ столько ума и силы, чтобъ быть въ состояніи выбиться изъ старой колеи, пробитой жалкою посредственностью, то должны пробавляться извѣстными Грамматиками, несмотря на то, что однѣ изъ нихъ слишкомъ обширны, другія слишкомъ кратки, третьи слишкомъ мудрены, четвертыя слишкомъ нехитры: вотъ причина необыкновеннаго успѣха Грамматики велемудраго *Меморскаго* (вѣчная ему память!); она кратка, она искони вѣковъ слыветъ классическою книгою, и, сверхъ того, снабжена вопросами, слѣдовательно, избавляетъ горемыку-педагога отъ излишнихъ хлопотъ. Если же преподаватель принадлежитъ къ числу людей мыслящихъ и понимаетъ важность и святость своей обязанности, то долженъ составлять записки и по нимъ учить своихъ учениковъ; ибо, спрашиваю: какъ онъ можетъ рѣшительно предпочесть ту или другую изъ извѣстныхъ Грамматикъ? Кто не согласится, что Грамматика Г. *Греча* не безъ достоинствъ, что въ ней есть много дѣльныхъ замѣчаній, что ея авторъ умѣлъ иногда кстати пользоваться трудами и открытіями нашихъ филологовъ? Но кто, вмѣстѣ съ этимъ, не согласится, что эта Грамматика есть не иное что, какъ сборъ, или, лучше, свозъ матеріаловъ, книга, полезная для составителя Грамматики, но отнюдь не то, что должно разумѣть подъ наукою въ высшемъ значеніи сего слова? И притомъ, сколько странностей, сколько клеветъ на бѣдный Русскій языкъ!.. Грамматика Г. *Востокова*, безъ всякаго сомнѣнія, есть лучшая изъ всѣхъ донынѣ изданныхъ; она драгоцѣнна по многимъ важнымъ открытіямъ и тонкимъ замѣчаніямъ касательно свойствъ и особностей нашего языка; она обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка, глубоко изучившаго свой предметъ, преслѣдовавшаго его съ неутомимою ревностію въ продолженіе многихъ лѣтъ своей жизни, посвященной безкорыстному служенію родному слову. Но онъ не обработалъ своего сочиненія ученымъ образомъ, т.-е. не озарилъ его философіею человѣческаго слова, и потому его Грамматика есть только богатый и драгоцѣнный сборникъ матеріаловъ для составленія Русской Грамматики. Равнымъ образомъ она не можетъ быть принята безусловно за руководство при обученіи дѣтей [1]). Удовлетворить умъ ребенка еще можетъ быть труднѣе, чѣмъ умъ взрослаго человѣка; ему мало сказать, сколько частей рѣчи и какъ онѣ называются: объясните ему, что такое эти части рѣчи, для чего онѣ и почему ихъ столько, а не столько,— или обвиняйте самихъ себя въ его тупоуміи и непонятливости! Ему такъ же, какъ и взрослому, нужно сперва объяснить

---

[1]) Грамматика всякаго языка, безъ философическихъ выводовъ и опредѣленій, можетъ годиться только для взрослыхъ и то въ такомъ только случаѣ, когда имѣетъ предметомъ привести въ систему *особности* языка и не обнаруживаетъ претензій на новые взгляды въ построеніи науки вообще. Грамматики же, назначаемыя для обученія, не могутъ принести вполнѣ ожидаемой пользы, когда не основаны на Всеобщей Грамматикѣ, или, по крайней мѣрѣ, когда ученики не познакомлены предварительно съ основаніями сей послѣдней.

философію слова человѣческаго и потомъ уже изъ ней вывести теорію слова отечественнаго: дѣло въ томъ, чтобы умѣть изложить эту философію понятнымъ для него образомъ. Нѣкоторыя, оправдываясь слабостью дѣтскаго разсудка, представляютъ науки, назначаемыя для преподаванія дѣтямъ, въ ложномъ и искаженномъ видѣ. Такъ поступилъ Г. *Гречъ* въ своей Учебной Книгѣ Россійской Словесности, этомъ сборникѣ пошлыхъ и обветшалыхъ правилъ, взятыхъ изъ пресловутаго Словаря Древнія и Новыя Поэзіи Г. *Остолопова*. Странные люди! да неужели ребенку, потому только, что онъ ребенокъ, должно говорить, что $2 \times 2 = 5$, а не 4? Посмотрите, какъ пишутся у иностранцевъ учебныя книги; и кѣмъ пишутся? Знаменитыми профессорами, великими учеными! Прочтите, напримѣръ, Principes de Grammaire Générale, mis à la portée des enfans, par Silvestre de Sacy: какія глубокія истины высказаны въ ней языкомъ самымъ простымъ, удопонятнымъ. Дитя, пройдя эту книгу, положитъ самое твердое основаніе и изученію филологіи вообще и знанію родного языка въ частности [1]).— —

1835 г.

6. Повѣсти, изданныя Александромъ Пушкинымъ.

Санктъ-Петербургъ. 1834.

— —Эти повѣсти занимательны, ихъ нельзя читать безъ удовольствія; это происходитъ отъ прелестнаго слога, отъ искусства разсказывать (conter); но онѣ не художественныя созданія, а просто сказки и побасенки; ихъ съ удовольствіемъ и даже съ наслажденіемъ прочтетъ семья, собравшаяся въ скучный и длинный зимній вечеръ у камина; но отъ нихъ не закипитъ кровь пылкаго юноши, не засверкаютъ очи его огнемъ восторга; но онѣ не будутъ тревожить его сна—нѣтъ—послѣ нихъ можно задать лихую высыпку.— —

*7. **Повѣсти для дѣтей отъ пяти до десяти лѣтъ.** Сочиненіе Г-жи *Ренневиль*. Переводъ съ Французскаго. М. 1835.

За оною послѣдуетъ:

— **Собраніе повѣстей.** Сочиненіе *Берквя, Кампе, Гизо и Г-жи Зонтагъ*. Переводъ съ Французскаго. М. 1835.

Эта книжонка, напечатанная въ типографіи Г. *Пономарева* на скверной оберточной бумагѣ, съ грамматическими и типографическими ошибками, съ пакостнѣйшими лубочными картинками, есть ужасная клевета на знаменитыхъ дѣтскихъ писателей, изъ коихъ якобы переведены въ ней разныя повѣсти. Болѣе всѣхъ оклеветана Г-жа *Гизо*, которой прекрасныя дѣтскія повѣсти знакомы у насъ только однимъ знающимъ Французскій языкъ: можно ли повѣрить, чтобы въ этихъ двухъ книжонкахъ, обрѣтающихся, впрочемъ, въ одномъ переплетѣ, хотя и цензурованныхъ разными лицами и посему имѣ-

---

[1]) Большая часть сего превосходнаго сочиненія знаменитаго оріенталиста и филолога уже переведена мною, и все оно, надѣюсь, скоро будетъ издано. *Соч.*

ющихъ разныя заглавія, можно ли, говорю я, повѣрить, чтобы въ этихъ двухъ книжонкахъ, состоящихъ изъ 131 страницы, умѣстилась хотя одна повѣсть Г-жи *Гизо?* Можно ли повѣрить, чтобы *Кампе* и *Беркень* писали не только во сто разъ хуже добренькаго и глупенькаго *Бульи*, но даже и почтеннаго Г. *Бориса Ѳедорова?* Можно ли, наконецъ, повѣрить, чтобы шарлатанство и промышленность толкучаго рынка дошли до такой наглости, до такого безстыдства въ обманѣ родителей, покупающихъ для своихъ дѣтей книги? Набрать нѣсколько побасенокъ, выбранныхъ изъ старинныхъ дѣтскихъ книженокъ, изложить ихъ какимъ-то варварскимъ жаргономъ, начинить копѣечною моралью, приложить картинки, въ сравненіи съ которыми знаменитое «Погребеніе Кота» есть художественное произведеніе, по красотѣ и изящности отдѣлки—и нагло выдать все это за переводы изъ лучшихъ Европейскихъ писателей для дѣтей—какова дерзость!..

8. Добрыя дѣвушки. Повѣсти, сочиненныя Г-жею *Алидіи де Савильякъ.* СПБ. 1834.

Довольно порядочныя дѣтскія повѣсти. По крайной бѣдности нашей литературы по сей части, мы отъ души благодаримъ переводчика за его скромный полезный трудъ. Жаль только, что переводъ не совсѣмъ хорошъ; дѣтскія книги должны отличаться особенною легкостью, чистотою и правильностью языка. — —

***9. Тетушкины сказки.** Сочиненіе дѣвицы *В. М. Руссо.* Переводъ съ Французскаго. Москва 1835.

Дѣтскія повѣсти, если хотите, довольно сносныя въ сравненіи со множествомъ дѣтскихъ книгъ, издаваемыхъ у насъ; но къ чему онѣ, если ихъ достоинство только относительное? Главный ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что онѣ напоминаютъ собою слова, кажется, *Фокіона*, по случаю отправленія Аѳинянами небольшого флота, для сбора податц съ нѣкоторыхъ острововъ: «*Если это для войны, то флотъ слишкомъ малъ; если же для сбора подати, то слишкомъ великъ*». Если эти повѣсти назначались ихъ авторомъ для чтенія дѣвицъ, уже готовящихся сдѣлаться невѣстами, то онѣ нелѣпы и глупы; если же для малолѣтнихъ дѣвочекъ, то неприличны, ибо ихъ персонажи, по большей части, дѣвушки отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, и всѣ за хорошее поведеніе награждаются выгоднымъ замужествомъ. Конечно, для дѣвушки въ пятнадцать лѣтъ, которая уже питаетъ желаніе быть замужемъ, такая награда слишкомъ достаточная причина вести себя хорошо, по крайней мѣрѣ, при людяхъ; но что тутъ лестнаго для дѣвочки отъ семи до четырнадцати лѣтъ? Если уже люди должны быть добры изъ выгодъ, если уже имъ непремѣнно надо получать плату за свою добродѣтель, то для маленькой дѣвочки фунтъ конфектъ обольстительнѣе всякаго богатаго мужа. Вотъ нравственность XVIII вѣка!.. Какихъ высокихъ чувствъ можно ожидать отъ дѣвушки, напитанной, или, лучше сказать, напичканной такою прекрасною моралью?.. И между тѣмъ, эта мораль проповѣдуется всѣми, и едва ли не каждый изъ насъ (исключенія очень

рѣдки) былъ упитываемъ этою небесною манною. Горькая мысль!.. Едва появится на свѣтъ новый житель міра, новый членъ огромнаго человѣческаго семейства, и уже ему предлагаютъ тонкій ядъ разврата, ядъ, истребляющій сѣмена добраго и посѣевающій въ юной, ангельской душѣ терніи эгоизма и ничтожества въ помыслахъ, желаніяхъ и стремленіи! И все это добродушно, отъ искренняго сердца, нерѣдко съ чистымъ желаніемъ добра. Такъ, напримѣръ, *Коцебу* написалъ для своихъ дѣтей нѣсколько, надо сказать правду, презанимательныхъ повѣстей, подъ названіемъ «Подарокъ Дѣтямъ на Новый годъ»; такъ сладенькій и добренькій *Дюкре-дю-Мениль* издалъ тоже довольно занимательныя Дѣтскія Повѣсти, подъ названіемъ: «Вечернія Бесѣды въ Хижинѣ или Наставленія Престарѣлаго Отца». Въ тѣхъ и другихъ всякое достоинство награждено, а порокъ и недостатокъ вездѣ наказаны, и изо всего этого выведено мудрое правило, что надо быть добрымъ. Добрые наши отцы и наставники готовы божиться и клясться, что въ этихъ книжкахъ самая чистѣйшая нравственность!...

«Тетушкины сказки» не выдержатъ ни малѣйшаго сравненія съ повѣстями *Коцебу* и *Дюкре-дю-Менпля*, которыя, какъ я уже сказалъ, отличаются нѣкоторымъ литературнымъ достоинствомъ и дурны только отъ косого взгляда на вещи и пошлаго понятія о нравственности. Это просто плохенькія сказочки, состоящія изъ общихъ мѣстъ и въ содержаніи и въ сентенціяхъ. Переводъ и такъ и сякъ, но правописаніе немного криво.

10. Жертва. Литературный эскизъ. Сочиненіе Г-жи *Монборнъ*. Переводъ съ Французскаго Z... Москва. 1835.

— — Итакъ поприще женщины—возбуждать въ мужчинѣ энергію души, пылъ благородныхъ страстей, поддерживать чувства долга и стремленіе къ высокому и великому—вотъ ея назначеніе, и оно велико и священно! Для нея—представительницы на землѣ красоты и граціи, жрицы любви и самоотверженія—въ тысячу разъ похвальнѣе внушить Освобожденный Іерусалимъ, нежели самой написать его, такъ же какъ въ тысячу разъ похвальнѣе вручить своему избранному щитъ съ завѣтомъ: «*съ нимъ или на немъ!*», нежели самой броситься въ пылъ битвы съ оружіемъ въ рукахъ. Утѣшительница въ бѣдствіяхъ и горестяхъ жизни, радость и гордость мужчины, она—гибкая лоза, зеленый плющъ, обвивающій гордый дубъ, благоуханная роза, растущая подъ кровомъ его могучихъ вѣтвей и украшающая его уединенную и суровую жизнь, обреченную на дѣятельность и борьбу. Предметъ благоговѣйной страсти, нѣжная мать, преданная супруга—вотъ святой и великій подвигъ ея жизни, вотъ святое и великое ея назначеніе! Природа дала мужчинѣ мощную силу и дерзкую отвагу, мятежныя страсти и гордый, пытливый умъ, дикую волю и стремленіе къ созданію и разрушенію; женщинѣ дала она красоту вмѣсто силы, избыткомъ нѣжнаго и тонкаго чувства замѣнила избытокъ ума и опредѣлила ей быть весталкою огня кроткихъ и возвышенныхъ страстей: и какая дивная гармонія въ этой противоположности, какой звучный, громкій и полный аккордъ составляютъ эти два, совершенно различные, инструмента! Воспитаніе женщины должно гармонировать

съ ея назначеніемъ, и только прекрасныя стороны бытія должны быть открыты ея вѣдѣнію, а обо всемъ прочемъ она должна оставаться въ миломъ, простодушномъ незнаніи; въ этомъ смыслѣ, ея односторонность, въ ней достоинство; мужчинѣ открытъ весь міръ, всѣ стороны бытія.— —

*11. **Метода Всеобщаго Обученія Жакото.** Изложеніе основныхъ началъ методы Всеобщаго обученія. Москва. 1834.

Метода Жакото, изложенная для родителей и наставниковъ. Издалъ *Егоръ Гуель*, Инспекторъ классовъ при Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ въ Гатчинѣ. Часть первая. Чтеніе. Письмо. Отечественный языкъ. Санктпетербургъ. 1834.

Чтенія для умственнаго развитія малолѣтнихъ дѣтей и обогащенія ихъ познаніями. Составлены *Егоромъ Гуелемъ*, Инспекторомъ классовъ Императорскаго Воспитательнаго дома въ Гатчинѣ. Второе изданіе, исправленное и дополненное. Санктпетербургъ. 1834.

У насъ вообще слишкомъ мало обращаютъ вниманія на книги, издаваемыя по части педагогіи. Что, напримѣръ, было сказано въ нашихъ журналахъ о поименованныхъ книгахъ? Одни промолчали, другіе отдѣлались общими мѣстами, третьи посмѣялись къ слову надъ методою Жакото—этимъ все и кончилось! Знаемъ, что мы сами себѣ изрекаемъ этимъ приговоръ, и именно по этому самому хотимъ поговорить объ этихъ книгахъ, которыя заслуживаютъ величайшаго вниманія. Но такъ какъ подробное разсмотрѣніе такого обширнаго предмета, какова метода Жакото, имѣющая такое близкое отношеніе къ воспитанію вообще, требуетъ объема, превосходящаго предѣлы Молвы, то мы намѣрены высказать о немъ свое мнѣніе въ особенной статьѣ, которая будетъ помѣщена въ Телескопѣ. Принимая живѣйшее участіе въ дѣлѣ первоначальнаго, пріуготовительнаго обученія, имѣя, касательно него, свой взглядъ и свои понятія и пользуясь нѣкоторою опытностью въ его преподаваніи, мы вмѣняемъ себѣ въ непремѣнную обязанность изложить наше мнѣніе какъ вообще о семъ предметѣ, такъ и объ учебныхъ книгахъ, изданныхъ въ послѣднее время. Цѣль наша будетъ состоять сколько въ томъ, чтобы высказать свое мнѣніе, котораго, въ общемъ дѣлѣ добра, никто не долженъ скрывать, кто думаетъ о себѣ, что имѣетъ какое-нибудь свое мнѣніе, столько и въ томъ, чтобы обратить вниманіе другихъ на этотъ предметъ. Посему, всякое чужое мнѣніе и всякое дѣльное возраженіе на наше собственное будетъ съ благодарностью помѣщено въ нашемъ журналѣ. Мы предполагаемъ обратить особенное вниманіе на одинъ предметъ, который почитается краеугольнымъ камнемъ всякаго образованія, всякой учености и, въ особенности, первоначальнаго обученія—на *Словесность*, т. е. на идею, возможность, систему и границы *словесности*, какъ науки. Теперь такъ много выходитъ книгъ по этой части, такъ много появилось системъ словесности, что было бы грѣшно не разсмотрѣть этого предмета со всѣхъ сторонъ. Посему въ Молвѣ будутъ помѣщаемы только однѣ библіографическія извѣстія о сочиненіяхъ по части педагогіи и учебныхъ книгахъ, въ особенности по предмету словесности, развѣ только съ краткими и бѣглыми замѣчаніями: чтобы

не повторять одного и того же и удовлетворительнѣе разсмотрѣть столь многосложный вопросъ, мы однажды и навсегда, въ общемъ взглядѣ, выскажемъ свое мнѣніе.

*12. **Начертаніе Русской Исторіи** для училищъ. Сочиненіе профессора *Погодина*. Москва. 1835.

Наша литература особенно бѣдна учебными книгами: истина не новая, даже очень старая; но мы все-таки повторяемъ ее, хотя нѣкоторые и почитаютъ это излишнимъ и несправедливымъ въ настоящее время, когда, по ихъ мнѣнію, множество вновь появившихся книгъ въ этомъ родѣ доказываютъ противное. Не хотимъ спорить объ этомъ: у всякаго свой взглядъ на вещи, а на наши глаза *множество* ничего не доказываетъ. Итакъ наша литература очень бѣдна учебными книгами, и преимущественно по части исторіи. Причина этого заключается сколько въ трудности составленія хорошей учебной книги, столько и въ ложномъ понятіи, какое вообще имѣютъ у насъ касательно этого предмета. Здѣсь невольно подвертываются мнѣ подъ перо слова Г. *Шевырева*: «Ахъ, эти бѣдныя дѣти! Что не годится для взрослыхъ, что боится критики — то все ссылается на подачу дѣтямъ. Ихъ невинность какъ будто бы должна оправдывать всѣ недостатки сочиненій». Замѣтьте, что Г. *Шевыревъ* говоритъ это по поводу книги, изданной Жанэномъ, не примѣняя къ нашей литературѣ. Что же у насъ?.. О, сердце обливается кровью при мысли о безтолковомъ учебникѣ и варварѣ-педагогѣ, общими силами убивающихъ юные таланты и изъ дѣтей съ человѣческимъ организмомъ дѣлающихъ идіотовъ... Да и чего хорошаго можно ожидать отъ нашихъ учебныхъ книгъ, когда истинные ученые презираютъ заниматься ихъ составленіемъ, и когда ихъ дѣлаютъ шарлатаны и невѣжды?.. Много ли у насъ учебныхъ книгъ, скрѣпленныхъ именемъ профессора или извѣстнаго ученаго? А за эти книги не должны браться даже ученые по ремеслу: самый разительный примѣръ этого есть «Учебная Книга Русской Словесности», Г. *Греча*— этотъ сборникъ устарѣлыхъ правилъ и дурныхъ примѣровъ, скорѣе способныхъ убить чувство вкуса и склонность къ изящному, чѣмъ развить ихъ. Такихъ примѣровъ много...

Г. *Погодинъ* предпринялъ вознаградить недостатокъ учебныхъ книгъ по части отечественной исторіи. Нельзя выразить того восхищенія, съ какимъ мы узнали объ этомъ намѣреніи, того нетерпѣнія, съ какимъ мы ожидали появленія этой книги, за прекрасное исполненіе которой ручалось имя Г. *Погодина*. Но при всемъ нашемъ уваженіи къ Г. *Погодину*, какъ къ человѣку и писателю, мы поставляемъ себѣ непремѣннымъ долгомъ сказать во всеуслышаніе, что никогда не испытывали мы такого жестокаго разочарованія, никогда не обманывались такъ ужасно въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ... Мы едва вѣрили глазамъ своимъ. Эта книга рѣшительно недостойна имени своего автора, отъ котораго публика всегда была вправѣ ожидать чего-нибудь дѣльнаго и даже прекраснаго. Одно ея раздѣленіе на періоды, неосновательность котораго уже доказана Г. *Скромненкомъ*, ясно показываетъ, что она составлена слишкомъ *на скорую руку*.

Представьте себѣ: событія до Петра Великаго занимаютъ 249 страницъ—сколько же, вы думаете, занимаютъ событія отъ вступленія Петра Великаго до смерти Александра Благословеннаго?—Страницъ, по крайней мѣрѣ, *пятьсотъ*, если не *тысячу*? Нѣтъ—всего на все 64 страницы!!.. Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобъ думать, что Г. *Погодинъ* не былъ въ состояніи написать не только порядочной, но и хорошей учебной книги; мы скорѣе готовы подумать, что онъ *не хотѣлъ* этого сдѣлать, и что причина совершенной неудовлетворительности его сочиненія заключается въ крайней невнимательности и поспѣшности, съ какою оно составлялось. Это доказываетъ все: и отсутствіе хронологіи, безъ которой учебная книжка есть фантомъ или образъ безъ лица, и параграфы въ нѣсколько страницъ безъ перерыва, и самый языкъ, неправильный и необработанный, общія мѣста и неопредѣленность въ выраженіяхъ [1]), это доказываетъ, напримѣръ, и слѣдущее мѣсто: «*Датскій принцъ Іоаннъ, братъ Христіана, былъ вызванъ въ Россію въ женихи Ксеніи, послѣ раздора съ Густавомъ, воевать съ Турками и изгнать ихъ изъ Европы, не оставляла Бориса*».

Много, очень много можно-бъ было сказать о недостаткахъ Исторіи Г. *Погодина*; но для этого слишкомъ тѣсны предѣлы простой библіографической статейки. Намъ обѣщана цѣлая критика, которая и будетъ помѣщена въ одномъ изъ NN Телескопа. Мы вполнѣ увѣрены, что Г. Погодинъ увидитъ въ этомъ подробномъ отчетѣ объ его книгѣ, равно какъ и въ нашемъ отзывѣ, то же безпристрастіе, ту же благонамѣренность, ту же любовь къ истинѣ и желаніе общаго добра, которые руководили имъ въ его отзывахъ, напримѣръ, объ историческихъ трудахъ Г. Полевого и прочихъ...

*13. **Русская Исторія** для первоначальнаго чтенія. Сочиненіе *Николая Полевого*. Москва. 1835. Двѣ части: I—II.

Это половина новаго труда благонамѣреннаго и неутомимаго дѣятеля на поприщѣ Русскаго просвѣщенія, *Н. А. Полевого*. Этимъ сочиненіемъ совершенно пополняется важный недостатокъ въ нашей литературѣ: теперь юнымъ поколѣніямъ безпредѣльной Россіи есть средство, играючи, изучать отечественную исторію и, слѣдовательно, съ пользою и удовольствіемъ занимать свои дѣтскіе досуги. Книга Г. *Полевого*, какъ этого и должно было ожидать, написана просто, умно, безъ излишнихъ подробностей и безъ сухой сжатости, хорошимъ языкомъ; событія расположены ясно, разставлены въ перспективѣ, облегчающей память, переданы съ живостію и увлекатель-

---

[1]) Напримѣръ, что значатъ эти фразы: «Кромѣ Волкова *прославился* вскорѣ Дмитревскій?» Какъ и чѣмъ прославился? Не такъ ли точно, какъ прославляются герои Подновинскаго? Ибо что тогда были за цѣнители театра? «Дмитріевъ, Озеровъ, Батюшковъ, Мерзляковъ *прославились* своими сочиненіями». Но вѣдь своими же сочиненіями прославились и Сумароковъ, Херасковъ и даже Тредьяковскій и ими же прославились Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ? Признаемся откровенно, такія фразы хороши только у Г. Кайданова. Къ чему эти безпрестанныя мѣстоименія «мы»? Развѣ оффиціальный слогъ, какимъ пишутся реляціи, приличенъ учебной исторической книгѣ? Mais ces pourquois ne finirons jamais.

ностію. Прибавимъ еще, что это сочиненіе годится не для однихъ малолѣтнихъ дѣтей: оно будетъ полезно и для взрослыхъ и даже старыхъ дѣтей, которыхъ у насъ еще такъ много. Его прочтетъ съ пользою и купецъ и баринъ; въ него загляиетъ и студентъ, готовящійся къ репетиціи. Необычайно дешевая цѣна дѣлаетъ ее доступною для всѣхъ и каждаго: четыре тома, состоящія почти изо *ста* печатныхъ листовъ, стоютъ *двѣнадцать* рублей.

Конечно, Исторія Г. *Полевого*, при многихъ достоинствахъ, имѣетъ и недостатки, особенно первая часть; вторая, можно сказать, превосходна; думаемъ, что интересъ и увлекательность въ послѣднихъ двухъ превзойдутъ всякое ожиданіе. Такъ какъ это есть трудъ, важный по своей цѣли и своему назначенію, примѣчательный по своему исполненію, трудъ честный и добросовѣстный, а не дюжинная плотническая работа, наскоро произведенная топоромъ и скобелью, съ цѣлію *заиибить деньгу*; то мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность, поговорить объ немъ подробнѣе, въ одномъ изъ ближайшихъ NN Телескопа. Теперь же ограничиваемся простымъ библіографическимъ извѣстіемъ, что двѣ вышедшія части состоятъ изъ десяти разсказовъ, заключающихъ въ себѣ событія отъ первоначальныхъ временъ нашей исторіи до принятія Іоанномъ Грознымъ Царскаго титула, и составляютъ *тридцать шесть* печатныхъ листовъ. Третья часть уже поступила въ печать, четвертая будетъ печататься тотчасъ вслѣдъ за третьею.

*14. **Опытъ полнаго учебнаго курса Русской Грамматики**, для преподаванія Русскимъ и иностранцамъ. *М. Д. И.* Москва. 1835.

Г. сочинитель этого «Опыта полнаго учебнаго курса Русской грамматики для преподаванія Русскимъ и иностранцамъ», въ своемъ предисловіи, усѣянномъ *сими* и *онѣми* и обнаруживающемъ неумѣніе выразиться порядочнымъ Русскимъ языкомъ на какихъ-нибудь четырехъ страницахъ, затѣялъ реформу въ Русской грамматикѣ: въ добрый часъ! Теперь грамматическимъ реформаторамъ и счету нѣтъ—

Чего! плодятся годъ отъ году.

Мы прочли этотъ опытъ и не нашли въ немъ ничего новаго; всеобщей же грамматики, о которой Г. авторъ говоритъ въ предисловіи, и духу нѣтъ; все старое, взято то у Г. Греча, то у Г. Востокова, но больше у перваго. Тѣ же три склоненія, тѣ же три спряженія, неправильныя, сбивающія съ толку бѣднаго ученика; тоже *имя* прилагательное, тѣ же мѣстоименія *мой*, *твой*, *свой*, *нашъ*, *вашъ*, которыя никогда мѣстоименіями не бывали, но которыя суть слова опредѣлительныя или прилагательныя, словомъ, все какъ было и притомъ какъ было у Г. Греча; новаго ровно ничего. Новаго только то, что Г. авторъ такъ называемыя количественныя числительныя причисляетъ къ имени, а не къ прилагательному, и это намъ кажется справедливымъ. Впрочемъ, надо сказать, что этотъ Опытъ, не заключая въ себѣ ничего новаго, не можетъ дѣлать никакого вреда въ преподаваніи, какъ сокращеніе Грамматики Г. Греча.

*15. **Священная Исторія церкви ветхаго и новаго завѣта**, въ вопросахъ и отвѣтахъ, для обученія дѣтей. Москва. 1835.

Мы не хотимъ распространяться о томъ, какъ важны и полезны книги, въ которыхъ излагаются основанія религіи для дѣтей и простого народа: это истина несомнѣнная. Равнымъ образомъ, не хотимъ говорить и того, что составленіе такихъ книгъ требуетъ большой опытности, умѣнія и таланта: это также истина несомнѣнная. Еще менѣе намѣрены мы толковать о нелѣпости и вредѣ вопросо-отвѣтнаго изложенія всякаго знанія: въ этомъ также уже давно не сомнѣваются. Другое дѣло вопросы, прилагаемые внизу страницы и заставляющіе ученика пріискивать отвѣты собственнымъ соображеніемъ, какъ то и сдѣлано въ прекрасной книгѣ подъ названіемъ: «Сто четыре Священныя Исторіи», соч. Гибнера, хорошо переведенной и нѣсколько разъ изданной. Не знаемъ, съ какою цѣлью написана эта книга, такъ дурно составленная и напоминающая учебныя сочиненія Меморскаго. Книжка эта состоитъ изъ *семи съ половиною* листовъ; половину ея занимаютъ вопросы, которые повторяются въ отвѣтахъ. тѣ и другіе изложены варварскимъ языкомъ и напечатаны на дурной бумагѣ.

*16. **Карманная книга географіи** для дѣтей съ 21 раскрашенною ландкартою, перевелъ съ нѣмецкаго докторъ философіи Пасторъ *Зедергольмъ*. Москва. 1835.

Обращая нѣкоторое вниманіе на всѣ вновь издаваемыя руководства для дѣтей и разсмотрѣвъ эту книгу, имѣемъ полное право поздравить дѣтей съ прекраснымъ руководствомъ для обученія географіи, и думаемъ, что просвѣщенные родители поблагодарятъ достопочтеннаго и ученаго мужа, извѣстнаго своими полезными учеными трудами во многихъ родахъ. Но, рекомендуя книгу, отдадимъ отчетъ въ сказанномъ безусловно и замѣтимъ, что находимъ нужнымъ.

Можно сдѣлать замѣчаніе, хотя и болѣе лестное, нежели непріятное, что Г. Зедергольмъ напрасно прибавилъ слова: «*для дѣтей*» въ заглавіи такой книги, которая доставитъ большую пользу не только дѣтямъ, но и всѣмъ молодымъ людямъ, не знакомымъ еще ни съ какимъ лучшимъ руководствомъ на иностранныхъ языкахъ.—Удивительно то, что въ такой маленькой книгѣ соединено такое множество свѣдѣній. Весьма пріятно читать, какъ хорошо изложенъ характеръ каждой стороны и государства; вездѣ представлена отличительная особенность въ отношеніи къ естественному состоянію; вездѣ прекрасныя и вѣрныя статистическія и топографическія свѣдѣнія; въ каждой странѣ вычислено гораздо болѣе городовъ, нежели въ какомъ-либо другомъ руководствѣ къ географіи. Но чего не сдѣлано было ни въ одной географіи на Русскомъ языкѣ — показаны доходы и военная сила каждаго самостоятельнаго владѣнія и число жителей не только страны, но и каждаго города. Можно сдѣлать еще замѣчаніе, и это, какъ мнѣ кажется, важнѣйшее, именно, что мало мѣстныхъ историческихъ воспоминаній; это тѣмъ болѣе жаль, что легко было заимствовать нѣкоторыя изъ нихъ изъ географіи Г. Арсеньева, Шуль-

гина [1]) и проч.: говоримъ: нѣкоторыя, разумѣя, что изъ помѣщаемыхъ обыкновенно въ географіяхъ мало истинно замѣчательныхъ. Впрочемъ, въ *Географіи для дѣтей* самоважнѣйшія выставлены въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Показаніе числа жителей въ разсматриваемой книгѣ гораздо точнѣе, нежели въ прочихъ. Если говорить о карманной книгѣ географіи сравнительно съ прочими книгами этого рода, то она, превосходя почти всѣ, можетъ равняться только съ географіею Г. Арсеньева, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и у нея оспариваетъ преимущество. Впрочемъ, желательно-бы, чтобъ при новомъ изданіи Г. Зедергольмъ воспользовался предложенными замѣчаніями.

Скажемъ теперь о раскрашенныхъ ландкартахъ и скажемъ правду, что это чрезвычайно трудное дѣло, особливо у насъ, представить на ландкардтѣ въ восемнадцатую долю листа одно или нѣсколько государствъ со всѣми важнѣйшими горами, рѣками и городами; но эта трудность не устрашила полезнаго предпріятія, и маленькія (раскрашенныя) ландкарты при карманной географіи выполнены такъ хорошо, что заслуживаютъ совершенное одобреніе; жаль только, что онѣ не переложены Китайскою бумагою. Разсмотрѣвъ географію для дѣтей, невольно подивишься состоянію учебнаго образованія и превосходству книгъ этого рода въ Германіи и Франціи, сравнительно съ Русскими, и пожелаешь, чтобы всѣ учебныя руководства для дѣтей были такъ хороши, какъ географія, переведенная Г-мъ Зедергольмомъ. Когда публика ознакомится съ этою книгою, весьма полезною по достоинству и ландкартамъ, а по цѣнѣ [2]) доступной для всѣхъ состояній, тогда можно напередъ сказать, что она пріобрѣтетъ себѣ очень многихъ хвалителей и защитниковъ, и скоро потребуется новое изданіе ея. По крайней мѣрѣ, таково мое мнѣніе, а у всякаго свое.

*) **17. Краткая Географія для дѣтей**, изданная по руководству Г-на Статскаго Совѣтника и Кавалера, *П. А. Гейма*. Девятое изданіе. Москва. 1835.

Эта крохотная книжечка принадлежитъ къ числу тѣхъ жалкихъ спекуляцій и неудачныхъ компиляцій, о которыхъ не слѣдовало-бы и упоминать, если бы онѣ не были въ высочайшей степени вредны. Мы не будемъ подкрѣплять своего мнѣнія неумѣстными доказательствами, мы не будемъ осыпать нашихъ читателей собственными именами и утомлять сухою ученостію, такъ какъ дѣло очень ясно и коротко, но мы опираемся на ихъ здравый смыслъ и спрашиваемъ ихъ: можно-ли въ книжонкѣ, состоящей изъ *шести* печатныхъ листовъ, помѣстить описаніе цѣлаго земного шара, разсматриваемаго въ трехъ обширныхъ значеніяхъ? Географія есть по преимуществу наука обширная: краткость ея изложенія всего скорѣе дѣлаетъ ее недоступною для изученія, сообщая ей характеръ сухости, темноты и сбивчивости. Напротивъ, чѣмъ въ обширнѣйшемъ объемѣ изла-

[1]) По моему мнѣнію, географія Г-на Шульгина была бы лучшею изъ всѣхъ, если бы вышло новое и усовершенствованное изданіе этого сочиненія.
[2]) 4 р. 50 к.

гается она, тѣмъ дѣлается занимательнѣе, живѣе, интереснѣе, понятнѣе и, слѣдовательно, доступнѣе для изученія. Господинъ компиляторъ начинаетъ, какъ водится, дурнымъ опредѣленіемъ географіи, изъ котораго не выводится раздѣленія науки на три части; на пяти листикахъ излагаетъ математическую, физическую географію и, сверхъ того, введеніе въ политическую; говоритъ, что «круглота земли доказывается неодинаковымъ временемъ восхожденія и захожденія солнца, лунными затменіями, морскими путешествіями и возвышеніемъ и пониженіемъ полярной звѣзды», не объясняя ни однимъ словомъ этихъ доказательствъ и забывая еще объ одномъ, т. е. различности звѣздъ, видимыхъ жителями сѣвернаго полушарія и ихъ антиподами; потомъ вычисляетъ земные круги, тоже ни однимъ словомъ не объясняя ихъ значенія. Въ политическомъ описаніи Россіи подробно распространяется о системѣ водныхъ сообщеній, что можетъ имѣть мѣсто только въ обширной географіи, состоящей, по крайней мѣрѣ, изо ста листовъ, и по необходимости опускаетъ важные предметы. Ну, господа защитники всего, что дѣлается въ нашей литературѣ, какъ прикажете журналисту поступать съ такими явленіями книжнаго міра? Молчать о нихъ? но это было-бы подло, потому что учебная книга не романъ, и если дурно составлена, то дѣлаетъ вреда не меньше чумы или холеры. Говорить о ней правду, но коротко и вѣжливо,—невозможно, потому что кровь невольно кипитъ, а вѣжливый тонъ не будетъ понятенъ ни для компиляторовъ, ни для покупателей. Браниться? Но это унизительно для рецензента и противно приличію. Что-жъ остается дѣлать? рѣшите сами, а я, между тѣмъ, замѣчу вамъ еще объ одномъ обстоятельствѣ, такъ общемъ и обыкновенномъ въ нашей современной литературѣ. Благодаря просвѣщеннымъ усиліямъ правительства и духу времени, у насъ проходитъ уже наглое невѣжество, гордящееся своимъ безобразіемъ; жажда къ просвѣщенію замѣтна во всѣхъ классахъ, и поэтому учебныя книги сдѣлались самымъ выгоднымъ товаромъ для книжныхъ производителей. Какъ же пользуются эти производители этимъ направленіемъ общества? Какія употребляютъ они средства удовлетворить его настоящей потребности? Они сокращаютъ и искажаютъ учебныя сочиненія старинныхъ авторовъ: оно и лучше, вѣдь умершій авторъ не будетъ требовать удовлетворенія изъ гроба за нанесенное ему оскорбленіе! Обыкновенно они выбираютъ такое сочиненіе, которое было когда-то въ славѣ, и уродуютъ его. Въ то время, когда иностранные журналы безпрестанно представляютъ результаты новѣйшихъ путешествій, когда многіе находятъ не вполнѣ удовлетворительными и не слишкомъ обширными творенія Бальби и Мальте-Брёна, наши компиляторы довольствуются *господиномъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ И. А. Геймомъ.*

* **18. Цвѣты нравственности**, собранные изъ лучшихъ писателей, къ назиданію юношества, *Михаиломъ Третьяковымъ*. Москва. 1835.

Долгомъ считаемъ увѣрить нашихъ читателей, что «лучшіе писатели» нисколько не виноваты въ составленіи этой книги. Мысли, слогъ и языкъ—все это принадлежитъ семинаріи, а не «лучшимъ

писателямъ», и посильный трудъ г. Третьякова можетъ служить къ пользѣ развѣ однихъ работниковъ на фабрикахъ, а больше никому. Не угодно-ли доказательствъ? Вотъ одно изъ самыхъ убѣдительнѣйшихъ: «Бѣгай пьянства, какъ безумія. Не люби пировать съ *винопійцами*: ибо всякой, любящій пьянство и мотовство, обнищаетъ. Во все теченіе твоей жизни храни воздержаніе и трезвость: врата храма премудрости тѣсный имѣютъ входъ; упитанный и тучный не можетъ ими пройти. Ругатель—вино, виновникъ безпорядковъ—пьянство. Поставляющій въ немъ удовольствіе не будетъ мудрымъ. Излишество вина дѣлаетъ человѣка, предавшагося одному, *дикообразнымъ*, къ трудамъ неспособнымъ, препятствуетъ размышленію, отвлекаетъ отъ исполненія должностей, дѣлаетъ нерадивымъ, безполезнымъ, презрительнымъ, и нерѣдко ведетъ къ преступленіямъ самымъ ужаснымъ". Мы во всемъ совершенно согласны съ почтеннымъ моралистомъ; но кто-жъ всего этого не знаетъ; и, слѣдовательно, для кого все это списано?..

* **19. Дѣтскій театръ.** Соч. *Б. Ѳедорова*; изданіе второе, дополненное тридцатью піесами. С.-Петербургъ. 1835. Четыри части: I—IV.

Былъ мальчикъ Алеша, ребенокъ очень добрый, но чрезвычайно опрометчивый: вздумаетъ завести часы—оборветъ цѣпочку, хочетъ засыпать бумагу пескомъ—и заливаетъ чернилами. Разумѣется, эта опрометчивость не прошла ему даромъ: однажды онъ вздумалъ влѣзть на грушевое дерево; лѣстница упала, и онъ повисъ на суку и сталъ требовать помощи слѣдующими плохими виршами:

Ай, ой, Денисъ!
Ай, ай, Петруша.
Я здѣсь повисъ:
Злодѣйка груша.

Разумѣется, Алеша послѣ этого исправился и пересталъ быть опрометчивымъ. Потомъ была дѣвочка Катенька, которая имѣла дурную привычку подслушивать и дѣлать сплетни. Вотъ она однажды, желая подслушать братьевъ, сестеръ и бывшихъ у нихъ маленькихъ гостей, подставила стулъ къ окну бесѣдки, стулъ упалъ, и она сама упала на кустъ розановъ, была исколота, ушиблена, испугана, пристыжена, и дала слово исправиться. Это г. Б. Ѳедоровъ называетъ «дѣтскимъ театромъ»: бѣдныя дѣти! Но это еще куда-бы ни шло—дѣло не въ названьи, а вотъ въ чемъ: г. Б. Ѳедоровъ думаетъ и увѣренъ, что слишкомъ немудрыя и нехитрыя комедьицы въ три странички способны воспитать въ дѣтяхъ чувство нравственности, чувство добра и изящнаго: бѣдныя дѣти! А каковы стишки!

Когда-то жили двѣ царевны
Въ большомъ высокомъ терему,
Предъ нимъ (?) носились тучи *темны*,
Крылатый змѣй леталъ къ нему.
Царевнамъ каждый разъ твердили,
Чтобъ не смотрѣли изъ окна:
Окно рѣшеткой оградили
Желѣзной, толстой *въ полбревна.*
Но любопытныя *легонько*

Мотаютъ шелкъ съ веретена,
А сами подойдутъ тихонько
И обѣ сядутъ у окна.
На пяльцы локоткомъ склоняся,
Царевны видятъ: змѣй летитъ,
И вдругъ кольцомъ перекатяся—
Въ прекрасный обратился видъ.
Не змѣй, а витязь передъ ними!
И въ колесницѣ золотой
Везется чудами морскими,
Въ окно кидаетъ перстень свой;
Къ рѣшеткамъ перстнемъ дотронуться
Онъ проситъ младшую княжну.
Она спѣшитъ... и прикоснуться
Едва успѣла *лишь* къ окну...
Предъ ней разсыпалась рѣшетка,
Но вдругъ прекрасный князь исчезъ,
Царевну охватила клѣтка,
И въ клѣткѣ змѣй ее унесъ!

Это, изволите видѣть, сказка, которую нянюшка разсказываетъ дѣтямъ; положимъ такъ—но каковы вирши!.. А вотъ въ нравственномъ родѣ:

Опрометчивость всегда,—
Много дѣлаетъ вреда.
Въ свѣтѣ жить намъ должно
Очень осторожно.
Опрометчивость—бѣда!;
Поспѣшить не трудно
Только послѣ самъ глядишь:
Поспѣшишь да насмѣшишь.
Выйдетъ безразсудно.

И этими-то жалкими сентенціями, и этими-то варварскими виршами г. Б. Ѳедоровъ думаетъ сдѣлать пользу маленькимъ читателямъ: бѣдныя дѣти! Ожидайте отъ нихъ какой-нибудь любви къ изящному, какого-нибудь эстетическаго вкуса, когда головы ихъ будутъ съ малолѣтства набиты такими убійственными виршами!..

Но скажутъ намъ, гдѣ-же взять лучше, если никто изъ людей съ умомъ и дарованіемъ не хочетъ трудиться для пользы дѣтей: пусть всякій дѣлаетъ, что можетъ; согласенъ, но скажите, въ свою очередь, имѣетъ-ли право писать что-бы то ни было и для кого-бы то ни было тотъ, кто не знаетъ грамматики? А знаетъ-ли тотъ грамматику, кто пишетъ: семѣйство, песѣнка (т. е. пѣсенка), слетелъ?.. Не говорю уже о разстановкѣ знаковъ препинанія...

1836 г.

20. Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта, содержащее извлеченія изъ путешествій извѣстнѣйшихъ донынѣ мореплавателей, составленное *Дюмовъ-Дюрвилемъ* Москва. 1835.

— — У просвѣщенныхъ народовъ Европы сближеніе науки съ жизнью составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ ихъ усилій и дѣятельности. Ученѣйшіе люди проповѣдуютъ знаніе, принаравливаясь

къ языку и понятіямъ своихъ слушателей, снисходя до нихъ и нарумянивая, такъ сказать, науку, чтобы сдѣлать ее привлекательнѣе для толпы. Народу нужны познанія чисто-фактическія, идея не для него; но народъ есть общество, а общество представляетъ, въ своей совокупности, множество ступеней; поэтому и самый образъ изложенія *свѣтской* науки долженъ быть различенъ. У насъ народу, т. е. самой грубой массѣ народа, нужна еще только азбука, а когда выучится ей, ему нужно ознакомиться съ основаніями религіи и другими первоначальными человѣческими идеями; другого знанія для него пока не нужно. Но въ другихъ сословіяхъ одни почитаютъ себя вправѣ ничего не знать и ничему не учиться, а другіе и должны-бы по всѣмъ законамъ, божественнымъ и гражданскимъ, да не хотятъ. Вотъ для этихъ-то людей должно трудиться нашимъ литераторамъ и ученымъ; эти-то люди должны представлять для нихъ обширное поле дѣятельности, не блистательной, но благородной, не славной, но почтенной. Я не говорю о людяхъ, которые жаждутъ знанія и не имѣютъ никакихъ средствъ удовлетворить этой жаждѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что у насъ сдѣлано до сихъ поръ для употребленія общаго, народнаго? У насъ есть ученые, именами которыхъ мы по справедливости гордимся, у насъ есть нѣсколько ученыхъ сочиненій, которыхъ достоинство не подлежитъ никакому сомнѣнію; но у насъ все-таки нѣтъ ни ученыхъ книгъ, ни книгъ для общаго чтенія съ цѣлью самообразованія. Думаемъ, что это происходитъ отъ того, что у насъ всѣ ищутъ и добиваются больше эфемерной славы, нежели хотятъ служить добру.

«Путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля» есть книга народная, для всѣхъ доступная, способная удовлетворить и самаго привязчиваго, глубоко ученаго человѣка, и простолюдина, ничего не знающаго. Дюмонъ-Дюрвиль объѣхалъ кругомъ свѣта и рѣшился почти въ формѣ романа изложить полное землеописаніе, соединивъ въ немъ факты, находящіеся въ сочиненіяхъ извѣстныхъ путешественниковъ и пріобрѣтенные имъ самимъ. Заманчивость и прелесть его описаній не даютъ оторваться отъ книги, когда возьмешь ее въ руки.— —

*21. **Викторъ или слѣдствіе худого воспитанія.** Сочиненіе *П... С....ва.* Санктпетербургъ. 1835.

Авторъ этого романа, ужаснаго по вымыслу, по безсмыслицѣ, безграмотности и убійственнаго по скукѣ, хотѣлъ доказать, какъ опасно ввѣрять иностранцамъ воспитаніе дѣтей. Старая, очень старая пѣсня! Скажемъ за тайну почтенному романисту, что гораздо безопаснѣе повѣрить воспитаніе ребенка грамотному нѣмцу или французу, чѣмъ безграмотному русскому, хотя бы этотъ русскій и сочинялъ плохіе романы.

Викторъ, герой романа, воспитанъ французомъ и сдѣлался пьяницей, плутомъ, наконецъ разбойникомъ: онъ выѣзжаетъ съ своими холопьями на разбой, держитъ у себя въ подземельѣ трехъ благородныхъ дѣвушекъ, похищенныхъ имъ съ труповъ ихъ родителей и пепла ихъ жилищъ; наконецъ, онъ ранитъ своего родного сына, который ѣхалъ къ нему въ отпускъ изъ полку, и самъ умираетъ отъ

сыновней руки. Ай, какая старая, перестарая пѣсня! Неужли и теперь все это дѣлается на Руси? Неужли у насъ нѣтъ ни правительства, ни законовъ? Не понимаемъ, какъ такія книжонки доходятъ до типографскихъ станковъ?..

22. Русская исторія для первоначальнаго чтенія. Сочиненіе *Николая Полевого*. Москва. 1835.

Третья часть «Русской Исторіи» г. Полевого превзошла всѣ наши ожиданія. Это уже не просто ученіе для дѣтей, это уже книга для всѣхъ. Авторъ оставилъ, или, лучше сказать, сбился съ тона дѣтскаго разсказчика на тонъ повѣствователя, историка. Но, оставивши тонъ дѣтскаго разсказчика, который, правду сказать, и въ первыхъ двухъ томахъ состоялъ только въ однихъ обращеніяхъ къ «любезнымъ читателямъ», онъ продолжаетъ свое прекрасное сочиненіе въ какомъ-то общедоступномъ и всѣхъ удовлетворяющемъ тонѣ. Его разсказъ отличается изящностію и стройностію, представляетъ собою правильную, симметрически расположенную галлерею мастерскихъ картинъ, проникнутъ одушевленіемъ, полонъ мысли и, вмѣстѣ съ этимъ, отличается такою простотою изложенія, что, удовлетворяя самаго взыскательнаго ученаго, доступенъ и для дѣтей и для простолюдиновъ. — —

*__23. Дѣтская книжка на 1835 годъ__, которую составилъ для умныхъ, милыхъ и прилежныхъ маленькихъ читателей и читательницъ *Владиміръ Бурнашевъ*. С.-Петербургъ. 1835.

Мы взяли эту книжку съ полною увѣренностію, что найдемъ въ ней пошлый вздоръ — и пріятно обманулись въ своемъ ожиданіи. Г. Бурнашевъ обѣщаетъ собою хорошаго писателя для дѣтей — дай-то Богъ! Его книжка истинный кладъ для дѣтей. Первая повѣсть «Русая коса» безподобна. Именно такія повѣсти должно писать для дѣтей. Питайте и развивайте въ нихъ чувство; возбуждайте чистую, а не корыстную любовь къ добру, заставляйте ихъ любить добро для самаго добра, а не изъ награды, не изъ выгоды быть добрыми; возвышайте ихъ души примѣрами самоотверженія и высокости въ дѣлахъ и не скучайте имъ пошлою моралью. Не говорите имъ: «это хорошо, а это дурно, потому и поэтому», а покажите имъ хорошее, не называя его даже хорошимъ, но такъ, чтобъ дѣти сами, своимъ чувствомъ, поняли, что это хорошо; представляйте имъ дурное, тоже не называя его дурнымъ, но такъ, чтобы они по чувству ненавидѣли это дурное. Помните, что основаніе Евангелія есть любовь, а любовь проявляется самоотверженіемъ своего эгоизма, готовностію жертвовать собою и своимъ счастіемъ для добра и правды.

Развивайте также въ нихъ и эстетическое чувство, которое есть источникъ всего прекраснаго, великаго, потому что человѣкъ, лишенный эстетическаго чувства, стоитъ на степени животнаго. Но какъ должно развивать въ дѣтяхъ эстетическое чувство? Вотъ вопросъ, на который должны обращать особенное вниманіе писатели для дѣтей. Мы думаемъ, что для этого одно средство: давать дѣтямъ произведенія, сколько возможно доступныя для нихъ, но изящныя, но согрѣтыя теплотою чувства и ознаменованныя большею или меньшею

степенью истиннаго таланта. Изъ этого видно, какъ рѣдки должны быть люди, обладающіе талантомъ, необходимымъ для дѣтскаго писателя, и какъ глупы люди, презирающіе этимъ родомъ литературной славы! Мы очень рады, что можемъ отдать г. Бурнашеву должную справедливость и увѣрить его, что мы почитаемъ себя въ правѣ многаго надѣяться отъ него. Думаемъ, что онъ и на 1836 годъ подаритъ своихъ читателей такою же книжкою, которая, разумѣется, должна быть еще лучше первой, и въ которой мы найдемъ не одну повѣсть вродѣ и достоинствѣ «Русой косы».

24. **Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.** Сочиненіе *Ксенофонта Полевого*. Москва. 1836. Двѣ части. I—II.

— — Доселѣ у насъ не было біографіи Ломоносова, всѣ извѣстія о его жизни являлись въ разбросанныхъ отрывкахъ, тамъ и сямъ. Г. К. Полевой рѣшился пополнить этотъ важный недостатокъ въ нашей литературѣ и выполнилъ свое намѣреніе съ блестящимъ успѣхомъ. Его книга не романъ и не біографія въ точномъ смыслѣ этого слова. Настоящей біографіи Ломоносова не можетъ и быть, потому что этотъ необыкновенный человѣкъ не оставилъ по себѣ никакихъ записокъ, современники его тоже не позаботились объ этомъ. Да и какъ требовать отъ нихъ этого: они смотрѣли на Ломоносова не какъ на геніальнаго человѣка, а какъ на безпокойную и опасную для общественнаго благосостоянія голову: посредственность ничѣмъ такъ жестоко не оскорбляется, какъ истиннымъ превосходствомъ, и во всякаго рода превосходствѣ видитъ буйство и зажигательство... Итакъ, можетъ быть только хронологическій перечень сочиненій Ломоносова, съ обозначеніемъ главныхъ событій его жизни, но полная картина жизни геніальнаго человѣка исчезла навсегда. Чтобы представить ее, нужно дополнить, расцвѣтить воображеніемъ извѣстные факты, оттушевать фантазіею сухой очеркъ. Такъ и сдѣлалъ г. Полевой. Онъ не позволилъ себѣ ни одного вымышленнаго факта: у него есть вымыселъ; но онъ состоитъ въ разцвѣтленіи живыми подробностями какого-нибудь извѣстнаго факта. — —

Вы читаете не компиляцію, не сборъ фактовъ, а видите живую и полную картину, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе приковывающую къ себѣ ваши глаза. И не могло быть иначе: все созданіе проникнуто идеею, и вы вездѣ, какъ въ общности, такъ и въ малѣйшихъ подробностяхъ, видите эту идею, а эта идея—внутренняя жизнь *человѣка* и *генія*. Взглядъ на Ломоносова самый вѣрный, по крайней мѣрѣ, для насъ, всѣ сужденія о каждомъ отдѣльномъ трудѣ Ломоносова обнаруживаютъ здравыя литературныя понятія; нѣтъ ни малѣйшихъ отступленій отъ истины. Мы разумѣемъ здѣсь истину высшую, истину идеи, которая сообщаетъ истину и изложенію и подробностямъ. Языкъ вездѣ изящный и благородный, по мѣстамъ искусно и удачно поддѣлывающійся подъ старину. Все созданіе проникнуто истинною художественностію, достойною своего высокаго предмета.

Мы уже сказали, что это не романъ и не біографія, въ точномъ смыслѣ этихъ словъ; но это дѣло и ума и фантазіи, это *поэтическая*

біографія, принадлежащая и къ наукѣ и къ искусству—родъ совершенно новый, оригинальный.

Да, мы чистосердечно и добросовѣстно можемъ сказать, что книга г. Ксенофонта Полевого есть пріятное явленіе въ нашей литературѣ, прекрасный подарокъ публикѣ. Мы особенно рекомендуемъ ее молодому поколѣнію, изъ среды котораго готовятся будущіе дѣятели на нивѣ человѣческой мысли: оно найдетъ для себя высокіе уроки въ этой книгѣ, оно увидитъ въ жизни Ломоносова свой долгъ и свое назначеніе, оно узнаетъ изъ нея, что только въ честной и безкорыстной дѣятельности заключается условіе человѣческаго достоинства, что только въ силѣ воли заключается условіе нашихъ успѣховъ на избранномъ поприщѣ. Не всякому природа даетъ геній, не всякому назначено быть Ломоносовымъ, но и безъ генія у человѣка можетъ быть стремленіе къ благу и добрая, если не сильная воля, а съ стремленіемъ къ благу и доброю волею всякій можетъ выполнить свое назначеніе на поприщѣ дѣятельности, отмежеванномъ природою и указанномъ сознаніемъ своей способности! Зрѣлище жизни великаго человѣка есть всегда прекрасное зрѣлище: оно возвышаетъ душу, миритъ съ жизнью, возбуждаетъ дѣятельность!..

1838 г.

*25. **Библіотека дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ.** Сочиненіе *Виктора Бурьянова*. 1837—1838. Санктпетербургъ. Четыре части: I—IV.

Совѣты для дѣтей, или разсказы занимательныхъ анекдотовъ, повѣстей, происшествій и другихъ назидательныхъ примѣровъ (?). посвященныхъ сыновьямъ и дочерямъ (чьимъ?). Новое сочиненіе *г. Бульи*. Съ раскрашенными картинками. Переводъ съ французскаго. *В. Бурьянова*. 1838. С.-Петербургъ.

Зимніе вечера или бесѣды отца съ дѣтьми объ умственныхъ способностяхъ, нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни, обрядахъ и промышленности всѣхъ народовъ земного шара. Соч. *Деттина*. Переведено съ четвертаго французскаго изданія, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями *Викторомъ Бурьяновымъ*. 1838. С.-Петербургъ. Двѣ части: I—II.

Прогулка съ дѣтьми по С.-Петербургу и его окрестностямъ. Сочиненіе *Виктора Бурьянова*. 1838. С.-Петербургъ. Три части: I—III.

Наша литература особенно бѣдна книгами для *воспитанія*, въ обширномъ значеніи этого слова, т. е. какъ *учебными*, такъ и *литературными* дѣтскими книгами. Но эта бѣдность нашей литературы покуда еще не можетъ быть для нея важнымъ упрекомъ. Посмотрите на богатыя литературы французовъ, англичанъ и нѣмцевъ: у всѣхъ у нихъ книгъ много, но читать дѣтямъ почти нечего, или, по крайней мѣрѣ, очень мало. Множество и количество ничего не доказываютъ. У французовъ, напримѣръ, писали для дѣтей Беркенъ, Бульи, г-жа Жанлисъ и прочіе, написали бездну, но повторяемъ—дѣти отъ этого нисколько не богаче книгами для своего чтенія. И это очень

естественно: должно *родиться,* а не *сдѣлаться* дѣтскимъ писателемъ. Тутъ требуется не только талантъ, но и своего рода геній. Да, много, много нужно условій для образованія дѣтскаго писателя: тутъ нужна душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески-простодушная; умъ возвышенный, образованный, взглядъ на предметы просвѣтленный, и не только живое воображеніе, но и живая, поэтическая фантазія, способная представлять все въ одушевленныхъ, радужныхъ образахъ. Не говоримъ уже о любви къ дѣтямъ и о глубокомъ знаніи потребностей, особенностей и оттѣнковъ дѣтскаго возраста. Дѣтскія книги пишутся для воспитанія, а воспитаніе—великое дѣло: имъ рѣшается участь человѣка. Конечно, есть такія богатыя и мощныя субстанціи, которыя спасаютъ людей отъ погибели, вслѣдствіе дурного воспитанія, но не менѣе того несомнѣнно и то, что люди съ этими же самыми субстанціями, при хорошемъ воспитаніи, получили бы еще лучшее опредѣленіе и прямѣе бы дошли до своей цѣли, съ силами свѣжими, неистощенными въ борьбѣ съ случайностями. Не говоримъ уже о томъ, что хорошее воспитаніе дурного дѣлаетъ менѣе дурнымъ, а порядочнаго дѣлаетъ положительно хорошимъ, способствуя ему пріобрѣсти опредѣленіе, равное его субстанціи — что и составляетъ значеніе *дѣйствительности* человѣка, противополагая это слово *призрачности.* Молодыя поколѣнія суть гости настоящаго времени и хозяева будущаго, которое есть ихъ настоящее, получаемое ими какъ наслѣдство отъ старѣйшихъ поколѣній. Каждое новое поколѣніе есть зародышъ будущаго, которое должно сдѣлаться настоящимъ, есть новая идея, готовая смѣнить старую идею. На этомъ и основанъ ходъ и прогрессъ человѣчества. «Не вливаютъ вина молодого въ мѣхи старые», сказалъ нашъ божественный Спаситель, и Онъ-же изрекъ о дѣтяхъ, приведенныхъ къ Нему для благословенія: «Таковыхъ есть царствіе небесное!». Но новое, чтобъ быть дѣйствительнымъ, должно выйдти изъ стараго—и въ этомъ законѣ заключается важность воспитанія, и имъ же условливается важность призванія тѣхъ людей, которые берутъ на себя священную обязанность быть воспитателями дѣтей.

Обыкновенно думаютъ, что душа младенца есть бѣлая доска, на которой можно писать, что угодно. Конечно, нельзя отвергать, что воспитаніе, внѣшнія обстоятельства, опытъ жизни, имѣютъ на человѣка великое и важное вліяніе; но все-таки возможность опредѣленія человѣка, и истиннаго и ложнаго, заключается въ его субстанціи, а субстанція—въ его организмѣ. Каждый человѣкъ есть индивидъ, и какъ хорошимъ, такъ и худымъ можетъ сдѣлаться только по-своему, *индивидуально.* Воспитаніе не дѣлаетъ человѣка, но помогаетъ ему дѣлаться (хорошимъ или худымъ) и поэтому, если душа младенца и въ самомъ дѣлѣ есть бѣлая доска, то качество и смыслъ буквъ, которыя пишетъ на ней жизнь, зависятъ не только отъ пишущаго и орудія писанія, но и отъ свойства самой этой доски. А тутъ еще есть, такъ называемыя нѣкоторыми, *врожденныя идеи,* которыя суть непосредственное созерцаніе истины, заключающееся въ таинствѣ человѣческаго организма. Ребенка нельзя увѣрить, что $2 \times 2 = 5$,

а не 4. Но это аксіома конечнаго разсудка, а есть еще аксіомы разума, развитіе которыхъ и должно составлять цѣль и заботу воспитанія.

Нѣтъ! не бѣлая доска есть душа младенца, а дерево въ зернѣ, человѣкъ въ возможности. Какъ ни старо сравненіе воспитателя съ садовникомъ, но оно глубоко вѣрно, и мы не затрудняемся воспользоваться имъ. Да, младенецъ есть молодой, блѣдно-зеленый ростокъ, едва выглянувшій изъ своего зерна; а воспитатель есть садовникъ, который ходитъ за этимъ росткомъ. Посредствомъ прививки и дикую лѣсную яблоню можно заставить, вмѣсто кислыхъ и маленькихъ яблокъ, давать яблоки садовыя, вкусныя, большія; но тщетны были-бы всѣ усилія искусства заставить дубъ приносить яблоки, а яблоню—жолуди. А въ этомъ-то именно и заключается, по большей части, ошибка воспитанія: забываютъ о природѣ, дающей ребенку наклонности и способности и опредѣляющей его значеніе въ жизни, и думаютъ, что было-бы только дерево, а то можно заставить его приносить что угодно, хоть арбузы вмѣсто орѣховъ.

Для садовника есть правила, которыми онъ необходимо руководствуется при хожденіи за деревьями. Онъ соображается не только съ индивидуальною природою каждаго растенія, но и съ временами года, съ погодою, съ качествомъ почвы. Каждое растеніе имѣетъ для него свои эпохи возрастанія, сообразно съ которыми онъ и располагаетъ свои съ нимъ дѣйствія: онъ не сдѣлаетъ прививки ни къ стебелю, еще не сформировавшемуся въ стволъ, ни къ старому дереву, уже готовому засохнуть. Человѣкъ имѣетъ свои эпохи возрастанія, не сообразуясь съ которыми, въ немъ можно задушить всякое развитіе. Жизнь человѣка проявляется въ движеніи его сознанія. Предметъ сознанія есть истина, всегда одинаковая, всегда ровная, всегда единая, но развивающаяся для человѣка во времени, понимаемая имъ постепенно, въ необходимыхъ и одинъ изъ другого слѣдующихъ моментахъ, и потому представляющаяся ему неуловимою, противорѣчивою, разнообразною. Знать можно только существующее, только то, что есть, и человѣкъ, какъ разумно-сознательная сущность и органъ всего сущаго, самъ для себя есть самый интересный предметъ знанія, и весь остальной, внѣ его находящійся міръ сущаго можетъ сознавать только черезъ себя, перешедши изъ непосредственнаго единства съ нимъ въ распаденіе, а изъ распаденія въ разумное единство.

Въ человѣкѣ двѣ силы познанія: разсудокъ и разумъ. У каждой изъ нихъ своя сфера: конечность есть сфера разсудка, безконечное понятно только для разума. Разумъ въ человѣкѣ необходимо предполагаетъ и разсудокъ, но разсудокъ не условливаетъ собою разума. Разсудокъ, когда онъ дѣйствуетъ въ своей сферѣ, есть также искра Божія, какъ и разумъ, и возвышаетъ человѣка надъ всею остальною природою, какъ ступень сознанія; но когда разсудокъ вступаетъ въ права разума, тогда для человѣка гибнетъ все святое въ жизни, и жизнь перестаетъ быть таинствомъ, но дѣлается борьбою эгоистическихъ личностей, азартною игрою, въ которой торжествуетъ хитрый

и безжалостный, и гибнетъ неловкій или совѣстливый. Разсудокъ, или то, что французы называютъ le bon sens, что они такъ уважаютъ, и представителями чего они съ такою гордостью провозглашаютъ себя, разсудокъ уничтожаетъ все, что, выходя изъ сферы конечности, понятно для человѣка только силою благодати Божіей, силою откровенія; въ своемъ мишурномъ величіи, онъ гордо попираетъ ногами все это, потому только, что онъ безсиленъ проникнуть въ таинство безконечнаго. XVIII вѣкъ былъ именно вѣкомъ торжества разсудка, вѣкомъ, когда все было переведено на ясныя, очевидныя и для *всякаго доступныя* понятія. Разумъ также переводитъ въ опредѣленныя понятія, но уже не конечное, а безконечное; также выговариваетъ опредѣленнымъ словомъ, но уже то, что не подлежитъ чувственному созерцанію, и его опредѣленія и выговариванія не оказываютъ значенія сущаго мертвою неподвижностью разсудка, но, схватывая моментъ вѣчной жизни общаго и абсолютнаго, заключаютъ въ себѣ безконечную возможность опредѣленій дальнѣйшихъ моментовъ. Въ опредѣленіяхъ разсудка смерть и неподвижность; въ опредѣленіяхъ разума жизнь и движеніе. Сознавать можно только существующее: такъ неужели конечныя истины очевидности и соображенія опыта существеннѣе, нежели тѣ дивныя и таинственныя потребности, порыванія и движенія нашего духа, которыя мы называемъ чувствомъ, благодатью, откровеніемъ, просвѣтлѣніемъ? Вотъ въ этомъ-то и заключается причина нападокъ на искусство и философію, которыя нѣкоторымъ людямъ кажутся призраками разстроеннаго воображенія. И они правы, эти люди: сознавать можно только существующее, а для нихъ не существуетъ содержаніе искусства и философіи, это содержаніе, которое, какъ милость Божія, дается человѣку при его рожденіи. А для этихъ людей все призракъ, чего не можно привести въ такую же ясную формулу, какъ то, что $2 \times 2 = 4$.

Говоря о воспитаніи, мы нисколько не отступили отъ своего предмета, начавши говорить о различіи разсудка отъ разума. Пониманіе этого различія должно быть краеугольнымъ камнемъ въ планѣ воспитанія, и первая забота воспитателя должна состоять въ томъ, чтобы не развивать въ дѣтяхъ разсудка насчетъ разума, и даже обратить все свое вниманіе только на развитіе послѣдняго, тѣмъ болѣе, что первый и безъ особенныхъ усилій возьметъ свое. Ежели несносенъ, пошлъ и гадокъ взрослый человѣкъ, который все великое въ жизни мѣряетъ маленькимъ аршиномъ своего разсудка, и о религіи, искусствѣ и знаніи разсуждаетъ, какъ о посѣвѣ хлѣба, или выгодной партіи; то еще отвратительнѣе ребенокъ-резонеръ, который *разсуждаетъ*, потому что еще не въ силахъ *мыслить*. Да, не только развивать—надо душить, въ самомъ ея зародышѣ, эту несчастную способность резонерства въ дѣтяхъ; она изсушаетъ въ нихъ источники жизни, любви, благодати; она дѣлаетъ ихъ молоденькими старичками, становитъ на ходули. Не говорите дѣтямъ о томъ, что такое Богъ: они не поймутъ вашихъ конечныхъ и отвлеченныхъ опредѣленій безконечнаго существа; но заставьте дѣтей полюбить Его, этого Бога, который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпи-

тельномъ блескѣ солнца, и въ торжественномъ великолѣпіи возстающаго дня, и въ грустномъ величіи наступающей ночи, и въ ревѣ бури, и въ раскатахъ грома, и въ цвѣтахъ радуги, и въ зелени лѣсовъ, и во всемъ, что есть въ природѣ живого, такъ безмолвно и вмѣстѣ такъ краснорѣчиво говорящаго душѣ юной и свѣжей, и, наконецъ, во всякомъ благородномъ порывѣ, во всякомъ чистомъ движеніи ихъ младенческаго сердца. Не разсуждайте съ дѣтьми о томъ, какое наказаніе полагаетъ Богъ за такой-то грѣхъ, не показывайте имъ Бога, какъ грознаго, карающаго судію, но учите ихъ смотрѣть на него безъ трепета и страха, какъ на отца, безконечно-любящаго своихъ дѣтей, которыхъ Онъ создалъ для блаженства, и которыхъ блаженство Онъ искупилъ мученіемъ на крестѣ. Внушайте дѣтямъ страхъ Божій какъ начало премудрости, но дѣлайте такъ, чтобы этотъ страхъ вытекалъ изъ любви-же, и чтобы не боязнь наказанія, но боязнь оскорбить Отца, благого, любящаго, а не грознаго и мстящаго, производила этотъ страхъ. Обращайте ваше вниманіе не на истребленіе недостатковъ и пороковъ въ дѣтяхъ, но на наполненіе ихъ животворящею любовію: будетъ любовь, не будетъ пороковъ. Истребленіе дурного безъ наполненія хорошимъ—безплодно: оно производитъ пустоту, а пустота безпрестанно наполняется пустотою-же: выгоните одну, явится другая. Любви, безконечной любви—все остальное призрачно и ничтожно. «Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ».

Теперь предстоитъ вопросъ: это цѣль воспитанія, а гдѣ-же путь къ этой цѣли? Вопросъ этотъ такъ глубокъ и обширенъ, что для рѣшенія его мало книги, не только журнальной статьи. Но мы хотимъ слегка взглянуть на него съ одной стороны—въ приложеніи къ дѣтскимъ книгамъ, съ чего мы и начали.

Мы выше сказали, что для человѣка истина существуетъ прежде всего, какъ *непосредственное созерцаніе*, въ глубинѣ его духа заключающееся. Этимъ-то непосредственнымъ созерцаніемъ человѣкъ видитъ истину, какъ-бы по какому-то инстинкту, и, не будучи въ состояніи доказать ея или вывести изъ логической необходимости ея очевидности, не сомнѣвается въ ней. Это есть то, что въ людяхъ съ искрою Божіею называется убѣжденіемъ, вѣрою, откровеніемъ, или религіознымъ постиженіемъ истины. Но, повторяемъ, дитя можетъ только *разсуждать*, что составляетъ пустоцвѣтъ жизни, и не можетъ еще *мыслить*, что составляетъ истинный, плодотворный цвѣтъ жизни. Теперь очень естественно рождается вопросъ: въ чемъ должно состоять воспитаніе дѣтей, что должно оно развивать въ нихъ, если не *мысль*, которая еще не существуетъ для нихъ?

Основу, сущность, элементъ высшей жизни въ человѣкѣ составляетъ его внутреннее ощущеніе безконечнаго, которое, какъ *чувство*, лежитъ въ его организаціи. Чувство безконечнаго есть искра Божія, зерно любви и благодати, живой электрическій проводникъ между человѣкомъ и Богомъ. Степени этого чувства различны въ людяхъ, по глаголу Христа: «И далъ одному пять талантовъ, другому два, третьему одинъ, каждому по его силѣ»; но мѣрою глубины этого чувства из-

мѣряется достоинство человѣка и близость его къ источнику жизни—къ Богу. Все человѣческое знаніе должно быть выговариваніемъ, переведеніемъ на понятія, опредѣленіемъ, словомъ—сознаніемъ таинственныхъ проявленій этого чувства, безъ котораго, поэтому, всѣ наши понятія и опредѣленія суть слова безъ смысла, форма безъ содержанія, сухая, безплодная и мертвая отвлеченность. Безъ чувства безконечнаго въ человѣкѣ не можетъ быть и внутренняго, духовнаго созерцанія истины, потому что непосредственное созерцаніе истины основывается, какъ на фундаментѣ, на чувствѣ безконечнаго. Это чувство есть даръ природы, результатъ счастливой организаціи, и потому свойственно и дѣтямъ, въ которыхъ лежитъ какъ зародышъ—и развитіе, возращеніе этого зародыша и должно составлять главную заботу воспитанія. Но какимъ путемъ, какимъ средствомъ должно совершиться это развитіе и возращеніе?

Мы сказали, что живая, поэтическая фантазія есть необходимое условіе, въ числѣ другихъ необходимыхъ условій, для образованія писателя для дѣтей: чрезъ нее и посредствомъ ея долженъ онъ дѣйствовать на дѣтей. Въ дѣтствѣ фантазія есть преобладающая способность и сила души, первый посредникъ между духомъ ребенка и внѣ его находящимся міромъ дѣйствительности. Дитя не требуетъ выводовъ, доказательствъ и логической послѣдовательности: ему нужны образы, краски и звуки. Дитя не любитъ идей: ему нужны исторійки, повѣсти, сказки, разсказы. И посмотрите, какъ сильно у дѣтей стремленіе ко всему фантастическому, какъ жадно слушаютъ они разсказы о мертвецахъ, привидѣніяхъ, волшебствахъ. Что это показываетъ?—потребность безконечнаго, начало чувства поэзіи, которя находятъ для себя удовлетвореніе пока еще только въ одномъ чрезвычайномъ, отличающемся неопредѣленностью идеи и яркостью красокъ Чтобы говорить образами, надо если не быть поэтомъ, то по крайней мѣрѣ, быть разсказчикомъ и имѣть фантазію живую, рѣзвую, радужную Чтобы говорить образами съ дѣтьми, надо знать дѣтей, надо самому быть взрослымъ ребенкомъ, не въ пошломъ значеніи этого слова, но родиться съ характеромъ младенчески-простодушнымъ. Есть люди, которые любятъ дѣтское общество и умѣютъ занять его и разсказомъ и разговоромъ и даже игрою, принявъ въ ней участіе; дѣти, съ своей стороны, встрѣчаютъ этихъ людей съ шумною радостью, слушаютъ ихъ со вниманіемъ, и смотрятъ на нихъ съ откровенною довѣрчивостью, какъ на своихъ друзей. Про такого человѣка у насъ, на Руси, говорятъ: *это дѣтскій праздникъ*. Вотъ такихъ-то «дѣтскихъ праздниковъ» нужно и для дѣтской литературы. Да—много, очень много условій! Такіе писатели, подобно поэтамъ, родятся, а не дѣлаются...

Чѣмъ обыкновенно отличаются повѣсти для дѣтей?—дурно склееннымъ разсказомъ, пересыпаннымъ нравственными сентенціями. Цѣль такихъ повѣстей—обманывать дѣтей, искажая дѣйствительность. Тутъ обыкновенно хлопочутъ изо всѣхъ силъ убить въ дѣтяхъ всякую живость, рѣзвость и шаловливость, которыя составляютъ необходимое условіе юнаго возраста, вмѣсто того, чтобы стараться дать

имъ хорошее направленіе и сообщить характеръ доброты, откровенности и граціозности. Потомъ стараются пріучить дѣтей обдумывать и взвѣшивать всякій ихъ поступокъ, словомъ, сдѣлать ихъ благоразумными резонерами, которые годятся только для классической комедіи; а не думаютъ о томъ, что все дѣло во внутреннемъ источникѣ духа, что если онъ полонъ любовью и благодатью, то и внѣшность будетъ хороша, и что, наконецъ, нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ мальчишка-резонеръ, свысока разсуждающій о нравственности, заложивъ руки въ карманъ.. А потомъ что еще?—потомъ стараются увѣрять дѣтей, что Богъ наказываетъ за всякій проступокъ и награждаетъ за всякое хорошее дѣйствіе. Истина святая—не споримъ: но объяснять дѣтямъ *наказаніе* и *награжденіе* въ буквальномъ, внѣшнемъ и, слѣд., случайномъ смыслѣ—значитъ обманывать ихъ. А по смыслу и разумѣнію (разумѣется, *крайнему*) всѣхъ дѣтскихъ книжекъ награда за добро состоитъ въ долголѣтней жизни, богатствѣ, выгодной женитьбѣ—прочтите хоть, напр., повѣсти Коцебу, написанныя имъ для собственныхъ дѣтей. Но дѣти только неопытны и легкомысленны, но отнюдь не глупы—и отъ всей души смѣются надъ своими мудрыми наставниками. И это еще спасеніе для дѣтей, если они не позволяютъ такъ грубо обманывать себя; но горе имъ, если они повѣрятъ: ихъ разувѣритъ горькій опытъ и наброситъ въ ихъ глазахъ темный покровъ на прекрасный Божій міръ. Каждый изъ нихъ собственнымъ опытомъ узнаетъ, что безстыдный лѣнтяй часто получаетъ похвалу на счетъ прилежнаго, что наглый затѣйникъ шалости непризнательностью отдѣлывается отъ наказанія, а сдѣлавшій шалость и чистосердечно признавшійся въ ней нещадно наказывается; что честность часто не только не даетъ богатства, но дѣлаетъ еще бѣднѣе, и пр. Да, все это, къ несчастью, узнаетъ каждый изъ нихъ. Но не каждый изъ нихъ узнаетъ, что наказаніе за худое дѣло производится самымъ этимъ дѣломъ и состоитъ въ отсутствіи изъ души благодатной любви, мира и гармоніи, единственныхъ источниковъ истиннаго счастья; что награда за доброе дѣло опять-таки происходитъ отъ самаго этого дѣла, которое даетъ человѣку сознаніе своего достоинства, сообщаетъ его душѣ спокойствіе, гармонію, чистую радость и чрезъ то дѣлаетъ ее храмомъ Божьимъ, потому что Богъ тамъ, гдѣ безмятежная, просвѣтленная радость, гдѣ любовь. А обо всемъ этомъ должны бы дѣтямъ говорить дѣтскія книжки. Онѣ бы должны были внушать имъ, что счастье не во внѣшнихъ и призрачныхъ случайностяхъ, а въ глубинѣ души, что не блестящій, не богатый, не знатный человѣкъ любимъ Богомъ, но «сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнномъ украшеніи кроткаго и спокойнаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ», какъ говоритъ св. апостолъ Петръ. Онѣ бы должны были показать имъ, что міръ и жизнь прекрасны такъ, какъ они есть, но что независимость отъ ихъ случайностей состоитъ не въ коврѣ самолетѣ, не въ волшебномъ прутикѣ, мановеніе котораго воздвигаетъ дворцы, вызываетъ легіоны хранительныхъ духовъ, съ пламенными мечами, готовыхъ наказать злыхъ преслѣдователей и обидчиковъ, но въ свободѣ духа, который силою божественной, христіанской любви

торжествуетъ надъ невзгодами жизни и бодро переноситъ ихъ, почерпая свою силу въ этой любви. И если бы все это онѣ передавали имъ не въ истертыхъ сентенціяхъ, не въ холодныхъ нравоученіяхъ, не въ сухихъ разсказахъ, а въ повѣствованіяхъ и картинахъ, полныхъ жизни, движенія, проникнутыхъ одушевленіемъ, согрѣтыхъ теплотою чувства, написанныхъ языкомъ легкимъ, свободнымъ, игривымъ, цвѣтущимъ въ самой своей простотѣ—то могли бы служить однимъ изъ самыхъ прочныхъ основаній и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для воспитанія дѣтей. И какое обширное, богатое поле представляется такимъ писателямъ: не говоря уже объ источникѣ ихъ собственной фантазіи, религія, исторія, географія, естествознаніе—умѣйте только пожинать! Да, для дѣтей предметы тѣ же, что и для взрослыхъ людей, только изложенные сообразно съ ихъ понятіемъ, а въ этомъ-то и заключается одна изъ важнѣйшихъ сторонъ этого дѣла. Какіе богатые матеріалы представляетъ одна исторія! Показать душѣ юной, чистой и свѣжей примѣры высокихъ дѣйствій представителей человѣчества, дѣйствительность добра и призрачность зла—не значитъ ли это возвысить ее? Провести дѣтей по тремъ царствамъ природы, пройти съ ними по всему земному шару съ его многолюдными населеніями и пустынями, съ его сушею и океанами—не значитъ ли это показать имъ Творца въ Его твореніи, заставить ихъ возлюбить Его и возблаженствовать этою любовью?.. Пишите, пишите для дѣтей, но только такъ, чтобы вашу книгу съ удовольствіемъ прочелъ и взрослый и, прочтя, перенесся бы мечтою въ свѣтлые годы своего младенчества... Главное дѣло, какъ можно меньше сентенцій, нравоученій и резонерства: ихъ не любятъ и взрослые, а дѣти просто ненавидятъ. Они хотятъ въ васъ видѣть друга, а не наставника, требуютъ отъ васъ наслажденія, а не скуки, разсказовъ, а не поученій. Дитя веселое, доброе, живое, рѣзвое, жадное до впечатлѣній, страстное къ разсказамъ, не *чувствительное*, а *чувствующее*—такое дитя есть дитя Божіе: въ немъ играетъ юная, благодатная жизнь, и надъ нимъ почіетъ благословеніе Божіе. Пусть дитя шалитъ и проказитъ, лишь бы его шалости и проказы не были вредны и не носили на себѣ отпечатка физическаго и нравственнаго цинизма; пусть оно будетъ безразсудно, опрометчиво, лишь бы оно не было глупо и тупо; мертвенность же и безжизненность хуже всего. Но ребенокъ разсуждающій, ребенокъ благоразумный, ребенокъ-резонеръ, ребенокъ, который всегда остороженъ, никогда не сдѣлаетъ шалости, ко всѣмъ ласковъ, вѣжливъ, предупредителенъ, и все это по разсчету, то горе вамъ, если вы сдѣлали его такимъ!.. Вы убили въ немъ чувство и развили конечный разсудокъ; вы заглушили въ немъ благодатное сѣмя безсознательной любви и возрастили въ немъ резонерство... Бѣдныя дѣти, сохрани васъ Богъ отъ осы, кори и сочиненій Беркена, Жанлисъ и Бульи!..

Много, много еще можно бы было сказать объ этомъ предметѣ, но мы и такъ уже заговорились больше, нежели сколько позволяютъ предѣлы библіографической статьи и совсѣмъ потеряли изъ виду книжки г. Бурьянова, подавшія намъ поводъ къ этимъ разсужденіямъ.

Что же онѣ, эти книжки г. Бурьянова? А вотъ постойте, сейчасъ скажемъ. Г. Бурьяновъ пишетъ для дѣтей такъ много, что одинъ журналъ назвалъ его за плодовитость дѣтскимъ Вальтеръ-Скоттомъ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Бурьяновъ много пишетъ, и потому между нимъ и В. Скоттомъ удивительное сходство! Противъ этого нечего и спорить. А, между тѣмъ, г. Бурьяновъ все-таки самый усердный и дѣятельный писатель для дѣтей, и если бы въ литературной дѣятельности этого рода все ограничилось только усердіемъ и дѣятельностью, т. е. если бы тутъ не требовалось еще призванія, таланта, высшихъ понятій о своемъ дѣлѣ и, наконецъ, знанія языка, то мы бы первые были готовы оставить за нимъ имя какого угодно генія, начиная отъ Гомера до Гёте вступительно. Но... что и какъ переводитъ и пишетъ г. Бурьяновъ?—а вотъ посмотримъ.

Первая изъ четырехъ поименованныхъ нами книгъ г. Бурьянова «Библіотека дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ» есть его сочиненіе и можетъ служить образчикомъ его сочиненій въ этомъ родѣ, а вторая, «Совѣты для дѣтей» Бульи, есть его переводъ и можетъ служить образчикомъ выбора и достоинства его переводовъ. Перваго сочиненія мы прочли только одну часть. Нравственное начало есть жизнь этого сочиненія: вотъ его лучшая и полная характеристика. Порокъ или исправляется или наказывается, добродѣтель торжествуетъ—это ужъ само-собою разумѣется; но не всякій догадается, что *русскія* повѣсти г. Бурьянова суть переложенія французскихъ на русскіе нравы, или, лучше сказать, на русскія имена и фамиліи,—то-же, что русскіе водевили. Но есть и оригинальныя—мы прочли какого-то «Новаго кавказскаго плѣнника»—и задумались надъ словомъ «новый»: какой же «старый»—неужели Пушкина? но—въ такомъ случаѣ—что за отношеніе между ними? ужъ не такое-ли, какъ между г. Бурьяновымъ и В. Скоттомъ?—можетъ быть! Мы уже не говоримъ, что въ этой повѣсти нѣтъ ни характеровъ, ни лицъ, ни природы кавказской, ни красокъ, ни теплоты душевной, ни умѣнія разсказывать, а, слѣд. и занимательности, ни слога—ничего этого мы и не искали въ ней, но намъ показалось досаднымъ искаженіе мѣстностей Пятигорска: у г. Бурьянова Эльборусъ выглядываетъ изъ за Бештау, тогда какъ Бештау стоитъ вправѣ отъ Пятигорска и всторонѣ отъ Эльборуса; черкесъ, набросивъ на голову лошади бурку (?), низвергается съ берега въ Подкумокъ, тогда какъ берега Подкумка чуть не вровень съ водою, а самъ онъ глубиною—воробью по колѣно; низверженныя грозою огромныя сосны лежатъ черезъ бурные потоки, служа г. Бурьянову мостами, тогда какъ, въ окрестностяхъ Пятигорска, ни на Машукѣ, ни на Бештау, ни на другихъ близкихъ къ нимъ горахъ нѣтъ ни потоковъ, ни сосенъ, даже маленькихъ, не только большихъ, а растетъ жалкій дубовый кустарникъ, едва въ ростъ человѣка. Мы не читали сочиненія г. Бурьянова «Прогулка съ дѣтьми по Россіи»; но послѣ такого вѣрнаго описанія Пятигорска смѣемъ думать, что немного правды о Россіи выводятъ дѣти изъ этой безконечной прогулки.

«Совѣты для дѣтей»—превосходны: чистѣйшая нравственность

такъ и блеститъ въ нихъ, вмѣстѣ съ лубочными картинками, на которыхъ она представлена въ лицахъ. Не угодно-ли полюбоваться?— Малютки—братъ и сестра, дѣти бѣднаго солдата, пошли съ кувшиномъ за водою, и мальчикъ разбилъ кувшинъ. Сдѣлавши бѣду, онъ началъ плакать, боясь, что отецъ его жестоко накажетъ; сестра предлагаетъ ему снять вину на себя; мальчикъ наотрѣзъ отказывается отъ такого ужаснаго самопожертвованія. Этотъ споръ великодушія подслушиваетъ за деревьями одна достаточная вдова; даритъ мальчику новый кувшинъ, приговаривая: «Вотъ что значитъ никогда не лгать: рано или поздно Богъ награждаетъ насъ за это». Потомъ богатая вдова выводитъ изъ бѣдности стараго солдата, отца малютокъ, осыпавъ его своими благодѣяніями, и изо всего этого снова выводится святое правило, что «быть добрымъ и никогда не лгать очень выгодно, потому что за это платится наличною звонкою монетою». А каковъ переводъ этой книжки—извольте полюбоваться: «Дѣти эти были: Томи, двѣнадцатилѣтній рѣзвый, здоровый и чрезвычайно прямодушный ребенокъ, живое изображеніе отца, и Ниса, его сестра, хорошенькая, десятилѣтняя дѣвочка, очень обходительная и ласковая въ обращеніи, *одаренная* милымъ личикомъ, *носившимъ* выраженіе кроткаго, хотя и живого характера, *заимствованнаго* (?) ею отъ почтенной ея матери, *бывшей* нѣкогда горничною въ домѣ одной знатной госпожи, гдѣ, конечно, ей было очень хорошо; однако, эта добрая женщина, не желая разставаться съ мужемъ, страстно ею *любимымъ*, послѣдовала за нимъ въ армію въ званіи маркитантши». Какой длинный періодъ, что за роскошь въ причастіяхъ, дѣйствительныхъ и страдательныхъ!.. Бѣдныя дѣти! мало того, что г. Булы изсушаетъ въ вашихъ юныхъ сердцахъ благоухающій цвѣтъ чувства и выращаетъ въ нихъ пырей и бѣлену резонерства—г. Бурьяновъ еще убиваетъ въ васъ и всякую возможность говорить и писать по-человѣчески на своемъ родномъ языкѣ!...

«Зимніе вечера», сочиненіе какого-то г. Деппинга, имѣло во всей Европѣ чрезвычайный успѣхъ, какъ увѣряетъ г. Бурьяновъ въ предисловіи къ этой книгѣ, переведенной имъ съ четвертаго изданія. Можетъ-быть, эта книга и въ самомъ дѣлѣ хороша, но такъ какъ мы не читали ея въ подлинникѣ, а г. Бурьяновъ столько-же передѣлалъ эту книгу, сколько и перевелъ ее, то, зная направленіе переводчика, мы и не почитаемъ себя вправѣ судить о ней. По крайней мѣрѣ, въ переводѣ-то она показалась намъ довольно сухимъ и утомительнымъ изложеніемъ фактовъ. А вѣдь было-бы гдѣ развернуться! Показать дѣтямъ міръ Божій въ картинѣ человѣческихъ племенъ и обществъ — богатый предметъ! Особенно намъ не понравилось обиліе сентенцій тамъ, гдѣ само дѣло говоритъ за себя. Но что хуже всего, такъ это то, что авторъ или (что вѣроятнѣе) переводчикъ безпрестанно выхваляетъ добродѣтель дикихъ народовъ— безусловное уваженіе къ старости и безусловное повиновеніе ей, не скрывая, въ то-же время, обычая многихъ дикарей—убивать своихъ престарѣлыхъ отцовъ. Хорошо уваженіе! И что за добродѣтель

такая — безусловное уваженіе и покорность старости? Представьте себѣ, что какое-нибудь благовоспитанное дитя, повѣривъ г. Бурьянову, вздумаетъ не только безусловно уважать, но и безусловно повиноваться сѣдому камердинеру, сѣдому старостѣ, лакею своего отца, первому встрѣтившемуся сѣдому нищему: куда-бы повела его эта *безусловность* повиновенія сѣдинѣ? Да и вообще надо осторожно восхищаться добродѣтелями дикихъ; и въ самой Европѣ, въ образованнѣйшихъ государствахъ, чернь дика и звѣрообразна съ своей нравственной стороны: чего-же хотите вы отъ дикарей—этихъ существъ, стоящихъ на степени животныхъ. Первая точка отправленія духовнаго развитія людей есть соединеніе ихъ въ гражданскія общества, а дикари цѣлыя тысячелѣтія живутъ, чуждаясь гражданственности. Въ Америкѣ, напримѣръ, они совсѣмъ истребляются, тѣснимые Штатами: такъ истребляется звѣрь изъ того мѣста, гдѣ водворится человѣкъ. И у этихъ-то полулюдей велятъ нашимъ дѣтямъ учиться нравственности!... Но эти разсужденія, можетъ быть, слишкомъ высоки и неумѣстны, когда дѣло идетъ о книжкахъ г. Бурьянова, и потому мы перейдемъ къ предмету, ближайшему къ нимъ, и въ другой разъ попросимъ нашихъ читателей полюбоваться переводомъ г. Бурьянова: «Бураномъ называется на сѣверѣ ураганъ или чрезвычайно сильный вѣтеръ, свирѣпствующій часто съ такимъ неистовствомъ, что не только вырываетъ деревья съ корнями, ломаетъ крыши, заноситъ дорогу, но отбрасываетъ въ сторону овецъ, а человѣкъ, не бывъ въ состояніи противостоять его порывамъ, и, блуждая въ взволновавшейся снѣжной пустынѣ, принужденъ бываетъ лечь на землю, гдѣ зарытый съ ногъ до головы въ снѣгъ, который падаетъ на него съ неба большими хлопьями и налегаетъ густыми столбами, погоняемыми вѣтромъ, ожидаетъ терпѣливо окончанія бури, чтобы снова при свѣтѣ и въ тихую погоду продолжать свой путь». Не правда ли, что это образецъ длинныхъ періодовъ и разговорнаго слога?...

«Прогулка съ дѣтьми по С.-Петербургу» есть самое скучное и голословное исчисленіе зданій и достопримѣчательностей Петербурга. А и тутъ было-бы гдѣ развернуться, потому что въ Петербургѣ нѣтъ ни одного зданія, котораго видъ не пробуждалъ-бы въ памяти какого-нибудь случая, какой-нибудь подробности о его великомъ основателѣ—Петрѣ, нашей народной гордости и славѣ, и его великихъ наслѣдникахъ. И г. Бурьяновъ кое-гдѣ и берется за это, но его описанія вялы, холодны, мелочно-подробны и касаются больше до ширины и вышины стѣнъ; а его воспоминанія очень походятъ на общія мѣста. Онъ даже выписываетъ мѣстами приличные стихи изъ Пушкина и Жуковскаго, но, вмѣстѣ съ ними, прилагаетъ и вирши Рубана. Нѣтъ, это книжка не для дѣтей; скучно, утомительно, и безплодно будетъ имъ читать ее: они ничего не упомнятъ изъ нея, потому что дѣти понимаютъ и помнятъ не разсудкомъ и памятью, а воображеніемъ и фантазіею, а что за пища воображенію и фантазіи эти статистическія описанія, эти сухія, голословныя исчисленія безчисленныхъ фактовъ? Намъ скажутъ: «это займетъ дѣтей и удер-

жить ихъ отъ рѣзвости и шалостей». Положимъ, что и такъ, но что за польза въ этомъ! нѣтъ, пусть лучше дѣти шалятъ и рѣзвятся— это необходимо въ ихъ возрастѣ, пусть лучше бѣгаютъ по саду или полю и привыкаютъ созерцать живую природу въ ея красотѣ— это развиваетъ въ нихъ чувство безконечнаго: а такое препровожденіе времени въ тысячу разъ полезнѣе, нежели чтеніе подобныхъ книгъ...

*26. **Новая энциклопедическая русская азбука и общеполезная дѣтская книга чтенія.** Составилъ по иностраннымъ образцамъ, съ принаровленіемъ къ отечественному воспитанію, *Викторъ Бурьяновъ*. 1838. Санктъ-Петербургъ.

Энциклопедизмъ этой азбуки, украшенной лубочными картинками, состоитъ въ томъ, что г. Бурьяновъ учитъ въ ней сперва выговаривать трудные слоги—*вде, вщи, дбы, тря, тшю, фчы, штя, мпы, щмю* и т. п.; потомъ, предлагаетъ, для упражненія, употребительнѣйшія молитвы и десятисловіе съ объясненіями; далѣе, исторійки, изъ которыхъ ясно видна выгода быть добрымъ; и наконецъ на 230 страницахъ, крупной печати, въ 16-ю долю листа, проходитъ съ дѣтьми геологію, физическую и математическую географію, астрономію, естественную исторію (минералогію, ботанику и зоологію), священную исторію, всеобщую и русскую географію, всеобщую и русскую исторію, грамматику и, наконецъ, ариѳметику. Разумѣется, все это изложено слогомъ г. Бурьянова. На концѣ книжки приложено нѣсколько басенъ Хемницера, а между ними не знаемъ чья-то, слѣдующая:

Собака ловитъ мухъ, однако не поймаетъ;
И глупая не разсуждаетъ,
Что муха вѣдь летаетъ,
Лови, собака; то́, что́ сыщешь подъ ногой;—
Не то́, что надъ твоей летаетъ головой.

Превосходная, чудесная басня! чудесная, превосходная азбука!.. что, если это лучшая русская азбука? Бѣдныя дѣти!..

*27. **Дѣтскій альбомъ на 1838 годъ.** Собраніе повѣстей, разсказовъ и драматическихъ разговоровъ. Подарокъ на праздникъ *А. Попова*. 1838. Санктъ-Петербургъ. Двѣ книжки: I—II.

Г. Поповъ идетъ по одной дорогѣ съ г. Бурьяновымъ: перебивается общими мѣстами о нравственности и думаетъ, что дѣйствуетъ на образованіе дѣтей. Въ одной изъ своихъ сказочекъ, бѣдныхъ содержаніемъ и богатыхъ фразами, онъ совѣтуетъ дѣтямъ наблюдать строгую осторожность въ выборѣ друзей. Но что такое дружба? Какъ и любовь, она есть взаимное пониманіе *въ общемъ* двухъ субъектовъ. Во всякомъ другомъ случаѣ дружба есть привычка, иль связь, основанная на взаимныхъ эгоистическихъ выгодахъ. Чрезъ что завязывается истинная дружба между людьми?—чрезъ стремленіе къ общему, другими словами, чрезъ любовь къ истинѣ. Какъ одинъ человѣкъ можетъ узнать внутреннюю жизнь другого?—чрезъ обмѣнъ мыслей и

чувствъ. Въ чемъ-же заключается тайна сближенія двухъ человѣкъ равной субстанціи, но еще не узнавшихъ другъ друга съ ихъ нравственной стороны?—въ симпатіи, причина которой заключается въ родствѣ ихъ субстанцій, по русской пословицѣ: «*душа душѣ даетъ* вѣсть». Теперь какимъ образомъ можно дать почувствовать дѣтямъ таинство истинной дружбы и предохранить ихъ отъ увлеченій ложной?—растолковавши имъ значеніе дружбы, какъ взаимнаго пониманія двухъ субъектовъ въ святомъ таинствѣ жизни. Разумѣется, что это толкованіе должно быть сдѣлано понятно для дѣтей и не въ разсужденіи, а въ повѣсти или драмѣ, такъ, чтобы дѣло говорило само за себя, и дѣти могли-бы сами вывести для себя мысль этого сочиненія, безъ помощи нравственныхъ сентенцій со стороны автора. А для этого, разумѣется, нуженъ талантъ и талантъ. По крайней мѣрѣ, мы такъ думаемъ; но г. Поповъ думаетъ объ этомъ иначе, или совсѣмъ не думаетъ объ этомъ. Жалѣемъ!...

*28. **Древняя исторія для юношества.** Сочиненіе *Ламе-Флери* (.) Переводъ съ французскаго. Санктпетербургъ. 1838.

Древняя исторія, разсказанная дѣтямъ. Сочиненіе *Ламе-Флери.* Переводъ съ французскаго. Санктпетербургъ. 1838.

Греческая исторія, разсказанная дѣтямъ. Сочиненіе *Ламе-Флери.* Переводъ съ французскаго. Санктпетербургъ. 1838.

Вотъ два перевода и два изданія одного и того-же сочиненія, состоящаго въ подлинникѣ изъ *девяти* книжекъ, которыя гг. переводчики хотятъ передать на русскій языкъ всѣ. Хорошее-бы дѣло: наша дѣтская и учебная литература такъ бѣдны! Худо только то, что эта книга есть плохая компиляція, безъ всякой жизни, мысли и внутренней связи, и, взамѣнъ этого, безпощадно начиненная плоскими нравственными сентенціями. Для какихъ дѣтей назначается эта книжка?—Для дѣтей отъ 3 до 7 лѣтъ?—но такія дѣти играютъ и слушаютъ басенки и сказочки, а не учатся исторіи. Для дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ?—но они ничего не узнаютъ дѣльнаго изъ этого безобразнаго сборника фактовъ. Это не учебная исторія, это исторія для чтенія—скажутъ намъ. Все равно—вздоръ все вздоръ, какъ ни перевернете его. Задача такой исторіи должна состоять въ томъ, чтобы безъ разсужденій, умствованій, умничаній и сентенцій *однимъ только картиннымъ изображеніемъ фактовъ* дать дѣтямъ *почувствовать* идею общей жизни человѣчества. А въ этихъ книжонкахъ именно этого-то и нѣтъ.

Первый переводъ, т. е. «Древней исторіи для юношества» недуренъ, даже хорошъ; но второй—очень плохъ, для доказательства чего достаточно слѣдующаго періода, въ которомъ видно крайнее незнаніе правилъ русскаго языка: «Всѣ сановники, старые друзья отца его, упрашивали не дѣлать этого, представляя ему, что, *будучи весь покрытъ потомъ, такая неосторожность можетъ причинить ему* внезапную смерть». Въ другомъ мѣстѣ, этотъ-же переводчикъ заставляетъ Дарія, какъ какого-нибудь колдуна, *оборачиваться* въ широкій плащъ.

*29. **Восемь дней ваканціи или время идетъ скоро,** повѣсть въ

восьми отдѣленіяхъ. Съ 10 картинами. Переводъ съ французскаго. Москва. 1838.

Очень миленькая дѣтская книжка! Содержаніе ея весьма просто и поучительно безъ сентенцій. Но переводъ убилъ достоинство оригинала: во-первыхъ, дѣтскія книжки должны быть писаны самымъ легкимъ и разговорнымъ языкомъ, а конструкція періодовъ г. переводчика отзывается книжнымъ языкомъ. Сверхъ того, онъ употребляетъ такія слова, которыя въ разговорахъ не употребляются и взрослыми, не только дѣтьми. Напримѣръ: «Ну ужъ этого никакъ не будетъ, *ибо* я очень радъ *сему происшествію*». А *сіе происшествіе* состоитъ въ томъ, что собака испугала кошку, *ибо оную* не успѣли отъ *сей* спрятать.

Переводчику надобно-бъ было или перевести книжку, какъ она есть, или передѣлать ее на русскіе нравы: но онъ оставилъ въ ней французскія имена, французскіе обычаи, и внесъ въ нее стихи Крылова, Пушкина, дурной и грубый переводъ флоріановой басни; заставляетъ дѣтей кликать собаку *венезиси* вмѣсто *venez ici*.

Изданіе очень недурно; но нѣкоторыя картинки едва сносны, а иныя просто уродливы.

1839 г.

30. Искусство брать взятки. Восточная сказка. Сочиненіе *В. Серебренникова.* Москва. 1838.

Три бездѣлки. Сочиненіе *В. Серебренникова.* Москва. 1838.

— Вездѣ есть зло, вездѣ есть свои дурныя стороны. Петербургскіе журналы (особенно одинъ изъ нихъ) нападаютъ на Москву за дурную сторону ея литературы—за плохія изданія, за множество вздорныхъ сочиненій, ежегодно появляющихся въ ней. Дѣйствительно, въ Москвѣ образовался особенный родъ литературы, особенный литературный міръ. Эта литература ходитъ во фризовой шинели, рѣдко брѣетъ бороду, умывается и причесывается развѣ по торжественнымъ праздникамъ; печатается она въ типографіяхъ гг. Кузнецова, Смирнова и Кирилова; ея поприще и кругъ дѣйствія—толкучій рынокъ: тамъ процвѣтаютъ книжные магазины ея Лавока и Мурраевъ; ея посредники—ходебщики; ея публика—сидѣльцы *овощныхъ* лавокъ и вообще люди, для которыхъ все печатное должно быть хорошо. Такъ-это правда; но развѣ этого нѣтъ въ Петербургѣ, конечно, въ петербургской формѣ? Вся разница въ бумагѣ и печати, и развѣ—и то не всегда—въ большей грамотности. По крайней мѣрѣ, мы беремся цифрами доказать, что разница не въ числѣ, а только въ лучшей бумагѣ и лучшихъ буквахъ. Но, во всякомъ случаѣ, зло совсѣмъ не такъ велико, какъ думаютъ: стоитъ только взглянуть на предметъ съ другой стороны, чтобы во злѣ увидить добро. Не всѣ-же могутъ читать Вальтера-Скотта и Купера: есть люди, которымъ нужны и «Милордъ Англійскій», и «Гуакъ или непобѣдимая вѣрность», и «Филатки съ Мирошками». Вѣдь имъ надо-же что-нибудь читать, а кто читаетъ *что-нибудь*, уже гораздо выше того, кто *ничего* не читаетъ. Чтеніе должно быть по плечу чтецу, и въ чтеніи должна быть своя постепенность,

свой ходъ, свое развитіе: иной отъ «Англійскаго Милорда» доходитъ до «Ивана Выжигина» и на немъ останавливается; а иной, начавъ «Гуакомъ или непоколебимою вѣрностью» и перешедши черезъ все многочисленное поколѣніе «Выжигиныхъ», доходитъ до Вальтеръ-Скотта и Купера. Но и тотъ, кто, начавши съ «Милордовъ» и «Гуаковъ», на нихъ и остановился—и тотъ, говорю я, уже далеко опередилъ того, кто ничего не читаетъ. И такъ пусть читаетъ во здравіе нашъ православный народъ, пусть съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяется въ немъ жажда къ чтенію!... Что бы ни пробуждало и ни питало эту жажду—все хорошо! Долгъ рецензента—показать, для какого класса читателей писана та или другая книга, а не бранить эти добренькія сѣренькія книжки, которыя распространяются по своему читающему міру не въ кипахъ и не черезъ почту, а въ мѣшкахъ и черезъ ходебщиковъ. Я, какъ рецензентъ, даже люблю эти сѣренькія книжки: читать ихъ не нужно, а писать о нихъ можно сколько угодно, и для этого нужно только заглянуть туда-сюда, чтобы—для потѣхи выписать какую-нибудь курьезность, или, придравшись къ какой-нибудь диковинкѣ, посмѣяться надъ добренькою сѣренькою книжкою... — —

*31. **Разговоры отца съ дѣтьми.** Переводъ съ англійскаго. Москва. 1839. Двѣ части: I—II.

Хорошая дѣтская книжка, но ужъ слишкомъ преисполнена самымъ англійскимъ морализмомъ и потому довольно скучновата. Переводъ прекрасный, изданіе прелестное, украшенное превосходными политипажными рисунками. Вообще, при бѣдности нашей дѣтской литературы, отцы должны быть очень благодарны за изданіе этой книжки г. Ширяеву, который выполнилъ свое дѣло какъ нельзя лучше.

*32. **Сказки моей бабушки.** Въ Москвѣ.

Такъ напечатано на бумажномъ палеваго цвѣта, съ золотою бордюркою, футлярѣ. Открывши футляръ, вы находите шесть крошечныхъ разноцвѣтныхъ книжечекъ подъ такимъ названіемъ:

Шесть новыхъ повѣстей для дѣтей. Съ 6 раскрашенными картинами. Москва. 1839. I—VI.

Каждая книжечка заключаетъ въ себѣ одну повѣсть; повѣстцы довольно пошловаты, переведены преплохо; отъ книжечекъ ужасно воняетъ клейстеромъ.

*33. **Новѣйшій дѣтскій Робинзонъ,** или любопытнѣйшія приключенія Робинзона Крюзое. Разсказъ отца своимъ дѣтямъ. Съ восемью картинками литографированными. Москва. 1839.

Подъ этимъ рыночнымъ заглавіемъ площадная литературная промышленность издала коротенькую выборку, сдѣланную, разумѣется, очень аляповато, изъ извѣстнаго дѣтскаго романа. Двѣ вещи особенно хороши въ этой выборкѣ: *чистѣйшая нравственность* и *картинки съ подписями.* Подъ *чистѣйшею нравственностію* авторъ выборки разумѣетъ наказаніе Робинзона за его величайшее преступленіе, состоявшее въ безпокойномъ духѣ, который стремилъ его за моря. Не странно ли такое обвиненіе? Не самъ ли Богъ одарилъ каждаго человѣка особеннымъ стремленіемъ и на разности этихъ стремленій

основалъ зданіе человѣческаго общества?.. Одинъ-воинъ, другой-судья, третій-ученый, художникъ, ремесленникъ и т. д. И, слава Богу, если каждый дѣлается тѣмъ или другимъ не по случаю, а по внутреннему расположенію, влеченію. Нужно ли толковать, какую пользу принесли человѣчеству Куки, Лаперузы, Беринги и другіе, и именно потому, что родились со страстью къ мореплаванію? Что́, если бы *нѣжные родители* того или другого запретили путешествовать своему сыну? Чего бы тогда лишились наука и человѣчество!... Любовь и уваженіе къ родителямъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть чувство святое; но все должно быть въ своихъ границахъ и ничто ничему не должно мѣшать. Всякій человѣкъ обязанъ своимъ родителямъ; но въ то же время онъ есть и самъ себѣ цѣль, такъ что ограничить поприще его жизни только успокоеніемъ «нѣжныхъ родителей» значило бы уничтожить его значеніе, какъ существа разумнаго, самостоятельнаго и свободнаго, имѣющаго обязанности не только къ родителямъ—и къ обществу, и къ самому себѣ, обязанности не менѣе первыхъ священныя. Изволите видѣть, Робинзонъ былъ наказанъ судьбою за то, что послѣдовалъ своему внутреннему влеченію, самою природою въ него вложенному!..

Послѣ «чистѣйшей нравственности» особенно плѣнительны въ книжицѣ картинки, но еще восхитительнѣе подписи подъ картинками; вотъ одна изъ *таковыхъ*: «*Робинзонъ ви Кинутъ на островъ послѣ кораблє Крушенія*»...

*34. **Чижикъ.** Повѣсть для дѣтей. Переводъ съ французскаго. Изданіе второе. Москва. 1839.

Если бы переводчикъ позаботился повыкинуть нравственныя сентенціи, длинные и надутые монологи, получше бы перевелъ, опрятнѣе бы напечаталъ эту книжку, то наша дѣтская публика имѣла бы порядочную повѣстцу для своего удовольствія. Но какъ ни одно изъ этихъ условій не соблюдено, то для дѣтей эта книжка—бѣдное пріобрѣтеніе.

Не понимаемъ, зачѣмъ къ книжкѣ приложена лубочная картинка, размалеванная помеломъ и изображающая мальчика, убивающаго стрѣлою изъ лука птицу, которая почти съ него величиною и летитъ вверхъ ногами съ дерева, съ подписью внизу: «*Старый дятелъ и молодой тетерь*»?—Въ книжкѣ ничего подобнаго нѣтъ, и лубочная картинка рѣшительно ни къ селу ни къ городу приложена къ ней.

*35. **Латинская Грамматика, составленная по Цумпту** *Д. Поповымъ* (бывшимъ профессоромъ греческой словесности при С.-Петербургскомъ университетѣ). Москва. 1839.

Это самый полный, какой только можетъ быть, сводъ законовъ латинскаго языка, примѣненный трудолюбивымъ переводчикомъ для Русскихъ, учащихся языку древнихъ Римлянъ. Эта обширность въ изложеніи, по нашему мнѣнію,—большое достоинство въ учебникѣ *древняго* языка, потому что мертвому языку нельзя учиться такъ, какъ учатся живому: что въ изученіи послѣдняго навыкъ, практика и живое, изустное преподаваніе, то въ послѣднемъ обиліе правилъ, особенно мелочныхъ, составляющихъ его самое внутреннее, живое начало.

Общія правила могутъ ввести только въ механическое, *абстрактное* знаніе мертваго языка: только чрезъ подробное до мелочности изученіе можно войти въ его духъ. И въ этомъ отношеніи грамматика Цумпта, и въ Германіи пользующаяся большимъ авторитетомъ, совершенно удовлетворительна для нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Переводъ могъ бы быть еще яснѣе и толковитѣе, если бы языкъ его меньше отзывался тяжелою *книжностію*.

36. Способъ къ Распространенію Шелководства. *Я. Юдицкаго.* Москва. 1839.

Странное дѣло! у насъ многіе нападаютъ на то, что въ учебныхъ заведеніяхъ въ числѣ наукъ не только находится русская словесность, но и еще считается однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ ученія. Мы никакъ не оправдываемъ этихъ нападковъ. Оставляя въ сторонѣ теорію краснорѣчія и поэзіи, и вообще всякую теорію, въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, послѣ основательнаго и строгаго изученія грамматики, полагаемъ даже полезнымъ занимать учениковъ *практикою* языка, чтобы они умѣли ясно, вразумительно, кругло, пріятно и *прилично* написать записку о присылкѣ книги, приглашеніе на вечеръ, письмо къ отцу, матери, или другу о своихъ нуждахъ, чувствахъ, препровожденіи времени и прочихъ предметахъ, не выходящихъ изъ сферы ихъ понятій и ихъ жизни. Тутъ главное дѣло, чтобы пріучить ихъ къ естественному, простому, но живому и правильному слогу, къ легкости изложенія мыслей и—главное—къ сообразности съ предметомъ сочиненія. У насъ, напротивъ, или пріучали разсуждать дѣтей о высокихъ или отвлеченныхъ предметахъ, чуждыхъ сферы ихъ понятія, и тѣмъ заранѣе настроивали ихъ къ напыщенности, высокопарности, вычурности, къ книжному, педантическому языку, или пріучали ихъ писать на пошлыя темы, состоящія изъ общихъ мѣстъ, не заключающихъ въ себѣ никакой мысли. И все это въ темныхъ педантическихъ формахъ хріи (порядковой, превращенной, автоніанской), или риторическаго разсужденія въ извѣстныхъ схоластическихъ рамкахъ. И какіе же плоды этого ученія? Бездушное резонёрство, расплывающееся холодною и прѣсною водою общихъ мѣстъ или высокопарныхъ риторическихъ украшеній. И потому ученикъ, образованный по старой системѣ, напишетъ вамъ разсужденіе о томъ, что знаетъ, а, между тѣмъ, не умѣетъ написать записки, простого письма. Это похоже на человѣка, который умѣетъ ходить на манеръ древнихъ героевъ, со всѣмъ театральнымъ величіемъ, а не умѣетъ ни войти, ни стать, ни сѣсть въ порядочномъ обществѣ. О, господа, ужасная эта наука—риторика! Блаженъ, кто могъ стряхнуть съ себя ея педантическую гниль и пыль, и горе тому, кто навсегда и по неволѣ остался щеголять въ ея мишурной порфирѣ, въ ея бумажной коронѣ на головѣ и съ ея деревяннымъ кинжаломъ! А, между тѣмъ, должно учить дѣтей писать; но только въ основу этого ученія должно полагать грамматику, въ ея *общемъ* значеніи, и тѣсное знакомство съ духомъ родного языка, знакомство, пріобрѣтенное теоріею и еще больше практикою. Что проще—то и истиннѣе и труднѣе, и потому гораздо легче выучиться писать сло-

гомъ Ломоносова или Хераскова (мы говоримъ о прозѣ), нежели слогомъ Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго, такъ же, какъ гораздо легче писать слогомъ Марлинскаго, нежели слогомъ Пушкина или Гоголя. Конечно, талантъ дается природою; но мы говоримъ о томъ, что можно, по силамъ каждаго, пріобрѣсть ученіемъ; хорошая метода ученія развиваетъ талантъ, а дурная даетъ ему ложное направленіе. А куда же дѣвалась наша риторика—мы говоримъ только о грамматикѣ? Неужели риторику должно исключить изъ предметовъ ученія? Нисколько, но должно ввести ее въ ея собственные предѣлы. Чтобы писать хорошо, надо запастись содержаніемъ, а этого никакая риторика не дастъ,—и та, которой до сихъ поръ у насъ учатъ, даетъ только губительную способность варіировать отвлеченную мысль общими мѣстами и растягивать пустоту въ безконечность, другими словами—пускать мыльные пузыри. Содержаніе дается цѣлостностію образованія и развитія; умѣніе владѣть содержаніемъ, т. е. развивать его правильно, даетъ логика; риторика же не виновата ни въ томъ, ни въ другомъ. Обыкновенно у насъ риторики начинаются изложеніемъ теоріи періодовъ; вотъ первое незаконное присвоеніе риторикѣ чужого: теорія періодовъ относится къ синтаксису, что уже многіе понимаютъ. За теоріею періодовъ слѣдуетъ теорія *украшеннаго языка*—тропъ, метафоръ, фигуръ; вотъ это дѣйствительно относится къ содержанію риторики. Но и тутъ риторика совсѣмъ не должна учить *красно писать*, или сочинять, на заданныя темы, тропы и фигуры, а только должна показать значеніе того и другого, какъ выраженіе извѣстнаго состоянія, или извѣстной настроенности духа пишущаго. За теоріею языка украшеннаго обыкновенно слѣдуетъ ученіе о хріяхъ и разсужденіяхъ—это вонъ, какъ педантическую гниль и пыль, какъ гибель всего естественнаго, простого, какъ ферулу, о которой воспоминаніе должно сохраняться, подобно факту старины, вмѣстѣ съ школьными преданіями о паляхъ, суботкахъ и прочемъ, о чемъ такъ забавно разсказываетъ «Панъ Халявскій». Стилистика—вотъ настоящее содержаніе риторики; но это не теорія, а систематическій, по возможности, сборъ эмпирическихъ правилъ, подкрѣпленныхъ примѣрами...

Куда мы зашли? «Какое отношеніе имѣетъ грамматика и риторика къ *шелководству?*» скажете вы... О, большое, очень большое, какъ сейчасъ увидимъ...

Кто пишетъ и писанія свои печатаетъ, тотъ—литераторъ, хоть бы онъ писалъ о лошадяхъ или собакахъ, не только о червяхъ. Кто хочетъ быть литераторомъ, тотъ долженъ и знать языкъ, и владѣть языкомъ,—условіе, безъ котораго sine qua non. Французы лучше другихъ поняли эту практическую истину. Правила языка ихъ приведены почти въ математическую точность; знаніе своего языка и умѣніе правильно и свободно выражаться на немъ и словесно и письменно—у нихъ одно изъ первыхъ условій образованія, точно такъ же, какъ свѣтскость, хорошій тонъ. Поэтому, если Французъ пишетъ нехорошо—это не отъ неумѣнія, а отъ претензій на выспренность, или отъ сбивчивости въ понятіяхъ. Хорошее вездѣ хорошо, и под-

ражать хорошему очень похвально. Жаль, что у насъ въ литературѣ *перестали* въ этомъ подражать Французамъ. Прежде, по крайней мѣрѣ, старались писать и писали правильно книжнымъ языкомъ; теперь словно безграмотность есть право на литераторство... Это вообще недостатокъ нашей общественности, недостатокъ нашего образованія. Сколько у насъ людей, которые по-французски пишутъ, какъ Французы, а по-русски двухъ словъ не умѣютъ сказать и у своихъ лакеевъ спрашиваютъ, какъ назвать вотъ то-то, или это! Сколько у насъ людей, которые ни на какомъ языкѣ не умѣютъ написать двухъ словъ, а между тѣмъ не лишены иногда не только образованности, но и учености, и обладаютъ большимъ умомъ!!... У Французовъ литературное образованіе—принадлежность и условіе образованности; у насъ еще роскошь и будетъ роскошью, пока сѣмена новаго воспитанія не принесутъ желанныхъ плодовъ.— —

*37. **Русская Грамматика для Первоначальнаго Обученія.** (Для русскихъ). Въ пользу воспитанниковъ Земледѣльческой Школы. Москва. 1839.

Принимаясь за новую «Русскую Грамматику», мы непремѣнно думали найти въ ней что-нибудь *новое*—новый взглядъ, новый выводъ понятій и т. п.; но тотчасъ были остановлены предисловіемъ, въ которомъ очень ясно сказано, что сочинитель имѣлъ въ виду издать не болѣе какъ самое краткое руководство для первоначальнаго обученія. Вообще сочинитель новой грамматики не выказываетъ большихъ претензій; предположивъ себѣ составить руководство для первоначальнаго обученія, онъ прежде всего собралъ извѣстныя на Руси грамматики (Греча, Востокова и другія) и, выбирая по немногу изъ каждой, даже изъ грамматики, изданной во время оно *для воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона*, преспокойно составилъ свою книжку, въ которой, какъ водится, изложены всѣ четыре части Грамматики—этимологія, синтаксисъ, орѳографія и просодія. Чего же вамъ болѣе?—Собственно автору или составителю принадлежитъ въ этой книжкѣ дѣленіе ея не на главы, какъ вы, можетъ-быть, предполагаете, а на уроки: по крайней мѣрѣ мы въ его сочиненіи не замѣтили болѣе никакого нововведенія.

Итакъ вотъ новая «Русская Грамматика», изложенная въ сокращенномъ видѣ, по старымъ руководствамъ. Послѣ этого мы тутъ-же могли бы и раскланяться съ нею, пожелавъ ей счастливаго успѣха; но дѣло въ томъ, что сочинитель или составитель новой «грамматики» предназначилъ ее, какъ мы уже сказали, для *первоначальнаго* обученія. Для первоначальнаго обученія? то есть вы, милостивый государь, назначаете вашу книжку въ пособіе при развитіи въ дѣтяхъ первыхъ необходимыхъ понятій при изученіи языка? Цѣль прекрасная; но что же общаго между этой цѣлью и тѣми изношенными понятіями и варварскими опредѣленіями, которыя такъ щедро разсыпали вы въ вашей «Русской Грамматикѣ?» Вы хотите развивать понятія въ дѣтяхъ: помните же, что эти понятія останутся надолго, что они должны пустить глубокіе корни въ ихъ молодомъ умѣ. Теперь, неужели вы думаете дать имъ настоящее понятіе,

на-примѣръ, о *страдательномъ залогѣ*, сказавъ только, что онъ „показываетъ страданіе предмета, на который дѣйствуютъ?»—Конечно при изустномъ преподаваніи вы можете объяснить имъ слово «страданіе»; но мы еще не знаемъ, какъ захотите вы сдѣлать ваше объясненіе. Далѣе каково это опредѣленіе: «возвратный залогъ показываетъ дѣйствіе, которое возвращается *на самого себя?*» Синтаксисъ еще менѣе можетъ похвалиться точными опредѣленіями; вотъ, для образца, опредѣленія періода и члена въ періодѣ: «Періодомъ называется такая рѣчь, въ которой смыслъ, прежде нежели дочитаемъ до конца, остается не полнымъ (!!)» «Членомъ называется такое предложеніе, предъ которымъ ставится или подразумѣвается союзъ той части періода, гдѣ заключается членъ». (Стр. 73).

Кстати ужъ, говоря о грамматикѣ, позвольте спросить: до которыхъ поръ наши грамматики не перестанутъ давать глаголу «есмь» во 2-мъ лицѣ единственнаго (мы ужъ не говоримъ о прочихъ лицахъ) форму «еси?» Неужели не видятъ онѣ, что эта форма—чисто славянская, и что по-нашему, по-православному, надобно говорить и писать „есь?“ Пора, пора научиться намъ разбирать эти мелочи!

1840 г.

*38. **Подарокъ на Новый Годъ.** Двѣ сказки Гофмана для большихъ и маленькихъ дѣтей. Санктпетербургъ. 1840.

Дѣтская библіотека. Сочиненіе дѣвицы *Тремадюръ*. Переводъ съ французскаго *Александры Зражевской*. Со второго изданія. Четыре части: **Леонъ, молодой граверъ; Валерія, молодая художница; Просперъ, молодой скульпторъ; Е(Э)ммелина, молодая музыкантша.** Санктпетербургъ. 1840.

Разговоры Эмиліи о нравственныхъ предметахъ. Переводъ съ французскаго. Санктпетербургъ. 1840.

Миніатюрный Альбомъ для Дѣтей. Санктпетербургъ. 1839.

Общее мнѣніе осудило дѣтскія книжки на ничтожество и презрѣніе. Дѣтскія книжки, дѣтскій писатель—это все равно, что «пустыя книжки», что «вздорный писатель». Предложи книгопродавецъ какому-нибудь извѣстному литератору написать книжку для дѣтей: если еще не обидится такимъ предложеніемъ нашъ извѣстный литераторъ, то ужъ непремѣнно отвѣтитъ, что ему некогда заниматься такимъ вздоромъ. Предложи книгопродавецъ написать дѣтскую книжку какому-нибудь невидному литератору: «извольте», отвѣтитъ тотъ, „*дѣтскую*-то книжонку мы разомъ намараемъ“—сядетъ да и напишетъ. Отецъ, покупая для дѣтей книгу, говоритъ книгопродавцу: какъ же можно такъ дорого просить за *дѣтскія* книжки?.. Напиши журналистъ въ своей библіографической хроникѣ серьезную статью о вновь вышедшей дѣтской книжкѣ—всѣ близорукіе крикуны возопіютъ: „помилуйте! можно ли говорить такъ много, такъ важно и такимъ ученымъ языкомъ о *дѣтской* книжкѣ?..“ Грубое заблужденіе, жалкая ошибка! Такъ точно общее мнѣніе требуетъ для первона-

чальнаго обученія дѣтей, кое-какихъ, такъ, плохенькихъ учителей, и назначаетъ имъ кое-какую, такъ, плохенькую плату!..

Понимая важность воспитанія, а, слѣдственно, и дѣтскихъ книгъ, какъ относящихся къ воспитанію, мы въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ», въ отдѣлѣ «критики», представимъ изложеніе нашихъ понятій объ этомъ важномъ предметѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разберемъ двѣ сказки Гофмана (которыхъ названіе выписано выше), это чудное произведеніе его чуднаго генія. Теперь же ограничимся легкою оцѣнкою трехъ остальныхъ сочиненій, выставленныхъ въ началѣ этой рецензіи.

«Дѣтская Библіотека» дѣвицы Тремадюръ, переведенная г-жею Зражевскою, рѣзко выдается изъ ряда обыкновенныхъ явленій дѣтской литературы. Она представитъ своимъ читателямъ четыре прекрасныя повѣсти, съ умомъ и одушевленіемъ написанныя, полныя интереса и увлекательности. Жаль только, что переводчица, такъ прекрасно передавшая ихъ на русскій языкъ, не позаботилась стереть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пятно резонерства, безъ котораго не обойдется ни одно французское сочиненіе, ни дурное, ни хорошее. Еще болѣе жаль, что она не обратила вниманія на духъ сочиненія, не совсѣмъ благопріятный для нравственности дѣтей со стороны развитія въ нихъ чувства тщеславія, которое есть основа французской жизни. Представьте себѣ только одно то, что во Франціи, на публичныхъ экзаменахъ въ пансіонахъ, награждаютъ дѣтей за успѣхи не книгами и игрушками, а возлагаютъ на ихъ головы вѣнки, и этихъ лауреатовъ восхищенные родители привозятъ иногда въ театръ, на показъ публикѣ, подавляя въ своихъ дѣтяхъ такимъ образомъ чувство скромности, стыдящейся собственной заслуги, и развивая страсть не къ наукѣ, не къ искусству, а къ вѣнкамъ—торжеству мелкаго самолюбія, которое цѣнитъ не внутреннее довольство истинною заслугою, а внѣшній блескъ. Этотъ дурной душокъ нерѣдко отзывается въ книгѣ г-жи Тремадюръ, книгѣ, очень хорошей во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ.

„Разговоры Эмиліи“—моральные грибы, которые такъ же холодны, склизки и непріятны даже на взглядъ, какъ грибы, наростающіе на стѣнахъ обрушившихся погребовъ. Изданіе стоитъ сочиненія.

„Миніатюрный Альбомъ“—тетрадка, состоящая изъ пятнадцати крошечныхъ литографированныхъ картинокъ, за которыми слѣдуетъ нѣсколько страничекъ съ плохими стишонками, вродѣ слѣдующихъ:

Всѣ мыслятъ жить, но не живутъ,
Не мысля умереть, умрутъ.

Далѣе, на трехъ послѣднихъ страничкахъ, помѣщены «мысли», которыя не глубоки и не прекрасны, но далеко уступаютъ въ цѣнности извѣщенію, напечатанному на оборотѣ желтенькой обертки: «цѣна одинъ рубль серебромъ». Вотъ ужъ подлинно—*и дешево и мило!..*

*39. **Подарокъ на новый годъ.** Двѣ сказки *Гофмана*, для большихъ и маленькихъ дѣтей. С.-Петербургъ. 1840.—

Дѣтскія сказки дѣдушки Иринея. Двѣ части. С.-Петербургъ 1840 [1]).

О воспитаніи дѣтей вообще.—Какъ должны писаться дѣтскія книги, по ихъ отношенію къ воспитанію.—О двухъ дѣтскихъ сказкахъ Гофмана.—О дѣтскихъ книгахъ на русскомъ языкѣ и «Дѣтскихъ сказкахъ дѣдушки Иринея».

Самые, повидимому, простые и обыкновенные предметы часто бываютъ, въ своей сущности, самыми важными и великими. Всѣ говорятъ, напримѣръ, о важномъ вліяніи воспитанія на судьбу человѣка, на его отношенія къ государству, къ семейству, къ ближнимъ и къ самому себѣ; но многіе ли понимаютъ то, что говорятъ? Слово еще не есть дѣло; всякая истина, какъ бы ни была она несомнѣнна, но если не осуществляется въ дѣлахъ и поступкахъ произносящихъ ее—она есть только слово, пустой звукъ,—та же ложь. Посмотрите внимательнѣе на отношеніе родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ, словомъ, посмотрите внимательнѣе на воспитаніе—и у васъ сердце обольется кровью. Ребенокъ ѣстъ что ни попало и сколько хочетъ: «что нужды!—говорятъ нѣжные родители—вѣдь онъ еще—дитя!» Ребенокъ мучитъ собаку, или колотитъ дворового мальчишку: «что нужды!—восклицаютъ заботливые родители:—вѣдь онъ еще дитя!» Дѣти ссорятся, кричатъ между собою, и если ихъ крикъ, брань и слезы не мѣшаютъ папенькѣ и маменькѣ соснуть послѣ обѣда, или поговорить съ гостями,—что нужды—вѣдь они дѣти, пусть себѣ ссорятся и кричатъ: выростутъ велики, не будутъ ссориться и кричать! Перебранившись, а иногда и передравшись другъ съ другомъ, дѣти прибѣгаютъ къ отцу и матери съ жалобою другъ на друга—и! помилуйте! стоитъ ли разбирать дѣтскія ссоры! Если вы строги, дайте всѣмъ по щелчку, или пересѣките всѣхъ розгами, *чтобъ никому не было завидно;* если вы добры къ дѣтямъ, или воспитываете ихъ *на благородную ногу*,—дайте имъ игрушекъ или сладостей, да, перецѣловавъ ихъ, выпните отъ себя, чтобы они опять пошли браниться и драться. Ребенокъ не учится, не хочетъ и слышать, чтобъ взять въ руки книгу: что за нужда, вѣдь онъ еще дитя—подростетъ, будетъ поумнѣе, такъ станетъ и учиться! Ребенокъ хватается за всякую книгу, какая ему ни попадется, хотя бы то была анатомія съ картинками, или Аретинъ съ гравюрами: что за нужда—вѣдь онъ еще дитя! благо, что охота къ книгамъ есть—пусть лучше навыкаетъ читать, чѣмъ рѣзвиться! Учитель говоритъ отцу, что грамматика, которую онъ купилъ для сына, не годится, что она или ужъ устарѣла, или безтолкова, безсмысленна, что ея не понимаетъ самъ авторъ, не знающій ни духа, ни характера языка: «это еще что за новости!—восклицаетъ опытный и благоразумный родитель:—вѣдь онъ дитя—для него всякая книга годится, а за эту я заплатилъ деньгами, стало быть,

---

*) Чтобы не показалось для многихъ страннымъ, что, вмѣстѣ съ извѣстною публикѣ книгою, мы разбираемъ книгу, которая еще не вышла въ свѣтъ—спѣшимъ предувѣдомить нашихъ читателей, что въ двухъ частяхъ «Дѣтскихъ сказокъ дѣдушки Иринея», которыя уже приготовлены къ печати и скоро будутъ изданы, нѣтъ ни одной, которая бы не была уже напечатана; почему, при разборѣ ихъ, мы и указываемъ, гдѣ каждая была помѣщена.

хороша!..» А, между тѣмъ, заговорите съ «дражайшими родителями» о дѣтяхъ и воспитаніи: сколько общихъ фразъ, сколько ходячихъ истинъ наговорятъ или *нарзоперствуютъ* они вамъ! «Ахъ, дѣти! да какъ тяжко имѣть дѣтей! сколько заботъ! надо вырастить да и воспитать! Мы ничего не щадимъ для воспитанія своихъ дѣтей! Изъ послѣднихъ силъ бьемся! Я отдалъ своихъ въ училище, покупаю книги—тьма расходовъ! А мы для своихъ пріискали *мадамъ* (или *мамзель*—провинціальныя названія *гувернантъ*!), чтобы они и по-французски знали и на фортопьянахъ играли!» Въ добрый часъ, дражайшіе родители!..

Но это еще только одна сторона воспитанія, или того, что такъ ложно называютъ воспитаніемъ. Это еще только воспитаніе, какъ обыкновенно говорится, на волю Божію, а въ самомъ-то дѣлѣ, на волю случая,—воспитаніе природное, воспитаніе не въ переносномъ, а въ этимологическомъ значеніи этого слова, т. е. *воскормливаніе*,—воспитаніе простонародное, мѣщанское. Есть еще воспитаніе попечительное, деликатное, строгое, благородное. Въ немъ на все обращено вниманіе, ни одна сторона не забыта. При этомъ воспитаніи дитя ѣстъ и во-время и въ-мѣру, передъ обѣдомъ непремѣнно ходитъ гулять съ гувернеромъ или гувернантой, умѣренно рѣзвится, занимается гимнастическими упражненіями на красивыхъ вѣшалкахъ, столбахъ, перекладинахъ, по часамъ учится, въ опредѣленную пору встаетъ и ложится. Физическое воспитаніе въ гармоніи съ нравственнымъ: развитію здоровья и крѣпости тѣла соотвѣтствуетъ развитіе умственныхъ способностей и пріобрѣтеніе познаній. А форма—о, это самое изящество! При опрятности царствуетъ простота и неизысканность, соединенныя съ благородствомъ, достоинствомъ, хорошимъ вкусомъ и хорошимъ тономъ. И это отражается во всемъ: и въ одеждѣ, и въ манерахъ. Одно то чего стоитъ, что дитя умѣетъ уже скрывать свои чувства, не хвататься жадно за то, чего жадно желаетъ, не обнаруживать удивленія и радости къ тому, что возбуждаетъ въ немъ удивленіе и радость, словомъ—приличію и тону жертвовать всѣми своими чувствами, даже самыми святыми, самыми человѣческими!.. Короче: даже китайскіе мандарины, эти высокіе идеалы и образцы природы искаженной и умершей отъ искусственности, даже китайскіе мандарины ничто предъ этими милыми, благовоспитанными дѣтьми... И если жизнь человѣческая есть театральная сцена или салонъ, и если *казаться* есть цѣль человѣческой жизни, то въ этомъ образѣ воспитанія мы нашли норму воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть прекраснѣе и очаровательнѣе, напримѣръ, свѣтской дѣвушки?—Она скорѣе согласится тысячу разъ умереть, нежели одинъ разъ въ жизни, въ глазахъ свѣта, показаться смѣшною, т. е. прійти въ восторгъ отъ созданія искусства, отъ созерцанія явленій природы, или отъ разсказа о высокомъ подвигѣ, и всего, отъ чего плачутъ и чѣмъ восхищаются люди дурного тона. Она столько же развязна и свободна, сколько и граціозна; ничѣмъ не удивляясь, она ничего не испугается и ни отъ чего не прійдету въ смущеніе. Въ ней всегда такое спокойствіе, такая ровнота духа,

все такъ соразмѣрно и прилично... А сколько въ ней талантовъ, которыхъ она не выставляетъ на видъ, какъ какая-нибудь провинціалка, но за которые она часто слышитъ себѣ «charmant!» Ко всему этому, какая у ней чистая душа, какое нравственное сердце: она уже невѣста,—а, кромѣ Бульи и Беркена, еще ничего не читала, и произнесите при ней имя Шекспира, она съ милою наивностію спроситъ васъ: mais qu'est ce que c'est?—а когда вы начнете говорить о Шекспирѣ, она съ такою милою разсѣянностью, съ такимъ достоинствомъ и такъ неожиданно для васъ повернетъ разговоръ на погоду или на послѣдній балъ. Виктора Гюго и Поль-де-Кока она будетъ читать уже послѣ замужества, а пока довольно съ нея Бульи и Беркена. Оно и хорошо: Шиллеръ, Гёте, Байронъ, Гофманъ, Шекспиръ, Вальтеръ Скоттъ, Пушкинъ—опасны для юнаго дѣвственнаго сердца: чего добраго! они взволнуютъ его какими-то странными желаніями, неясными мечтаніями, произведутъ въ дѣвушкѣ экстазъ, экзальтацію, дадутъ ей какую-то внутреннюю поэтическую жизнь,—и вотъ долго ли до грѣха!—дѣвушка встрѣчаетъ на землѣ какую-то родную душу, безъ копѣйки за душою—

И жизнь могучая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ—

какъ сказалъ Пушкинъ... Мечтать и любить—предаться человѣческой страсти—да что же скажетъ свѣтъ?.. Нѣтъ, не такова благовоспитанная дѣвушка высшаго тона: она можетъ выдвинуться изъ толпы, но красотою, если Богъ наградилъ ею, нарядомъ, если ея *papa* богаче другихъ, но не душою, не сердцемъ и не другими мѣщанскими странностями. Она выйдетъ замужъ; даже если и другіе не похлопочутъ объ этомъ, сама все устроитъ, но это замужество будетъ блестящее, способное возбуждать зависть, а не толки. Вотъ что дѣлаетъ истинное воспитаніе изъ дѣвушекъ! А юноши?—О, объ нихъ я боюсь и говорить: всѣ они и умные и глупые, и ученые и невѣжды—всѣ они съ такимъ философскимъ равнодушіемъ смотрятъ на жизнь, въ которой для нихъ нѣтъ ничего ни таинственнаго, ни удивительнаго, ни непостижнаго; всѣ они съ такою «львиною» наглостью наводятъ на васъ свой лорнетъ... прекрасные молодые люди!.. А какъ свободно, съ какой небрежностью говорятъ они по-французски—словно на родномъ языкѣ, и какъ мило не умѣютъ связать двухъ русскихъ фразъ, написать русской строки безъ орѳографическихъ ошибокъ—педантизма въ нихъ нѣтъ ни тѣни!..

Мы представили двѣ крайности одной и той же стороны; но есть еще середина, которая, какъ всѣ почти середины, часто бываетъ хуже крайностей. Мы говоримъ о воспитаніи того класса общества, которое на низшіе смотритъ съ благороднымъ презрѣніемъ и чувствомъ собственнаго достоинства, а на высшіе съ благоговѣніемъ. Оно изо всѣхъ силъ хлопочетъ быть ихъ вѣрною копіею; но, на зло себѣ, остается какимъ-то среднимъ пропорціональнымъ членомъ, съ собственною характеристикою, которая состоитъ въ отсутствіи всякаго характера, всякой оригинальности и которую всего вѣрнѣе можно

выразить *мѣщанствомъ во дворянствѣ*. Непринужденность и милая наглость переходитъ у него въ жеманство и кривлянье. Хорошій тонъ въ обезьянничество. Смѣшно и жалко смотрѣть,

Какъ негодяй оффиціантъ
Ломаетъ барина въ передней!

Но это въ сторону: дѣло въ томъ, что въ этомъ кругу общества воспитаніе состоитъ въ томъ, чтобы убить въ дѣтяхъ всякую жизнь и живость, сдѣлать изъ нихъ попугаевъ и милыхъ куколъ, о которыхъ бы всѣ говорили: ахъ, какъ хорошо они воспитываются!...

Воспитаніе! Оно вездѣ, куда ни посмотрите, и его нѣтъ нигдѣ, куда ни посмотрите [1]). Конечно, вы его можете увидѣть даже во всѣхъ слояхъ общества, отъ самаго высшаго до самаго низшаго, но какъ рѣдкость, какъ исключеніе изъ общаго правила. Отчего же это? Да отъ того, что на свѣтѣ бездна родителей, множество papas et mamans, но мало отцовъ и матерей. «Вотъ прекрасно!—восклицаете вы:—какая же разница между родителями, и отцомъ и матерью?»—Какъ какая?—взгляните лѣтомъ на мухъ: какая бездна родителей, но гдѣ же отцы и матери? Грибоѣдовъ давно уже сказалъ—

Чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума не доставало!

Право рожденія — священное право на священное имя отца и матери — противъ этого никто и не споритъ; но не этимъ еще все оканчивается: тутъ человѣкъ еще не выше животнаго; есть высшее право—родительской любви. «Да какой же отецъ или какая мать не любитъ своихъ дѣтей?»—говорите вы. Такъ, но позвольте васъ спросить, что вы называете любовью? какъ вы понимаете любовь?—Вѣдь и овца любитъ своего ягненка: она кормитъ его своимъ молокомъ и облизываетъ языкомъ; но какъ скоро онъ мѣняетъ ея молоко на злакъ полей, ихъ родственныя отношенія оканчиваются. Вѣдь и г-жа Простакова любила своего Митрофанушку: она нещадно била по щекамъ старую Еремѣевну и за то, что дитя много кушало, и за то, что дитя мало кушало; она любила его такъ, что если бы онъ вздумалъ ее бить по щекамъ, она стала бы горько плакать, что милое, ненаглядное дѣтище больно обколотитъ объ нее свои ручонки. Итакъ, развѣ чувство овцы, которая кормитъ своимъ молокомъ ягненка, чувство г-жи Простаковой, которая, бывши и овцою и коровою, готова еще сдѣлаться и лошадкою, чтобы возить въ колясочкѣ свое двадцатилѣтнее дитя,—развѣ все это не любовь? Да, любовь, но какая? Любовь чувственная, животная, которая въ овцѣ, какъ въ животномъ, отличающемся и животною фигурою, имѣетъ свою истинную, разумную, прекрасную и восхищающую сторону, но которая въ г-жѣ Простаковой, какъ въ животномъ, отличающемся человѣческою фигурою, вмѣсто овечьей,—безсмысленна, безобразна и отвратительна. Далѣе: вѣдь и Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ любилъ свою дочь, Софью Павловну: посмо-

[1]) Здѣсь разумѣется только воспитаніе *частное* или *домашнее*.

трите, какъ онъ хлопочетъ, чтобы повыгоднѣе сбыть ее съ рукъ, подороже продать... Продать?—какое ужасное слово!.. Отецъ продаетъ свою дочь, торгуетъ ею, конечно, не по-мелочи, но одинъ разъ навсегда, и не больше, какъ для одного человѣка, который будетъ называться ея мужемъ!.. Но вѣдь это онъ дѣлаетъ не для себя, а для ея же счастья?—скажутъ многіе. Прекрасно! Но послѣ этого и разбойникъ, который для приданаго дочери зарѣжетъ предъ ея свадьбою нѣсколькихъ человѣкъ, будетъ правъ, потому что сдѣлаетъ это изъ любви къ дочери? Послѣ этого, и иная матушка, которая, не желая видѣть въ нищетѣ свою нѣжно-любимую дочь, научитъ, или принудитъ ее сдѣлать выгодный промыселъ изъ своей красоты,—тоже будетъ права, потому что поступитъ такъ изъ любви къ дочери?.. И развѣ этого не бываетъ въ самомъ дѣлѣ? Развѣ старый подъячій, закоренѣвшій въ лихоимствѣ и казнокрадствѣ, не поставлялъ первымъ и священнымъ долгомъ своего родительскаго званія, передать свое подлое ремесло нѣжно-любимому сынку?—Мы опять соглашаемся, что источникъ всего этого любовь, но *какая*—вотъ вопросъ! Откуда она проистекаетъ, куда она стремится, къ кому обращается? Зачѣмъ звѣрь рветъ и губитъ подобныхъ себѣ, а въ голодѣ пожираетъ собственныхъ дѣтей? Затѣмъ, что онъ любитъ себя, а любовь къ себѣ есть условіе всякой индивидуальности, которая, въ свою очередь, есть условіе всякаго бытія, основа и законъ жизни. Зачѣмъ собака грызется съ другою изъ-за брошенной кости? Опять затѣмъ, что любитъ себя. И насъ не оскорбляетъ это въ животныхъ; по крайней мѣрѣ, мы не винимъ ихъ за это и не считаемъ злодѣями и преступниками, потому что они живутъ и дѣйствуютъ подъ невольнымъ, рабскимъ вліяніемъ животнаго инстинкта и, кромѣ сохраненія и возрожденія своей индивидуальности, не имѣютъ никакихъ обязанностей. И человѣкъ, подобно животному, замкнутъ въ своей индивидуальности, и безсознательно слѣдуетъ данному ему природою инстинкту самосохраненія и стремленію къ улучшенію своего положенія; но неужели этимъ все и должно въ немъ оканчиваться?—Нѣтъ, разница человѣка съ животными именно въ томъ и состоитъ, что онъ только начинается тамъ, гдѣ животныя уже оканчиваются. Кромѣ обязанностей къ себѣ, онъ имѣетъ еще обязанности къ ближнимъ; кромѣ инстинкта, который есть у животныхъ, онъ имѣетъ еще чувство, разсудокъ и разумъ, которыхъ нѣтъ у животныхъ; будучи существомъ и растительнымъ и животнымъ, будучи плотскимъ организмомъ, онъ есть еще и духъ—искра и обликъ Духа Божія. Слѣдовательно, и его любовь должна быть высшею ступенью той любви, которую мы видимъ во всей природѣ,—отъ сродства стихій,—отъ ихъ безмолвнаго организированія въ минералъ, заключенный въ нѣдрахъ земли, отъ прозябанія дольней лозы, возникающей изъ зерна,—до животнаго, которое добровольно лишается жизни, съ яростью защищая своихъ дѣтей. Человѣкъ есть міръ въ маломъ видѣ: въ его организмѣ всѣ стихіи природы, первосущныя ея силы, вся минеральная природа—металлы и земли; въ жизни его организма всѣ процессы природы—и минеральное сращеніе извнѣ, и прозябаемая растительность, и животное развитіе изнутри. Онъ яв-

ляется на свѣтъ животнымъ, которое кричитъ, спитъ, ѣстъ и инстинктивно хватается за грудь, и инстинктивно сердится, когда его отъ нея отнимаютъ. Но уже съ того мгновенія, какъ языкъ его, отъ безразличныхъ междометій, начинаетъ постепенно переходить къ членораздѣльнымъ звукамъ и лепетать первыя слова,—въ немъ уже оканчивается животное и начинается человѣкъ, вся жизнь котораго, до поры полнаго мужества, есть не что иное, какъ безпрерывное формированіе, дѣланіе, становленіе (das Werden) полнымъ человѣкомъ, для полнаго наслажденія и обладанія силами своего духа, какъ средствами къ разумному счастью. Еще младенецъ, припавъ къ источнику любви — къ груди своей матери, онъ останавливаетъ на ней не безсмысленный взглядъ молодого животнаго, но горящій свѣтомъ разума, хотя и безсознательнаго; онъ улыбается своей матери, — и въ его улыбкѣ свѣтится лучъ божественной мысли. Во всѣхъ проявленіяхъ его любви просвѣчиваетъ не простое, инстинктивное, но уже не чуждое смысла и разумности чувство: еще ноги его слабы, онъ не можетъ сдѣлать ими шага для вступленія въ жизнь, но уже любовь его выше любви животной. Такъ неужели, послѣ этого, любовь родителей, существъ вполнѣ развившихся, должна оставаться при своей естественности и животности, неспособныхъ отдѣлиться отъ самихъ себя и перейти за околдованную черту замкнутой въ себѣ индивидуальности? Нѣтъ, всякая человѣческая любовь должна быть чувствомъ, просвѣтленнымъ разумною мыслью, чувствомъ одухотвореннымъ. Но что же такое любовь? — Это жизнь, это духъ, свѣтъ луча: безъ нея все—смерть, при самой жизни, все — матерія, при самомъ органическомъ развитіи, все—мракъ, при самомъ зрѣніи. Любовь есть высшая и единая дѣйствительность, внѣ которой все—призраки, обманывающіе зрѣніе, формы безъ содержанія, пустота въ кажущихся границахъ. Какъ огонь есть вмѣстѣ и свѣтъ и теплота, — такъ и любовь есть осуществившійся, явленный разумъ, осуществившаяся, явленная истина. Ею все держится и весь міръ—ея явленіе. Въ природѣ она разлита какъ электричество: въ духѣ является разумною мыслью, въ самой себѣ носящею силу своего проявленія въ благомъ дѣйствіи. И потому, человѣкъ, полный ею, сильнѣе Самсона: съ мучениками первыхъ временъ христіанской церкви безтрепетно шелъ къ дикимъ звѣрямъ и объятый пожирающимъ пламенемъ, пѣлъ гимны Богу живому и безсмертному; онъ изъ рыбаря становился ловцомъ человѣковъ. Любовь столь сильна, что творитъ непостижимое, торжествуетъ надъ вѣчно неизмѣнными условіями пространства и времени, надъ безсиліемъ плоти, младенцу даетъ львиную силу. Самъ Богъ есть любовь и источникъ любви, изъ котораго все исходитъ и въ который все возвращается. «Возлюбленные! станемъ любить другъ друга; ибо любовь отъ Бога, и всякій, кто любитъ, рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что *Богъ есть любовь*.— Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ» говоритъ св. апостолъ Іоаннъ (перев. пос. гл. IV, ст. 7, 8 и 16). И потому всякая власть и всякая сила только въ любви. И потому слово, проникнутое любовью, горитъ огнемъ неотра-

зимаго убѣжденія и согрѣваетъ теплотою умиленія сердце, услышавшее его, и даетъ ему миръ и счастье; но слово, лишенное любви, и святыя истины дѣлаетъ холоднымъ и мертвымъ нравоученіемъ и потому безсильно надъ умомъ и сердцемъ.

Истина выше человѣка, какъ личности: чтобъ быть достойнымъ имени человѣка, онъ долженъ сдѣлаться сосудомъ истины. Но истина не дается человѣку вдругъ, какъ его законное обладаніе: онъ долженъ достигать ея трудомъ, борьбою, лишеніями и страданіемъ, и вся жизнь его должна быть стремленіемъ къ истинѣ. Личность человѣческая есть частность и ограниченность: только истина можетъ сдѣлать ее общимъ и безконечнымъ. Поэтому первое и основное условіе достиженія истины есть для человѣка отлученіе отъ самого себя въ пользу истины. Отсюда происходятъ добровольныя лишенія, борьба съ желаніями и страстями, неумолимая строгость къ своему самолюбію, готовность къ самообвиненію предъ истиною, самоотверженіе и самопожертвованіе: кто не зналъ и не испыталъ въ своей жизни ничего этого, тотъ не жилъ въ истинѣ, не жилъ въ любви.

Теперь взглянемъ съ этой точки на любовь родительскую.

Отецъ и мать любятъ свое дитя потому, что оно ихъ рожденіе. Родство крови есть первая и, въ то же время, священная основа любви, ея исходный пунктъ, отъ котораго движется ея развитіе. Возставать противъ этого могутъ только или отвлеченные умы, разсудочные люди, неспособные проникнуть ни въ какую живую, явленную истину, или сердца холодныя, сухія, мертвыя, если не порочныя и не развратныя. Но, повторяемъ, естественная любовь, основывающаяся на одномъ родствѣ крови, еще далеко не составляетъ того, чѣмъ должна быть человѣческая любовь. Изъ родства крови и плоти должно развиться родство духа, которое одно прочно, крѣпко, одно истинно и дѣйствительно, одно достойно высокой и благородной человѣческой природы. Посмотрите: сколько на свѣтѣ дурныхъ дѣтей, которыя теряютъ къ родителямъ всякую любовь, но оказываютъ къ нимъ только внѣшнее, формальное уваженіе, какъ скоро избавляются, лѣтами и обезпеченіемъ своего состоянія, отъ ихъ власти и вліянія, и, къ тому же, не ждутъ себѣ никакого наслѣдства послѣ ихъ смерти. Сколько бываетъ въ свѣтѣ ужасныхъ примѣровъ дѣтей, не оказывающихъ родителямъ даже и внѣшняго уваженія, требуемаго общественными приличіями,—даже дѣтей, оскорбляющихъ своихъ родителей, если тѣ не рѣшаются прибѣгнуть къ гражданскому закону... Страшное, возмущающее душу зрѣлище! Бѣдные родители, несчастныя дѣти! Да, *несчастныя*,—и, жалѣя о первыхъ, не спѣшите проклинать послѣднихъ, но подумайте о томъ—природа ли создаетъ извергов, или воспитаніе и жизнь дѣлаютъ ихъ такими? Мы не отвергаемъ, чтобы природа не производила людей, наклонныхъ къ пороку, но мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпко убѣждены, что такія явленія возможны какъ исключенія изъ общаго правила, и что нѣтъ столь дурного человѣка, котораго бы хорошее воспитаніе не сдѣлало лучшимъ. Горе дурнымъ дѣтямъ! почему бы они ни сдѣлались такими—отъ дурного ли воспитанія, по винѣ родителей, или отъ случайныхъ обстоятельствъ,—но

онѣ несчастны, потому что не знаютъ счастія сыновней любви и не могутъ имѣть надежду вкусить счастье любви родительской. Но, тѣмъ не менѣе, должно вникать въ причины ихъ нравственнаго искаженія, если не для оправданія ихъ, то для оправданія истины, которая выше всего, даже родителей, и для поучительнаго примѣра, въ предотвращеніе такихъ возмущающихъ душу явленій. Мы сказали, что отецъ любитъ свое дитя, потому что оно его рожденіе; но онъ долженъ любить его еще какъ будущаго *человѣка*, котораго Богъ нарекъ сыномъ Своимъ и за спасеніе котораго Онъ принялъ на крестѣ страданіе и смерть. При самомъ рожденіи, отецъ долженъ посвятить свое дитя служенію Бога въ духѣ и истинѣ, и посвященіе это должно состоять не въ отторженіи его отъ живой дѣйствительности, но въ томъ, чтобы вся жизнь и каждое дѣйствіе его въ жизни было выраженіемъ живой, пламенной любви къ истинѣ, въ которой является Богъ. Только такая любовь къ дѣтямъ истинна и достойна называться любовью; всякая же другая есть эгоизмъ, холодное самолюбіе. Вся жизнь отца и матери, всякій поступокъ ихъ долженъ быть примѣромъ для дѣтей, и основою взаимныхъ отношеній родителей къ дѣтямъ должна быть любовь къ истинѣ, но не къ себѣ. Есть отцы, которые любятъ дѣтей для самихъ себя, и въ этой любви есть своя истинная и разумная сторона; есть отцы, которые любятъ своихъ дѣтей для нихъ самихъ, и эта любовь выше, истиннѣе, разумнѣе; но, при этихъ двухъ родахъ любви, есть еще высшая, истиннѣйшая и разумнѣйшая любовь къ дѣтямъ—любовь въ истинѣ, въ Богѣ. Любитъ ли отецъ своего сына, если заставляетъ его смотрѣть съ уваженіемъ на свои дурные и безнравственные поступки, какъ на благородные и разумные? Не все ли это равно, что требовать отъ дитяти, чтобы оно, вопреки своему зрѣнію, бѣлое называло чернымъ, а черное бѣлымъ? Тутъ нѣтъ любви, тутъ есть только самолюбіе, которое свою личность ставитъ выше истины. А, между тѣмъ, у ребенка всегда будетъ столько смысла, чтобы, видя, какъ его маменька колотитъ по щекамъ дѣвокъ, или какъ его папенька напивается пьянъ и дерется съ маменькою, понимать, что это дурно. Конечно, пріучая къ такимъ сценамъ съ малолѣтства и толкуя, что это хорошо, можно наконецъ увѣрить ребенка, что въ семъ-то и состоитъ истинная жизнь; но это значитъ развратить, погубить его: гдѣ-жъ тутъ любовь?—тутъ только самолюбіе, которое въ своихъ дѣтяхъ хочетъ видѣть собственное безобразіе, чтобы не имѣть въ нихъ себѣ строгихъ, хотя и безмолвныхъ, судей. Вопреки законамъ природы и духа, вопреки условіямъ развивающейся личности, отецъ хочетъ, чтобы его дѣти смотрѣли и видѣли не своими, а его глазами: преслѣдуетъ и убиваетъ въ нихъ всякую самостоятельность ума, всякую самостоятельность воли, какъ нарушеніе сыновняго уваженія, какъ возстаніе противъ родительской власти,—и бѣдныя дѣти не смѣютъ при немъ рта разинуть, въ нихъ убита энергія, воля, характеръ, жизнь, они дѣлаются почтительными статуями, заражаются рабскими пороками—хитростью, лукавствомъ, скрытностью, лгутъ, обманываютъ, выворачиваются... Китайцы, поставляющіе красоту женскихъ ногъ въ минія-

тюрности, зашиваютъ у дѣвочекъ ноги въ сырую воловью шкуру, и снимаютъ ее, когда уже дѣвочки становятся дѣвушками: ножки въ самомъ дѣлѣ крошечныя, только кривы, изогнуты, уродливы, и женщина можетъ ходить только въ комнатѣ, и то опираясь о стѣны и на мебель. Таковы результаты остановленной въ свободномъ развитіи природы! Таковы же бываютъ и результаты остановленнаго въ естественномъ и самобытномъ развитіи духа! Но что сказать о тѣхъ родителяхъ, которые имѣютъ несчастное убѣжденіе, что, для пользы и счастія своихъ дѣтей, они обязаны управлять тѣми ихъ склонностями, которыя рѣшаютъ счастіе или несчастіе цѣлой жизни человѣка? И какъ часто случается, что прекрасная дѣвушка, съ глубокою душою, любящимъ сердцемъ, по какому-нибудь случаю получившая, на свою пагубу, хорошее воспитаніе, созданная украсить, озолотить, осчастливить жизнь избраннаго ею, который бы понялъ ее, выдается силою родительской власти за какое-нибудь грубое животное съ человѣческимъ обликомъ, и гибнетъ безмолвною жертвою тайнаго, никѣмъ непонятаго страданія!.. Бѣдная, ей даже не на кого и жаловаться: ее погубили изъ любви же къ ней, изъ искренняго желанія ей добра и счастья... Горе человѣку, когда его участь въ рукахъ злодѣевъ, и такое же горе ему, когда его участь въ рукахъ добрыхъ, но пошлыхъ и глупыхъ людей!.. Бѣдныя женщины чаще всего испытываютъ на себѣ несомнѣнность этой горькой истины... Молодой человѣкъ, принужденный избрать чуждую своему призванію дорогу жизни, рано или поздно, хоть съ утратою силъ души, хоть съ обрѣзанными крыльями, но еще вылетаетъ на желанную свободу, а женщины!.. Но что сказать о тѣхъ родителяхъ, которые торгуютъ счастьемъ своихъ дѣтей, спекулируютъ ими на богатство, на знатность, да еще дѣйствуютъ притомъ во имя нравственности, любви и своихъ священныхъ родительскихъ обязанностей къ дѣтямъ?.. Но оставимъ этотъ ужасный предметъ, отъ котораго возмущается и содрогается человѣческая природа, будто при видѣ удава или гремучей змѣи...

Разумная любовь должна быть основою взаимныхъ отношеній между родителями и дѣтьми. Любовь предполагаетъ взаимную довѣренность, и отецъ долженъ быть столько же отцомъ, сколько и другомъ своего сына. Первое его попеченіе должно быть о томъ, чтобы сынъ не скрывалъ отъ него ни малѣйшаго движенія своей души, чтобы къ нему первому шелъ онъ и съ вѣстью о своей радости или горѣ, и съ признаніемъ въ проступкѣ, въ дурной мысли, въ нечистомъ желаніи, и съ требованіемъ совѣта, участія, сочувствія, утѣшенія. Какъ грубо ошибаются многіе, даже изъ лучшихъ отцовъ, которые почитаютъ необходимымъ раздѣлять себя съ дѣтьми строгостью, суровостью, недоступною важностью! Они думаютъ этимъ возбудить къ себѣ въ дѣтяхъ уваженіе, и въ самомъ дѣлѣ возбуждаютъ его, но уваженіе холодное, боязливое, трепетное, и тѣмъ отвращаютъ ихъ отъ себя и невольно пріучаютъ къ скрытности и лживости. Родители должны быть уважаемы дѣтьми, но уваженіе дѣтей должно проистекать изъ любви, быть ея результатомъ, какъ свободная дань

ихъ превосходству, безъ требованія получаемая. Ничто такъ ужасно не дѣйствуетъ на юную душу, какъ холодность и важность, съ которыми принимается горячее изліяніе ея чувства, ничто не обливаетъ ее такимъ умерщвляющимъ холодомъ, какъ благоразумные совѣты и наставленія тамъ, гдѣ ожидаетъ она сочувствія. Обманутая такимъ образомъ въ своемъ стремленіи разъ и другой, она затворяется въ самой себѣ, сознаетъ свое одиночество, свою отдѣльность и особность отъ всего, что такъ любовно и родственно еще недавно окружало ее, и въ ней развивается эгоизмъ, она пріучается думать, что жизнь есть борьба эгоистическихъ личностей, азартная игра, въ которой торжествуетъ хитрый и безжалостный, и гибнетъ неловкій или совѣстливый. Открытая душа младенца или юноши—свѣтлый ручей, отражающій въ себѣ чистое и ясное небо; запертая въ самой себѣ, она— мрачная бездна, въ которой гнѣздятся нетопыри и жабы... Если же не это, можетъ случиться другое: индивидуальность человѣческая, по своей прирадѣ, не терпитъ отчужденія и одиночества, жаждетъ сочувствія и довѣренности подобныхъ себѣ, — и дѣти сдружаются между собою, составляютъ родъ общества, имѣющаго свои тайны, общими и соединенными силами скрываемыя, что никогда до добра не доводитъ. Это бываетъ еще опаснѣе, когда друзья избираются между чужими, и тѣмъ болѣе, когда избранный другъ старше избравшаго: онъ беретъ надъ нимъ верхъ, пріобрѣтаетъ у него авторитетъ и передаетъ ему всѣ свои наклонности и привычки,—что же, если онѣ дурны и порочны?... Нѣтъ! первое условіе разумной родительской любви—владѣть полною довѣренностью дѣтей, и счастливы дѣти, когда для нихъ открыта родительская грудь и объятія, которыя всегда готовы принять ихъ и правыхъ и виноватыхъ, и въ которыя они всегда могутъ броситься безъ страха и сомнѣнія!

Юная душа, не испытавшая еще отчужденія и сомнѣнія, вся открыта наружу; она не умѣетъ любить въ мѣру, но предается предмету своей любви беззавѣтно и безусловно, видитъ въ немъ идеалъ всевозможнаго совершенства, высшій образецъ для своихъ дѣйствій, вѣритъ ему со всѣмъ жаромъ фанатика. И что же, если такая любовь устремлена къ родителямъ, соединяясь съ естественною, кровною любовью къ нимъ! О, для такихъ дѣтей высочайшее счастіе какъ можно чаще быть въ присутствіи родителей, наслаждаться ихъ разговорами, сопровождать ихъ въ прогулкѣ, имѣть свидѣтелями своихъ игръ и рѣзвостей, обращаться къ нимъ въ недоразумѣніяхъ, избирать ихъ въ посредники между собою въ своихъ маленькихъ ссорахъ и неудовольствіяхъ! Нужно ли доказывать, что при *такомъ* воспитаніи родители одною ласкою могутъ дѣлать изъ своихъ дѣтей все, что имъ угодно; что имъ ничего не стоитъ пріучить ихъ съ малолѣтства къ выполненію долга — къ постоянному, систематическому труду въ опредѣленные часы каждаго дня (важная сторона въ воспитаніи: отъ упущенія ея много губится въ человѣкѣ!)? Нужно ли говорить, что такимъ родителямъ очень возможно будетъ обратить трудъ въ привычку, въ наслажденіе для своихъ дѣтей, а свободное отъ труда время—въ высшее счастье и блаженство? Еще менѣе

нужно доказывать, что при такомъ воспитаніи совершенно безполезны всякаго рода унизительныя для человѣческаго достоинства наказанія, подавляющія въ дѣтяхъ благородную свободу духа, уваженіе къ самимъ себѣ, и растлѣвающія ихъ сердца подлыми чувствами униженія, страха, скрытности и лукавства? Суровый взглядъ, холодно вѣжливое обращеніе, косвенный упрекъ, деликатный намекъ, и уже много-много, если отказъ въ прогулкѣ съ собою, въ участіи слушать повѣсть или сказку, которую будетъ читать или разсказывать отецъ или мать, наконецъ, арестъ въ комнатѣ,—вотъ наказанія, которыя, будучи употреблены соразмѣрно съ виною, произведутъ и сознаніе, и раскаяніе, и слезы, и исправленіе. Нѣжная душа доступна всякому впечатлѣнію, даже самому легкому: у ней есть тонкій инстинктъ, по которому она сама догадывается о неловкости своего положенія, если подала къ нему поводъ; душа грубая, привыкшая къ сильнымъ наказаніямъ, ожесточается, черствѣетъ, мозолится, дѣлается безстыдно безсовѣстною,—и ей ужъ скоро нипочемъ всякое наказаніе. Нужно ли говорить, что *такое* воспитаніе—легко и возможно, но требуетъ всего человѣка, всего его вниманія, всей его любви? Отцы, которыхъ вся жизнь сосредоточена въ дѣтяхъ, отдана имъ безъ раздѣла—рѣдкія явленія; но для нихъ-то и говоримъ мы, къ нимъ и обращаемъ рѣчь нашу,—и дай Богъ, чтобы она принята была ими съ такою же любовью и искренностью, съ какими мы обращаемся къ нимъ!.. Всѣ же *не такіе* могутъ намъ не вѣрить и даже смѣяться надъ нами, если имъ это заблагоразсудится... Въ добрый часъ!..

Воспитаніе—великое дѣло: имъ рѣшается участь человѣка. Молодыя поколѣнія суть гости настоящаго времени и хозяева будущаго, которое есть ихъ настоящее, получаемое ими какъ наслѣдство отъ старѣйшихъ поколѣній. Какъ зародышъ будущаго, которое должно сдѣлаться настоящимъ, каждое изъ нихъ есть новая идея, готовая смѣнить старую идею. Это и есть условіе хода и процесса человѣчества. «Не вливаютъ вина молодого въ мѣхи старые», сказалъ нашъ божественный Спаситель, и Онъ же изрекъ о дѣтяхъ, приведенныхъ къ нему для благословенія: «Таковыхъ есть царствіе небесное». Но новое, чтобъ быть дѣйствительнымъ, должно исторически развиться изъ стараго, и въ этомъ законѣ заключается важность воспитанія, и имъ же условливается важность тѣхъ людей, которые берутъ на себя священную обязанность быть воспитателями дѣтей.

Правительство, неусыпно-пекущееся о нашемъ благѣ, ничего не щадитъ для утвержденія на прочныхъ основаніяхъ общественнаго образованія. Не смотря на безчисленное множество уже существующихъ учебныхъ заведеній, оно не перестаетъ учреждать новыя на лучшихъ основаніяхъ, а старыя преобразовывать, соотвѣтственно потребностямъ времени; употребляетъ на нихъ огромныя суммы, замѣщаетъ вакантныя мѣста молодыми людьми, болѣе старыхъ способными удовлетворить современнымъ требованіямъ, и кто вникалъ со вниманіемъ въ эту отрасль администраціи, тотъ не могъ не дивиться быстрымъ перемѣнамъ въ ней къ лучшему, богатымъ прекрасными результатами. Но общественное образованіе, преимущественно имѣю-

щее въ виду развитіе умственныхъ способностей и обогащеніе ихъ познаніями, совсѣмъ не то, что воспитаніе домашнее: то и другое равно необходимы, и ни одно другого замѣнить не можетъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ великій германскій мыслитель Гегель, въ своей торжественной рѣчи на актѣ Нюрнбержской Гимназіи, обязанной его кратковременному управленію теперешнимъ своимъ процвѣтаніемъ: «Въ связи съ этимъ находится еще другой важный предметъ, который ставитъ школу еще въ большую необходимость опираться на домашнія отношенія учениковъ — это *дисциплина*. Я здѣсь отличаю *воспитаніе* нравовъ отъ ихъ *образованія*. Цѣлью учебнаго заведенія можетъ быть не воспитаніе, не дисциплина нравовъ въ собственномъ смыслѣ, а образованіе ихъ, и притомъ не со всѣми средствами, къ нему ведущими. Учебное заведеніе должно предполагать добрую нравственность въ своихъ ученикахъ. Мы должны требовать, чтобы ученики, вступающіе къ намъ въ школу, уже получили предварительное воспитаніе. По духу нравовъ нашего времени непосредственное воспитаніе не есть, такъ, какъ у Спартанцевъ, публичное, государственное; обязанность и забота воспитанія лежитъ на родителяхъ. Другое дѣло — сиротскіе домы или семинаріи и вообще всѣ заведенія, которыя обнимаютъ цѣлое существованіе юноши».

Такъ! на родителяхъ, на однихъ родителяхъ лежитъ священнѣйшая обязанность сдѣлать своихъ дѣтей *человѣками*; обязанность же учебныхъ заведеній—сдѣлать ихъ учеными, гражданами, членами государства на всѣхъ его ступеняхъ. Но кто не сдѣлался прежде всего *человѣкомъ*, тотъ плохой *гражданинъ*, плохой слуга государю. Изъ этого видно, какъ важенъ, великъ и священъ санъ воспитателя: въ его рукахъ участь цѣлой жизни человѣка. Первыя впечатлѣнія могущественно дѣйствуютъ на юную душу: все дальнѣйшее ея развитіе совершается подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Всякій человѣкъ, еще не родившись на свѣтъ, въ самомъ себѣ носитъ уже возможность той формы, того опредѣленія, какое ему нужно. Эта возможность заключается въ его организмѣ, отъ котораго зависитъ и его темпераментъ, и его характеръ, и его умственныя средства, и его наклонность и способность къ тому или другому роду дѣятельности, къ той или другой роли въ общественной драмѣ, — словомъ, вся его индивидуальная личность. По своей природѣ, никто ни выше, ни ниже самого себя: Наполеономъ или Шекспиромъ должно родиться, но нельзя сдѣлаться; хорошій офицеръ часто бываетъ плохимъ генераломъ, а хорошій водвилистъ дурнымъ трагикомъ. Это уже судьба, передъ которою безсильна и человѣческая воля и самыя счастливыя обстоятельства. Назначеніе человѣка—развить лежащее въ его натурѣ зерно духовныхъ средствъ, стать вровень съ самимъ собою; но не въ его волѣ и не въ его силахъ пріобрѣсти трудомъ и усиліемъ сверхъ даннаго ему природою, сдѣлаться выше самого себя, равно какъ и быть не тѣмъ, чѣмъ ему назначено быть, какъ, напримѣръ, художникомъ, когда онъ родился быть мыслителемъ, и т. д. И вотъ здѣсь воспитаніе получаетъ свое истинное и великое значеніе. Животное,

родившись отъ льва и львицы, дѣлается львомъ, безъ всякихъ стараній и усилій съ своей стороны, безъ всякаго вліянія счастливаго стеченія обстоятельствъ; но человѣкъ, родившись не только львомъ или тигромъ, даже человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова, можетъ сдѣлаться и волкомъ, и· осломъ, и чѣмъ угодно. Часто, одаренный великими средствами на великое, онъ обнаруживаетъ только дикую силу, которая служитъ ему ни къ чему иному, какъ къ разрушенію всего окружающаго его и даже самого себя. И если бываютъ такія богатыя и могучія натуры, которыя собственною глубокостью и силою спасаются отъ погибели или искаженія вслѣдствіе ложнаго, неестественнаго развитія и дурного воспитанія, то все-таки нельзя же сомнѣваться въ томъ, что тѣ же самыя натуры, но при нормальномъ развитіи и разумномъ воспитаніи прямѣе дошли бы до своей цѣли, съ силами свѣжими и неистощенными въ тяжелой и безплодной борьбѣ съ случайными противорѣчіями. Разумное воспитаніе и злого по натурѣ дѣлаетъ или менѣе злымъ, или даже и добрымъ, развиваетъ до извѣстной степени самыя тупыя способности и по возможности очеловѣчиваетъ самую органическую и мелкую натуру: такъ дикое, лѣсное растеніе, когда его пересадятъ въ садъ и подвергнутъ уходу садовника, дѣлается и пышнѣе цвѣтомъ, и вкуснѣе плодомъ. Не всѣ родятся героями, художниками, учеными; геній есть явленіе вѣковое, рѣдкое; сильные таланты тоже похожи на исключенія изъ общаго правила, и въ этомъ случаѣ человѣчество есть армія, въ которой можетъ быть до милліона рядовыхъ солдатъ, но только одинъ фельдмаршалъ, и въ каждомъ полку только одинъ полковникъ, и на сто рядовыхъ одинъ офицеръ. Въ такой же пропорціи находится къ большинству, или толпѣ, и число людей съ глубокою и безконечною натурою, которыхъ назначеніе—не проявиться въ какомъ-нибудь родѣ дѣятельности, составляющемъ призваніе гепія и таланта, но все понимать, всему сочувствовать и все облагораживать и счастливить своимъ непосредственнымъ вліяніемъ. Природа не скупа, но экономна въ своихъ дарахъ и, какъ явленіе вѣчнаго разума, она строго соблюдаетъ свой іерархическій порядокъ, свою *табель о рангахъ*. Но всякое назначеніе природы имѣетъ параллельное себѣ назначеніе въ человѣчествѣ и въ гражданскомъ обществѣ, почему всякій человѣкъ, съ какими бы то ни было способностями, находитъ свое мѣсто въ томъ и другомъ. Не мѣста людей, но люди мѣста унижаютъ. Самое приличное мѣсто человѣку—то, къ которому онъ призванъ, а свидѣтельство призванія — его способности, степень ихъ, наклонность и стремленіе. Кто призванъ на великое въ человѣчествѣ, совершай его: ему честь и слава, ему вѣнецъ генія; кому же назначена тихая и неизвѣстная доля — умѣй найти въ ней свое счастіе, умѣй съ пользою дѣйствовать и на маломъ поприщѣ, умѣй быть достойнымъ, почтеннымъ и въ скромной дѣятельности. Всякое желаніе невозможнаго — есть ложное желаніе; всякое стремленіе быть выше себя, выше своихъ средствъ, есть не благородный порывъ сознающей себя силы, а претензія жалкой посредственности и бѣднаго самолюбія украситься внѣшнимъ блескомъ. Цѣль нашихъ стремленій есть

удовлетвореніе, и всякій удовлетворяется ни больше, ни меньше, какъ тѣмъ, что ему нужно; а кто нашелъ свое удовлетвореніе на ограниченномъ поприщѣ, тотъ счастливѣе того, кто, обладая большими духовными средствами, не можетъ найти своего удовлетворенія. Честный и, по-своему, умный сапожникъ, который въ совершенствѣ обладаетъ своимъ ремесломъ и получаетъ отъ него все, что нужно ему для жизни, выше плохого генерала, хотя бы онъ былъ самъ Меласъ, выше педанта-ученаго, выше дурного стихотворца. Главная задача человѣка во всякой сферѣ дѣятельности, на всякой ступени въ лѣстницѣ общественной іерархіи, быть—*человѣкомъ*. Но умѣренная на произведеніе великихъ явленій духовнаго міра природа щедра до безконечности на произведеніе людей и съ душою, и съ способностями и дарованіемъ, словомъ, со всѣмъ, что нужно человѣку, чтобъ быть достойнымъ высокаго званія человѣка. Люди бездарные, ни къ чему не способные, тупоумные, суть такое же исключеніе изъ общаго правила, какъ уроды, и ихъ такъ же мало, какъ и уродовъ. Множество же ихъ происходитъ отъ двухъ причинъ, въ которыхъ природа нисколько не виновата: отъ дурного воспитанія и вообще ложнаго развитія, и еще отъ того, что рѣдко случается видѣть человѣка на своей дорогѣ и на своемъ мѣстѣ. Сознаніе своего назначенія — трудное дѣло, и часто если не натолкнуть человѣка на чужую ему дорогу жизни, онъ самъ сойдетъ по ней, руководимый или безсознательностью, или претензіями. Но если-бы возможно было равное для всѣхъ нормальное воспитаніе, число обиженныхъ природою такъ ограничилось бы, что дѣйствительно обиженные ею прямо поступали бы въ кунсткамеру въ банки со спиртомъ. И потому воспитаніе, по отношенію къ большинству, пріобрѣтаетъ еще большую важность: оно все—и жизнь и смерть, спасеніе и гибель.

Но воспитаніе, чтобъ быть жизнью, а не смертью, спасеніемъ, а не гибелью, должно отказаться отъ всякихъ претензій своевольной и искусственной самодѣятельности. Оно должно быть помощникомъ природѣ—не больше. Обыкновенно думаютъ, что душа младенца есть бѣлая доска, на которой можно писать, что угодно, забывая, что каждый человѣкъ есть индивидуальная личность, которая можетъ дѣлаться и хуже и лучше — только по-своему, *индивидуально*. Воспитаніе можетъ сдѣлать человѣка только худшимъ, исказить его натуру; лучшимъ оно его не дѣлаетъ, а только помогаетъ дѣлаться. Если душа младенца и въ самомъ дѣлѣ есть бѣлая доска, то качество и смыслъ буквъ, которыя пишетъ на ней жизнь, зависятъ не только отъ пишущаго и орудія писанія, но и отъ качества самой этой доски. Человѣкъ ничего не можетъ узнать, чего бы не было въ немъ, ибо вся дѣйствительность, доступная его разумѣнію, есть не что иное, какъ осуществившіеся законы его же собственнаго разума. И потому-то есть такъ называемыя *врожденныя идеи*, которыя суть непосредственное созерцаніе истины, заключающееся въ таинствѣ человѣческаго организма. Ребенка нельзя увѣрить, что $2 \times 2 = 5$, а не 4. А, между тѣмъ, есть истины и повыше этой, которыхъ сѣмя въ душѣ человѣка, еще и не думавшаго о нихъ!..

Нѣтъ, не бѣлая доска душа младенца, а дерево въ зернѣ, человѣкъ въ возможности! Какъ ни старо сравненіе воспитателя съ садовникомъ, но оно глубоко вѣрно, и мы не затрудняемся воспользоваться имъ. Да, младенецъ есть молодой, блѣдно-зеленый ростокъ, едва выглянувшій изъ своего зерна; а воспитатель есть садовникъ, который ходитъ за этимъ нѣжнымъ, возникающимъ растеніемъ. Посредствомъ прививки, и дикую лѣсную яблоню можно заставить, вмѣсто кислыхъ и маленькихъ яблокъ, давать яблоки садовыя, вкусныя и большія; но тщетны были бы всѣ усилія искусства заставить дубъ приносить яблоки, а яблоню—жолуди. А въ этомъ-то именно и заключается, по большей части, ошибка воспитанія: забываютъ о природѣ, дающей ребенку наклонности и способности, и опредѣляющей его значеніе въ жизни, и думаютъ, что было бы только дерево, а то можно заставить его приносить что угодно, хоть арбузы вмѣсто орѣховъ.

Для садовника есть правила, которыми онъ необходимо руководствуется при хожденіи за деревьями. Онъ соображается не только съ индивидуальною природою каждаго растенія, но и со временами года, съ погодою, съ качествомъ почвы. Каждое растеніе имѣетъ для него свои эпохи возрастанія, сообразно съ которыми онъ и располагаетъ свои съ нимъ дѣйствія: онъ не сдѣлаетъ прививки ни къ стеблю, еще несформировавшемуся въ стволъ, ни къ старому дереву, уже готовому засохнуть. Человѣкъ имѣетъ свои эпохи возрастанія, не сообразуясь съ которыми можно затушить въ немъ всякое развитіе.

Орудіемъ и посредникомъ воспитанія должна быть любовь, а цѣлью—*человѣчность* (die Humanität). Мы разумѣемъ здѣсь первоначальное воспитаніе, которое важнѣе всего. Всякое частное или исключительное направленіе, имѣющее опредѣленную цѣль въ какой-нибудь сторонѣ общественности, можетъ имѣть мѣсто только въ дальнѣйшемъ, окончательномъ воспитаніи. Первоначальное же воспитаніе должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но *человѣка*, который могъ бы впослѣдствіи быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть *человѣкомъ*. Подъ *человѣчностью* мы разумѣемъ живое соединеніе въ одномъ лицѣ тѣхъ общихъ элементовъ духа, которые равно необходимы для всякаго человѣка, какой-бы онъ ни былъ націи, какого бы онъ ни былъ званія, состоянія, въ какомъ бы возрастѣ жизни и при какихъ бы обстоятельствахъ ни находился,—тѣхъ общихъ элементовъ, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоцѣннѣйшее сокровище, и безъ которыхъ онъ не человѣкъ. Подъ этими общими элементами духа мы разумѣемъ—доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубокости натуры и степени образованія каждаго. Человѣкъ есть разумносознательная сущность и органъ всего сущаго, и отсюда получаетъ свое глубокое и высокое значеніе извѣстное выраженіе: «Homo sum, nihil mihi alienum humani puto», т. е. «Я человѣкъ—и ничего человѣческаго не считаю чуждымъ мнѣ». Чѣмъ глубже натура и развитіе человѣка, тѣмъ болѣе онъ человѣкъ, и тѣмъ доступнѣе ему все человѣческое. Онъ пойметъ и радост-

ный крикъ дитяти при видѣ пролетѣвшей птички, и бурное волненіе страстей въ вулканической груди юноши, и спокойное самообладаніе мужа, и созерцательное упоеніе старца, и жгучее отчаяніе, и дикую радость, и безмолвное страданіе, и затаенную грусть, и восторги счастливой любви, и тоску разлуки, и слезы отринутаго чувства, и нѣмую мольбу взоровъ, и высокость самоотверженія, и сладость молитвы, и все, что въ жизни, и въ чемъ есть жизнь. Опытъ и опытность не суть необходимое условіе такой всеобъемлющей доступности: чтобы понять и младенца, и юношу, и мужа, и старца, и женщину, ему не нужно быть вмѣстѣ и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ: ему не нужно даже быть въ томъ положеніи, которое интересуетъ его въ каждомъ изъ нихъ: лишь бы представилось ему явленіе, а ужъ его чувство безсознательно откликнется на него и пойметъ его. На все будетъ у него и привѣтъ и отвѣтъ, и участіе и утѣшеніе, чистая радость о счастіи ближняго, и состраданіе въ его горѣ, и улыбка на полный блаженства взоръ, и слеза на горькія слезы! Ему понятна и возможность не только слабостей и заблужденій, но и самыхъ пороковъ, самыхъ преступленій: презирая слабости и заблужденія, онъ будетъ жалѣть о слабыхъ и заблуждающихся; проклиная пороки и преступленія, онъ будетъ сострадать порочнымъ и преступнымъ. Его грудь равно открыта и для задушевной тайны друга, и для робкаго признанія юнаго, страждущаго существа, и для души, томящейся обременительной полнотою блаженства, и для растерзаннаго страданіемъ сердца, и для рыдающаго раскаянія, и для самой ужасной повѣсти страстей и заблужденій. Онъ уважитъ чувство и друга и недруга: для него святы горе и радость знакомаго и незнакомаго человѣка. Съ нимъ такъ тепло и отрадно и своему и чужому: онъ во всѣхъ внушаетъ такую довѣрчивость, такую откровенность. Въ его душѣ столько теплоты и *елейности*, въ его словахъ такая кротость и задумчивость, въ его манерахъ столько мягкости и деликатности. Какъ отрадно бываетъ встрѣтить въ старикѣ, который былъ лишенъ всякаго образованія, провелъ всю жизнь свою въ практической дѣятельности, совершенно чуждой всего идеальнаго, мечтательнаго и поэтическаго,—какъ отрадно встрѣтить теплое чувство, неподавленное бременемъ годовъ и желѣзными заботами жизни, любовь и снисхожденіе къ юности, къ ея вѣтренымъ забавамъ, ея шумной радости, ея мечтамъ, и грустнымъ, и свѣтлымъ, и пламеннымъ, и гордымъ! какъ отрадно увидѣть на его устахъ кроткую улыбку удовольствія, чистую слезу умиленія отъ пѣсни, отъ стихотворенія, отъ повѣсти!... О, станьте, на колѣни передъ такимъ старикомъ, почтите за честь и счастіе его ласковый привѣтъ, его дружеское пожатіе руки: въ немъ есть человѣчность! Онъ въ милліонъ разъ лучше этихъ сомнѣвающихся и разочарованныхъ юношей, которые увяли не расцвѣтши.— этихъ почтенныхъ лысинъ и сѣдинъ, которыя рутиною хотятъ замѣнить умъ и дарованія, холоднымъ резонерствомъ теплое чувство, внѣшнимъ и заимствованнымъ блескомъ отличій внутреннюю пустоту и ничтожность, а важными и строгими разсужденіями о нравственности—сухость и мертвенность своихъ деревянныхъ сердецъ!...

Чтобы не повторять одного и того же, мы перейдемъ теперь къ дѣтскимъ книгамъ—главному предмету нашей статьи, и ихъ характеристикою довершимъ нашу характеристику воспитанія вообще.

На дѣтскія книги обыкновенно обращаютъ еще менѣе вниманія, чѣмъ на самое воспитаніе. Ихъ просто презираютъ, и если покупаютъ, то развѣ для картинокъ. Есть даже люди, которые почитаютъ чтеніе для дѣтей больше вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Это грубое заблужденіе, варварскій предразсудокъ. Книга есть жизнь нашего времени. Въ ней всѣ нуждаются—и старые, и молодые, и дѣловые, и ничего не дѣлающіе; дѣти—также. Все дѣло въ выборѣ книгъ для нихъ, и мы первые согласны, что читать дурно выбранныя книги для нихъ и хуже и вреднѣе, чѣмъ ничего не читать: первое зло—положительное, второе только отрицательное. Такъ, напримѣръ, въ дѣтяхъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, должно развивать чувство изящнаго, какъ одинъ изъ первѣйшихъ элементовъ человѣчности; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы имъ можно было давать въ руки романы, стихотворенія и проч. Нѣтъ ничего столь вреднаго и опаснаго, какъ неестественное и несвоевременное развитіе духа. Дитя должно быть дитятею, но не юношею, не взрослымъ человѣкомъ. Первыя впечатлѣнія сильны, и плодомъ неразборчиваго чтенія будетъ преждевременная мечтательность, пустая и ложная идеальность, отвращеніе отъ бодрой и здоровой дѣятельности, наклонность къ такимъ чувствамъ и положеніямъ въ жизни, которыя несвойственны дѣтскому возрасту. Юноши, переходящіе въ старость мимо возмужалости—отвратительны, какъ старички, которые хотятъ казаться юношами. Все хорошо и прекрасно въ гармоніи, въ соотвѣтственности съ самимъ собою. Всему своя чреда. Неестественно и преждевременно развившіяся дѣти — нравственные уроды. Всякая преждевременная зрѣлость похожа на растлѣніе въ дѣтствѣ. Искусство въ той мѣрѣ дѣйствительно для каждаго, сколько каждый находитъ въ немъ истолкованіе того, что живетъ въ немъ самомъ какъ чувство, что знакомо ему, какъ потребность его души. Когда же онъ этого не находитъ въ искусствѣ, то видитъ въ немъ фразы, увлекается ими и изъ простого, добраго человѣка становится высокопарнымъ болтуномъ, пустымъ и докучнымъ фразеромъ. Что же сказать о дѣтяхъ, которыя, по своему возрасту, не могутъ найти въ поэзіи отраженія внутренняго міра души своей? Разумѣется, они или увлекаются отвратительнымъ въ ихъ лѣта фразерствомъ и резонерствомъ, или перетолковываютъ по-своему недоступныя для нихъ чувства и превращаютъ ихъ для себя въ неестественныя и ложныя ощущенія и побужденія. Но въ пользу дѣтей должно исключить изъ числа недоступныхъ имъ искусствъ музыку. Это искусство, не выговаривающее опредѣленно никакой мысли, есть какъ-бы отрѣшившаяся отъ міра гармонія міра, чувство безконечнаго, воплотившееся въ звуки, возбуждающее въ душѣ могучіе порывы и стремленіе къ безконечному, возносящее ее въ ту превыспреннюю, подзвѣздную сферу высокихъ помысловъ и блаженнаго удовлетворенія, которая есть свѣтлая отчизна живущихъ долу, и изъ которой слышатся имъ до-

временные глаголы жизни... Вліяніе музыки на дѣтей благодатно, и чѣмъ ранѣе начнутъ они испытывать его на себѣ, тѣмъ лучше для нихъ. Они не переведутъ на свой дѣтскій языкъ ея невыговариваемыхъ глаголовъ, но запечатлѣютъ ихъ въ сердцѣ, не перетолкуютъ ихъ по-своему, не будутъ о ней резонерствовать; но она наполнитъ гармоніею міра ихъ новыя души, разовьетъ въ нихъ предощущеніе таинства жизни, совлеченной отъ случайностей, и дастъ имъ легкія крылья, чтобы отъ низменнаго дола возноситься горѣ— въ свѣтлую отчизну душъ... Не можемъ удержаться, чтобы не выписать здѣсь мѣста изъ статьи одного малочитавшагося журнала, статьи, проникнутой мыслью и благороднымъ одушевленіемъ: «Жалко сказать, въ какомъ положеніи находится у насъ музыкальное образованіе. У насъ учатъ музыкѣ не потому, что музыка есть великое искусство, которое возвышаетъ, облагораживаетъ душу, развиваетъ въ ней безконечный внутренній міръ, а потому. что стыдно же дѣвушкѣ не играть на фортепьяно, не спѣть романса—«это въ жизни хорошо»; какъ не блеснуть въ обществѣ своей игрой, своей музыкальностью! *)—и у насъ музыка обратилась въ какую-то роскошь воспитанія: папенька тратится и платитъ деньги музыкальному учителю, считая это уже необходимымъ зломъ для своего кармана. По большей части, дѣвушки наши занимаются музыкою только до замужества, а такъ какъ на музыку смотрятъ, какъ на средство сдѣлать выгодную партію, или даже просто—поскорѣе выйти замужъ,— цѣль достигнута, и музыка оставлена, фортепьяно держится въ домѣ, какъ необходимая мебель. Да, впрочемъ, извѣстно и то, что благородной дѣвицѣ неприлично наслаждаться какою-то превыспреннею любовью и находить свое счастье въ природѣ, въ искусствѣ, въ мысли; совсѣмъ нѣтъ: природа, поэзія и умныя сужденія должны быть украшеніями, забавами жизни, а вовсе не сущностью ея. Пусть бы оставляли музыку для занятій и попеченій материнскихъ (хотя мы думаемъ, напротивъ, что въ долгъ и попеченія матери музыка должна входить первая: она первая должна быть благодатною росою для растительной жизни дитяти, солнечнымъ свѣтомъ для пробуждающейся юной души, она развиваетъ и укрѣп-

*) Въ самомъ дѣлѣ, кому не хочется блеснуть своею музыкальностью? И вотъ и въ музыку также ввели моду, какъ и въ костюмы и въ свѣтскіе обычаи. Пожалуйте намъ Черни, Герца, Тальберга, Шопена; какъ можно даже говорить о старикахъ Моцартѣ и Бетховенѣ... Соната Бетховена—fi donc!—какъ это старо!.. Въ самомъ дѣлѣ, вы стары, простодушные художники!.. Посмотрите на природу, какъ она состарѣлась—вѣдь ужъ сколько тысячъ лѣтъ живетъ она!.. Шекспиру слишкомъ 200 лѣтъ, а Гомеръ даже сдѣлался миоомъ... Да, правда всѣ вы стары, всѣ вы не годитесь теперь; вами вовсе нельзя блеснуть въ обществѣ: вы требуете много труда, размышленія, уединенія; а что-жъ вы даете за это? Какую-нибудь внутреннюю гармонію, одушевленіе, растворяете душу блаженствомъ и жаждою безконечнаго,—намъ совсѣмъ не этого нужно... Но я, право, не знаю, что нужно такимъ артистамъ, и, говоря это, я вовсе не имѣлъ намѣренія говорить о старыхъ германскихъ мастерахъ, и высказалъ это такъ, къ слову, потому что мнѣ всегда очень забавно слышать такіе приговоры въ сферѣ искусства; но Богъ съ ними, съ этими любителями!...

ляетъ цвѣтокъ духовной жизни для плода... впечатлѣнія музыки на душу младенца и плоды ихъ неисчислимы); но дамы наши мало думаютъ объ этомъ, и музыка оставляется для другихъ, важнѣйшихъ предметовъ—нарядовъ, выѣздовъ, собраній, свѣтской литературы; но тихой, задумчивой музыкѣ неловко въ такомъ блистательномъ, шумномъ обществѣ—она улетаетъ...» («М. Н.» 1838, стр. 332).

Но что же можно читать дѣтямъ? Изъ сочиненій, писанныхъ для всѣхъ возрастовъ, давайте имъ «Басни» Крылова, въ которыхъ даже практическія, житейскія мысли облечены въ такіе плѣнительные поэтическіе образы, и все такъ рѣзко запечатлѣно печатью русскаго ума и русскаго духа; давайте имъ «Юрія Милославскаго» г. Загоскина, въ которомъ столько душевной теплоты, столько патріотическаго чувства, который такъ простъ, такъ наивенъ, такъ чуждъ возмущающихъ душу картинъ, такъ доступенъ дѣтскому воображенію и чувству; давайте «Овсяный Кисель», эту наивную, дышащую младенческою поэзіею пьесу Гебеля, такъ превосходно переведенную Жуковскимъ; давайте имъ нѣкоторыя изъ народныхъ сказокъ Пушкина, какъ, напр., «О Рыбакѣ и Рыбкѣ», которая, при высокой поэзіи, отличается, по причинѣ своей безконечной народности, доступностью для всѣхъ возрастовъ и сословій, и заключаетъ въ себѣ нравственную идею. Не давая дѣтямъ въ руки самой книги, можно читать имъ отрывки изъ нѣкоторыхъ поэмъ Пушкина, какъ, напр., въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» изображеніе черкесскихъ нравовъ, въ «Русланѣ и Людмилѣ» эпизоды битвъ, о полѣ, покрытомъ мертвыми костями, о богатырской головѣ; въ «Полтавѣ» описаніе битвы, появленіе Петра Великаго; наконецъ, нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина, каковы: «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» «Женихъ», «Пиръ Петра Великаго», «Зимній Вечеръ», «Утопленникъ», «Бѣсы»; нѣкоторыя изъ пѣсенъ западныхъ Славянъ, а для болѣе взрослыхъ—«Клеветникамъ Россіи» и «Бородинскую Годовщину». Не заботьтесь о томъ, что дѣти мало тутъ поймутъ, но именно старайтесь, чтобы они какъ-можно менѣе понимали, но больше чувствовали. Пусть ухо ихъ пріучается къ гармоніи русскаго слова, сердца преисполняются чувствомъ изящнаго; пусть и поэзія дѣйствуетъ на нихъ, какъ и музыка—прямо черезъ сердце, мимо головы, для которой еще настанетъ свое время, свой чередъ. Очень полезно и даже необходимо знакомить дѣтей съ русскими народными пѣснями, читать имъ, съ немногими пропусками, стихотворныя сказки Кирши Данилова. Народность обыкновенно выпускается у насъ изъ плана воспитанія: часто не только юноши, но и дѣти знаютъ наизусть отрывки изъ трагедій Корнеля и Расина и умѣютъ пересказать десятокъ анекдотовъ о Генрихѣ IV, о Людовикѣ XIV, а, между тѣмъ, не имѣютъ понятія о сокровищахъ своей народной поэзіи, о русской литературѣ, и развѣ отъ дядекъ и мамокъ узнаютъ, что былъ на Руси великій царь—Петръ I. Давайте дѣтямъ больше и больше созерцаніе общаго, человѣческаго, міроваго; но преимущественно старайтесь знакомить ихъ съ этимъ чрезъ родныя и національныя явленія: пусть они сперва узнаютъ не только

о Петрѣ Великомъ, но и о Іоаннѣ III, чѣмъ о Генрихахъ, Карлахъ и Наполеонахъ. Общее является только въ частномъ: кто не принадлежитъ своему отечеству, тотъ не принадлежитъ и человѣчеству.

Книги, которыя пишутся собственно для дѣтей, должны входить въ планъ воспитанія, какъ одна изъ важнѣйшихъ его сторонъ. Наша литература особенно бѣдна книгами для воспитанія, въ обширномъ значеніи этого слова, т. е. какъ *учебными*, такъ и *литературными* дѣтскими книгами. Но эта бѣдность нашей литературы покуда еще не можетъ быть для нея важнымъ упрекомъ. Посмотрите на богатыя литературы французовъ, англичанъ и даже самихъ нѣмцевъ: у всѣхъ у нихъ дѣтскихъ книгъ много, но читать дѣтямъ нечего, или, по крайней мѣрѣ, очень мало. У французовъ, напр., писали для дѣтей Беркенъ, Булы, г-жа Жанлисъ и прочіе, написали бездну, но дѣти отъ этого нисколько не богаче книгами для своего чтенія. И это очень-естественно: должно *родиться*, а не *сдѣлаться* дѣтскимъ писателемъ. Это своего рода призваніе. Тутъ требуется не только талантъ, но и своего рода геній... Да, много, много нужно условій для образованія дѣтскаго писателя: нужна душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески-простодушная; умъ возвышенный, образованный, взглядъ на предметы просвѣтленный и не только живое воображеніе, но и живая, поэтическая фантазія, способная представить все въ одушевленныхъ, радужныхъ образахъ. Разумѣется, что любовь къ дѣтямъ, глубокое знаніе потребностей, особенностей и оттѣнковъ дѣтскаго возраста есть одно изъ важнѣйшихъ условій.

Цѣлью дѣтскихъ книжекъ должно быть не столько занятіе дѣтей какимъ-нибудь дѣломъ, не столько предохраненіе ихъ отъ дурныхъ привычекъ и дурного направленія, сколько развитіе данныхъ имъ отъ природы элементовъ человѣческаго духа,—развитіе чувства любви и чувства безконечнаго. Прямое и непосредственное дѣйствіе такихъ книжекъ должно быть обращено на чувство дѣтей, а не на ихъ разсудокъ. Чувство предшествуетъ знанію; кто не почувствовалъ истины, тотъ и не понялъ и не узналъ ея. Въ дѣтскомъ возрастѣ чувство и разсудокъ въ рѣшительной противоположности, въ рѣшительной враждѣ, и одно убиваетъ другое: преимущественное развитіе чувства даетъ имъ полноту, гармонію и поэзію жизни; преимущественное развитіе разсудка губитъ въ ихъ сердцѣ пышный цвѣтъ чувства и выращаетъ въ нихъ пырей и бѣлену резонерства. Дѣтскій умъ, предаваясь отвлеченности, въ живыхъ явленіяхъ природы и жизни видитъ однѣ мертвыя формы, лишенныя духа и сущности, и логическія опредѣленія для него—скорлупа гнилого орѣха, о которую только портятся зубы. Конечно, односторонность вредна и въ воспитаніи, и дѣтскій разсудокъ требуетъ развитія, какъ и чувство; но развитіе разсудка въ дѣтяхъ предоставляется другой сторонѣ воспитанія—ученію, школѣ. Садясь за грамматику, ребенокъ уже вступаетъ въ міръ отвлеченностей и логическихъ построеній и опредѣленій. Всему свое мѣсто, и ни одна сторона духа не должна мѣшать другой: пусть въ классѣ развивается разсудокъ ребенка и пріучается

постепенно къ строгости логической дисциплины; пусть ребенокъ разсуждаетъ съ учебникомъ въ рукахъ, готовясь къ классу; но лишь затворится за нимъ дверь класса, пусть онъ входитъ въ поэтическій міръ дѣйствительныхъ, образныхъ явленій жизни, въ «полное славы творенье»! Книга пусть будетъ у него книгою, а жизнь жизнью, и одно да не мѣшаетъ другому! Увы, прійдетъ время—и скроется отъ него этотъ поэтическій образъ жизни, съ розовыми ланитами, съ сіяющими отъ веселья взорами, съ обольстительною улыбкою счастія на устахъ: подозрительный и недовѣрчивый разсудокъ разложитъ его на мускулы, кровь, нервы и кости, и, вмѣсто прежняго плѣнительнаго образа, покажетъ ему отвратительный скелетъ. Въ душѣ раздадутся тревожные вопросы—и какъ, и отчего, и почему, и зачѣмъ? Живыя явленія дѣйствительности превратятся въ отвлеченныя понятія... Поздравимъ его, если онъ съ честью выдержитъ эту внутреннюю борьбу: если изъ порожденныхъ разрывающею силою разсудка противорѣчій снова войдетъ въ новое и высшее прежняго, разумно-сознательное созерцаніе полноты жизни... Пожалѣемъ о немъ если ему суждено будетъ навѣкъ остаться въ односторонней ограниченности разсудочнаго созерцанія жизни... Но пока онъ еще дитя, дадимъ ему вполнѣ насладиться первобытнымъ раемъ непосредственной полноты бытія, этою полною жизнью чистой младенческой радости, источникъ которой есть простодушное и цѣломудренное единство съ природою и дѣйствительностью.

Итакъ, если вы хотите писать для дѣтей, не забывайте, что они не могутъ *мыслить*, но могутъ только *разсуждать*, или, лучше сказать, *резонерствовать*, а это очень худо! Если несносенъ взрослый человѣкъ, который все великое въ жизни мѣряетъ маленькимъ аршиномъ своего разсудка, и о религіи, искусствѣ и знаніи разсуждаетъ, какъ о посѣвѣ хлѣба, паровыхъ машинахъ, или выгодной партіи, то еще отвратительнѣе ребенокъ-резонеръ, который «разсуждаетъ», потому что еще не можетъ «мыслить». Резонерство изсушаетъ въ дѣтяхъ источники жизни, любви, благодати; оно дѣлаетъ ихъ молоденькими старичками, становитъ на ходули. Дѣтскія книжки часто развиваютъ въ нихъ эту несчастную способность резонерства, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать ея возникновенію и развитію. Чѣмъ обыкновенно отличаются, напримѣръ, повѣсти для дѣтей—дурно склееннымъ разсказомъ, пересыпаннымъ моральными сентенціями. Цѣль такихъ повѣстей—обманывать дѣтей, искажая въ ихъ глазахъ, дѣйствительность. Тутъ обыкновенно хлопочутъ изо всѣхъ силъ, чтобы убить въ дѣтяхъ всякую живость, рѣзвость и шаловливость, которыя составляютъ необходимое условіе юнаго возраста, вмѣсто того, чтобы стараться дать имъ хорошее направленіе и сообщить характеръ доброты, откровенности и граціозности. Потомъ стараются пріучить дѣтей обдумывать и взвѣшивать всякій свой поступокъ, словомъ, сдѣлать ихъ благоразумными резонерами, которые годятся только для классической комедіи или трагедіи; а не думаютъ о томъ, что все дѣло во внутреннемъ источникѣ духа, что если онъ полонъ любовью и благодатью, то и внѣшность будетъ хороша, и что, нако-

нецъ, нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ мальчишка-резонеръ, свысока разсуждающій о морали, заложивъ руки въ карманъ. А потомъ, что еще?—потомъ стараются увѣрять дѣтей, что всякій проступокъ наказывается и всякое хорошее дѣйствіе награждается. Истина святая—не споримъ; но объяснять дѣтямъ *наказаніе* и *награжденіе* въ буквальномъ, внѣшнемъ, а слѣдовательно и случайномъ смыслѣ, значитъ обманывать ихъ. А по смыслу и разумѣнію (конечно, *крайнему*) большей части дѣтскихъ книжекъ, награда за добро состоитъ въ долголѣтіи, богатствѣ, выгодной женитьбѣ. Прочтите хоть, напримѣръ, повѣсти Коцебу, написанныя имъ для собственныхъ его дѣтей. Но дѣти только неопытны и простодушны, а отнюдь неглупы—и отъ всей души смѣются надъ своими мудрыми наставниками. И это еще спасеніе для дѣтей, если они не позволятъ такъ грубо обманывать себя; но горе имъ, если они повѣрятъ: ихъ разувѣритъ горькій опытъ и наброситъ въ ихъ глазахъ темный покровъ на прекрасный Божій міръ. Каждый изъ нихъ собственнымъ опытомъ узнаетъ, что безстыдный лѣнтяй часто получаетъ похвалу насчетъ прилежнаго, что наглый затѣйникъ шалости непризнательностью отдѣлывается отъ наказанія, а чистосердечно признавшійся въ шалости нещадно наказывается; что честность и правдивость часто не только не даютъ богатства, но повергаютъ еще въ нищету. Да, къ несчастью, каждый изъ нихъ узнаетъ все это; но не каждый изъ нихъ узнаетъ, что наказаніе за худое дѣло производится самымъ этимъ дѣломъ и состоитъ въ отсутствіи изъ души благодатной любви, мира и гармоніи—единственныхъ источниковъ истиннаго счастья; что награда за доброе дѣло опять-таки происходитъ отъ самаго этого дѣла, которое даетъ человѣку сознаніе своего достоинства, сообщаетъ его душѣ спокойствіе, гармонію, чистую радость, и чрезъ то дѣлаетъ ее храмомъ Божіимъ, потому что Богъ тамъ, гдѣ безмятежная, чистая радость, гдѣ любовь. А обо всемъ этомъ должны бы дѣтямъ говорить дѣтскія книжки! Онѣ должны внушать имъ, что счастіе не во внѣшнихъ и призрачныхъ случайностяхъ, а въ глубинѣ души,—что не блестящій, не богатый, не знатный человѣкъ любимъ Богомъ, но «сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнномъ украшеніи кроткаго и спокойнаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ», какъ говоритъ св. апостолъ Петръ. Онѣ должны показать имъ, что міръ и жизнь прекрасны такъ, какъ они суть, но что независимость отъ ихъ случайностей состоитъ не въ коврѣ-самолетѣ, не въ волшебномъ прутикѣ, мановеніе котораго воздвигаетъ дворцы, вызываетъ легіоны хранительныхъ духовъ съ пламенными мечами, готовыхъ наказать злыхъ преслѣдователей и обидчиковъ, но въ свободѣ духа, который силою божественной, христіанской любви торжествуетъ надъ невзгодами жизни и бодро переноситъ ихъ, почерпая силу въ этой любви. Онѣ должны знакомить ихъ съ таинствомъ страданія, показывая его, какъ другую сторону одной и той же любви, какъ блаженство своего рода, и не какъ непріятную случайность, но какъ необходимое состояніе духа, не извѣдавъ котораго, человѣкъ не извѣдаетъ и истинной любви, а, слѣдовательно, и истиннаго блаженства. Онѣ должны показать имъ, что въ добро-

вольномъ и свободномъ страданіи, вытекающемъ изъ отреченія отъ своей личности и своего эгоизма, заключается твердая опора противъ несправедливости судьбы и высшая награда за нее. И все это дѣтскія книжки должны передавать своимъ маленькимъ читателямъ не въ истертыхъ сентенціяхъ, не въ холодныхъ нравоученіяхъ, не въ сухихъ разсказахъ, а въ повѣствованіяхъ и картинахъ, полныхъ жизни и движенія, проникнутыхъ одушевленіемъ, согрѣтыхъ теплотою чувства, написанныхъ языкомъ легкимъ, свободнымъ, игривымъ, цвѣтущимъ въ самой простотѣ своей,—и тогда онѣ могутъ служить однимъ изъ самыхъ прочныхъ основаній и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для воспитанія. Пишите, пишите для дѣтей, но только такъ, чтобы вашу книгу съ удовольствіемъ прочелъ и взрослый, и, прочтя, перенесся бы легкою мечтою въ свѣтлые годы своего младенчества... Главное дѣло, какъ можно меньше сентенцій, нравоученій и резонерства: ихъ не любятъ и взрослые, а дѣти просто ненавидятъ, какъ и все, наводящее скуку, все сухое и мертвое. Они хотятъ видѣть въ васъ друга, который забывался бы съ ними до того, что самъ становился бы младенцемъ, а не угрюмаго наставника; требуютъ отъ васъ наслажденія, а не скуки, разсказовъ, а не поученій. Дитя веселое, доброе, живое, рѣзвое, жадное до впечатлѣній, страстное къ разсказамъ, не столько *чувствительное*, сколько *чувствующее*—такое дитя есть дитя Божіе: въ немъ играетъ юная, благодатная жизнь, и надъ нимъ почіетъ благословеніе Божіе. Пусть дитя шалитъ и проказитъ, лишь бы его шалости и проказы не были вредны и не носили на себѣ отпечатка физическаго и нравственнаго цинизма; пусть оно будетъ безразсудно, опрометчиво,—лишь бы оно не было глупо и тупо; мертвенность же и безжизненность хуже всего. Но ребенокъ разсуждающій, ребенокъ благоразумный, ребенокъ-резонеръ, ребенокъ, который всегда остороженъ, никогда не сдѣлаетъ шалости, ко всѣмъ ласковъ, вѣжливъ, предупредителенъ,—и все это по-разсчету... горе вамъ, если вы сдѣлали его такимъ!... Вы убили въ немъ чувство и развили разсудокъ; вы заглушили въ немъ благодатное сѣмя безсознательной любви и возрастили резонерство... Бѣдныя дѣти, сохрани васъ Богъ отъ оспы, кори и сочиненій Беркена, Жанлисъ и Бульи!...

Основу, сущность, элементъ высшей жизни въ человѣкѣ составляетъ его внутреннее чувство безконечнаго, которое, какъ *чувство*, лежитъ въ его организаціи. Чувство безконечнаго есть искра Божія, зерно любви и благодати, живой проводникъ между человѣкомъ и Богомъ. Степени этого чувства различны въ людяхъ, по глаголу Спасителя: «И далъ одному пять талантовъ, другому два, третьему одинъ, *каждому по его силѣ*»; но мѣрою глубины этого чувства измѣряется достоинство человѣка и близость его къ источнику жизни—къ Богу. Все человѣческое знаніе должно быть выговариваніемъ, переведеніемъ въ понятія, опредѣленіемъ, короче—*сознаніемъ* таинственныхъ проявленій этого чувства, безъ котораго, поэтому, всѣ наши понятія и опредѣленія суть слова безъ смысла, форма безъ содержанія, сухая, безплодная и мертвая отвлеченность. Безъ чув-

ства безконечнаго въ человѣкѣ не можетъ быть и внутренняго, духовнаго созерцанія истины, потому что непосредственное созерцаніе истины, какъ на фундаментѣ, основывается на чувствѣ безконечнаго. Это чувство есть даръ природы, результатъ счастливой организаціи, и потому оно свойственно и дѣтямъ, въ которыхъ лежитъ какъ зародышъ,—и развитія этого-то зародыша требуемъ мы отъ воспитанія и дѣтской литературы.

Мы сказали, что живая, поэтическая фантазія есть необходимое условіе, въ числѣ другихъ необходимыхъ условій, для образованія писателя для дѣтей: чрезъ нее и посредствомъ ея долженъ онъ дѣйствовать на дѣтей. Въ дѣтствѣ фантазія есть преобладающая способность и сила души, главный ея дѣятель и первый посредникъ между духомъ ребенка и внѣ его находящимся міромъ дѣйствительности. Дитя не требуетъ діалектическихъ выводовъ и доказательствъ, логической послѣдовательности: ему нужны образы, краски и звуки. Дитя не любитъ отвлеченныхъ идей: ему нужны исторійки, повѣсти, сказки, разсказы,—и посмотрите, какъ сильно у дѣтей стремленіе ко всему фантастическому, какъ жадно слушаютъ они разсказы о мертвецахъ, привидѣніяхъ, волшебствахъ. Что это доказываетъ?—потребность безконечнаго, предощущеніе таинства жизни, начало чувства поэзіи, которыя находятъ для себя удовлетвореніе пока еще только въ одномъ чрезвычайномъ, отличающемся неопредѣленностью идеи и яркостью красокъ. Чтобы говорить образами, надо быть если не поэтомъ, то, по крайней мѣрѣ, разсказчикомъ и обладать фантазіею живою, рѣзвою и радужною. Чтобы говорить образами съ дѣтьми, надо знать дѣтей, надо самому быть взрослымъ ребенкомъ, не въ пошломъ значеніи этого слова, но родиться съ характеромъ младенчески-простодушнымъ. Есть люди, которые любятъ дѣтское общество и умѣютъ занять его и разсказомъ, и разговоромъ, и даже игрою, принявъ въ ней участіе; дѣти, съ своей стороны, встрѣчаютъ этихъ людей съ шумною радостью, слушаютъ ихъ со вниманіемъ, и смотрятъ на нихъ съ откровенною довѣрчивостью, какъ на своихъ друзей. Про всякаго изъ такихъ у насъ, на Руси, говорятъ: *это дѣтскій праздникъ*. Вотъ такихъ-то «дѣтскихъ праздниковъ» нужно и для дѣтской литературы. Да,—много, очень много условій! Такіе писатели, подобно поэтамъ, родятся, а не дѣлаются...

Но резонерамъ крайне не нравятся подобныя требованія. Въ самомъ дѣлѣ, кому пріятно выслушивать свой смертный приговоръ, свое исключеніе изъ списка живущихъ? Вѣроятно, по этой же причинѣ плохіе стихотворцы терпѣть не могутъ разсужденій о высшихъ требованіяхъ искусства: въ нихъ они видятъ свое уничтоженіе. Отнимите у резонера право пересыпать изъ пустого въ порожнее моральными сентенціями, — что же ему останется дѣлать на бѣломъ свѣтѣ? Вѣдь жизни, любви, одушевленія, таланта не поднимешь съ улицы, не купишь и за деньги, если природа отказала въ нихъ. А резонерствовать такъ легко: стоитъ только запастись бумагою, перомъ и чернилами, да присѣсть — а оно ужъ польется само! Какой поклонникъ Бахуса не въ состояніи ораторствовать о пагубномъ вліяніи крѣп-

кихъ напитковъ на тѣло и душу и о пользѣ трезвости и воздержности? Какой развратникъ не наговоритъ короба три громкихъ фразъ о нравственности? Какой бездушный и холодный человѣкъ не въ состояніи вкось и вкривь разсуждать о любви, благочестіи, благотворительности, самопожертвованіи и о прочихъ священныхъ чувствахъ, которыхъ у него нѣтъ въ душѣ? Жизнь, теплота, увлекательность и поэзія — суть свидѣтельства того, что человѣкъ говоритъ отъ души, отъ убѣжденія, любви и вѣры, и онѣ-то электрически сообщаются другой душѣ. Мертвенность, холодность и скука показываютъ, что человѣкъ говоритъ о томъ, что у него въ головѣ, а не въ сердцѣ, что не составляетъ лучшей части его жизни и чуждо его убѣжденію. Но повторяемъ — для нѣкоторыхъ людей разсуждать легче, чѣмъ чувствовать, и прѣсная вода резонерства, которой у нихъ вдоволь, для нихъ лучше и вкуснѣе шипучаго нектара поэзіи, котораго— бѣдняки! — они и не пробовали никогда. И вотъ одинъ хочетъ увѣрить дѣтей, что вставать рано очень полезно, ибо-де одинъ мальчикъ, имѣвшій привычку вставать съ солнцемъ, нашелъ на полѣ кошелекъ съ деньгами; а другой хочетъ увѣрить дѣтей, что надо вставать поздно, ибо-де одна дѣвочка, вставши рано, пошла гулять въ садъ, простудилась да и умерла. Одинъ говоритъ дѣтямъ—будьте поспѣшны, другой—не торопитесь, третій — будьте откровенны, ничего не скрывайте, четвертый — не все говорите, что знаете. Кому вѣрить, кому слѣдовать?.. Забавнѣе же всего, что всѣ эти глубокія мысли подтверждаются случайными примѣрами, ровно ничего не доказывающими. Нѣтъ, моральныя сентенціи не только отвратительны и безплодны сами по себѣ, но и портятъ даже прекрасныя и полныя жизни сочиненія для дѣтей, если вкрадываются въ нихъ! Вы разсказываете дѣтямъ сказку или повѣсть: спрячьтесь за нее, чтобы васъ было не видно, пусть все въ ней говоритъ само за себя, непосредственнымъ впечатлѣніемъ. У васъ есть нравственная мысль — прекрасно; не выговаривайте же ея дѣтямъ, но дайте ее почувствовать, не дѣлайте изъ нея вывода въ концѣ вашего разсказа, но дайте имъ самимъ вывести: если разсказъ имъ понравился, или они читаютъ его съ жадностью и наслажденіемъ — вы сдѣлали свое дѣло. Здѣсь мы повторимъ мысль, уже высказанную въ нашемъ журналѣ и возбудившую негодованіе и ужасъ резонеровъ: «Не нужно никакихъ нагихъ мыслей, и какъ язвы берегитесь нравственныхъ сентенцій. Пусть основная мысль вашего разсказа дѣятельно движется, и давайте ей, для ней же самой, пробиваться наружу и выводить дѣтскую душу изъ полноты жизни, изъ борьбы и столкновенія частностей, на отвлеченную высоту, гдѣ воздухъ рѣдокъ и удушливъ для слабой груди еще несозрѣвшаго человѣка; пусть мысль кроется во внутренней, недоступной лабораторіи и тамъ перерабатываетъ свое содержаніе въ жизненные соки, которые неслышно и незамѣтно разольются по вашему разсказу» [1]. Не говорите дѣтямъ о томъ, чего они еще не въ состояніи понять своимъ умомъ; дайте имъ простое *катехизическое* понятіе о Богѣ, по

[1]) «Отеч. Записки» 1839, т. V, отд. «Совр. Библіогр. Хроники», стр. 179.

ученію православной церкви, но не пускайтесь съ ними въ діалектическія тонкости философскихъ опредѣленій, а старайтесь больше заставить дѣтей полюбить Бога, который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, и въ торжественномъ великолѣпіи возстающаго дня, и въ задумчивомъ величіи наступающей ночи, и въ ревѣ бури, и въ раскатахъ грома, и въ цвѣтахъ радуги, и въ зелени лѣсовъ, и въ журчаніи ручья, и въ шумѣ моря, и во всемъ, что есть въ природѣ живого, такъ безмолвно и вмѣстѣ такъ краснорѣчиво говорящаго душѣ юной и свѣжей, и наконецъ, во всякомъ благородномъ порывѣ, во всякомъ движеніи ихъ младенческаго сердца. Не разсуждайте съ дѣтьми о томъ только, какое наказаніе полагаетъ Богъ за такой-то грѣхъ; но учите ихъ смотрѣть на Бога, какъ на отца, безконечно любящаго своихъ дѣтей, которыхъ Онъ создалъ для блаженства и которыхъ блаженство Онъ искупилъ мученіемъ и смертью на крестѣ. Внушайте дѣтямъ страхъ Божій, какъ начало премудрости, но дѣлайте такъ, чтобы этотъ страхъ вытекалъ изъ любви же, и чтобы не рабскій ужасъ наказанія, а сыновняя боязнь оскорбить отца благого и любящаго, а не грознаго и мстящаго, производила этотъ страхъ, и чтобы не лишеніе земныхъ благъ, а отвращеніе отъ виновныхъ лица отчаго почитали они наказаніемъ. Обращайте ваше вниманіе не столько на истребленіе недостатковъ и пороковъ въ дѣтяхъ, сколько на наполненіе ихъ животворящею любовью: будетъ любовь — не будетъ пороковъ. Истребленіе дурного безъ наполненія хорошимъ—безплодно: это производитъ пустоту, а пустота безпрестанно наполняется пустотою же: выгоните одну, явится другая. Любви, безконечной любви! — все остальное ничтожно! «Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ». Равнымъ образомъ, не искажайте дѣйствительности ни клеветами на нее, ни украшеніями отъ себя, но показывайте ее такою, какова она есть въ самомъ дѣлѣ, во всемъ ея очарованіи и во всей ея неумолимой суровости, чтобы сердце дѣтей, научаясь ее любить, привыкало бы, въ борьбѣ съ ея случайностями, находить опору въ самомъ себѣ. Въ одной истинѣ и жизнь и благо: истина не требуетъ помощи у лжи. И потому конецъ вашей повѣсти можетъ быть и несчастный, въ которомъ добродѣтель страждетъ, а порокъ торжествуетъ; но вы вполнѣ достигнете вашей нравственной цѣли, если юныя сердца вашихъ маленькихъ читателей станутъ за страждущихъ и не позавидуютъ торжествующимъ, если, на вопросъ— на чьемъ бы хотѣли они быть мѣстѣ? — они, не колеблясь, отвѣтятъ, что на мѣстѣ страждущихъ, но добрыхъ. Не упускайте изъ вида ни одной стороны воспитанія: говорите дѣтямъ и объ опрятности, о внѣшней чистотѣ, о благородствѣ и достоинствѣ манеръ и обращенія съ людьми; но выводите необходимость всего этого изъ общаго и изъ высшаго источника — не изъ условныхъ требованій общественнаго званія, или сословія, но изъ высокости человѣческаго званія, не изъ условныхъ понятій о приличіи, но изъ вѣчныхъ понятій о достоинствѣ человѣческомъ. Внушайте имъ, что внѣшняя чистота и изящество должны быть выраженіемъ внутренней чистоты и красоты, что

наше тѣло должно быть достойнымъ сосудомъ духа Божія... Уваженіе къ имени человѣческому, безконечная любовь къ человѣку за то только, что онъ человѣкъ, безъ всякихъ отношеній къ своей личности и къ его національности, вѣрѣ или званію, даже личному его достоинству, или недостоинству, словомъ, безконечная любовь и безконечное уваженіе къ человѣчеству даже въ лицѣ послѣднѣйшаго изъ его членовъ (die Men-schlichkeit) должны быть стихіею, воздухомъ, жизнью человѣка, а высокое выраженіе поэта—

При мысли великой, что *я человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душою [1])

девизомъ всей его жизни...

Но повѣсти и разсказы не суть еще единственная и исключительная форма бесѣдъ съ дѣтьми. Вы можете еще и обогащать ихъ познаніями, расширять кругъ ихъ созерцанія дѣйствительности, знакомя ихъ съ безконечнымъ разнообразіемъ явленій прекраснаго Божьяго міра. Но и здѣсь одна цѣль—знакомство не съ фактами, а съ тѣмъ, такъ сказать, букетомъ жизни и духа, который скрывается въ нихъ и составляетъ ихъ сущность и значеніе. Да, вамъ предстоитъ обширное и богатое поле: не говорю уже объ источникѣ собственной вашей фантазіи,—религія, исторія, географія, естествознаніе — умѣйте только пожинать! Для дѣтей предметы тѣ же, что и для взрослыхъ; только ихъ должно излагать сообразно съ дѣтскимъ понятіемъ, а въ этомъ-то и заключается одна изъ важнѣйшихъ сторонъ этого дѣла! Какіе богатые матеріалы представляетъ одна исторія! Показать душѣ юной, чистой и свѣжей примѣры высокихъ дѣйствій представителей человѣчества, дѣйствительность добра и призрачность зла — не значитъ ли возвысить ее?.. Провести дѣтей по всѣмъ тремъ царствамъ природы, пройти съ ними по всему земному шару, съ его многолюднымъ населеніемъ и обширными пустынями, съ его сушею и океанами, показать имъ Божій міръ въ картинѣ человѣческихъ племенъ и обществъ, съ ихъ нравами и обычаями, съ ихъ понятіями и вѣрованіями — не значитъ ли это показать имъ Творца въ его твореніи, заставить ихъ возлюбить Его и возблаженствовать этою любовью?.. Но для этого надо одушевить для нихъ весь міръ и всю природу, заставить говорить языкомъ любви и жизни и нѣмой камень, и полевую былинку, и журчащій ручей, и тихо вѣющій вѣтеръ, и порхающую по цвѣтамъ бабочку... Надо дать дѣтямъ почувствовать, что все это безконечное разнообразіе имѣетъ единую душу, живетъ одною жизнью, и что жизнь природы является не только подъ тропиками, но и у полюсовъ, не только на землѣ, но и въ нѣдрахъ ея... Вотъ, напримѣръ, это писано для взрослыхъ, но мы увѣрены, что *музыка этого языка* будетъ доступна и для дѣтей: «Тамъ снѣжная, мертвая пустыня полюсовъ... Безотрадна тамъ жизнь. Но эти пустыни имѣютъ свои музыкальныя вьюги, гуляющія съ серебристою пылью по звонкимъ, чистымъ, необозримымъ льдамъ. Тамъ массивная лава

---

[1]) Изъ пьесы Жуковскаго «Теонъ и Эсхинъ».

металловъ борется съ могучимъ пламенемъ внутри земли... Она можетъ пугать, но и самый испугъ этотъ великъ для души. Лава ревetъ, клокочетъ съ шумомъ неподражаемой глубокой октавы, и съ изумительнымъ грохотомъ и великолѣпіемъ извергается изъ безднъ своего тайнаго жилища. Вотъ глубь океана. Чувствуете ли, что океанъ можно только любить? что душѣ хотѣлось бы его измѣрить, постигнуть и заглянуть въ пропасть морей? душѣ весело, упоительно, что эта глубь воды не лежитъ въ мертвой тишинѣ, что въ ней родина цѣлой половины существъ одушевленныхъ, быстрыхъ, могучихъ; имъ легокъ путь сквозь плотно-сліянную массу волнъ; эти волны текутъ, то уходя на безвѣстное дно, то съ плескомъ, слышимымъ нами, лобзая гранитъ береговъ и снова уносясь въ неизмѣримый свой путь шумно и торжественно... Вотъ могущественный, вѣчно свободный вѣтеръ; наблюдайте этотъ вѣтеръ, возметающій прахъ земли: онъ изумляетъ своими музыкальными вихрями, бурею и быстротою самую скорую мысль; волнуетъ вершины лѣсовъ, поднимаетъ горы средь океана, несетъ на своемъ хребтѣ дикія облака, улетаетъ изъ-подъ громовъ съ воемъ и свистомъ и — исчезаетъ».

Самымъ лучшимъ писателемъ для дѣтей, высшимъ идеаломъ писателя для нихъ можетъ быть только поэтъ. И такимъ явился одинъ изъ величайшихъ германскихъ поэтовъ—Гофманъ, въ своихъ двухъ сказкахъ: «Неизвѣстное Дитя» и «Щелкунъ Орѣховъ и Царекъ Мышей», хотя и написанныхъ не для дѣтей собственно и годныхъ для людей всѣхъ возрастовъ. Нисколько не удивительно, что странный, причудливый и фантастическій геній Гофмана ниспустился до сферы дѣтской жизни: въ немъ самомъ такъ много дѣтскаго, младенческаго, простодушнаго, и никто не былъ, столько какъ онъ, способенъ говорить съ дѣтьми языкомъ поэтическимъ и доступнымъ для нихъ! Сверхъ того, Гофманъ есть по-прежнему воспитатель людей, поэтъ юношества — почему жъ бы ему не быть и поэтомъ дѣтства? Да, съ тѣхъ поръ, какъ дѣти начинаютъ переставать быть дѣтьми и становятся юношами, Гофманъ долженъ быть ихъ поэтомъ по преимуществу. Гофманъ поэтъ фантастическій живописецъ невидимаго внутренняго міра, ясновидящій таинственныхъ силъ природы и духа. Фантастическое есть предчувствіе таинства жизни, противоположный полюсъ пошлой разсудочной ясности и опредѣленности, которая въ жизни видитъ математику, индустріальность, или сытный обѣдъ съ трюфелями и шампанскимъ. Фантастическое есть одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ богатой натуры, для которой счастіе только во внутренней жизни; слѣдственно, его развитіе необходимо для юной души,—и вотъ почему называемъ мы Гофмана воспитателемъ юношества. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ бываетъ и губителемъ его, односторонне увлекая его въ сферу призраковъ и мечтаній и отрывая отъ живой и полной дѣйствительности. Чтобы дать юной душѣ равновѣсіе, Гофману не должно противопоставлять пошлую повседневность и ея дюжинныхъ представителей; но молодымъ людямъ должно читать всѣ безъ исключенія романы Вальтера Скотта и Купера, которые, по свѣтлому и вѣрному взгляду на жизнь, по геніальной глубо-

кости, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, спокойствію и елейности духа, заслуживаютъ названіе представителей разумной дѣйствительности, поэтически воспроизведенной въ великихъ художественныхъ созданіяхъ, и непремѣнно должны быть воспитателями юношества, хотя равно существуютъ и для возмужалости и для старости.

Мы не будемъ ничего говорить о художественномъ достоинствѣ двухъ дѣтскихъ сказокъ Гофмана, ибо этотъ вопросъ нисколько не относится къ предмету нашей статьи; но взглянемъ на нихъ только какъ на высокіе образцы повѣстей для дѣтскаго чтенія.

Жилъ-былъ когда-то г. Тадеусъ Брокель, съ женою и двумя дѣтьми, въ маленькой деревушкѣ, доставшейся ему отъ отца. Повседневною одеждою онъ не отличался отъ своихъ крестьянъ (ровнымъ счетомъ четыре души), но по праздникамъ надѣвалъ красивый, зеленый кафтанъ и красный жилетъ, обложенный золотыми галунами—что, говоритъ Гофманъ, очень къ нему шло. Домишко его крестьяне называли, изъ вѣжливости, замкомъ. Но послушаемъ немного самого Гофмана, чтобы не опрозить его поэтическаго языка:

Всякій, конечно, знаетъ, что замокъ есть большое зданіе, со многими окнами и дверьми, часто даже съ башнями и блестящими флюгерами. Но ничего похожаго не было видно на холмѣ, гдѣ стояли березы. Тамъ былъ только одинъ низенькій домикъ, со многими окошками, такими маленькими, что ихъ нельзя было разсмотрѣть иначе, какъ подойдя близко къ нимъ. Но если мы остановимся передъ высокими стѣнами большаго замка, то холодный вѣтеръ, вырывающійся оттуда, охватывалъ насъ; мрачные взоры чудныхъ фигуръ, прислоненныхъ къ стѣнамъ, какъ-бы для охраненія входа, поражаютъ насъ; мы теряемъ охоту войти туда и предпочитаемъ воротится. Совершенно противно тому чувствуешь при входѣ въ маленькій домикъ г. Тадеуса Брокеля. Еще въ рощѣ, стройныя березы простирали свои зеленыя вѣтви, какъ-будто желая обнять васъ, и привѣтствовали своимъ веселымъ шелестомъ; предъ домомъ же, вамъ казалось, что пріятные голоса приглашали васъ изъ свѣтлыхъ, какъ зеркало окошекъ; а изъ темной, густой зелени винограда, который покрывалъ стѣны до самой крыши, слышно было: «Войди, войди, милый, усталый путешественникъ; все здѣсь хорошо и гостепріемно!» То же самое подтверждали своимъ веселымъ щебетаніемъ ласточки, то влетая въ свои гнѣзда, то вылетая изъ нихъ; а старый и важный аистъ, смотря на васъ серьезнымъ и умнымъ видомъ съ вершины трубы, кажется, говорилъ: «Давно я живу здѣсь лѣтомъ, но лучшаго мѣста не находилъ, нигдѣ, и еслибы я могъ преодолѣть враждебную страсть свою къ путешествіямъ, и еслибы зимою не было здѣсь такъ холодно, а дрова такъ дороги, то я не тронулся бы съ этого мѣста!»

«Такъ хорошо и такъ пріятно было жилище г. Брокеля, хотя оно и не было замокъ».

Какая чудесная, роскошная картина, какъ все въ ней просто, наивно и, вмѣстѣ, безконечно! Каждое слово такъ многозначительно, такъ полно жизни: изъ широкихъ воротъ большого замка такъ и вѣетъ на васъ холодомъ и мракомъ, а маленькій домикъ, съ его березами и виноградникомъ, такъ и манитъ васъ къ себѣ! Этотъ языкъ для дѣтей еще доступнѣе, чѣмъ для взрослыхъ: дайте имъ прочесть— и клики ихъ радости покажутъ вамъ, что они поняли все, что нужно понять...

Однажды утромъ въ домѣ г. Брокеля была большая суматоха: г-жа Брокель пекла пирогъ, г. Брокель чистилъ свое праздничное платье, а дѣти надѣвали свои лучшія платьица. Однако, дѣтямъ было какъ-то неловко въ своихъ нарядныхъ платьяхъ; они смотрѣли въ окно съ какимъ-то тоскливымъ стремленіемъ. Но когда Султанъ, большая дворовая собака, съ крикомъ и лаемъ началъ прыгать передъ окошкомъ, бѣгать по дорогѣ и назадъ, какъ-бы желая сказать Феликсу: «Зачѣмъ не идешь ты въ лѣсъ? Что ты тамъ дѣлаешь въ душной комнатѣ»?—то Феликсъ не выдержалъ и началъ проситься въ лѣсъ. Но г-жа Брокель рѣшительно запретила это дѣтямъ, говоря, что они измаютъ и издерутъ себѣ платье, а дядюшка, котораго они съ часа-на-часъ ждали, назоветъ ихъ крестьянскими ребятишками. Феликса это взорвало, и онъ сказалъ матери: «Если нашъ любезный дядюшка называетъ крестьянскихъ дѣтей гадкими, то онъ вѣрно не видалъ ни Петра Фольрада, ни Анны-Лизы Гепштель, ни другихъ дѣтей нашей деревни; я не знаю, могутъ ли быть дѣти лучше ихъ». «Конечно», вскричала Кристлиба какъ-бы проснувшись: «а Маргарита, дочь деревенскаго судьи, развѣ не хороша, хоть у нея и нѣтъ такихъ чудесныхъ красныхъ бантовъ, какъ у меня?» Наконецъ, «дядюшка» пріѣхалъ въ великолѣпной, раззолоченной каретѣ. Онъ былъ высокій и сухой человѣкъ, жена его толстая и низенькая женщина, съ ними двое дѣтей. Феликсъ и Кристлиба подошли къ дядюшкѣ и тетушкѣ съ заученнымъ привѣтствіемъ, но передъ дѣтьми остановились въ недоумѣніи. Мальчикъ былъ чудесно одѣтъ, при боку у него висѣла сабля, но лицо его было желто, и заспанные глаза какъ-то робко смотрѣли вокругъ. Дѣвочка также была прекрасно одѣта; на верху ея искусно-заплетенныхъ волосъ блестѣла маленькая корона. Кристлиба хотѣла взять ее за руку, но та отдернула ее съ кислою миною. Феликсъ хотѣлъ взять было за саблю своего кузена, чтобы разсмотрѣть ее, но тотъ началъ кричать: «моя сабля, моя сабля» и спрятался за отца. «Мнѣ не нужно твоей сабли, маленькій глупецъ!» съ досадой сказалъ Феликсъ. Отецъ его смутился отъ этихъ словъ и то разстегивалъ, то застегивалъ свой кафтанъ. Наконецъ, пошли въ комнату: дядюшка подъ-руку съ тетушкою, а Германъ и Адельгунда держались за ихъ платья. «Теперь почнутъ пирогъ», шепталъ Феликсъ на ухо сестрѣ. «Ахъ, да, да!» отвѣчала та весело. «А потомъ мы побѣжимъ въ лѣсъ», продолжалъ Феликсъ. «Какое намъ дѣло до этихъ чучелокъ!» прибавила Кристлиба.

И вотъ повѣсть уже завязалась; характеры очерчены предъ вами. Всѣ дѣйствуютъ, а никто не говоритъ. Феликсу и Кристлибѣ не понравились ихъ разодѣтые родственники: на свѣжія и чистыя души пахнуло гнилостью и принужденіемъ. Они весело ѣли пирогъ, котораго нельзя было ѣсть маленькимъ гостямъ, — имъ дали сухарей.

Сухой господинъ, двоюродный братъ г. Тадеуса Брокеля, былъ графъ и носилъ не только на каждомъ своемъ платьѣ, даже на пудромантелѣ, большую серебряную звѣзду. За годъ передъ симъ

онъ заѣзжалъ къ г. Брокелю одинъ, безъ жены и дѣтей. «Послушай, любезный дядюшка, ты вѣрно сдѣлался королемъ», сказалъ Феликсъ, который, въ своей книжкѣ съ картинками, видѣлъ короля съ такою же звѣздою. Дядя очень смѣялся надъ этимъ вопросомъ и отвѣчалъ: «Нѣтъ, мой милый, я не король; но самый вѣрный слуга короля и его министръ, который управляетъ многими людьми. Еслибы ты былъ изъ рода графовъ Брокелей, то также современемъ могъ бы имѣть такую звѣзду; но ты только простой дворянинъ, который никогда не будетъ знатнымъ человѣкомъ». Феликсъ ничего не понялъ, что говорилъ дядя, а Тадеусъ Брокель и не почиталъ этого важнымъ. Не правда ли, что въ этихъ немногихъ строкахъ очень много сказано: дядя-гофратъ, — и необразованный, но *человѣчный*, если можно такъ выразиться, Тадеусъ Брокель—оба передъ вами, какъ на ладони. Знатные супруги въ запуски кричатъ: «о милая природа! о сельская невинность!» и даютъ дѣтямъ по свертку конфектъ, которыя Феликсъ начинаетъ грызть. Дядюшка толкуетъ ему, что ихъ надо держать во рту, пока не растаятъ, а не грызть; но Феликсъ со смѣхомъ отвѣчаетъ ему, что онъ не ребенокъ и что у него не слабые зубы. Отецъ и мать конфузятся; послѣдняя даже сказала Феликсу на ухо: «не скрипи такъ зубами, негодный мальчишка!» Тогда Феликсъ вынулъ изо рта конфетку, положилъ въ бумагу и отдалъ дядѣ назадъ, говоря, что онѣ ему не нужны, если онъ не можетъ ихъ ѣсть. Сестра его сдѣлала то же. Брокели извиняются бѣдностью въ невѣжествѣ дѣтей. Сіятельные съ улыбкою самодовольствія говорятъ объ «отличнѣйшемъ» воспитаніи своихъ дѣтей,—и графъ начинаетъ предлагать имъ разные вопросы, на которые они отвѣчаютъ скоро и бойко. Онъ спрашиваетъ ихъ о многихъ городахъ, рѣкахъ и горахъ, которые находились за нѣсколько тысячъ миль, объ иностранныхъ растеніяхъ, о сраженіяхъ и пр. Адельгунда говорила даже о звѣздахъ и утверждала, что на небѣ находятся различныя странныя животныя и другія фигуры. Феликсу стало страшно отъ всѣхъ этихъ разсужденій, и онъ почелъ ихъ чепухою. Чтобы утѣшить бѣдныхъ родителей, графъ обѣщалъ прислать ученаго человѣка, который даромъ будетъ учить ихъ дѣтей. «Любите ли вы игрушки, mon cher?...» спросилъ Германъ у Феликса, ловко кланяясь: «я привезъ вамъ самыхъ лучшихъ». Феликсу было отчего то грустно и, держа машинально ящикъ съ игрушками, онъ бормоталъ, что его зовутъ Феликсомъ, а не mon cher, и что ему говорятъ *ты*, а не вы. Кристлиба также скорѣе готова была плакать, чѣмъ смѣяться, принимая отъ Адельгунды ящикъ съ конфектами. У дверей прыгалъ и лаялъ Султанъ; Германъ его такъ испугался, что началъ кричать и плакать, и Феликсъ сказалъ ему: «Зачѣмъ такъ кричишь и плачешь? это просто собака, а ты видалъ самыхъ страшныхъ звѣрей! Да если бы онъ и бросился на тебя, у тебя есть сабля». Наконецъ, гости уѣхали. Г. Брокель тотчасъ скинулъ свое праздничное платье и вскричалъ: «ну, слава Богу, уѣхали!» Дѣти тоже переодѣлись и стали веселы; Феликсъ закричалъ: «въ лѣсъ! въ лѣсъ!» Мать спросила ихъ, развѣ они не хотятъ сперва посмотрѣть игрушки, и Кристлиба сдавалась

было на голосъ женскаго любопытства, но Феликсъ не хотѣлъ и слышать, говоря: «Что могъ привезти намъ хорошаго этотъ глупый мальчикъ съ своею сестрою въ лентахъ? Что же касается до наукъ, онъ объ нихъ хорошо болтаетъ; онъ толкуетъ о львахъ и медвѣдяхъ, знаетъ какъ ловятъ слоновъ, а самъ боится моего Султана! У него виситъ съ боку сабля, а онъ плачетъ, кричитъ и прячется подъ столъ! Славный же изъ него будетъ егерь!» Однако, Феликсъ сдался на желаніе сестры пересмотрѣть игрушки. Едва упросила его Кристлиба, чтобы онъ не выкидывалъ за окно конфектъ, но онъ бросилъ нѣсколько изъ нихъ Султану, который, понюхавши, отошелъ съ отвращеніемъ. «Видишь ли, Кристлиба», вскричалъ Феликсъ, торжествуя: «даже Султанъ не хочетъ ѣсть эту дрянь!» Болѣе всего понравился ему охотникъ, который прицѣливался ружьемъ, когда его дергали за маленькій шнурокъ, спрятанный подъ платьемъ, и стрѣлялъ въ цѣль, придѣланную въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ него; потомъ ружье и охотничій ножъ, сдѣланные изъ дерева и высеребренные, и гусарскій киверъ съ шашкою. Забравъ игрушки, дѣти пошли гулять въ лѣсъ. Вдругъ Кристлиба замѣтила Феликсу, что его арфистъ играетъ вовсе не хорошо, и что птицы, выглядывая изъ-за кустовъ, кажется, смѣются надъ дряннымъ музыкантомъ, который хочетъ подражать ихъ пѣнію. Феликсъ отвѣчалъ, что это правда, и что ему стыдно передъ рябчикомъ, который такъ плутовски на него смотритъ. Чтобы заставить его пѣть лучше, онъ такъ дернулъ пружину, что вся игрушка разломалась, и Феликсъ забросилъ музыканта, говоря: «этотъ дуракъ скверно игралъ и дѣлалъ такія гримасы, какъ мой двоюродный братъ Германъ». Потомъ онъ хотѣлъ заставить своего егеря стрѣлять не въ одно и то же мѣсто, а куда онъ назначитъ ему,—и егеря постигла та же участь, что и арфиста. «Ага!» вскричалъ Феликсъ: «въ комнатѣ ты хорошо попадаешь въ цѣль; а въ лѣсу, настоящемъ мѣстѣ для егеря, это тебѣ не удается. Ты вѣрно тоже боишься собакъ, и еслибъ на тебя напала какая-нибудь, то ты убѣжалъ бы съ своимъ ружьемъ, какъ маленькій двоюродный братъ съ своею саблею! Ахъ ты, дрянной егерь, негодный егерь!..» Видите ли, для Феликса все мертвое, бездушное и пошлое похоже на двоюроднаго брата: юная душа безъ разсужденій, однимъ непосредственнымъ чувствомъ, поняла фальшивую позолоту, блестящую мишуру ложнаго образованія, прикрывавшаго собою чинность и отсутствіе жизни. Какъ мальчикъ, онъ ничего такъ не можетъ простить, какъ трусости. Вотъ дѣти побѣжали, но—о, ужасъ! Кристлиба увидѣла, что платье ея прекрасной куклы было изорвано хворостомъ, а хорошенькаго воскового личика какъ не бывало. Она заплакала, но Феликсъ сказалъ ей въ утѣшеніе: «Теперь ты видишь, какія дрянныя вещи привезли намъ эти дѣти. Какая глупая кукла! она не можетъ даже съ нами бѣгать, не изорвавши и не изломавши всего! Подай-ка ее сюда!»—и кукла полетѣла въ прудъ. Туда же слѣдомъ отправилось и ружье, потому что изъ него нельзя стрѣлять, и охотничій ножъ, за то, что онъ не колетъ и не рѣжетъ. У Феликса своя философія, внушенная ему природою: все поддѣльное, фальшивое, искусственное не

нравилось ему; живая природа, лѣсъ и поле, съ своими птичками, букашками и бабочками, громче говорили его сердцу, и онъ лучше понималъ ихъ. Но Кристлиба—дѣвочка, и ей жаль было своей прекрасной куклы, хотя и ея сердцу природа говорила также громко. Гофманъ удивительно вѣрно схватилъ въ дѣтяхъ мужской и женскій характеръ: Феликсъ не задумывается долго надъ рѣшеніемъ; разрушительный геній, онъ ломаетъ, что ему не нравится; но Кристлиба положила бы въ сторону или спрятала бы свою куклу, еслибъ она ей надоѣла, даже подарила бы ее другой дѣвочкѣ, но ломать не стала бы.

Когда дѣти возвратились домой печальныя, и Феликсъ откровенно разсказалъ матери о своемъ распоряженіи съ игрушками,— мать начала его бранить, но отецъ, *съ примѣтнымъ удовольствіемъ слушавшій разсказъ Феликса*, сказалъ: «Пусть дѣти дѣлаютъ, что хотятъ; я-таки очень радъ, что они избавились отъ этихъ игрушекъ, которыя только затрудняли ихъ». Ни г-жа Брокель, ни дѣти не поняли, что г. Брокель хотѣлъ этимъ сказать. Мы такъ думаемъ, что г. Брокель и самъ хорошо не зналъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но что его добрая, любящая натура очень хорошо дѣйствовала за его неразвитый умъ. Пока сіятельные родственники были съ нимъ, онъ и конфузился и робѣлъ, но лишь они уѣхали, ему стало и легко и хорошо, словно онъ избавился отъ давленія кошмара.

На другой день дѣти ранехонько отправились въ лѣсъ, чтобы въ послѣдній разъ наиграться, ибо имъ надо было много читать и писать, чтобы не стыдно было учителя, котораго скоро ожидали. Вдругъ имъ отчего то стало скучно, и они приписали это тому, что у нихъ нѣтъ ужъ прекрасныхъ игрушекъ, а свое неумѣніе обращаться съ ними—незнанію наукъ. Кристлиба начала плакать, а за нею и Феликсъ, и оба кричали такъ, что по всему лѣсу раздавалось: «Бѣдныя мы дѣти, мы не знаемъ наукъ!»

Но вдругъ они остановились и спросили другъ друга съ удивленіемъ: «Видишь ли, Кристлиба?»—Слышишь-ли Феликсъ?—

Въ самомъ темномъ мѣстѣ густого кустарника, который находился передъ ними, сіялъ чудный свѣтъ подобно кроткому лучу мѣсяца, скользилъ по трепещущимъ листьямъ; а въ тихомъ шелестѣ деревьевъ слышался дивный аккордъ, подобный тому, когда вѣтеръ пробѣгаетъ по струнамъ арфы и будитъ спящіе въ ней звуки. Дѣти почувствовали что-то странное: печаль ихъ исчезла, но на глазахъ появились слезы отъ сладостнаго чувства, котораго они никогда еще не испытывали. Чѣмъ ярче становился свѣтъ въ кустѣ, тѣмъ громче раздавались дивные звуки, и тѣмъ сильнѣе билось у дѣтей сердце. Они глядѣли внимательно на свѣтъ, и увидѣли прелестнѣйшее въ мірѣ дитя, которое имъ пріятно улыбалось и дѣлало знаки. «О, приди къ намъ, милое дитя!» вскричали вмѣстѣ Феликсъ и Кристлиба, вставая и протягивая къ нему свои ручонки съ невыразимымъ чувствомъ. «Я иду, иду!» отвѣчалъ пріятный голосъ изъ куста, — и, какъ-бы несомое утреннимъ вѣтеркомъ, неизвѣстное дитя спустилось къ Феликсу и его сестрѣ.

За симъ слѣдуетъ цѣлая глава о томъ, какъ не извѣстное дитя играло съ Феликсомъ и Кристлибою, какъ оно упрекало ихъ въ сожалѣніи о дрянныхъ игрушкахъ и указало имъ на чудныя сокрови-

ща, разсыпанныя вокругъ нихъ, какъ тогда Феликсъ и Кристлиба увидѣли, что изъ густой травы какъ-бы выглядывали блестящими глазами разные чудные цвѣты, а между ними искрились цвѣтные камни и блестящія раковины, золотые жуки прыгали и тихо распѣвали пѣсенки; какъ послѣ того неизвѣстное дитя стало строить Феликсу и Кристлибѣ дворецъ изъ цвѣтныхъ камней, съ колоннами, крышею и золотымъ куполомъ; какъ потомъ крыша дворца обратилась въ крылья золотыхъ насѣкомыхъ, колонны—въ серебристый ручей, на берегу котораго росли красивые цвѣты, то съ любопытствомъ смотрясь въ воды, то покачивая своими маленькими головками, слушая невинное журчаніе ручья; какъ потомъ неизвѣстное дитя надѣлало изъ цвѣтовъ живыхъ куколъ, и куклы рѣзвились около Кристлибы, ласково говоря ей: «полюби насъ, добрая Кристлиба!» и егеря загремѣли ружьями, затрубили въ рога и крпча: «Галло! галло! на охоту! на охоту!» помчались за зайцами, которые повыскакали изъ-за кустовъ и побѣжали; какъ неизвѣстное дитя понесло Феликса и Кристлибу по воздуху—и чудеса, которыя они видѣли въ этомъ воздушномъ путешествіи. Въ этой главѣ каждое слово, каждая черта—чудная поэзія, блещущая самыми дивными цвѣтами, самыми роскошными красками; это вмѣстѣ и поэзія и музыка, и какая глубокая мысль скрывается въ нихъ!.. Пропускаемъ главу, гдѣ г. и г-жа Брокель разсуждаютъ о неестественности видѣнія дѣтей, и первый выказываетъ свою прекрасную натуру въ ея грубой корѣ, а вторая—свою добродушную ограниченность. Пропускаемъ также и дальнѣйшія свиданія Феликса и Кристлибы съ неизвѣстнымъ дитятею, и его фантастическій разсказъ о зломъ министрѣ при дворцѣ царицы фей: сокращать ихъ невозможно—не подымется рука, а выписывать вполнѣ намъ тоже не хочется, чтобы не испортить впечатлѣнія для тѣхъ, которые, послѣ нашей прозаической статьи, станутъ читать эту поэтическую повѣсть.

Ну вотъ, наконецъ, пріѣхалъ и давно ожидаемый учитель, магистръ Тинте, маленькаго роста, съ четвероугольною головою, безобразнымъ лицомъ, толстымъ брюхомъ на тоненькихъ пауковыхъ ножкахъ—воплощенный педантизмъ и резонерство. Встрѣча его съ дѣтьми, ихъ къ нему отвращеніе, его съ ними обращеніе, все это у Гофмана—живая, одушевленная картина, полная мысли. Вотъ они сѣли учиться, и имъ все слышится голосъ неизвѣстнаго дитяти, которое зоветъ ихъ въ лѣсъ, а магистръ бьетъ по столу и кричитъ: «шт, шт, брр., брр... тише! что это такое?» а Феликсъ не выдержалъ и закричалъ: «Убирайтесь вы съ вашими глупостями, г. магистръ; я хочу идти въ лѣсъ. Ступайте съ этимъ къ моему двоюродному брату: онъ любитъ эти вещи!» Дѣти побѣжали, магистръ за ними; но Султанъ, добрая собака, съ перваго раза получившій къ педанту и резонеру неодолимое отвращеніе, схватилъ его за воротникъ. Педантъ поднялъ крикъ, но г. Брокель освободилъ его и упросилъ ходить съ дѣтьми въ лѣсъ. Педанту лѣсъ не понравился, потому что въ немъ не было дорожекъ, и птицы своимъ пискомъ не давали ему слова порядочнаго сказать. «Ага, г. магистръ», сказалъ Феликсъ: «я вижу, ты ничего не понимаешь въ ихъ пѣснѣ и не слышишь даже, какъ утренній вѣ-

теръ разговариваетъ съ кустами, а старый ручей разсказываетъ прекрасныя сказки!» Кристлиба замѣтила, что вѣрно г. магистръ не любитъ и цвѣтовъ, и магистра отъ этихъ словъ покоробило; онъ отвѣчалъ, что любитъ цвѣты только въ горшкахъ, въ комнатѣ... Пропускаемъ множество самыхъ поэтическихъ подробностей, дышащихъ глубокою мыслью цѣлаго разсказа, и скажемъ, что г. Брокель наконецъ рѣшился его выгнать; но магистръ обратился мухой и началъ летать—насилу успѣли задѣть его хлопушкою и прогнать. Дѣти повеселѣли, пошли въ лѣсъ, но дитяти тамъ не было. Поломанныя ими куклы оживаютъ, осыпаютъ ихъ упреками и грозятъ магистромъ. Слѣдуетъ чудесное описаніе бури, обморокъ дѣтей, потомъ прекрасное вёдро. Отецъ самъ пошелъ съ ними въ лѣсъ, и разсказалъ имъ, что и онъ въ дѣтствѣ зналъ неизвѣстное дитя. Вскорѣ послѣ того г. Брокель умеръ, дѣти остались сиротами, и въ ту минуту, когда имъ было особенно тяжело и они горько плакали, имъ явилось неизвѣстное дитя и утѣшило ихъ, и сказало имъ, что, пока они будутъ его помнить, имъ нечего бояться злого духа Песнера, мухи-магистера. Дружески принялъ ихъ къ себѣ родственникъ и «все сдѣлалось такъ, какъ предсказало имъ неизвѣстное дитя. Что бы Феликсъ и Кристлиба не предпринимали, удавалось вполнѣ: они и мать ихъ сдѣлались веселы и счастливы и долго въ отрадныхъ мечтахъ играли съ неизвѣстнымъ дитятею, которое показывало имъ чудеса своей родины».

Основная мысль этой чудесной, поэтической повѣсти, этой свѣтлой и роскошной фантазіи, есть та, что первый воспитатель дѣтей природа и ея благодатныя впечатлѣнія. И первобытное человѣчество воспитывалось природою, и душѣ нашей такъ отрадно читать всѣ преданія о юномъ человѣчествѣ, ее такъ сладостно убаюкиваютъ и священныя сказанія о пастушеской жизни патріарховъ, и колыбельная пѣсня старца-Гомера о царяхъ-пастыряхъ и простодушныхъ герояхъ сѣдой древности... Увы! заботы и суеты жизни, искусственная городская жизнь заслоняютъ отъ насъ природу, и мы видимъ на небѣ фонари, а на землѣ полезныя и вредныя травы, прибыльные для торговли лѣса, а многіе ли изъ насъ знаютъ, что природа жива, что вѣтеръ разговариваетъ съ кустами, и старый ручей разсказываетъ прекрасныя сказки?.. Неужели же и чистыя младенческія души должны быть глухи къ живому голосу прекрасной природы и не знать «неизвѣстнаго дитяти», которое есть ихъ же собственный откликъ на зовъ природы, свѣтлая радость и чистое блаженство ихъ же собственныхъ младенческихъ сердецъ?

Если въ «Неизвѣстномъ Дитяти» развита мысль о гармоніи младенческой души съ природою, какъ объ основѣ воспитанія и условіи будущаго счастья дѣтей, то «Щелкунъ и Царекъ Мышей» есть апоѳеозъ фантастическаго, какъ необходимаго элемента въ духѣ человѣка, и цѣль этой сказки—развитіе въ дѣтяхъ элемента фантастическаго. Когда мы приближаемся къ общему, родовому началу жизни, разлитой въ природѣ, насъ объемлетъ какой-то пріятный страхъ, мы чувствуемъ какое-то сладостное замираніе сердца. Кто не испытывалъ этого при входѣ въ большой темный лѣсъ, или на берегу моря?

Шумъ листьевъ и колебаніе волнъ говорятъ намъ какимъ-то живымъ языкомъ, котораго значеніе мы уже забыли и тщетно стараемся вспомнить; лѣсъ и море кажутся намъ живыми, индивидуальными существами. И вотъ откуда произошли у грековъ живыя, поэтическія олицетворенія явленій природы, ихъ дріады и наяды, и ихъ черновласый царь Посидаонъ, съ трезубцемъ въ рукѣ—

Сей, обымающій землю, земли колебатель могучій!

Жизнь есть таинство, ибо причина ея явленія въ ней самой; переходы общей жизни въ частныя индивидуальныя явленія и потомъ возвращеніе ихъ въ общую жизнь—тоже великое таинство, а впечатлѣніе всякаго таинства—страхъ и ужасъ мистическій. Вотъ почему миѳы младенчествующихъ народовъ дышатъ такою фантастическою мрачностью, и всѣ отвлеченныя понятія являются у нихъ въ странныхъ образахъ. Искусство освобождаетъ духъ отъ рабскаго ужаса, просвѣтляя его предметы свѣтомъ мысли и эстетической жизни. Образованный человѣкъ не боится суевѣрныхъ видѣній кладбища, но это нѣмое кладбище, тѣмъ не менѣе, вѣетъ на него таинственною жизнью, отъ которой сладостно волнуется его духъ неопредѣленнымъ чувствомъ пріятнаго страха. Бываетъ состояніе души, когда и обыкновенныя вещи оживотворяются и воскресаютъ фантастическою жизнью: какъ-будто выражаемыя этими вещами понятія, отрѣшаясь отъ своей отвлеченности, принимаютъ на себя живые образы, начинаютъ мыслить и чувствовать. Духъ нашъ во всемъ предчувствуетъ жизнь и даетъ ей опредѣленные индивидуальные образы. Такъ и въ «Щелкунѣ и Царькѣ Мышей» оживаютъ куклы и ведутъ войну съ мышами, и самъ Щелкунъ дѣлается рыцаремъ мыши и носитъ ея цвѣтъ. Щелкунъ проводитъ ее въ рукавъ шубы,—и тамъ открывается передъ нею леденцовое поле съ конфектными городами, которые населены конфектными людьми—и въ этихъ городахъ гремитъ музыка, ликуетъ радость, кипитъ жизнь. Мы не будемъ пересказывать содержанія этого чуднаго созданія чуднаго генія—оно не пересказываемо, и намъ пришлось бы переписать его все, отъ слова до слова, а подробный разборъ сдѣлалъ бы нашу статью вдвое больше. Скажемъ только, что художественная жизнь образовъ, очевидное присутствіе мысли при совершенномъ отсутствіи всякихъ символовъ, аллегорій и прямо высказанныхъ мыслей или сентенцій, богатство элементовъ—тутъ и сатира, и повѣсть, и драма, удивительная обрисовка характеровъ—противорѣчіе поэзіи съ пошлою повседневностью, нераздѣльная слитность дѣйствительности съ фантастическимъ вымысломъ—все это представляетъ богатый и роскошный пиръ для дѣтской фантазіи. Заманчивость, увлекательность и очарованіе разсказа невыразимы. Благодарность переводчику, издавшему отдѣльно эти двѣ превосходныя сказки Гофмана — единственныя во всемірной, человѣческой литературѣ! Желаемъ, чтобы родители обратили на нихъ все свое вниманіе, и чтобы не было ни одного грамотнаго дитяти, который не могъ бы ихъ пересказать почти слово въ слово!

Въ Россіи писать для дѣтей первый началъ Карамзинъ, какъ и

много прекраснаго началъ онъ писать первый. Къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» прилагались листки его «Дѣтскаго Чтенія», въ которомъ замѣчательна «Переписка отца съ сыномъ о деревенской жизни». Много читателей впослѣдствіи доставилъ Карамзинъ и себѣ и другимъ, подготовивъ этимъ «Дѣтскимъ Чтеніемъ». Послѣ онъ издалъ «Дѣтское Утѣшеніе», которое и теперь еще не изгладилось у насъ изъ памяти, хотя мы читали его въ дѣтскомъ возрастѣ; а это большая похвала для дѣтской книжки: память хранитъ въ себѣ только то, что поразило душу сильнымъ впечатлѣніемъ.

Но въ настоящее время русскія дѣти имѣютъ для себя въ *дѣдушкѣ Иринеѣ* такого писателя, которому позавидовали бы дѣти всѣхъ націй. Узнавъ его, съ нимъ не разстанутся и взрослые. Мы находимъ въ немъ одинъ недостатокъ и очень важный: старикъ или очень старъ и ужъ не въ состояніи держать перо въ рукѣ, или лѣнится на старости лѣтъ, оттого мало пишетъ. А какой чудесный старикъ! какая юная, благодатная душа у него! какою теплотою и жизнью вѣетъ отъ его разсказовъ, и какое необыкновенное искусство у него заманить воображеніе, раздражить любопытство, возбудить вниманіе иногда самымъ, повидимому, простымъ разсказомъ! Совѣтуемъ, любезныя дѣти, получше познакомиться съ дѣдушкою Иринеемъ. Не бойтесь его старости: онъ не принадлежитъ къ тѣмъ брюзгливымъ старикамъ, которые своими ворчаньемъ и наставленіями отнимаютъ у васъ каждую минуту веселости, отравляютъ всякую вашу радость. О, нѣтъ! это самый милый старикъ, какого только вы можете представить себѣ: онъ такъ добръ, такъ ласковъ, такъ любитъ дѣтей; онъ не смутитъ вашего шумнаго веселья, не помѣшаетъ вамъ играть, но съ такою снисходительностью и любовью приметъ участіе въ вашей веселости, вашихъ играхъ, научитъ васъ играть въ новыя, неизвѣстныя вамъ и прекрасныя игры. Если вы пойдете съ нимъ гулять—васъ ожидаетъ величайшее удовольствіе: вы можете бѣгать, прыгать, шумѣть, а онъ, между тѣмъ, будетъ разсказывать вамъ, какъ называется каждая травка, каждая бабочка, какъ онѣ рождаются, растутъ и, умирая, снова воскресаютъ для новой жизни. Вы заслушаетесь его разсказовъ, вы сами не захотите шумѣть и бѣгать, чтобы не проронить ни одного слова!

Лучшія пьесы въ «Дѣтскихъ Сказкахъ Дѣдушки Иринея»—«Червякъ» и «Городокъ въ Табакеркѣ». Въ первой разсказывается исторія червячка, сдѣлавшагося бабочкою—самый интересный актъ возрожденія природы въ насѣкомыхъ. Мы не будемъ говорить о поэтической прелести этого разсказа, которой намъ невозможно было бы иначе передать, какъ переписавъ его вполнѣ; но, чтобы хоть намекнуть на важность его содержанія и очаровательность изложенія, выпишемъ нѣсколько строкъ, которыми онъ оканчивается:

... Наконецъ скинулъ онъ (червячокъ) свою узорчатую шубку, примолвивъ: «тамъ въ ней не будетъ нужды» и заснулъ спомъ покойнымъ. Не стало червяка, лишь на листкѣ качался его безжизненный гробокъ и свернутая въ комокъ шубка.

Но не долго спалъ червячокъ! Вдругъ, онъ чувствуетъ, забилось въ немъ новое сердце, маленькія ножки пробились изъ-подъ брюшка, и на

спинкѣ что-то зашевелилось; еще минута—и распалась его могилка; червячокъ смотритъ: онъ—не червякъ, ему не надобно ползать на землѣ и цѣпляться за листки; развились у него большія радужныя крылья; онъ живъ, онъ свободенъ, онъ гордо поднимается въ воздухъ.

Такъ бываетъ и не съ однимъ червячкомъ, любезныя дѣти; нерѣдко видите вы, что тотъ, съ которымъ вы вмѣстѣ рѣзвились и играли на мягкомъ лугу, завтра лежитъ блѣдный, бездыханный; надъ нимъ плачутъ родные, друзья—и онъ не можетъ имъ улыбнуться; его кладутъ въ сырую могилку,—и вашего друга какъ не бывало! Но не вѣрьте! вашъ другъ не умеръ: раскрывается его могила, и онъ, невидимо для васъ, въ образѣ свѣтлаго ангела возлетаетъ на небо.

Отецъ показалъ сыну табакерку, на которой былъ изображенъ городокъ съ восходящимъ надъ нимъ солнцемъ. Табакерка была, сверхъ того, съ музыкою. Мишѣ захотѣлось побывать въ ней—и онъ вошелъ. Тамъ увидѣлъ онъ цѣлое царство говорящихъ мальчиковъ-колокольчиковъ, своды, галлереи и прочее, словомъ—весь механизмъ маленькаго органа, выходилъ его всего, понялъ, какъ онъ устроенъ, и... проснулся. Жалѣемъ, что заговорили объ этой поэтической пьескѣ, которую можно понять только изъ нея самой, а не отзывовъ о ней. Она принадлежитъ къ разряду фантастическихъ повѣстей: черезъ нее дѣти поймутъ жизнь машины, какъ какого-то живого, индивидуальнаго лица, и подъ нею не странно было бы увидѣть имя самого Гофмана. За этими двумя пьесами должны слѣдовать «Анекдоты о муравьяхъ» — въ высшей степени живая и интересная пьеска, способная развивать въ дѣтяхъ любознательность, наблюдательность и любовь къ природѣ. «Разбитый Кувшинъ», ямайская сказка, обнаруживаетъ въ авторѣ глубокое знаніе дѣтскаго характера; въ ней развивается практическая истина о необходимости доброты, скромности и послушанія, а, между тѣмъ, она—волшебная сказка; но въ томъ и высокое ея достоинство: она дѣйствуетъ на фантазію дѣтей, а не на ихъ разсудокъ, и потому практическая истина является въ ней не моральною сентенціею, но живымъ чувствомъ. Къ тому же роду должно отнести и «Царь-Дѣвицу», трагедію для маріонетокъ, въ которой, въ волшебной сказкѣ, авторъ очень удачно намекнулъ дѣтямъ на могущество человѣческаго разума, побѣдившаго, черезъ книгопечатаніе, порохъ и паровыя машины, законы мертвой, матеріальной дѣйствительности. Три драматическія пьесы: «Маленькій Фарисей», «Переносчица, или хитрость противъ хитрости» и «Воскресенье», вводятъ дѣтей въ міръ житейской дѣйствительности и практической мудрости жизни. Простота и естественность содержанія спорятъ въ нихъ съ заманчивостью интриги и увлекательностью драматическаго изложенія; характеры очеркнуты въ нихъ живо, сентенцій нѣтъ; дѣйствіе говоритъ само за себя. Кромѣ интереснаго чтенія, эти комедійки—кладъ дѣтямъ и для домашняго театра, этого прекраснаго и полезнаго наслажденія. Другія пьесы: «Бѣдный Гнѣдко», «Индійская сказка о четырехъ глухихъ», «Столяръ» и «Сирота» также представляютъ дѣтямъ пріятное чтеніе. Но «Отрывки изъ журнала Маши» не такъ нравятся намъ; эта пьеса слишкомъ односторонняя, въ ней слишкомъ много *житейской*, разсудочной мудрости. Да и неестественно, чтобы маленькая дѣвочка могла вести свой журналъ, и еще

такой умный и написанный такимъ прекраснымъ языкомъ, какимъ у насъ пишутъ немногіе даже и изъ знаменитыхъ литераторовъ и опекуновъ русскаго языка. Героиня записокъ, Маша, мало возбуждаетъ къ себѣ участія: она слишкомъ благоразумна, а это въ дѣтяхъ большой недостатокъ, потому что въ нихъ величайшее достоинство—игра молодой жизни. Избытокъ практическихъ замѣтокъ и нравственныхъ уроковъ тоже не принадлежитъ къ числу достоинствъ этой пьесы. Самъ дѣдушка Ириней сказалъ: «Сказки пишутся не для того, чтобы учить дѣтей, а только, чтобы возбуждать ихъ вниманіе и любопытство»: мы распространяемъ это правило на всякаго рода сочиненія для дѣтей, а не на однѣ сказки. Впрочемъ, и въ «Отрывкахъ изъ журнала Маши» много прекрасныхъ частностей; только общее впечатлѣніе пьесы не совсѣмъ въ ея пользу.

Поздравляемъ дѣтей съ прекраснымъ подаркомъ, который предстоитъ имъ получить отъ своихъ родителей: «Дѣтскія Сказки Дѣдушки Иринея» скоро выйдутъ въ свѣтъ всѣ вполнѣ. Много, много чистыхъ радостей доставитъ имъ этотъ подарокъ: многими благодатными впечатлѣніями усладитъ онъ ихъ юныя души. Повторяемъ: такой подарокъ былъ бы рѣдкостью во всякой литературѣ, а въ нашей онъ просто драгоцѣнность.

Любезный и почтенный Дѣдушка! Изъ уваженія къ вашимъ лѣтамъ, не смѣемъ думать, чтобы вы такъ мало писали по лѣности, но, тѣмъ не менѣе, не можемъ и не сердиться на васъ. Прежде, нежели представите намъ причины, оправдывающія васъ, войдите и въ наше положеніе, и не сердитесь на насъ: кому же и писать для дѣтей, какъ не людямъ, которымъ Богъ далъ все, что нужно для этого: и талантъ, и душу живу, и поэтическую фантазію, и знаніе дѣла? А дѣло это ничуть не ниже и немаловажнѣе тѣхъ, которыми бы угодно было вамъ оправдываться, каковы бы они ни были. Какъ хотите, а мы не дадимъ вамъ покоя, если вы не будете дарить ежегодно по такому подарку своимъ маленькимъ друзьямъ. Не то, мы ихъ поднимемъ на васъ,—и тогда посмотримъ, какъ-то вы устоите... А пока обращаемся съ искреннею просьбою ко всѣмъ вашимъ знакомымъ, которые пекутся о воспитаніи своихъ дѣтей, чтобы они обязали васъ подпискою—писать, писать и писать!

40. Басни Ивана Крылова. Въ восьми книгахъ. Санктпетербургъ. 1840.

—— Хемницеръ все-таки удержится въ исторіи нашей литературы, и дѣти никогда не перестанутъ смѣяться отъ его «Метафизика». Ужъ заодно то большая ему честь, что съ него началась русская басня. Басни Дмитріева—искусственные цвѣты въ нашей литературѣ. Эти растенія явно пересажены съ родной почвы на чужую и взращены въ теплицѣ. Въ нихъ блистаетъ салонный умъ XVIII вѣка; въ нихъ языкъ нашъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ. Конечно, мы уже не можемъ восхищаться баснями Дмитріева и даже никогда не чувствуемъ охоты перечесть ихъ; но съ ними связаны самыя сладостныя воспоминанія о золотой порѣ нашего дѣтства, и наши дѣти, пока будутъ дѣтьми, не перестанутъ ими восхищаться. — —

Но басни Крылова, кромѣ поэзіи, имѣютъ еще другое достоинство, которое, вмѣстѣ съ первымъ, заставляетъ забыть, что онѣ— басни, и дѣлаетъ его великимъ русскимъ поэтомъ: мы говоримъ о народности его басенъ. Онъ вполнѣ исчерпалъ въ нихъ и вполнѣ выразилъ ими цѣлую сторону русскаго національнаго духа: въ его баснѣхъ, какъ въ чистомъ, полированномъ зеркалѣ, отражается русскій практическій умъ, съ его кажущеюся неповоротливостью, но и съ острыми зубами, которые больно кусаются; съ его смѣтливостью, остротою и добродушно-саркастическою насмѣшливостью; съ его природною вѣрностью взгляда на предметы и способностью коротко, ясно и вмѣстѣ кудряво выражаться. Въ нихъ вся житейская мудрость, плодъ практической опытности, и своей собственной, и завѣщанной отцами изъ рода въ родъ. И все это выражено въ такихъ оригинально-русскихъ, не передаваемыхъ ни на какой языкъ въ мірѣ образахъ и оборотахъ; все это представляетъ собою такое неисчерпаемое богатство идіомовъ, руссизмовъ, составляющихъ народную физіономію языка, его оригинальныя средства и самобытное, самородное богатство, что самъ Пушкинъ неполонъ безъ Крылова, въ этомъ отношеніи. О естественности, простотѣ и разговорной легкости его языка нечего и говорить. — —

Вотъ и причина, почему всѣ другіе баснописцы, вначалѣ пользовавшіеся не меньшею извѣстностью, теперь забыты, а нѣкоторые даже пережили свою славу. Слава же Крылова все будетъ расти и пышнѣе расцвѣтать до тѣхъ поръ, пока не умолкнетъ звучный и богатый языкъ въ устахъ великаго и могучаго народа русскаго. Нѣтъ нужды говорить о великой важности басенъ Крылова для воспитанія дѣтей: дѣти безсознательно и непосредственно напитываются изъ нихъ русскимъ духомъ, овладѣваютъ русскимъ языкомъ и обогащаются прекрасными впечатлѣніями почти единственно доступной для нихъ поэзіи. Но Крыловъ поэтъ не для однихъ дѣтей: съ книгою его басенъ невольно забудется и взрослый и снова перечтетъ ужъ читанное имъ тысячу разъ. — —

***41. Три розы.** Книжка для дѣтей, изданная *Б. Федоровымъ*. С.-Петербургъ. 1840.

Предисловіе къ этой книжкѣ такъ интересно и даетъ о ней такое ясное понятіе, что мы почитаемъ нужнымъ выписать его:

Въ сей книжкѣ помѣщены три *Драматическія Пьесы*, избранныя мною изъ новыхъ сочиненій Шмидта:

I. Лютня или Маленькая пѣвица Альпійской Долины, *Драма* въ 5-ти дѣйствіяхъ.

II. Корзинка земляники. *Драма* въ 1-мъ дѣйствіи.

III. Эмма или Любовь къ матери. *Драма* въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Многія сочиненія Шмидта, писателя, заслужившаго общее уваженіе и Европейскую славу (?), извѣстны у насъ по переводамъ *В. А. Жуковскаго*, г-жи *Зонтагъ* и другихъ.

Помѣщаемыя здѣсь, три новыя его пьесы для юнаго возраста принадлежатъ къ лучшимъ изъ его полезныхъ произведеній. Онѣ прелестны и *дышатъ чистѣйшею нравственностью*.

Переводчикъ назвалъ ихъ *тремя розами*, съ тою мыслью, что онѣ (,) привлекая вниманіе юныхъ читателей, исполнятъ сердца ихъ *нравствен-*

нымъ ароматомъ: тѣми кроткими, отрадными чувствами любви къ Богу и ближнимъ, чувствами благочестія и доброжелательства, безъ которыхъ нѣтъ истиннаго счастья въ жизни.

Прекрасное предисловіе—оно такъ и дышетъ чистѣйшею нравственностью и общими реторическими мѣстами! Одно уже названіе чего стоитъ—*Три розы!* Оно и символическое и аллегорическое вмѣстѣ! Но увы! розы г. Шмидта сильно попахиваютъ дурманомъ резонерства и колютъ руки шипами безжизненныхъ, отвлеченныхъ сентенцій, одѣтыхъ въ человѣческія имена, но безъ человѣческихъ образовъ и лицъ! Переводчикъ подбавилъ къ нимъ еще и своего «аромата». Одну изъ этихъ плохенькихъ драмъ онъ переложилъ на русскіе нравы, и вотъ вамъ образчикъ *мужицкаго* языка—монологъ мужика Якова, бросившаго въ лѣсу своего маленькаго брата, который по сему случаю много лѣтъ пропадалъ безъ вѣсти:

Куда ни хожу, а все прибреду сюда. Кажется бы (т. е. *казалось бы*), незачѣмъ далеко отходить отъ нашей хижины, но, проходя лѣсомъ, всегда заверну въ это мѣсто. Сердце не даетъ мнѣ покоя, и я все думаю найти бѣднаго брата, *здѣсь мною покинутаго*. Теперь я понимаю, почему *есть въ людяхъ повѣрье* (т. е. есть *у людей*, или *между людьми* повѣріе), что душа злодѣя скитается на томъ мѣстѣ, гдѣ *сдѣлано злодѣянье*. Послѣ *роковой бурной* ночи (ай-да мужичокъ!..), въ которую мы искали брата, и не могли найти, все для меня перемѣнилось въ природѣ. Небо не кажется радостнымъ, какъ прежде. Лучи солнца какъ будто рѣже проникаютъ сквозь этотъ лѣсъ: свистъ вѣтра пугаетъ меня. Шелестъ листьевъ увеличиваетъ боязнь; О (о) какъ тяжки укоры совѣсти! это адъ въ сердцѣ. (*О, какъ несносна реторика! это скрипъ немазанныхъ колесъ въ слухъ!*) Ахъ! (именно *ахъ!*) я желалъ бы громко, громко сказать всѣмъ людямъ: сохраните ваши руки отъ преступленія, гоните отъ себя мысль о худомъ поступкѣ. (*Садится на дерновую скамью, опускаетъ руки на колѣни и обращаетъ взоры къ небу*). Братъ мой! добрый, бѣдный Ф(Ѳ)едя, котораго за тридцать лѣтъ я такъ коварно покинулъ здѣсь, гдѣ ты теперь? Въ небесахъ? Или еще живешь на землѣ? Не растерзали ли тебя звѣри? Не захватили ли тебя разбойники? Страшная мысль! Ахъ (*ахъ!*) лучше быть растерзану звѣрьми, чѣмъ жить *со* злодѣями; лучше умереть, нежели быть преступникомъ. Я это чувствую. (*Встаетъ и озирается*). Вотъ гдѣ ты спокойно почивалъ... тутъ... (*примѣчаетъ Ф(Ѳ)единьку*). Боже, что я вижу? Всемогущій, подкрѣпи меня! Не совѣсть ли помутила мой разсудокъ (,) или не тѣнь ли брата моего меня преслѣдуетъ? Нѣтъ, нѣтъ, воображеніе меня обманываетъ! (*Отступаетъ нѣсколько шаговъ, потирая лобъ, и снова смотритъ на дитя*). Опять!.. Это не призракъ... (*Какой болтунъ этотъ мужикъ!*) Такъ! это дитя вѣрно заблудилось въ лѣсу. Отведу его къ родителямъ. (*Приближается*). Какъ походитъ этотъ мальчикъ на моего бѣднаго брата, *всѣ черты лица его* (*ай-да Яшка!*); такой же румяный, бѣлокурый! Не смѣю заговорить съ нимъ, но онъ усмѣхается во снѣ; разбужу его. *Родимой, родимой! проснись!*

Ф(Ѳ)е д и н ь к а (*полусонный*). Ну, что? Что такое? Оставь меня спать.

Я к о в ъ. Не погнѣвись, сердечный, скажи, какъ зовутъ тебя.

Какъ хорошъ этотъ переходъ отъ реторическаго языка къ мужицкому, отъ этихъ пустыхъ, но громкихъ книжныхъ фразъ къ словамъ «родимой», «не погнѣвись» и «сердечный»!... Разумѣется, этотъ Ѳединька—племянникъ Якова, сынъ его потеряннаго брата, который найденъ былъ въ лѣсу одною знатною особою, получилъ отличное воспитаніе, дослужился до генеральства и, на радости, сталъ говорить не иначе, какъ книжнымъ языкомъ и моральными сентенціями.

Всѣ эти *драмы* испещрены варварскими виршами, напоминающими блаженныя времена Сумарокова съ братіею. Вотъ не угодно ли полюбоваться:

Тутъ нѣжно дочь свою цѣлуя,
Мать къ сердцу привлекла ее,
И говоритъ: тебѣ скажу я,
Что это дерево твое.
Оно твое, мой другъ безцѣнной!
Возрощено тебѣ, родной;
Въ замѣну вишенки даренной,
Взросло *изъ косточки родной.*

По этимъ образчикамъ прозы и стиховъ съ родными косточками читатели могутъ видѣть, какъ хорошо переведена на русскій языкъ эта плохая дѣтская книжонка. Бѣдныя дѣти!...

42. Общая Реторика. *Н. Кошанскаго.* Изданіе седьмое. Санктпетербургъ. 1840.

— —Вамъ стоитъ только заучить наизусть «Реторику»,—и вы будете знатнымъ сочинителемъ! Вы скажете мнѣ въ возраженье, что, выдолбивъ «Реторику», научитесь писать только по-школьному, общими мѣстами, которыя не годятся ни для простого письма, ни для ученаго разсужденія, ни для журнальной статьи, ни для поэтической фантазіи: отвѣчаю вамъ на это, что «Реторики» для того и пишутся, чтобъ учить писать не для жизни, не для общества, а для школы— и это ужъ, право, не моя вина: не я выдумалъ «реторику». Впрочемъ, погодите, я сочиняю «реторику» на совершенно новыхъ основаніяхъ: я опредѣляю ее не такъ, какъ дѣлали это въ старину, во времена Тредьяковскаго и Сумарокова—«наукою изобрѣтать и располагать мысли», а «наукою убивать способности, уничтожать развитіе и дѣлать педантовъ». Не знаю, понравится ли вамъ моя «реторика», но я увѣренъ, что вы не откажете мнѣ хоть въ откровенности и въ томъ, что я прямо указываю на свою цѣль— —...

1841.

43. Стихотворенія *М. Лермонтова.* Санкпетербургъ. 1840.

— —Каждый человѣкъ есть отдѣльный и особенный міръ страстей, чувства, желаній, сознанія; но эти страсти, это чувство, это желаніе, это сознаніе принадлежатъ не одному какому-нибудь человѣку, но составляютъ достояніе человѣческой природы, общее всѣхъ людей. И потому, въ комъ больше общаго, тотъ больше и живетъ; въ комъ нѣтъ общаго — тотъ живой мертвецъ. Чѣмъ же выражается причастность человѣка общему? Въ доступности всему, что сродно человѣческой натурѣ, что составляетъ ея сущность и характеръ; въ правѣ сказать о себѣ: «я человѣкъ—и ничто человѣческое не чуждо мнѣ». Кто причастенъ общему, для того личныя выгоды и потребности житейскія — интересы второстепенные, а природа и человѣчество — главнѣйшіе интересы. Чья личность есть выраженіе общаго, тотъ жаждетъ сочувствія ближнихъ, трепетнаго упоенія любви, кроткаго

счастья дружбы, жаждетъ волненій чувства, бурь и непогодъ жизни, борьбы съ препятствіями; тотъ все понимаетъ, на все откликается: и въ раззолоченныхъ палатахъ, среди богатства и роскоши, онъ слышитъ стоны нищеты и бѣдствія, и сердце его содрогается, но не отвращается отъ ихъ пронзительныхъ диссонансовъ; окруженный всѣмъ, что горячо любитъ онъ, что зоветъ роднымъ и милымъ, онъ откликается на вопль и слезы вѣчной разлуки и невозвратимой утраты, и плачетъ о чужомъ горѣ, котораго самъ не испыталъ; пылкій юноша, онъ умѣряетъ рѣзкость своихъ движеній, смягчаетъ силу своихъ порывовъ и благоговѣйно, стыдливо, дѣвственно, опускаетъ пламенные взоры въ присутствіи старца, на лицѣ котораго сіяетъ кроткій свѣтъ чувства, дрожащій голосъ котораго льется свѣтлою волною любви; согбенный лѣтами старецъ, онъ съ умиленіемъ смотритъ на рѣзвое дѣтя, которое по зеленому лугу гонится за пестрою бабочкою; онъ радуется его дѣтской радости, принимаетъ участіе въ младенческой печали; онъ прощаетъ заблужденіе пламенной юности, снисходителенъ къ кипѣнію ея порывистыхъ страстей, онъ понимаетъ мгновенный пламень и внезапную блѣдность на ланитахъ молодой дѣвушки, ея тоскующій взоръ и нѣмую горесть, волненіе ея молодой груди, и печаль безъ горя, и страхъ безъ бѣды, и радость безъ причины... Съ благословеніемъ на устахъ, съ умиленіемъ во взорѣ, смотритъ онъ на пылкую юность, которая кружится въ вихрѣ жизни и, полная надеждъ и отваги, гордая сознаніемъ своей силы, спѣшитъ безъ оглядки на встрѣчу будущему, обольщаемая его заманчивою далью, не зная и не желая знать его предательскихъ обмановъ,—и передъ нимъ воскресаетъ прошедшее его собственной жизни, возстаютъ милые призраки и знакомые образы невозвратимо протекшихъ лѣтъ, и, вмѣсто резоперскихъ поученій и докучнаго ворчанія, онъ повторяетъ про себя съ грустно-радостною улыбкою:

. . . . Такъ было прежде
Во время оно и со мной!——

Поэтъ говоритъ о новомъ поколѣніи, что онъ смотритъ на него съ печалью, что его будущее «иль пусто, иль темно», что оно должно состарѣться подъ бременемъ *познанья* и сомнѣнья; укоряетъ его, что оно изсушило умъ *безплодною наукою*. Въ этомъ нельзя согласиться съ поэтомъ: *сомнѣнье*—такъ; но излишества *познанія* и *науки*, хотя бы и «безплодной», мы не видимъ: напротивъ, недостатокъ познанія и науки принадлежитъ къ болѣзнямъ нашего поколѣнія:

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь!

Хорошо бы еще, еслибъ, взамѣнъ утраченной жизни, мы насладились хоть знаніемъ: былъ бы хоть какой-нибудь выигрышъ! Но сильное движеніе общественности сдѣлало насъ обладателями знанія, безъ труда и ученія — и этотъ плодъ безъ корня, надо признаться, пришелся намъ горекъ: онъ только пресытилъ насъ, а не напиталъ, притупилъ нашъ вкусъ, но не усладилъ его.— —

Не менѣе превосходна «Казачья колыбельная пѣсня». Ея идея—мать; но поэтъ умѣлъ дать индивидуальное значеніе этой общей идеѣ: его мать — казачка, и потому содержаніе ея колыбельной пѣсни выражаетъ собою особенности и оттѣнки казачьяго быта. Это стихотвореніе есть художественная апоѳеоза матери: все, что есть святого, беззавѣтнаго въ любви матери, весь трепетъ, вся нѣга, вся страсть, вся безконечность кроткой нѣжности, безграничность безкорыстной преданности, какою дышетъ любовь матери,—все это воспроизведено поэтомъ во всей полнотѣ. Гдѣ, откуда взялъ поэтъ эти простодушныя слова, эту умилительную нѣжность тона, эти кроткіе и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выраженія? Онъ видѣлъ Кавказъ,—и намъ понятна вѣрность его картинъ Кавказа; онъ не видалъ Аравіи, и ничего, что могло бы дать ему понятіе объ этой сторонѣ палящаго солнца, песчаныхъ степей, зеленыхъ пальмъ и прохладныхъ источниковъ, но онъ читалъ ихъ описанія: какъ же онъ такъ глубоко могъ проникнуть въ тайны женскаго и материнскаго чувства?—

44. Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Сочиненіе *И. И. Голикова.* Изданіе второе. Москва. 1837—1840. Томы I—XIII.

Исторія Петра Великаго. Сочиненіе *Вениамина Бермана.* Переведъ съ нѣмецкаго *Егоръ Аладьинъ.* Второе, сжатое (компактное) изданіе, исправленное и умноженное. С.-Петербургъ. 1840. Три тома.

О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича. Современное сочиненіе *Григорія Кошихина.* С.-Петербургъ. 1840.

— —Семейственность есть общая форма азіатскаго быта; самое государство на Востокѣ—семейство въ огромномъ размѣрѣ. Но посмотрите, какъ ничтожны тамъ узы родства! У дѣтей нѣтъ матери, потому что мать ихъ не *человѣкъ*, не *женщина*, а *самка* и *матка*; но у дѣтей нѣтъ и отца, ибо и отецъ ихъ только *самецъ*, владѣющій извѣстнымъ числомъ самокъ, и притомъ господинъ и повелитель и своихъ самокъ и своихъ *дѣтенышей*, неограниченный властелинъ, при которомъ они, какъ рабы, должны безмолвно стоять, потупивъ глаза въ землю, приложивъ руку къ груди. И потому кровавыя сцены въ семействѣ на Востокѣ—обыкновенныя событія, и далеко не возбуждаютъ такого мистическаго ужаса, какъ въ безнравственной и *безбожной* (по мнѣнію китайскихъ мандариновъ пятой степени) Европѣ. Въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ земляхъ повелитель, восходя на тронъ отца своего, умерщвляетъ всѣхъ своихъ братьевъ, а въ нѣкоторыхъ только велитъ имъ выкалывать глаза. Разумѣется, подобное право не простирается на частныхъ людей; но что освящено употребленіемъ и обычаемъ, то не можетъ казаться особеннымъ преступленіемъ, не можетъ внушать особеннаго ужаса. Вотъ что значатъ естественныя права крови, не освященныя любовью и духомъ, не сознанныя разумѣніемъ! Кажется, никто такъ не близокъ къ природѣ, какъ животныя, и, слѣдовательно, ни у кого узы крови не должны быть такъ крѣпки и нерушимы, какъ у животныхъ; но у нихъ-то и нѣтъ совсѣмъ никакихъ узъ родственныхъ: тигръ пожираетъ дѣтей своихъ даже безъ крайней необходимости, тигрица

пожираетъ дѣтей въ голодѣ, и вообще самка какого бы то ни было животнаго только до тѣхъ поръ мать своимъ дѣтямъ, пока кормитъ ихъ грудью, а ея порожденія только до тѣхъ поръ ея дѣти, пока сосутъ ее; послѣ же этого термина, взаимныя отношенія дѣтей къ матери и матери къ дѣтямъ какъ-то странно измѣняются...

Почти все это можно видѣть и между людьми на Востокѣ: торговля дѣтьми (особенно дочерьми)—одинъ изъ главнѣйшихъ промысловъ у нѣкоторыхъ азіатскихъ племенъ. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и взаимной довѣренности, а узы родства тамъ только увеличиваютъ взаимную недовѣрчивость, ибо личные интересы родныхъ чаще всего сталкиваются враждебно. Сила личнаго самохраненія не можетъ ослабѣвать или усыпляться отъ родства, если любовь не освобождаетъ отъ подозрѣнія и страха. Въ Европѣ власть родительская основана на правѣ любви сознательной и разумной, вышедшей изъ любви естественной; и потому въ Европѣ право родства утрачиваетъ всю силу свою, какъ скоро перестаетъ опираться на правѣ любви. Объ исключеніяхъ говорить нечего; но можно почитать общимъ правиломъ, что отецъ не имѣетъ права жаловаться на дурныхъ дѣтей, потому что только у дурныхъ родителей могутъ быть дурныя дѣти. А такъ какъ отношенія столь близкихъ между собою людей, какъ родные, не могутъ быть предметомъ вѣрнаго и непогрѣшительнаго суда постороннихъ, то эти отношенія и приведены въ общія и законныя формы. Законъ смотритъ только на внѣшнее, на форму, на приличіе, не позволяя себѣ проникать во внутреннее, которое передаетъ въ высшую инстанцію — въ судилище совѣсти. И потому гражданскій законъ въ Европѣ требуетъ отъ дѣтей только внѣшняго уваженія къ родителямъ, но не любви, для которой нѣтъ гражданскихъ законовъ. Съ другой стороны, права родителей надъ дѣтьми ограничены общественнымъ мнѣніемъ; въ извѣстныя лѣта дѣти становятся полными господами своей участи и своихъ поступковъ. И потому въ Европѣ можно видѣть примѣры, какъ дѣти судятся съ своими родителями, или родители съ дѣтьми; но только въ Азіи можно видѣть примѣры дѣтоубійства и отцеубійства; въ Европѣ тѣ и другія—чудовищныя и рѣдкія исключенія.— —

*45. **Опытъ руководства къ Преподаванію и Изученію Русской Грамматики для Русскихъ**, *В. Половцова*. Санктпетербургъ. 1841.

Главная мысль г. Половцова, кажется, состоитъ въ томъ, что дѣтей надобно учить грамматикѣ изъ практики. Отвергая методу, онъ, между тѣмъ, старается создать свою собственную методу, которую, впрочемъ, мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ. Утверждая, напримѣръ, что раздѣленіе именъ и глаголовъ на склоненія и спряженія не нужно для первоначальнаго обученія, авторъ въ то же время прилагаетъ таблицы и чужихъ и своихъ раздѣленій склоненій и спряженій. Но, принявъ методу г. Половцова—учить изъ практики, попробуйте примѣнить ее въ обученіи мальчиковъ, не имѣющихъ никакого предварительнаго теоретическаго понятія о частяхъ рѣчи, о склоненіяхъ и спряженіяхъ!.. Отвергнуть дурную и недостаточную систему для хорошей—доброе дѣло; но отвергнуть всякую систему—значитъ возвратиться къ первобытному варварству. Вотъ что говоритъ г. Половцовъ

о системѣ: «Учебная грамматика, не вдаваясь въ неизмѣримую глубину изслѣдованій и даже *не путаясь въ систематикѣ*, чтобы нельзя было объ ней сказать: тутъ система все дѣло съѣла! развиваетъ идеи языкознанія какъ можно проще, основывась не столько на *ученой* грамматикѣ, ея предшественницѣ, сколько на всеобщемъ употребленіи языка и на здравомъ смыслѣ». (Стр. 20). Положимъ такъ. Самое правильное, самое русское нарѣчіе есть московское: въ Московской губерніи простой народъ говоритъ чисто и правильно; тамъ не услышите отъ мужика: *спѣлый яблокъ; мы были пообѣдамши; онъ былъ ушедши; она такъ хорошо одѣлши; я сидѣлъ съ гостямъ; ты сдѣлалъ рукамъ*. Въ чистотѣ и правильности языка простой народъ въ Московской губерніи основывается на общемъ употребленіи и здравомъ смыслѣ, а отнюдь не на грамматикѣ: неужели же изъ этого слѣдуетъ, что московскіе извозчики и кухарки — народъ грамотный и знаютъ языкъ лучше всякаго русскаго литератора, потому что они учились ему не по грамматикѣ, а изъ общаго употребленія и здраваго смысла? Намъ кажутся также неудачными примѣры, выбранные г. Половцовымъ для разборовъ, ни самые разборы. Вотъ, напримѣръ, басенка «Дуракъ»:

За что-то били дурака
Довольно
Больно.
Прошло два-три денька,
И онъ опять за то же.
Тутъ сильная рука
Больнѣй прибила дурака.
И что же?
Дуракъ опять за то же.

А вотъ и разборъ ея:

«Разберемъ сперва мысли: глупецъ виноватъ; его прибили. Онъ еще провинился; его опять прибили. Онъ снова провинился... За что били дурака? — За что-то, за вину, которая не объявлена. Какъ били? — Довольно больно. Для чего жъ это?—Для поправленья (не для *исправленія* ли?). Что жъ (,) поправился ль глупецъ?—Нѣтъ. А скоро ли принялся онъ за то же?—Чрезъ два дни (,) три дни. Что жъ должно было сдѣлать?—Постараться еще разъ объ исправленіи наказаніемъ. Исполнено ли это?—Какъ же! сильная рука начальника наказала дурака, можетъ быть, вдвое строже.—Какими словами оно выражено? Словами: больнѣй прибила. Что жъ было слѣдствіемъ этой мѣры?—Новый проступокъ!—Такъ часто бываетъ въ свѣтѣ, но начальнику не должно уставать въ исправленіи подвластныхъ ему то ласкою, то строгостью».

Мы не можемъ теперь посвятить особеннаго и обширнаго разбора книгѣ г. Половцова, ибо надѣемся современемъ представить читателямъ большую критическую статью о русскихъ грамматикахъ вообще. Эта статья займется, между прочимъ, и «Опытомъ» г. Половцова.

46. Сто русскихъ литераторовъ. Изданіе книгопродавца *А. Смирдина*. Томъ второй. Санкпетербургъ. 1841.

— — Въ «Юріи Милославскомъ», лучшемъ своемъ произведеніи, г. Загоскинъ остался вѣренъ своему моральному направленію, почему теперь его съ большою пользою могутъ читать дѣти.— —

47. Шестая книжка «Москвитянина» и Ѳ. Н. Глинка.

——Скажите, сдѣлайте милость, можно ли было безъ улыбки прочесть эти громкія фразы и вообще всю статью г-на Глинки, составленную въ духѣ этихъ фразъ? Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно писать и печатать подобныя вещи въ 1841-мъ году отъ Р. Х.? Европа— изволите видѣть — окружена атмосферою опаснаго дыханія, полна скрытаго яда; она будущій трупъ, которымъ уже и пахнетъ; въ ней развращено воображеніе, развращена мысль, испорчены соки?!!.. Помилуйте! Да, вѣдь, это хула на науку, на искусство, на все живое, человѣческое, на самый прогрессъ человѣчества!.. И какъ судить по нѣсколькимъ французамъ о всей Франціи, по нѣсколькимъ нѣмцамъ о всей Германіи, а по нимъ и о цѣлой Европѣ? Неужели Европа была просвѣщеннѣе, нравственнѣе, религіознѣе во времена Аттилъ, гвельфовъ и джибеллиновъ, Борджіевъ, Равальяковъ, Кромвелей, г-жъ Ментенонъ, дю-Барри и т. п.? Пора бы, право, перестать «извергать такія клеветы» (говоря слогомъ г. N. N.) на Европу и на нашъ великій XIX вѣкъ... Господи Боже мой! Да неужели мы ѣздимъ въ Европу для того только, чтобы заражаться ядовитымъ дыханіемъ этого «будущаго трупа»? Неужели юноши наши, безпрерывно отправляемые, на счетъ нашего мудраго и просвѣщеннаго правительства заграницу, возвращаются оттуда никуда негодными, и изъ нихъ не выходятъ Брюловы, Бруни, Басины, — или не превращаются они въ отличныхъ университетскихъ преподавателей, которые живымъ знаніемъ своимъ, въ этой же Европѣ пріобрѣтеннымъ, затмеваютъ другихъ, не знающихъ Европы, или если и глядѣвшихъ на нее, то видѣвшихъ все кверху ногами?.. — —

48. Римскія Элегіи. Сочиненіе *Гете.* Переводъ *Струговщикова.* Санктъ-Петербургъ. 1840.

——Законъ развитія человѣчества таковъ, что все пережитое человѣчествомъ, не возвращаясь назадъ, тѣмъ не менѣе, и не исчезаетъ безъ слѣдовъ въ пучинѣ времени. Исчезнувшее въ дѣйствительности живетъ въ сознаніи. Такъ старецъ съ умиленіемъ и восторгомъ вспоминаетъ не только о лѣтахъ своего зрѣлаго мужества, но и о пылкой юности, и о свѣтломъ, безмятежномъ младенчествѣ, и по-тому самому не перестаетъ сочувствовать ни мужу, ни юношѣ, ни младенцу. Человѣку нельзя на всю жизнь оставаться младенцемъ, но онъ долженъ перейти черезъ всѣ возрасты—отъ колыбели до могилы. Послѣдующій возрастъ выше предшествующаго; однако, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ предшествующій, будучи ступенью и средствомъ, не былъ, въ то же время, и самъ себѣ цѣлью, а, слѣдовательно, не заключалъ въ себѣ разумности и поэзіи. Дѣтскій возрастъ безуменъ, но не глупъ. Мы смѣемся, глядя на ребенка въ гусарскомъ мундирѣ и верхомъ на палочкѣ; но смѣемся, въ этомъ случаѣ, только легкости, а не глупости его взгляда на жизнь, и, смѣясь, завидуемъ этой легкости, со вздохомъ вспоминая о лѣтахъ своего дѣтства. Дитя, сидя верхомъ на палочкѣ, воображаетъ себя всадникомъ, скачущимъ на борзомъ конѣ: это глупость, но глупость, такъ сказать, разумная, ибо выраженіе лица этого ребенка, полные огня глаза его обнаруживаютъ не только умъ,

но часто и остроуміе и своего рода хитрость, при невинности и простодушіи, тогда какъ лицо взрослаго человѣка, который тѣшится ѣздою на палкѣ, непремѣнно должно выражать глупость и идіотство.——

Грекъ въ наготѣ видѣлъ только изящную природу, а идея красоты уже сама собою отстраняла въ его глазахъ идею о низкомъ и постыдномъ. Въ этомъ виденъ взглядъ младенца: дѣти не стыдятся наготы и по-тому самому уже невинны въ ней. Но въ извѣстный возрастъ и въ нихъ пробуждается чувство безсознательной стыдливости. Грекъ боготворилъ эту стыдливость, какъ грацію; она была въ его глазахъ необходимою спутницею красоты, и его прекрасныя статуи какъ-бы стыдятся своей собственной наготы. Понятія грека объ отношеніяхъ обоихъ половъ выходили изъ понятія о красотѣ, созданной для наслажденія, но наслажденія цѣломудреннаго. Стыдливость подруги возвышала для него прелесть и цѣну наслажденія. Тайна жизни грека заключалась въ естественности, просвѣтленной эстетическимъ чувствомъ, живымъ созерцаніемъ красоты. И потому онъ съ дѣтскимъ простодушіемъ называлъ всѣ вещи, всѣ предметы ихъ настоящимъ именемъ. Батюшковъ называетъ это грубостью, но справедливо замѣчаетъ, что «эта грубость можетъ даже соединиться съ нѣкоторымъ простодушіемъ, совершенно противнымъ нашему искусству выражать все полусловами и развращать сердце, не оскорбляя слуха и вкуса». Вотъ отчего Гомеръ могъ рисовать такія картины, на которыя художникъ нашего времени никогда не осмѣлится; вотъ почему эти картины не только не безнравственны, но даже въ высшей степени нравственны, и тѣ ошибаются, которые думаютъ, что онѣ могутъ имѣть вредное вліяніе на фантазію и чувство юноши, недавно вышедшаго изъ отрочества, или молодой дѣвушки. Грѣхъ состоитъ въ сознаніи грѣха: дитя можетъ очень невинно говорить о самыхъ виновныхъ предметахъ; а взрослый человѣкъ съ испорченною нравственностью и о самыхъ невинныхъ предметахъ можетъ говорить очень виновно. Грѣхъ состоитъ не въ томъ, чтобъ знать, но въ томъ, чтобъ ложно, криво, дурно знать. Для людей молодыхъ нѣтъ ничего вреднѣе знанія, тайкомъ пріобрѣтеннаго. Это своего рода контрабанда. Въ извѣстныя лѣта сама природа непосредственно открываетъ людямъ тайны, которыхъ они и не подозрѣвали въ своемъ дѣтствѣ. Въ это время не только не должно скрывать отъ молодыхъ людей извѣстныя тайны природы, но, напротивъ, открывать ихъ: это единственное средство спасти ихъ отъ сѣтей пагубной чувственности. Только это должно дѣлать умѣючи, и тайны природы просвѣтлять чувствомъ красоты и цѣломудрія, передавать ихъ не какъ смѣшные предметы, годные только для кощунства, но какъ великое таинство творящаго духа. У насъ обыкновенно думаютъ, что дѣвственная чистота состоитъ въ младенческомъ невѣдѣніи: ложная мысль! Если добродѣтель есть невѣдѣніе, то всѣ животныя—предобродѣтельныя особы. Добродѣтель дѣвушки не въ томъ, чтобъ она младенчески не знала, но въ томъ, чтобъ она младенчески знала и, въ знаніи, оставалась чистою и дѣвственною. Поэтому чтеніе Гомера не только не вредно, но положительно полезно молодымъ людямъ обоего пола.

Только надобно, чтобъ этому чтенію не придавалось никакой тайны, чтобъ оно было законно, явно и не прерывалось при входѣ посторонняго человѣка. Что же касается въ особенности до юношей—Гомеръ преимущественно долженъ быть предметомъ ихъ школьныхъ изученій, классныхъ занятій. — —

Всякому возрасту свои радости и свои горести, свои наслажденія и свои лишенія: это законъ хранительнаго и любящаго Промысла. Отвратителенъ молодящійся старичокъ, но не лучше его и юноша, который корчитъ изъ себя старца: всему свое время и свое мѣсто; все благо и велико, и разумно—въ свое время и на своемъ мѣстѣ.

Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный.
Пока живется намъ, живи;
Гуляй въ мое воспоминанье;
Усердствуй Вакху и любви,
И черни презирай роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ киферой, съ портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

Рыцарская платоническая любовь можетъ вспыхнуть и въ душѣ двѣнадцатилѣтняго отрока; и это чувство будетъ въ немъ прекрасно, хотя и не дѣйствительно. Пусть онъ пламенѣетъ священнымъ огнемъ и вздыхаетъ тайкомъ про себя: современемъ онъ самъ будетъ смѣяться надъ своимъ чувствомъ, но оно все-таки спасетъ его отъ многаго дурнаго и разовьетъ въ его душѣ много благихъ сѣмянъ. Но, какъ ни прекрасно такое чувство, оно въ богатой натурѣ не погаситъ потребности другого, болѣе соотвѣтствующаго возрасту чувства. Въ лѣта юности крайности легко сходятся, и молодое сердце нерѣдко въ одно и то же мгновеніе питаетъ противоположныя стремленія; пламенная вѣра идетъ объ руку съ холоднымъ сомнѣніемъ, идеальные порывы смѣняются увлеченіемъ земныхъ страстей. Въ первой молодости человѣку всего сроднѣе та любовь, которая, не пуская въ сердце глубокихъ корней, любитъ перелетать отъ предмета къ предмету, которая вспыхиваетъ отъ каприза, разгорается отъ препятствія и погасаетъ отъ удовлетворенія. Много жизни, много радостей въ золотомъ бокалѣ юности,—и благо тому, кто не осушалъ его до самаго дна, кто не вѣдалъ тоски пресыщенія! Много счастія, много восторговъ въ любви безумной юности,—и лишь бы ея бурныя упоенія, ея младыя шалости не были животны и грубы, но умѣрялись, облагораживались и просвѣтлялись эстетическимъ чувствомъ, напутствовались харитами,—онѣ будутъ и безгрѣшны и нравственны. Такая любовь, въ натурѣ глубокой, въ душѣ благодатной, не можетъ быть утѣхою цѣлой жизни, но всегда бываетъ необходимой данью возраста, и—у одного раньше, у другого позже—уступаетъ мѣсто чувству болѣе духовному, болѣе высокому. Но этотъ возрастъ сотвѣтствуетъ греческому періоду жизни человѣчества и есть необходимый, великій мо-

ментъ развитія, хотя онъ и долженъ уступить мѣсто еще высшему моменту. Юность выше младенчества, возмужалость выше юности; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ человѣкъ не жилъ, а только прозябалъ до возмужалости. И младенчество и юность суть великіе моменты развитія; каждый изъ нихъ—самъ себѣ цѣль и полонъ разумности и поэзіи. Какъ въ эллинской жизни отношенія половъ облагораживались и освящались идеею красоты и граціи, такъ и въ юности человѣка самое мимолетное чувство и всѣ наслажденія любви должны быть эстетичны, чтобъ не быть безнравственными. Развратъ состоитъ въ животной чувственности, въ которой уже не можетъ быть никакой поэзіи, потому что въ поэзію могутъ входить только разумные элементы жизни, а въ томъ нѣтъ разумности, что унижаетъ человѣка до животнаго. — —

49. Древнія россійскія стихотворенія, собранныя *Киршею Даниловымъ*, и вторично изданныя. Москва. 1818.

Древнія русскія стихотворенія (,) служащія въ дополненіе (дополненіемъ?) *къ Киршѣ Данилова (у?)*. Собранныя *М. Сухановымъ*. Санктпетербургъ. 1840.

Сказанія русскаго народа, собранныя *И. Сахаровымъ*. Т. I. Кн. 1, 2, 3, 4. Изданіе третье. Санктпетербургъ. 1841.

Русскія народныя сказки. Часть I. Санктпетербургъ. 1841.

Статья I.

Общая идея народной поэзіи.

— — Возрастъ мужества выше младенчества—нѣтъ спора; но отчего же звуки нашего дѣтства, его воспоминанія, даже и въ старости потрясаютъ всѣ струны нашего сердца радостью и грустью, и вокругъ поникшей головы нашей вызываютъ свѣтлыхъ духовъ любви и блаженства?.. Оттого, что младенчество есть необходимый и разумный періодъ нашего существованія, который бываетъ только разъ въ жизни и больше не возвращается... Это время нашего единства съ природою, въ которомъ такъ много простодушной и невинной любви; время нашего непосредственнаго сознанія, въ которомъ все было ясно, безъ тяжкихъ думъ и тревожныхъ вопросовъ, какъ будто бы сильфы и фен дружелюбно нашептывали сердцу священныя откровенія, и небесная манна сама падала на землю, неорошенную потомъ труда и заботъ... Славное то время было, читатель мой, когда солнышко улыбалось вамъ съ чистаго неба, когда цвѣточекъ наклоненіемъ стебелька ласково привѣтствовалъ васъ, мотылекъ манилъ васъ бѣгать по лугу, кузнечикъ пѣлъ вамъ свою однообразную пѣсенку, и быстрый ручей, по выраженію геніальнаго сумасброда Гофмана, разсказывалъ вамъ чудныя сказочки!.. Вы и природа были тогда—одно и все въ природѣ было для васъ дружескимъ откровеніемъ священной тайны любви и блаженства!.. Выше же, бокалъ мой, за васъ, счастливыя лѣта моего младенчества! говорите вы. Я теперь умнѣе, чѣмъ былъ тогда; я не промѣняю разума на самое блаженство, но мнѣ все-таки жаль васъ, радужные дни моего счастливаго дѣтства!..

Да, мысль выше непосредственнаго чувства, пора мужества выше поры младенчества; но все же и въ непосредственномъ чувствѣ, и въ порѣ дѣтства, есть нѣчто такое, чего нѣтъ ни въ разумномъ сознаніи, ни въ гордой возмужалости, что бываетъ только разъ въ жизни, и больше не возвращается... — —

50. Русская Исторія для Первоначальнаго Чтенія. Сочиненіе *Николая Полевого.* Часть четвертая. Санктпетербургъ. 1841.

Эта книжка—продолженіе прекраснаго труда, которому давно была бы пора кончиться... — —

Когда выйдетъ послѣдній томъ этой исторіи, мы поговоримъ о ней подробнѣе; а теперь скажемъ только, что еще въ первый разъ читали по-русски такъ дѣльно, умно и съ такимъ талантомъ написанную русскую исторію для дѣтей—исторію отъ смерти царя Алексія Михаиловича до восшествія на престолъ Екатерины Великой. Особенно хорошо изображено въ этой книжкѣ время отъ смерти Петра Великаго. Это не сборъ фактовъ, давно всѣмъ извѣстныхъ; это не фразы, изъ которыхъ читатель узнаетъ, что всегда и все было чудо какъ хорошо, и не понимаетъ, чѣмъ же Петръ Великій выше Анны Іоанновны, Екатерина Великая—Елисаветы Петровны, Потемкинъ выше Бирона, а Державинъ выше Сумарокова. У г. Полевого есть взглядъ, есть мысль, есть убѣжденія; оттого разсказъ его живъ, одушевленъ, увлекателенъ, а событія запечатлѣваются въ памяти читателя. Правда, съ иными взглядами г. Полевого можно и не согласиться; но самый ошибочный взглядъ лучше отсутствія всякаго взгляда. Намъ кажется, напримѣръ, онъ не совсѣмъ понялъ Миниха и былъ пристрастенъ не въ его пользу; можно было бы упрекнуть также за нѣкоторыя неполноты, небрежность въ разсказѣ и какую-то поспѣшность въ переходѣ отъ событія къ событію; но, повторяемъ, не смотря на всѣ эти недостатки, книжка г. Полевого весьма полезна и занимательна для «первоначальнаго чтенія». — —

Ожидаемъ окончанія «Русской Исторіи для Первоначальнаго Чтенія», г. Полевого: это будетъ книга, въ какой всего болѣе нуждалось русское юношество.

***51. Русская Азбука,** составленная по грамматикамъ *П. Греча* и *А. Востокова.* Съ присовокупленіемъ сокращенія русской грамматики, правилъ чистописанія и каллиграфическихъ чертежей. Санктпетербургъ. 1841.

У насъ нѣтъ ни одной сколько-нибудь порядочной русской азбуки: всѣ преплохія и предорогія. Исключеніе остается только за «Таблицею Складовъ для употребленія въ Дѣтскихъ Пріютахъ», изданною въ нынѣшнемъ году (см. «Отеч. Записки» т. XV, стр. 63. Библ. Хроника). Жаль, что эта таблица не превращена въ азбуку, т. е. не дополнена примѣрами для чтенія и не напечатана книжкою, въ большомъ количествѣ экземпляровъ, которые продавались бы не дороже десяти копеекъ серебромъ. Тогда русскимъ дѣтямъ было бы по чему учиться русской грамотѣ. А то, посудите сами, что это такое: нелѣпые склады *бря, вря, дру, вру,* потомъ пошлыя побасенки, да лубочныя картинки, вздорная мораль, изложенная дурнымъ языкомъ и съ

орѳографическими ошибками: какъ тутъ учиться? И при этомъ—цѣна чудовищно-огромная: есть такія азбуки *по семи рублей ассигнаціями!*

Какіе-то гг. издатели, заблагоразсудившіе скрыть свои имена подъ завѣсою неизвѣстности, вздумали инкогнито издать азбуку, что называется «на славу»,—и для того выставили на ней имена гг. Греча и Востокова. Но, не смотря на то, ихъ азбука, *составленная по грамматикамъ гг. Греча и Востокова*, недалеко ушла отъ всѣхъ бывшихъ и сущихъ русскихъ азбукъ. Всѣ ея улучшенія состоятъ во введеніи въ азбуку того, что не относится къ азбукѣ, назначаемой для обученія дѣтей грамотѣ. Такъ, напр., за изображеніемъ прописныхъ, строчныхъ и скорописныхъ (курсивныхъ?) буквъ слѣдуетъ теорія раздѣленія буквъ на гласныя, полугласныя и согласныя: предметъ, совершенно непостижимый для ребенка, который едва успѣлъ различать буквы по начертанію и произношенію! Затѣмъ слѣдуетъ *ба, бя, фя, пю, зю, бря, мря, хря* и подобная тому дичь, безсмысленная, безполезная и смѣшная... Скажутъ: «нельзя же безъ складовъ»; точно нельзя—но только надобно, чтобъ въ примѣрахъ для складовъ былъ смыслъ и метода. Въ «Таблицѣ Складовъ для Дѣтскихъ пріютовъ», на которую мы ссылались выше, есть то и другое: тамъ всѣ склады суть слова и реченія, выражающія понятія, а не безсмысленные звуки; притомъ они расположены по алфавиту, такъ что въ каждомъ словѣ нѣтъ буквы, съ которою бы ученикъ не встрѣчался прежде.

За складами, въ азбукѣ, *составленной по грамматикамъ гг. Греча и Востокова*, слѣдуютъ примѣры для чтенія, изъ которыхъ первый глаголетъ: «Добрыя дѣла никогда не остаются безъ вознагражденія» и пр.—Не лучше ли учить дѣтей любить добро для добра, безвозмездно, безъ спекуляцій на благосостояніе?

Азбука оканчивается 55-ю страницею, а съ 56-й начинается сокращеніе русской грамматики—родъ компиляціи, состряпанной изъ убогихъ началъ грамматики г. Греча. Грамматики г. Востокова тутъ нѣтъ и тѣни; склоненій три, спряженій также три, и потому имъ, а особенно спряженіямъ, никакъ нельзя выучиться. Да и странная мысль—составить грамматику изъ двухъ чужихъ грамматикъ, совершенно противоположныхъ одна другой по началамъ!

1842 г.

52. Русская литература въ 1841 г.

— — *А.* — Прошлаго года, кажется, изданъ былъ, однимъ «ученымъ» обществомъ, *выборъ* изъ поэтическихъ и ораторскихъ сочиненій Ломоносова, въ двухъ томахъ in-quarto, для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, въ образецъ для школьныхъ опытовъ въ стихахъ и прозѣ. Что сказать объ этомъ? Я человѣкъ простой, не изъ «ученыхъ»; можетъ, оно тамъ такъ и нужно—это не мое дѣло, какъ сказалъ городничій въ «Ревизорѣ» объ учителѣ уѣзднаго училища; но между публикою и школою такая же разница, какъ и между книгою и дѣй-

ствительностью: что хорошо въ одной, то никуда не годится въ другой... — —

А.—Даже и учащемуся юношеству нѣтъ никакой нужды давать читать такихъ писателей, какъ Сумароковъ и Княжнинъ, если это дѣлается не для предостереженія отъ покушенія или возможности писать такъ же дурно, какъ писали сіи піиты. Но это значило бы подражать спартанцамъ, которые, для внушенія своему юношеству отвращенія отъ пьянства, заставляли рабовъ напиваться... — —

А.—Я поставилъ бы долгомъ и обязанностью всякому юношѣ не только прочесть — даже изучить Державина, какъ великій фактъ въ исторіи русской литературы, языка и эстетическаго образованія общества; но никому не возьмусь совѣтовать читать Державина для эстетическаго наслажденія: я знаю напередъ, что мой совѣтъ пропалъ бы втуне послѣ первой прочитанной оды, или послѣ первыхъ стиховъ ея. — —

А.—Прежде всего, надо замѣтить, что Карамзинъ не ровня Дмитріеву. Дмитріевъ написалъ очень небольшую книгу стиховъ, и надо, чтобъ въ стихахъ такой книги было слишкомъ много поэзіи, чтобъ ее читали въ наше время... Но ея не читаютъ уже лѣтъ двадцать, а въ наше время немногіе даже знакомы съ ней, и то не лично, а по слухамъ, по рекомендаціи учителей словесности и по литературнымъ адрес-календарямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «исторіи русской литературы»... И Дмитріевъ, въ самомъ дѣлѣ, примѣчательное лицо въ исторіи русской литературы. Я очень любилъ его въ дѣтствѣ, и отъ души благодаренъ ему за пользу и удовольствіе, которыя принесли мнѣ его стихотворенія въ мои дѣтскіе годы. Впрочемъ, басни и сказки Дмитріева и теперь еще могутъ доставлять дѣтямъ пользу и удовольствіе; если же будутъ для нихъ вредны, то развѣ со стороны своей негармонической и непоэтической версификаціи; но его оды и пѣсни теперь не годятся ни для дѣтей, ни для стариковъ—ихъ время давно прошло! А въ свое время онѣ были прекрасны, распространяли въ обществѣ охоту къ чтенію, пріучали публику къ благороднымъ наслажденіямъ ума, доставляли ей возвышенное удовольствіе. — —

А.—Въ нашей критикѣ, и особенно въ нашихъ учебникахъ, замѣтно владычество общихъ мѣстъ, литературное низкопоклонство живымъ и мертвымъ, лицемѣрство въ сужденіяхъ. Думаютъ и знаютъ одно,—а говорятъ другое. Иной господинъ ни разу не прочелъ, напримѣръ, Ломоносова, и помнитъ изъ него развѣ знаменитую строфу: «науки юношей питаютъ», которую невольно заучилъ въ дѣтствѣ, а начнетъ писать о Ломоносовѣ—такъ и посыплются у него слова: *русскій Пиндаръ*, *высокое парснс*, *торжественность*, *сила* и пр., и пр.— —

А.—Переводъ «Иліады»—эпоха въ нашей литературѣ, и придетъ время, когда «Иліада» Гнѣдича будетъ настольною книгою всякаго образованнаго человѣка. Это время недалеко, потому что, благодаря просвѣщенному, истинно-европейскому стремленію нынѣшняго Министерства Народнаго Просвѣщенія, поставившаго изученіе древнихъ языковъ непреложнымъ условіемъ гимназическаго и универси-

тетскаго курса, — *образованность* и *невѣжество* скоро перестанутъ быть синонимами, и истинная ученость сдѣлается основою истинной образованности... Безъ историческаго созерцанія жизни древнихъ нельзя понимать и ихъ искусства; вотъ почему «Иліада» никогда не можетъ быть доступна толпѣ. Безъ созерцанія греческаго искусства, никакого искусства нельзя понимать, и потому нечего распространяться о томъ, какъ великъ подвигъ Гнѣдича, какое безконечное вліяніе имѣетъ и будетъ имѣть онъ на русскую литературу. — —

Л.—«Юрій Милославскій» былъ первымъ русскимъ историческимъ романомъ. Онъ явился очень во-время, когда всѣ требовали русскаго и русскаго. Вотъ причина его необыкновеннаго успѣха. Теперь онъ — препріятное и преполезное чтеніе для дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ включительно, и для простого народа. Жаль, что онъ не изданъ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экземпляровъ и не продается копеекъ по 20 серебромъ: онъ много бы могъ принести пользы. — —

*53. **Русская грамматика**, составленная *Л. Ивановымъ*. Третье исправленное и дополненное изданіе. Книга сія одобрена Совѣтомъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія и принята за руководство къ преподаванію въ этомъ заведеніи. Спб. 1842.

Грамматика г. Иванова принадлежитъ къ числу довольно сносныхъ компиляцій, т. е. довольно хорошо сдѣланныхъ и склеенныхъ выборокъ изъ разныхъ грамматикъ. Впрочемъ, несмотря на то, она преисполнена разнаго рода промаховъ, неточныхъ опредѣленій, произвольныхъ раздѣленій и проч. Укажемъ на нѣкоторыя.

«Предметы бываютъ: 1 *одушевленные*, т. е. имѣющіе жизнь». Произведенія растительнаго царства имѣютъ жизнь, однакожъ *липа* или *дубъ* не суть одушевленные предметы. *Существа, одаренныя способностью произвольнаго движенія съ мѣста на мѣсто*, называются одушевленными предметами.

«*Собственное* имя, которымъ мы называемъ *нѣкоторые* (?) предметы для отличія ихъ отъ подобныхъ же предметовъ, наприм. *Россіянинъ*» и проч. Стало-быть, слово *Россіянинъ* служитъ для отличія одного Россіянина отъ другого Россіянина?.. Очень хорошо!.. Къ числу собственныхъ же именъ авторъ относитъ слова: *май*, *понедѣльникъ*... Тоже недурно!..

Мѣстоименіе авторъ опредѣляетъ старинным манеромъ — частью рѣчи, употребляющейся вмѣсто имени, тогда какъ мѣстоименіе есть часть рѣчи, выражающая сознаніе личности и ея отношенія къ другимъ личностямъ и предметамъ. Вслѣдствіе нашего взгляда, *сей*, *этотъ*, *мой*, *твой*, будутъ уже не мѣстоименіями, а прилагательными; мѣстоименіями же останутся только: *я*, *ты*, *онъ*, *мы*, *вы*, *они*, *кто*, *что*, *нѣкто*, *кто-нибудь*, *нѣчто*, *что-нибудь*, *никто*, *ничто*. Да и по опредѣленію г. Иванова, *мой*, *твой*, *свой*, не суть мѣстоименія: какія имена замѣняютъ они собою?

Въ примѣрѣ: «онъ *играетъ* съ нимъ въ кегли» авторъ называетъ глаголъ «играетъ» взаимнымъ; неправда; взаимные глаголы оканчиваются на *ся*, а безъ этого всѣ глаголы сдѣлались бы взаимными!

«Видъ служитъ къ различію дѣйствія или состоянія предмета». Въ этомъ опредѣленіи ровно ничего не сказано.

Много можно бы сдѣлать подобныхъ замѣчаній на грамматику г. Иванова...

54. Педантъ. Литературный типъ.

— — Картофелинъ воспитывался въ единственномъ пансіонѣ губернскаго города, въ которомъ родился. Пансіонъ содержался обрусѣвшимъ нѣмцемъ—назовемъ его хоть Гофратомъ (я слышалъ, что всѣ нѣмцы—гофраты). Картофелинъ обнаруживалъ блестящія способности и былъ первымъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ, особенно по части россійской словесности. Прилежаніе его было примѣрно; поведеніе соотвѣтствовало прилежанію. На торжественныхъ актахъ онъ всегда говорилъ передъ публикою рѣчи и стихи, въ низшихъ классахъ — сочиненія своихъ учителей, а въ высшихъ — собственнаго издѣлія. Онъ первый подбилъ товарищей издавать журналъ, разумѣется, писанный, и каждую недѣлю по рукамъ мальчиковъ ходила чисто и аккуратно переписанная рукою Картофелина тетрадка, подъ названіемъ «Сѣверная Флора, № такой-то». Тетрадка почти вся состояла изъ сочиненій Картофелина, или *Безбрежина*, какъ онъ называлъ себя на романтическомъ языкѣ: тутъ были стихи, повѣсти, критика и смѣсь. Стихи и критика всегда были сочиненія Ліодора Безбрежина: онъ объявилъ себя монополистомъ этихъ двухъ отдѣленій. Г. Гофратъ чуть не плакалъ отъ умиленія при видѣ успѣховъ и всеобъемлющей дѣятельности свѣтила своего пансіона: послѣ каждаго новаго романтическаго стихотворенія, онъ бралъ Картофелина за уши, слегка приподнималъ и нѣжно цѣловалъ въ голову. Всѣ ученики смотрѣли на него, какъ на генія; а учитель словесности, учившійся нѣкогда по Бургію и, слѣдовательно, классикъ поневолѣ, даже побаивался его. Обремененный лаврами, мой Картофелинъ, сей внукъ (увы, *не послѣдній!*) Василія Кирилловича Тредіаковскаго, пріѣхалъ въ одну изъ столицъ нашихъ, — положимъ, въ Москву. Не помню, что онъ дѣлалъ нѣсколько лѣтъ; но вотъ онъ является учителемъ «россійской словесности»... Да, я непремѣнно хочу сдѣлать моего педанта учителемъ словесности: знаменитый дѣдъ всѣхъ педантовъ, Василій Кирилловичъ Тредіаковскій, былъ «профессоромъ элоквенціи, а паче всего хитростей піитическихъ»: одной этой причины уже слишкомъ достаточно, чтобъ я сдѣлалъ моего педанта учителемъ «россійской словесности»; сверхъ того, я убѣжденъ отъ всей души, что никакое званіе такъ не идетъ къ педанту, какъ званіе учителя «россійской словесности». Да, эта «россійская словесность» преимущественно сподручна для шарлатановъ и педантовъ: въ нее можно класть что угодно, и оттуда можно вынимать какія угодно теоріи, безъ опасенія заплатить пошлину за болтовню. Я не хочу этимъ сказять, чтобъ всякій учитель словесности былъ педантъ — смѣшно и странно было бы питать такую исключительную и ложную мысль! Хорошіе и достойные люди есть вездѣ. Я хочу только сказать, что педантъ непремѣнно долженъ быть учителемъ россійской словесности.

* **55. Гуакъ**, или непреоборимая вѣрность. Рыцарская повѣсть. Изданіе второе. Спб. 1842. Двѣ части.

Глупая сказка въ родѣ «Георга Милорда Англинскаго». Какъ жаль, что наши грамотные простолюдины не могутъ ничѣмъ лучше удовлетворять свою охоту къ чтенію! Языкъ, правописаніе, бумага, печать—все въ «Гуакѣ» соотвѣтствуетъ нелѣпости и пошлости содержанія и вполнѣ оправдываетъ назначеніе типографіи г. Сычева.

56. Тысяча и Одна Ночь, арабскія сказки. Спб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9 и 10.

Арабскія сказки суть полнѣйшее выраженіе національнаго духа и общественности важнѣйшаго изъ мухаммеданскихъ народовъ, нѣкогда игравшаго въ мірѣ такую великую роль. Созданія пламенной фантазіи, отрѣшившейся отъ всѣхъ прочихъ способностей души, онѣ отличаются сплетеніемъ и переплетеніемъ частей и эпизодовъ, образующихъ собою какое-то уродливое цѣлое—узорчатою пестротою своей фантастической ткани и рѣзкою яркостью своихъ восточныхъ красокъ; онѣ невольно поражаютъ этимъ безсмысленнымъ, произвольнымъ искаженіемъ дѣйствительности, или, лучше сказать, этою дѣйствительностью, построенною на воздухѣ, лишенною всѣхъ подпоръ возможности, вопреки здравому смыслу. Это-то самое и придаетъ имъ колоритъ оригинальности, составляющій главную ихъ прелесть. Всѣ восточные народы—страстные охотники до разсказовъ и, такъ какъ восточная жизнь лишена всякаго движенія и разнообразія, они хотятъ, чтобъ эти разсказы были исполнены чудесъ и небывалыхъ приключеній, которыя составляли бы собою контрастъ съ ихъ однообразною, скучною дѣйствительностью. И какъ понятно, что, не смотря на всю нелѣпость вымысла, эти сказки слушаются бритыми правовѣрными головами съ самымъ добродушнымъ убѣжденіемъ въ непреложной истинѣ каждой черты ихъ! Это не глупость, а младенческое состояніе ума, погруженнаго въ вѣчную дремоту. Вотъ почему для дѣтей чтеніе «Арабскихъ Сказокъ» доставляетъ столько наслажденія: человѣкъ-дитя въ Европѣ сочувствуетъ народу-дитяти въ простодушныхъ откровеніяхъ его фантазіи. Человѣкъ взрослый не можетъ читать залпомъ этихъ сказокъ: ему наскучитъ одно и то же—и чудесныя красавицы, и разумные принцы, и повторенія однѣхъ и тѣхъ же рѣчей, въ которыхъ ровно ничего нѣтъ. Но такъ какъ и между взрослыми много дѣтей, то «Арабскія Сказки» всегда будутъ имѣть у себя обширный кругъ читателей и почитателей. — —

* **57. Робинзонъ Крузе**. Романъ для дѣтей. Сочиненіе *Кампе*. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ картинами, рисованными г-мъ *Тиммомъ* и вырѣзанными на деревѣ барономъ *Нетгельгорстомъ*. Часть первая. Санктпетербургъ. 1842.

Въ предисловіи, говоря объ извѣстности, которою такъ заслуженно пользуется дѣтская книга «Робинзонъ Крузе», переводчикъ приводитъ мнѣніе Руссо, изъ книги его «Emile ou de l'Education»:

«Нѣтъ ли какой-нибудь возможности сблизить столько уроковъ, разсѣянныхъ въ такомъ множествѣ книгъ, соединить ихъ подъ одинъ общій предметъ, который былъ бы доступенъ съ перваго взгляда, былъ бы увле-

кателенъ, заманчивъ, даже въ этомъ (дѣтскомъ) возрастѣ? Если можно придумать положеніе, въ которомъ всѣ естественныя нужды человѣка представлялись бы ощутительнымъ образомъ уму ребенка, и въ которомъ способы удовлетворить этимъ нуждамъ постепенно развивались бы съ такою же легкостью, то именно надъ этимъ простымъ и живымъ изображеніемъ такого положенія надобно прежде всего заставить работать воображеніе ребенка.

«Я уже вижу, какъ разгорается твое собственное воображеніе, пламенный философъ. Но не хлопочи по-пустому; это положеніе найдено, — оно описано, и, не въ обиду тебѣ, гораздо лучше, нежели можешь ты описать, по крайней мѣрѣ, гораздо проще и ближе къ истинѣ. Если намъ непремѣнно нужны книги, то, по моему мнѣнію, есть такая книга, въ которой находится самый превосходный трактатъ о воспитаніи. Эта книга будетъ первая, которую прочтетъ мой Эмиль; долгое время въ ней будетъ заключаться вся его библіотека, и навсегда его въ библіотекѣ она займетъ важное мѣсто. Эта книга будетъ текстъ, которому всѣ наши бесѣды о Естественной Исторіи станутъ служить комментаріями. Она будетъ служить критеріумомъ успѣховъ въ развитіи нашей судительной силы, и, до тѣхъ поръ, пока не испортится вкусъ нашъ, чтеніе ея всегда будетъ доставлять намъ удовольствіе. Что же это за книга—эта удивительная книга? Что это? Аристотель? Плиній? Бюффонъ?—Нѣтъ, это *Робинзонъ Крузе*.

«Робинзонъ Крузе на своемъ островѣ, одинъ-одинехонекъ, лишенный и сообщества себѣ подобныхъ и инструментовъ всякаго рода, а между тѣмъ, снабжающій себя всѣмъ необходимымъ для своего положенія, для своего сохраненія и, мало того, достигающій даже до нѣкотораго благосостоянія, вотъ предметъ, который можно тысячами способовъ сдѣлать интереснымъ. Вотъ какимъ образомъ осуществимъ мы пустынный островъ, который сначала служилъ для меня только уподобленіемъ. Это положеніе, конечно, не есть положеніе человѣка общественнаго; натурально, что оно не должно быть и положеніемъ Эмиля; но по этому именно положенію, онъ долженъ цѣнить всѣ другія. Самое вѣрное средство—возвыситься надъ предубѣжденіями и утвердить понятія свои на истинныхъ отношеніяхъ вещей, состоитъ въ томъ, чтобъ поставить себя на мѣсто человѣка, отъединеннаго отъ общества, и судить обо всемъ такъ, какъ долженъ судить самъ онъ, въ отношеніи къ своей собственной пользѣ.

«Романъ этотъ, очищенный отъ всего лишняго, начинающійся кораблекрушеніемъ Робинзона близъ его острова и оканчивающійся прибытіемъ корабля; который избавляетъ его, въ одно и то же время и забавою и учебникомъ Эмиля. Я хочу, чтобъ этотъ романъ вскружилъ ему голову, чтобъ мой Эмиль безпрестанно думалъ о робинзоновомъ жилищѣ, объ его ламахъ, о его плантаціяхъ: чтобъ онъ узналъ въ подробности, не изъ книгъ, но на самомъ дѣлѣ, все, что надобно знать въ подробныхъ обстоятельствахъ: пусть онъ самого себя воображаетъ Робинзономъ, пусть кажется ему, что онъ одѣтъ въ кожи, что на головѣ у него большая шапка, въ рукѣ копье, что у него весь странный костюмъ и всѣ необыкновенныя принадлежности Робинзона, даже до зонтика, хоть въ немъ не будетъ онъ имѣть никакой нужды. Я хочу, чтобъ онъ тревожился о томъ, какія взять мѣры, если у него случится недостатокъ въ томъ или въ другомъ: пусть онъ внимательно разбираетъ поступки своего героя, пусть ищетъ онъ, не выпустилъ ли тотъ чего изъ виду, нельзя ли было сдѣлать что-нибудь лучше; пусть онъ со всевозможнымъ вниманіемъ замѣчаетъ его ошибки, и пользуется имп, чтобъ самому при случаѣ не впасть въ такую же ошибку: не думайте, чтобъ у него не родилось желанія *поробинзонить*: въ этомъ именно будетъ заключаться настоящій воздушный замокъ сего счастливаго возраста...

«И эта мечтательность дѣтства—какимъ благимъ средствомъ будетъ служить она для человѣка искуснаго, который умѣлъ возбудить ее въ ребенкѣ, для того, чтобъ обратить въ пользу. Ребенокъ отъ нетерпѣнія—устроитъ себѣ магазинъ на своемъ островѣ, будетъ съ большимъ жаромъ учиться, нежели наставникъ его учить. Онъ будетъ стараться узнать все, что полезно, и лишь только то, что полезно: вамъ уже не нужно будетъ вести его, нѣтъ— а развѣ удерживать».

Затѣмъ, переводчикъ, объясняя, что Руссо говоритъ не о «Робинзонѣ» нѣмца Кампе, а о «Робинзонѣ» англичанина Даніэля Фоэ, прибавляетъ:

«Но *добрый* Жанъ-Жакъ, говоря о томъ Робинзонѣ, котораго онъ имѣлъ въ виду, не совсѣмъ вѣрно выражается, что будто бы Робинзонъ на своемъ островѣ, «dépourvu des instruments de tous les arts»; нѣтъ, Робинзонъ Даніэля Фоэ попадаетъ на островъ не совсѣмъ съ голыми руками: у него есть карманный ножикъ, есть кремень, трутъ, а въ скоромъ времени съ разбитаго корабля онъ добываетъ себѣ многіе инструменты: топоръ, пилу, наконецъ ружья, порохъ и пр. Отъ этого «Робинзонъ» теряетъ много занимательности для юныхъ читателей. потому что, хотя онъ и уединенъ на островѣ, удаленъ отъ общественной жизни, но не лишенъ многихъ орудій, которыя доставила ему именно жизнь общественная».

Здѣсь г. переводчикъ гораздо больше «не совсѣмъ вѣрно выражается», чѣмъ *добрый* Жанъ-Жакъ, и ровно дважды грѣшитъ противъ истины. Во-первыхъ, эпитетъ *добраго* (граничащій своимъ значеніемъ съ эпитетомъ «простодушнаго») нисколько нейдетъ къ Руссо, къ имени котораго гораздо больше шелъ бы эпитетъ *геніальнаго* и титло· великаго писателя. Руссо не былъ философомъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ ученаго, который занимается философіею, какъ наукою, и для котораго философія имѣетъ чисто ученый, кабинетный интересъ, внѣ жизни; но Руссо былъ мудрецъ, въ смыслѣ древнихъ, т. е. человѣкъ, котораго вся жизнь была мышленіемъ, котораго мышленіе было любовью, а любовь мышленіемъ... Руссо не создалъ никакой философской системы, но обогатилъ идеями новѣйшую философію, такъ что самъ Гегель ссылается на него, какъ на величайшій авторитетъ.

И Руссо былъ правъ, видя столь важную для воспитанія книгу въ «Робинзонѣ» Даніэля Фоэ; а переводчикъ Кампе совсѣмъ неправъ, отдавая преимущество переведенной имъ книгѣ передъ «Робинзономъ» англійскимъ. Правда, англійскій Робинзонъ очутился на островѣ съ ножомъ, трубкою и малымъ количествомъ табаку въ карманѣ и вскорѣ перевезъ съ корабля все ему нужное; но это обстоятельство нисколько не ослабило основной мысли романа,—мысли человѣка, поставленнаго въ необходимость, для поддержки его существованія, бороться со всевозможными препятствіями и побѣждать ихъ, развивая въ себѣ спавшую дотолѣ способность изобрѣтательности, и однимъ собою представляя цѣлое общество; ибо всевозможныя орудія работы были бы Робинзону, ничему не учившемуся съ малолѣтства, совершенно безполезны, если бы необходимость и чувство самосохраненія, вмѣсто того, чтобъ убить его энергію, напротивъ, не укрѣпили ее и не вызвали на борьбу всѣхъ силъ духа его, самому ему дотолѣ неизвѣстныхъ. Сверхъ того, робинзонъ Фоэ запасся ружьями, порохомъ, компасами, математическими инструментами, зрительными трубками и книгами; но не имѣетъ кирки, лопатокъ, заступовъ, иголъ, нитокъ, полотна и многаго другого. Дѣлая себѣ столъ и стулъ, онъ принужденъ былъ рубить цѣлое дерево и, обрубивъ сучья, тесать его до тѣхъ поръ, пока не выходила доска желаемой толщины. Слѣдовательно, «добрый» Руссо былъ правъ, говоря о Робинзонѣ, какъ о человѣкѣ, лишенномъ необходимыхъ инструментовъ.

Вообще, «Робинзонъ» Фоэ несравненно лучше «Робинзона» Кампе: послѣдній состоитъ, большею частью, изъ піэтистическихъ и резонёрскихъ разговоровъ отца, разсказывающаго дѣтямъ исторію Розинзона. Эти разговоры для дѣтей болѣе способны произвести въ дѣтяхъ скуку и отвращеніе къ морали, чѣмъ быть для нихъ наставительными. «Робинзонъ» Фоэ большею частью наполненъ разсказомъ, котораго интереса и занимательности для дѣтей ни съ чѣмъ нельзя сравнить; разсужденіями онъ наскучаетъ довольно рѣдко. Этотъ первоначальный и истинный «Робинзонъ» былъ переведенъ и по-русски (съ французскаго перевода) въ 1814 году подъ заглавіемъ: «Жизнь и приключенія Робинзона Круза, природнаго англичанина. Переведена съ французскаго Яковомъ Трусовымъ».

Во всякомъ случаѣ, и новый переводъ книги Кампе не лишній въ нашей литературѣ, такъ бѣдной сколько-нибудь сносными сочиненіями для дѣтей; тѣмъ болѣе не лишній, что онъ сдѣланъ порядочно, со смысломъ, и изданъ опрятно. Что касается до картинокъ, — въ первой части этого новоизданнаго и новопереведеннаго «Робинзона» — ихъ только одна, представляющая грудное изображеніе Робинзона съ бородою и въ какомъ-то колпакѣ; остальныя шесть не что иное, какъ виньетки, и притомъ весьма посредственныя.

* **58. Россійская Грамматика**, съ присовокупленіемъ піитическихъ правилъ. Изданная для обученія юношества *Яковомъ Пожарскимъ*. Санктпетербургъ. 1842.

Г. Яковъ Пожарскій возымѣлъ благое и достохвальное намѣреніе воскресить своею особою умершаго вмалѣ великаго мужа блаженной памяти, Михаила Меморскаго. Для этого онъ сочинилъ *россійскую* (а не *русскую*) грамматику въ вопросахъ и отвѣтахъ, и присовокупилъ въ ней, на *пяти* страничкахъ, піитическія правила, въ которыхъ, для примѣровъ версификаціи, помѣстилъ слѣдующіе стихи:

Здѣсь весною
Зябликъ пѣлъ;
Здѣсь со мною
Фирсъ сидѣлъ.

Пусть счастье коловратно,
Нельзя не знать того;
Но мы еще стократно
Превратнѣе его.

Гости, пената встрѣчайте, встрѣчайте,
Красны стелите цвѣты по пути;
Мѣсто пространно давайте, давайте,
Чтобъ было музамъ свободно пройти.

Изложеніе правилъ совершенно соотвѣтствуетъ достоинству этихъ стиховъ.

Воп. Что есть буква?
Отв. Буква есть знакъ, представляющій первоначальную часть выговора. (Очень понятно, ясно и удовлетворительно!)
Воп. Что составляется изъ буквъ?

Отв. Изъ *буквъ* составляются *слоги*, изъ слоговъ *слова*, изъ словъ *рѣчь*, напр., *Богъ есть всемогущъ*.

Воп. Какъ называется писатель стиховъ?

Отв. Писатель стиховъ называется *поэтъ*, *піита и піитъ*.

Воп. Какъ сочиненія называются?

Отв. Главное стихотворное сочиненіе называется *поэма*.

Воп. Въ чемъ состоитъ матерія поэмы?

Отв. Матерія поэмы состоитъ въ стихахъ, дѣйствія и *вещи* описывающихъ.

Воп. Что есть поэзія?

Отв. Поэзія или *стихотворство* есть *наука*, всякую *вещь* или данную матерію располагать по мѣрѣ стопъ, и описывать съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымысломъ къ пользѣ и увеселенію слушающихъ и читающихъ.

Что это такое? Ужъ не перепечатка ли пресловутой «россійской грамматики», пресловутаго Меморскаго? Что-то похоже...

59. Руководство къ Изученію Русской Словесности, составленное профессоромъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея и Императорскаго Училища Правовѣдѣнія *Петромъ Георгіевскимъ*. Въ четырехъ частяхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Санктпетербургъ. 1842.

Въ мірѣ умственномъ такъ же есть свои аномаліи, какъ и въ физическомъ. Особенно богата ими русская учебная литература. У насъ есть удивительная «Всеобщая Исторія», надъ которою образованные люди улыбаются вотъ уже, кажется, около двадцати, если не болѣе, лѣтъ, и которая все-таки продолжаетъ себѣ втихомолку распложаться новыми изданіями. Но особенно посчастливилось на аномаліи русской учебной литературѣ по части теорій и исторій искусствъ и литературы. Это уже даже и не аномаліи: это просто чудовища и чудища, въ сравненіи съ которыми всякое безобразіе есть красота. Какъ бы ни дурна была всеобщая исторія, все же она говоритъ о фактахъ, дѣйствительно бывшихъ, все же изъ нея можно узнать хоть нѣсколько именъ историческихъ; все же въ ней нельзя Александра Македонскаго назвать китайскимъ императоромъ, а Перикла турецкимъ пашою. Теорія изящнаго, напротивъ, даетъ каждому возможность говорить, что на умъ взбредетъ, называть свѣчу собакою, а луну пирогомъ—полная свобода! благо за подобныя вещи пошлинъ не берутъ, а иногда еще и деньги даютъ. Наши учебники по части теоріи и исторіи изящнаго тѣмъ уродливѣе и нелѣпѣе, что по большей части пишутся людьми добраго стараго времени, когда толковали только о трехъ единствахъ, о подражаніи украшенной природѣ, а въ примѣръ высокаго приводили «c'est moi» «qu'il mourût». Но еслибъ эти господа остались вѣрны своему времени, они были бы меньше смѣшны, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ ихъ совсѣмъ не читали бы, и о нихъ совсѣмъ не было бы слышно. Но вотъ горе: застигнутые врасплохъ новымъ временемъ, пережившіе уже и великую войну классицизма съ романтизмомъ,—они увидѣли себя въ горькой и тяжелой необходимости смѣшать свои старыя понятія съ новыми, признать авторитеты. Изъ этого вышла такая дикая смѣсь книгъ, что трудно и характеризовать ее; она напоминаетъ собою

дикарей Океаніи, которые, вслѣдствіе вліянія на нихъ англійской цивилизаціи, стали ходить въ европейской одеждѣ, прицѣпляя сабли къ юбкамъ, надѣвая военный мундиръ безъ нижняго платья, или сапоги безъ всякой другой одежды.

Все сказанное отнюдь не должно относиться къ безподобному «Руководству» г. Георгіевскаго. Оно по истинѣ *безподобно*, ибо нѣтъ ничего подобнаго ему въ цѣломъ мірѣ. Въ немъ нѣтъ ни классицизма, ни романтизма, ни старыхъ, ни новыхъ понятій. Оно составлено особеннымъ образомъ и по особенному, неслыханному въ мірѣ источнику — по рецензіи 230 и 231 №№ «Сѣверной Пчелы» 1836 года, — какъ добродушно признается, въ предисловіи, самъ г. сочинитель этого безподобнаго руководства!.. — —

Желая угодить всѣмъ и никого не обидѣть, сочинитель всѣхъ равно пожаловалъ въ геніи: онъ съ равнымъ уваженіемъ и равною любовью упоминаетъ о Херасковѣ и о Пушкинѣ, о Сумароковѣ и Грибоѣдовѣ, о Шекспирѣ и о г. Хмѣльницкомъ, о Вальтерѣ Скоттѣ и баронѣ Брамбеусѣ. Съ такимъ же безпристрастіемъ повторяетъ онъ, не вникая въ смыслъ, мнѣнія и Батте, и нѣмцевъ, и «Вѣстника Европы», и «Московскаго Телеграфа», и гг. Толмачева, и Кошанскаго, и Платона съ Аристотелемъ. И все это произошло не изъ эклектическаго желанія помирить различныя ученія, а изъ того, что сочинителю всѣ мнѣнія равны, ибо онъ не взялъ себѣ въ толкъ ни одного изъ нихъ. Исполать!

60. Рѣчь о критикѣ, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, марта 25-го дня 1842 года, экстраордин. профес., докторомъ философіи, *А. Никитенко*. Санктпетербургъ. 1842.

СТАТЬЯ II.

Историческое обозрѣніе русской критики.

— — Много умнаго и остроумнаго можно наговорить о новыхъ гражданскихъ литерахъ, которымъ нечего было выражать собою; о заведенныхъ имъ (Петра I) типографіяхъ, которымъ нечего было печатать; о высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, когда еще негдѣ было учиться грамотѣ; о проектѣ Академіи Наукъ, когда еще не было приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, словомъ, обо всемъ этомъ неестественномъ развитіи сверху внизъ, не снизу вверхъ, съ крыши къ фундаменту, не съ фундамента къ крышѣ. А, между тѣмъ, это-то и положило прочное основаніе русскому просвѣщенію, ибо, прежде всего дало учителей, безъ которыхъ ученики не могутъ учиться. Каково бы ни было наше просвѣщеніе, на какой бы ступени ни стояло оно и теперь, но надо быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть, что оно все развивается, все идетъ впередъ. — —

61. Сочиненія Платона. Переведенныя съ греческаго и объясненныя

профессоромъ Санктпетербургской Духовной Академіи *Карповымъ*. Часть II-я. Санктпетербургъ.

—— Въ слѣдующихъ же *пяти* разговорахъ—«Хармидѣ», «Эвтифронѣ», «Менонѣ», «Апологіи Сократа» и «Критонѣ», изъ которыхъ состоитъ эта вторая часть, мы видимъ мыслителя и мудреца Сократа, знакомимся съ его высокою мудростью, исполненною глубочайшаго нравственнаго и жизненнаго содержанія. Эта мудрость всѣмъ доступна и всякому понятна, кто только жаждетъ мудрости: ибо Сократъ, какъ истинный грекъ, есть мудрецъ, а не философъ. Между этими двумя словами большая разница. Мудрецовъ могла производить только древность, гдѣ всѣ стихіи жизни были слиты въ органическое цѣлое и единое, гдѣ жрецъ, ученый, художникъ, купецъ, воинъ, прежде всего, былъ человѣкомъ и гражданиномъ; гдѣ гуманическое начало развивалось въ человѣкѣ прежде всего, гдѣ воспитаніе было столько же развитіемъ тѣла, сколько и духа, на томъ основаніи, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать здоровая душа; гдѣ мыслить значило вѣровать, и вѣровать значило мыслить; гдѣ имѣть нравственное убѣжденіе значило быть всегда готовымъ умереть за него; гдѣ наука и искусство не отдѣлялись отъ жизни, и образъ мыслей отъ образа жизни; гдѣ гражданинъ былъ участникомъ и въ правленіи и въ жречествѣ; гдѣ воинъ, въ мирное время, учился мудрости и наслаждался искусствомъ; а ученый, артистъ и ораторъ, во время войны, сражались за отечество и умирали за него; гдѣ праздники были столько же религіозными, сколько эстетическими, общественными, государственными и національными... Греція въ особенности была такою страною въ древности, и только она могла произвести такого мудреца, какъ Сократъ, который поучалъ мудрости, бесѣдуя съ народомъ на площадяхъ, въ собраніяхъ, въ торжествахъ, въ темницахъ,—вездѣ, гдѣ могъ сойтись и встрѣтиться съ человѣкомъ... Наше время—время не мудрецовъ, а философовъ, не людей, а книжниковъ, ученыхъ... Это потому, что многосторонніе и безконечно-разнообразные, въ сравненіи съ древностью, элементы новой жизни до сихъ поръ еще въ броженіи, до сихъ поръ еще не примирились и не слились въ единое и цѣлое. Въ наше время, всѣ—или штатскіе, или военные, или мѣщане, купцы, художники, ученые, земледѣльцы, все, что угодно—только не «люди»; титло «человѣка» священно и велико только на словахъ да въ книгахъ, а въ жизни о немъ никто не заботится, никто не спрашиваетъ... Въ юности мы учимся всѣмъ наукамъ, исключая той, которая научаетъ каждаго быть человѣкомъ. Званіе такое то можетъ въ наше время избавлять отъ обязанности знать что-нибудь внѣ его сферы: званіе ученаго, напримѣръ, позволяетъ быть трусомъ, блѣднѣть и прятаться при звукѣ оружія. Но всего грустнѣе, что не только званіе, но даже всемірная слава философа у насъ не только избавляетъ отъ обязанности считать себя въ какихъ бы то ни было кровныхъ связяхъ съ обществомъ и народомъ, но еще какъ-бы поставляетъ въ обязанность считать для себя за честь быть выше общества и современности... Оттого-то въ наше время иной философъ, пока на каоедрѣ—Промеоей, рѣшительный Промеоей; слушаешь и дивишься,

какъ одинъ человѣкъ можетъ вмѣстить въ себѣ столько мудрости, столько знанія!.. Но придите въ домъ къ этому Промееею: Боже мой, какое превращеніе! Филистеръ, мѣщанинъ, человѣкъ, котораго вся поэзія жизни ограничена какою-нибудь кухаркою-женою, трубкою кнастера и кружкою пива... На каѳедрѣ—ему, кажется, только и бесѣдовать бы что съ богами; а въ жизни—это одинъ изъ почтеннѣйшихъ членовъ бюргер-клуба... На каѳедрѣ—это герой истины, готовый защищать ее, логическими построеніями, противъ всей вселенной; а въ жизни—это человѣкъ, хорошо вытвердившій правило «мое дѣло—сторона», и живущій въ ладу со всякою дѣйствительностью, равно счастливый при всякихъ обстоятельствахъ. Удивительно ли, что философія въ наше время производитъ только школьныя партіи, и что жизнь также не хочетъ ее знать, какъ и она не хочетъ знать жизнь?.. А художникъ нашего времени?.. Онъ живетъ въ прошедшемъ, поетъ, какъ птица и подобно птицѣ перепархиваетъ съ вѣтки на вѣтку, ища мѣстечка, гдѣ бы ему было получше!.. Не такова была древность—эта великая школа людей и мужей, гдѣ самыя женщины были героинями своихъ обязанностей, и будучи женами и матерями, умѣли быть и гражданками, гдѣ художники и ученые были не птицами и не педантами, а тайниками, хранителями прометеева огня національной жизни... Тамъ слово было дѣломъ, и дѣло было словомъ, мысль—фактомъ, и фактъ—мыслью. — —

Мы смѣло можемъ сказать, что г. Карповъ, если онъ кончитъ изданіе своего перевода, совершитъ подвигъ столько же гражданскій, сколько и ученый. Это великая заслуга передъ обществомъ, это безцѣнный подарокъ его настоящему и будущему. Изученіе классической древности въ новѣйшей Европѣ положено краеугольнымъ камнемъ публичнаго воспитанія юношества,—и въ этомъ видна глубокая мудрость. Есть люди, которые кричатъ: зачѣмъ намъ нѣтъ спасенія безъ грековъ и римлянъ? зачѣмъ непремѣнно изучать греческій и латинскій, а не санскритскій, или не арабскій языкъ, если ужъ безъ древнихъ языковъ нельзя обойтись? Затѣмъ, милостивые государи, что связь новѣйшей Европы съ Индіею и Аравіею гораздо отдаленнѣе, нежели съ Греціею и Римомъ. То родство въ двадцатомъ колѣнѣ, а это родство—близкое, кровное. Изученіе классической древности преобразовало Европу, свергло тысячелѣтнія оковы съ ума человѣческаго, способствовало освобожденію отъ инквизиціи и тому подобныхъ человѣколюбивыхъ и кроткихъ мѣръ къ спасенію душъ. Законодательство римское замѣнило, въ новѣйшей Европѣ, феодальную тиранію правомъ, на разумѣ основаннымъ. Древняя Греція и Римъ—страны духа, впервые освободившагося отъ деспотическаго владычества природы, представитель котораго Азія. Тамъ, на этой классической почвѣ, развились сѣмена гуманности, гражданской доблести, мышленія и творчества; тамъ начало всякой разумной общественности, тамъ всѣ ея первообразы и идеалы. Правда, тамъ общество, освободивъ человѣка отъ природы, слишкомъ и покорило его себѣ. Зато средніе вѣка ужъ слишкомъ освободили его отъ обще-

ства и внали въ другую крайность. Теперь настаетъ время примиренія этихъ двухъ крайностей, во имя *среднихъ вѣковъ* и *древняго міра*; слѣдовательно, Греція и Римъ и теперь еще живутъ и дѣйствуютъ въ насъ, къ нашему благу и нашему преуспѣянію въ осуществленіи на дѣлѣ *идеальной* истины, которая одна только истинна, ибо всякая эмпирическая истина—ложь. — —

62. **Наши**, списанные съ натуры Русскими. Выпускъ двѣнадцатый. **Няня**. Соч. ****вой*.

Статья «Няня» служитъ новымъ доказательствомъ, что русскія дамы могутъ писать—по крайней мѣрѣ, не хуже русскихъ мужчинъ... Русская няня изображена тутъ вѣрно и живописно. Какъ и слѣдуетъ, она является въ статьѣ ангеломъ-хранителемъ дитяти, любитъ его безсознательно, страдаетъ его страданіями, радуется его радостями. Впрочемъ, это только одна сторона русской няни, любящей до самоотверженія, но и необразованной, и грубой, и переполненной всевозможными предразсудками черни. Жаль, что даровитая писательница только слегка коснулась другой стороны няни, едва намекнувъ, какъ няня балуетъ дѣтей глупымъ потворствомъ и грубымъ заступничествомъ передъ гувернантками, на которыхъ, за ихъ справедливую строгость къ дѣтямъ, уже вышедшимъ изъ-подъ ея надзора, ворчитъ и злится за-глаза и въ-глаза. Тутъ можно было бы нарисовать широкую картину, какъ няня, всегда балуя младшихъ на счетъ старшихъ, озлобляетъ послѣднихъ чувствомъ несправедливости, и изъ тѣхъ и другихъ ангело-подобныхъ существъ подготовляетъ исподволь существа, совсѣмъ не похожія на ангеловъ... А, впрочемъ, она ихъ любитъ страстно и нѣжно, только безсознательно, какъ любятъ животныя и люди невѣжественные, какъ любятъ коровы телятъ, а куры цыплятъ, какъ любятъ русскія няни порученныхъ ихъ заботливости чужихъ дѣтей... Потомъ не мѣшало бы замѣтить, какъ эти няни портятъ воображеніе дѣтей страшными разсказами о привидѣніяхъ и тому подобныхъ вздорахъ, которые сильно впечатлѣваются въ юномъ мозгу и, вслѣдствіе этого, часто одолѣваютъ разсудокъ взрослыхъ людей... Еще замѣтимъ, что никакъ нельзя согласиться съ мыслью сочинительницы статьи, будто бы нянею, въ смыслѣ ангела-хранителя дѣтей, обязаны мы только крѣпостному сословію. Причина любви старухъ къ дѣтямъ лежитъ въ натурѣ человѣка; старость вездѣ и всегда другъ дѣтства, а дѣтство—другъ старости. Дитя любитъ свою «бабу» (т. е. мать отца или матери) едва ли не болѣе, чѣмъ мать свою, ибо первая—такъ какъ для нея нѣтъ уже въ жизни никакихъ другихъ интересовъ—занимается имъ съ какою-то неизъяснимою преданностью.

Изложеніе и вообще языкъ статьи «Няни»—просто прелесть; всѣ подробности такъ вѣрно схвачены съ натуры, такъ мастерски перепесены на бумагу, что, читая, будто видишь все на самомъ дѣлѣ. Какъ, наприм., хорошо вотъ это:

Больше всего досаждаютъ ей старшія дѣти, которыя, играя у столика въ углу комнаты, не смотря на всѣ ея просьбы и угрозы, шумятъ и спорятъ.

«Анна Александровна», говоритъ няня строгимъ голосомъ, обращаясь къ старшей дѣвочкѣ лѣтъ пяти, большой проказницѣ: «Бога ты не боишься!.. сестрица почиваетъ... Не шуми, а не то я тебя...».

Не успѣла она выговорить слова, вдругъ—или дѣти не поладили между собою, или нечаянно—только оловянный сервизъ полетѣлъ со стола на полъ. Въ эту минуту стоитъ взглянуть на испуганную няню!

«Безстыдница!» шепчетъ она и, вооруживъ гребенкою одну руку, сжавъ въ кулакъ другую, летитъ съ распущенными волосами на дѣтей.

«Убью на мѣстѣ!» говоритъ няня, приближаясь къ маленькой Анютѣ, которая какъ цыпленокъ отъ коршуна, прижалась къ спинкѣ своего стульчика, приподнявши надъ головою обѣ ручки въ защиту, и лепечетъ умоляющимъ голосомъ: «няненька, миленькая, не я, право, не я».

«И не я,—прерываетъ мальчикъ,—сервизъ самъ упалъ». Но няня, не слушая ихъ, схватила обоихъ за руки и выпихнула въ другую комнату, ворча имъ вслѣдъ: «вѣдь вы сдѣлаете сестру уродомъ: ахъ ты, Господи! прости мнѣ мои согрѣшенія!—продолжаетъ она, осторожно запирая за ними двери,—наказаніе Божье съ этими дѣтьми: долго ль до бѣды!»

Но можно ли повѣрить ея жестокосердію? Она готова за каждаго изъ дѣтей душу отдать, и даже старшія, отъ которыхъ она немного отвыкла, ей во сто разъ дороже самой себя. Когда, во время сна Машеньки, она сидитъ у окна, съ очками на носу, и штопаетъ чулки, надо видѣть, какое негодованіе изображается на ея лицѣ, если до нея долетаютъ угрозы нѣмки на Анюту или Ѳедю.

Няня потряхиваетъ головою и бормочетъ про-себя: «Охъ ужъ эта мнѣ проклятая чухонка! вишь какъ она ихъ мучитъ! Словно за душу тянетъ... и барынѣ-то охота давать дѣтей ей въ руки».

Но шумъ въ сосѣдней комнатѣ увеличивается, и наконецъ Анюта входитъ къ нянѣ вся въ слезахъ. «Это что?» вскрикиваетъ няня: «стыдись, сударыня!.. стыдись плакать», продолжаетъ она, смягчивъ голосъ.

«Миленькая няня, Шарлотта Карловна все бранится», жалобно отвѣчаетъ малютка.

«Оттого, что ты ее не слушаешься», продолжаетъ няня, принимая на себя менторскій видъ. «*Уничтожь*», сударыня, *прекрати* ты свой характеръ». Потомъ, вынимая изъ кармана какую то давно лежащую въ немъ конфетку, она, отерши слезы Анюты, говоритъ: «На-ко, заѣшь горе, горемычная ты моя: ну, *чортъ бы ее взялъ, твою гувернантку*... На-ко *пососи сладенькаго*».

Если на бѣду Шарлотта Карловна, входя въ эту минуту, требовала, чтобы Анюта шла за нею, Агаоья Семеновна не можетъ воздержаться, чтобъ не сдѣлать ей выговора съ досадою. «Какъ вамъ не стыдно, Шарлотта Карловна! всегда дитя раздразните; и что она вамъ сдѣлала?.. У меня сидитъ умнешенька, а лишь попадетъ къ вамъ, такъ и пошли жалобы, да слезы... *Диви* кабы своенравна была, а въ ней *хитрости ни на синь порохъ* нѣтъ».

Съ этими словами она вынимаетъ изъ кармана табакерку и, понюхивая табачокъ съ разстановками, говоритъ вполголоса уходящей нѣмкѣ, которая по-нѣмецки что-то объясняетъ Анютѣ: «Толкуй ты тутъ! А у самой ни ложки, ни плошки. Нищей взяли въ домъ! Давно ль такъ спѣсива стала?.. Дискать мамзель, а такая же холопка какъ нашъ братъ...».

Да, это няня, живая русская няня! Скажите, много ли у насъ литераторовъ, которые бы такъ же умѣли изображать разныя стороны нашей общественности! Право, для спасенія чести современной русской литературы, безвременно погибающей отъ нравственно-сатирическихъ шмелей и другихъ дрянныхъ и докучныхъ насѣкомыхъ, одно только средство—просить дамъ, чтобъ онѣ побольше писали по-русски... — —

63. Драматическія Сочиненія и Переводы *Н. А. Полевого.* С.-Петербургъ. 1842. Двѣ части I—II.

— — Гордое презрѣніе къ посредственности—одно изъ свойствъ юности: оно происходитъ изъ любви къ высокому и истинному, изъ внутренняго ясновидѣнія идеала высшей жизни. Довольство тѣмъ, что есть, безъ требованія того, чего еще нѣтъ, но безъ чего не для чего жить, примиреніе съ окружающею дѣйствительностью, терпимость посредственности—вотъ первые страшные предшественники наступающей старости. Кто окунется въ омутъ жизни, кто привыкнетъ къ житейскому, прозаическому, мелочному и посредственному—до того, что съ убѣжденіемъ и самодовольствомъ возьметъ въ немъ свою роль и, какъ успѣху, радъ будетъ ей: тотъ уже старикъ, хилый старикъ! Тускнѣютъ его дряхлыя очи, и сквозь покрывшую ихъ мутную влагу не могутъ разсмотрѣть ничего юнаго и великаго: оно возбуждаетъ въ нихъ только кропотливое ворчаніе, которымъ означается порицанье всего новаго и похвала всему старому! Отнимается у нихъ даже свѣтлое воспоминаніе о ихъ невозвратно-погибшей юности, и они называютъ безумствомъ гордые помыслы и благородные порывы своихъ юныхъ лѣтъ; они помнятъ въ нихъ только сильный аппетитъ да крѣпкій сонъ; они хвалятъ свое время не за то, что было въ немъ безусловно-прекраснаго, а за то только, что оно было ихъ время...— —

*64. **Общая реторика.** *Н. Кошанскаго.* Изданіе седьмое. С.-Петербургъ. 1842.

«Словесныя науки (говоритъ сочинитель этой реторики) дѣлятся на три главныя части: *грамматику*, *реторику*, *поэзію* (?!..) и граничатъ съ *эстетикою* (??!!). Всѣ онѣ разсматриваютъ *даръ слова*, *силы его* и *дѣйствія*; но каждая имѣетъ *свой* предметъ, *свою* цѣль, *свои* предѣлы. Каждая, какъ наука, имѣетъ свою *теорію* и, какъ искусство, свою *практику*».

Доселѣ мы думали, что *поэзія* есть искусство, и что нѣтъ на свѣтѣ науки, которая называлась бы *поэзіею*, но г. Кошанскій открылъ намъ глаза. Благодаря ему, мы теперь знаемъ, что есть наука, называемая *поэзіею*. Впрочемъ, открытіе г. Кошанскаго только въ половину ново: и до него знали всѣ, что есть что-то вродѣ науки, называемое *піитикою;* стало-быть, г. Кошанскому принадлежитъ только честь переименованія *піитики* въ *поэзію*. Но что значатъ его слова, что словесныя науки, т. е. грамматика, реторика и поэзія, *граничатъ съ эстетикою?* И что такое разумѣетъ онъ подъ «эстетикою»?—«Въ эстетикѣ (говоритъ онъ) хранятся *мечтательныя начала* не только словесныхъ наукъ, но и всѣхъ искусствъ изящныхъ». Итакъ, эстетика, по опредѣленію г. Кошанскаго, есть кладовая, въ которой хранятся *мечтательныя начала* всѣхъ изящныхъ искусствъ! Чего же лучше?

«Грамматика, занимаясь словами, разсматриваетъ ихъ: 1) порознь (*этимологія*), 2) въ связи (*синтаксисъ*), 3) въ начертаніи (*орѳографія*), 4) въ произношеніи (*просодія*). *Поэзія*, какъ преимущественный органъ чувствованій, выражаетъ ихъ: 1) въ лицѣ самого поэта (*лирическая*), 2) въ другихъ лицахъ, поэтомъ созданныхъ (*драматическая*).

Какъ много сказано въ немногихъ словахъ! Во-первыхъ, мы узнаемъ, что поэзія есть преимущественный органъ чувствованій; потомъ, что *лирическая* поэзія выражаетъ чувствованія въ лицѣ самого поэта, *драматическая*—въ другихъ лицахъ, созданныхъ поэтомъ, а *эпическая* ничего не выражаетъ, почему г. Кошанскій и не упомянулъ о ней... Но далѣе—

«*Реторика*, имѣя предметомъ мысли, показываетъ: 1) откуда онѣ почерпаются (*изобрѣтеніе*), какъ приводятся въ порядокъ (*расположеніе*), 3) какъ излагаются (*выраженіе мыслей*). Итакъ...

«Реторика (вообще) есть наука *изобрѣтать*, *располагать* и *выражать* мысли, и (въ особенности) руководство къ познанію всѣхъ прозаическихъ сочиненій».

Удивительная наука—эта реторика г. Кошанскаго! Человѣкъ, напримѣръ, ограниченъ отъ природы, или просто глупъ, ничему не учился, ни о чемъ не думалъ, и между тѣмъ хочетъ быть сочинителемъ: вы думаете, не быть ему сочинителемъ, нельзя ему быть сочинителемъ? Ошибаетесь: ему стоитъ только выучить наизусть реторику г. Кошанскаго—и онъ будетъ знатнымъ сочинителемъ. Что за нужда, что у него нѣтъ мыслей! Г. Кошанскій научитъ его *изобрѣтать* мысли, и притомъ самымъ простымъ образомъ: именно по вопросамъ: *quis? quid? ubi? quibus auxiliis? cur? quomodo? quando?* А ужъ если мысли *изобрѣтены*, то выучиться *располагать* и *выражать* ихъ—сущіе пустяки!..

1843 г.

65. Русская литература въ 1842 г.

— — Новый дѣтскій журналъ «Звѣздочка», издаваемый г-жею Ишимовою, оправдалъ ожиданія публики и рекомендаціи другихъ журналовъ. Вѣрный своему назначенію, онъ доставлялъ своимъ маленькимъ читателямъ сколько пріятное и разнообразное, столько и полезное чтеніе. Слогъ статей его не оставляетъ желать ничего лучшаго. — —

.66 Сельское чтеніе. *Книжка, составленная изъ трудовъ: А. Ѳ. Вельтмана, Н. С. Волкова, С. С. Гадурина, В. И. Даля, П. И. Иванова, М. Н. Загоскина, П. И. Побѣдина, К. Ѳ. Энгельке, княземъ* В. Ѳ. Одоевскимъ *и* А. П. Заблоцкимъ. *Санктпетербургъ. 1843.*

Эта книга, не принадлежа собственно къ тому, что обыкновенно называется «литературою», тѣмъ не менѣе, принадлежитъ къ важнѣйшимъ произведеніямъ современной литературы, и вѣсомъ своей внутренней цѣнности перетянетъ многіе пуды романовъ, повѣстей, драмъ—даже «патріотическихъ». Явленіе такой книжки, какъ «Сельское Чтеніе», должно радовать всякаго *истиннаго* патріота, всякаго друга общаго добра. Бѣдна наша учебная литература, бѣднѣе ея наша дѣтская литература, и мы сказали бы, что бѣднѣе всѣхъ ихъ наша простонародная литература, если бы только у насъ существовала какая-нибудь литература для простого народа. Цѣлыя горы бумаги ежегодно печатаются для него подъ названіемъ «Похожденій Георга Аглицкаго Милорда», «Похожденій Ваньки Каина», «Анекдотовъ о Ба-

лакиревѣ» и сѣробумажныхъ книгъ, вродѣ «Разгулья Купеческихъ Сынковъ въ Марьиной Рощѣ», «Козла Бунтовщика» и т. п. Всѣ эти пошлости расходятся: стало быть, ихъ покупаютъ и читаютъ. Но какая же польза отъ этихъ книгъ? Пользы никакой, а вредъ можетъ быть: отъ нихъ только грубѣютъ и безъ того грубыя понятія простолюдина, тупѣетъ и безъ того неизощренная его мыслительная способность. Былъ нѣкогда на Руси почтенный человѣкъ — профессоръ *Николай Кургановъ*; издалъ онъ книжицу, или, лучше сказать, книжищу: „Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вещесловія, съ присовокупленіемъ книги: Неустрашимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты Русскихъ“ и съ таковымъ замысловатымъ эпиграфомъ:

Духовный ли, мірской ли ты? прилежно се читай:
Все найдешь здѣсь, тотъ и другой; но разумѣть смекай.

Книга эта имѣла успѣхъ чрезвычайный: еще въ 1796 году была напечатана она уже *шестымъ* изданіемъ, и до-сихъ поръ еще перепечатывается такъ, какъ была, безъ измѣненій, только развѣ съ выпускомъ кое-гдѣ смысла. Для своего времени эта книга—просто золото; теперь она никуда не годится. И не нашлось на Руси ни одного литератора, который бы издалъ для народа такую же книгу, только сообразную съ требованіями нашего времени, въ отношеніи къ языку и выбору статей! Кромѣ изданной г. Максимовичемъ «Книги Наума о великомъ Божіемъ мірѣ», не было ни одной замѣчательной попытки написать что-нибудь полезное и вмѣстѣ завлекательное для простого народа. Да и самая книжка г. Максимовича оказалась неудовлетворительною. Простой народъ похожъ на ребенка, только говорить съ нимъ еще труднѣе: у ребенка умъ мягокъ, какъ воскъ, и чуждъ всякихъ привычныхъ понятій, а у простого народа умъ и неразвитъ и упрямъ: за него надо приниматься умѣючи и съ толкомъ. Главное правило тутъ—не торопиться, не желать сдѣлать многое вдругъ, не высказывать всего заразъ, и всегда держаться въ уровень съ понятіемъ простолюдина. Избѣгая книжнаго языка, не должно слишкомъ гоняться и за мужицкимъ нарѣчіемъ: простолюдины обыкновенно недовѣрчивы къ собственному способу выраженія, и думаютъ, что бары смѣются надъ ними, говоря *по-печатному* ихъ глупымъ языкомъ. Простота языка должна, въ этомъ случаѣ, быть только выраженіемъ простоты и ясности въ понятіяхъ и въ мысляхъ.

«Сельское чтеніе» вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ. Оно знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не потчуетъ паштетами того, кому калачъ въ сласть и лакомство. Въ книгахъ такого рода обыкновенно думаютъ, что дѣло въ шляпѣ, если наговорили съ три короба нравоученій: «Сельское чтеніе» понимаетъ, въ *какомъ* нравоученіи нуждается нашъ народъ, и, какъ искусный врачъ, оно не лечитъ отъ подагры человѣка, который пьетъ не шампанское, а сивуху. Внушая простому человѣку правила религіи, преданность и благодар-

ность престолу, «Сельское чтеніе» постоянно держится въ сферѣ быта и положенія простого человѣка, —въ сферѣ чисто-практической. — —

Книжка украшена простыми политипажными картинками и виньетками, сообразно содержанію. И это очень хорошо: простые люди, что малыя дѣти—*наглядность* и заохочиваетъ ихъ къ чтенію и помогаетъ понимать читаемое. Картинокъ числомъ семь; изъ нихъ одна — очеркъ съ картины Венеціанова: «Мать, которая учитъ дѣтей своихъ молиться», а другая — очеркъ съ портрета Петра Велнкаго.

Есть люди (какихъ людей не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ!), которые отъ души убѣждены, что крестьянину нужны щи да каша, а грамота безполезна. Слава Богу, время начинаетъ обнаруживать ту великую истину, что безъ ума не будетъ и щей съ кашей, а умъ родитъ грамота. Сверхъ того, нѣтъ ничего труднѣе, какъ вразумлять дикаря: вы хлопочете о его же благѣ, а онъ, если не можетъ оказать вамъ прямого сопротивленія, упрямствомъ своимъ и равнодушіемъ безъ явнаго противодѣйствія разрушаетъ самые лучшіе ваши планы, для выполненія которыхъ вы жертвовали и сномъ и спокойствіемъ, и удовольствіемъ. Вы велите ему сѣять картофель, чтобъ его же спасти отъ голодной смерти, а онъ твердитъ, что *картошка*-трава поганая, проклятая... Но если на свѣтѣ такъ много глупыхъ умниковъ, ханжей и изувѣровъ, которые смотрятъ съ ненавистью на всякое преуспѣяніе, на всякій шагъ впередъ, то утѣшимся мыслью, что на томъ же бѣломъ свѣтѣ бываютъ и люди, твердые волею, свѣтлые умомъ и благословенные Провидѣніемъ на выполненіе и осуществленіе Его благихъ преднамѣреній... И да будутъ честны и славны изъ рода въ родъ имена такихъ людей, подъ просвѣщеннымъ покровомъ которыхъ каждый можетъ возложить свою посильную ленту на алтарь общаго блага!..

67. **Князь Курбскій**, *историческій романъ изъ событій XVI вѣка. Сочиненіе* **Бориса Федорова**. *Въ четырехъ частяхъ. Санктпетербургъ. 1843.*

— — Извѣстно, что сочиненія его, отъ перваго до послѣдняго, по какому-то странному и необъяснимому случаю, всѣми журналами единогласно подвергались и подвергаются жестокимъ насмѣшкамъ и порицаніямъ. О дѣтскихъ книжкахъ его столько наговорено остротъ, и забавныхъ и пошлыхъ, что пересчитать ихъ нѣтъ возможности. Недавно еще одинъ журналъ серьезно разсказывалъ, что дѣтямъ за какую-то шалость предлагали на выборъ два наказанія: чтеніе нравоучительныхъ сказокъ Бориса Михайловича, или розги, и что дѣти избрали послѣднее. *Каллимахъ дѣтскихъ книгъ*. Б. М. (Ѳ)Федоровъ перенесъ эту и тысячи подобныхъ ей насмѣшекъ, съ терпѣніемъ, истинно-стоическимъ. Въ возмездіе за все, онъ только продолжалъ ревностно и неусыпно трудиться на своемъ блестящемъ поприщѣ и, вслѣдъ за осмѣянной книгой, выпускалъ другую, которая подвергалась не лучшей участи. — —

Да, Б. М. Ф(Ѳ)едоровъ, къ несчастію, не только не перестаетъ писать, но даже въ послѣднее время значительно расширилъ кругъ

своей дѣятельности. Крайняя испорченность настоящаго поколѣнія взрослыхъ людей, совершенно не читающихъ сочиненій Бориса Михайловича, внушила ему мысль, что недостаточно заботиться объ исправленіи одного «юношества» тамъ, гдѣ всѣ члены общества заражены пороками. И онъ рѣшился... Продолжая поучать «юношество», онъ двадцать лѣтъ носилъ въ душѣ своей идею о возвращеніи на путь истинный всѣхъ и каждаго, и, наконецъ, издалъ книгу, въ которой филантропическая и глубоко-нравственная идея его является въ полномъ блескѣ. Эта книга—«Князь Курбскій»; она названа еще «историческимъ романомъ изъ событій XVI столѣтія»...

Здѣсь уже не дѣтямъ, но всему человѣчеству, безъ различія пола и возраста, говоритъ Борисъ Михайловичъ, — съ чрезвычайными ошибками противъ грамматики, т. е. синтаксиса и умѣнья ставить знаки препинанія,—что добродѣтель полезна и, рано ли, поздно ли, будетъ торжествовать, а порокъ вреденъ и непремѣнно будетъ наказанъ. — —

68. Русская Грамматика для Русскихъ Виктора Половцова (старшаго). (,) *Напечатанная по Высочайшему соизволенію. Шестое исправленное изданіе. Санктпетербургъ. 1843.*

Грамматика г. Половцова, выходящая уже *шестымъ* изданіемъ, отличается отъ всѣхъ прочихъ русскихъ грамматикъ только своею методою, нынѣ, впрочемъ, принятою всѣми опытными, знающими свое дѣло преподавателями. Переходить отъ анализа къ синтезу, изъ примѣровъ извлекать правила — самая полезная система въ преподаваніи: объ этомъ въ наше время никто уже и спорить не будетъ. Но это болѣе дѣло учителя въ классахъ, нежели составителя систематическаго учебника. Въ этомъ смыслѣ трудъ г. Половцова можно почесть скорѣе вспомогательнымъ средствомъ при изученіи грамматики, нежели полнымъ систематическимъ курсомъ. Для кого онъ назначалъ свою книгу? Для преподающихъ или для учащихся? Для первыхъ, въ видѣ руководства въ классахъ, нуженъ курсъ въ полномъ строгомъ, систематическомъ порядкѣ, курсъ, который до сихъ поръ едва ли мы имѣемъ. Для учениковъ?—всякій согласится, что рѣдкій ребенокъ успѣетъ въ какой-либо наукѣ безъ помощи учителя. Паскаль, на двѣнадцатомъ году самоучкою постигшій эвклидовы начала, для насъ не примѣръ. Но положимъ, что авторъ «Русской Грамматики для Русскихъ» хотѣлъ устроить изученіе своей науки до того, что дитя, читая и перечитывая его книгу, можетъ само собою достигнуть до полнаго свѣдѣнія правилъ отечественнаго языка. Учащійся, положимъ, открываетъ первую страницу и читаетъ: «Человѣкъ прежде всего думаетъ, а потомъ говоритъ. И такъ сперва надобно *искать мысли* (?), находить ихъ, схватывать и удерживать; далѣе сличать ихъ между собою, упрощать, соединять, раздѣлять, распространять и усиливать» и проч.

Мы, знакомые съ теоріею мышленія, скажемъ, что это такое; но сошлемся на всѣхъ дѣтей въ свѣтѣ: поймутъ ли они изъ этого хоть слово. Вы скажете: объяснитъ учитель. Такъ не лучше ли было бы написать такую книгу, въ которой по примѣрамъ, не выходящимъ

изъ круга дѣтскихъ понятій, помаленьку, такъ сказать, по пальцамъ; изъяснить, что такое значитъ мыслить, что такое сличать мысли между собою. Признаемся, мы сами не понимаемъ что такое «искать мысли, схватывать, упрощать мысли».

Какъ скоро дѣло дошло до науки, тутъ главное дѣло система, порядокъ, котораго мы не находимъ въ книгѣ г. Половцова. Онъ безпрестанно переходитъ отъ логическихъ началъ къ законамъ языка, отъ правилъ синтаксиса къ правиламъ, какъ ставить знаки препинанія; потомъ этимологія; потомъ опять правила правописанія... Но иногда, по своей методѣ, онъ переходитъ отъ примѣровъ къ правиламъ, а иногда, вопреки ей (стр. 3), отъ правилъ къ примѣрамъ; кое-что извлечено изъ законовъ разума, что очень-хорошо; а многое излагается такъ, безъ основанія, какъ въ большей части другихъ грамматикъ. — —

Иные примѣры (а ихъ очень много въ книгѣ) выбраны не весьма удачно. Неужели для дѣтей, даже для самыхъ малолѣтнихъ, нечего выбрать изъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина,—а эти писатели будто и не существуютъ для книги г. Половцова; вмѣсто того, онъ извлекаетъ таковыя словеса изъ книги, изданной въ 1762 году:

«Человѣкъ духомъ и жизнью, а не деньгами и пожиткомъ, богатъ. Хотя бъ твои сундуки золотомъ да серебромъ наполнены были, однако, ты отъ сего «щ(сч)ас(т)ливѣйшимъ не з(с)дѣлаешься, ежели въ себѣ спокоенъ и своимъ состояніемъ доволенъ не будешь».

Что за охота пріучать дѣтей къ такому варварскому слогу?

Опечатки въ самой терминологіи еще болѣе умножаютъ темноту и сбивчивость. Вотъ, наприм.: «Первый видъ глагола называется опредѣленнымъ, онъ выражаетъ точность дѣйствія; второй опредѣленнымъ (*вм. неопредѣленнымъ*); онъ означаетъ продолжаемость (*продолжительность?*) дѣйствія». И что такое значатъ точность и неточность дѣйствія?..

*69. **Драгоцѣнный Подарокъ дѣтямъ** *или русская Азбука. Санктпетербургъ. 1843.*

Перевернувъ страницу, на которой напечатано это заглавіе, вы на другой встрѣтите еще заглавіе: «Приложеніе на каждую букву (къ каждой буквѣ?) и (?) съ описаніемъ изображенныхъ предметовъ, приспособленныхъ къ постепенному развитію умственныхъ дѣтскихъ познаній (*умственныхъ познаній?!*)». По этимъ отрывкамъ ужъ можно видѣть, какіе люди готовили этотъ «*Драгоцѣнный* Подарокъ». Въ самомъ дѣлѣ, это одна изъ безчисленныхъ спекуляцій, производимыхъ безграмотностью на счетъ легкомысленныхъ воспитателей и бѣдныхъ дѣтей. Въ «Драгоцѣнномъ Подаркѣ» все то же, что и въ тысячѣ другихъ азбукъ, какія десятками выходятъ каждый годъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Вотъ сначала варварскіе склады: *вздн, взпу, вздра* и проч. Потомъ такъ называемыя нравоучительныя изреченія: «Старайся всегда, любезное дитя, о чистотѣ; содержи всегда въ чистотѣ лице и руки, бѣлье и платье». Это по части нравственности. Или: «Старайся выхвалять съ благодарностью всякую услугу (?): за то

будутъ тебѣ оказывать новыя благодѣянія». Это ужъ по части безнравственности... Въ «Правилахъ Благопристойности и Учтивости» сказано, что «благовоспитанный человѣкъ долженъ укрѣпить сердце свое въ правилахъ добродѣтели, при занятіи (*имъ?*) сидѣть, не наклоняя головы, и имѣть *натуральное положеніе лица*» (?). Потомъ идутъ написанныя книжнымъ, топорнымъ языкомъ повѣсти, выхваченныя изъ «Золотого Зеркала»; далѣе стихи, весьма пригодные для искаженія вкуса; еще далѣе, какъ заведено, цифры и таблица умноженія. За этими вещами слѣдуетъ «Приложеніе», о которомъ мы говорили. На лубочной картинкѣ, приложенной къ буквѣ *В*, изображенъ мужикъ съ коромысломъ на плечѣ, а внизу написано: «Водоносъ, ведры, водопадъ, вороты, вѣникъ». На картинкѣ вѣникъ столько же похожъ на вѣникъ, какъ и на лягушку, а водопада вовсе не имѣется. Въ объясненіяхъ говорится, что «*Вѣникъ* есть связка вѣтвей, срѣзанныхъ обыкновенно съ березы вмѣстѣ съ листьями; употребленіе его всѣмъ извѣстно. Что же касается до *воротъ*, то вы, конечно, хорошо ихъ знаете»... Тутъ и все объясненіе!

*70. **Памятная Книжка для Молодыхъ Людей.** *Санктпетербургъ. 1843.*

Вотъ книжонка, нелѣпѣе которой едва-ли что можно себѣ вообразить! Мы крѣпко подозрѣваемъ, что это должно быть новое твореніе автора «Супружеской Истины», въ началѣ нынѣшняго года насмѣшившей весь читающій русскій міръ. Та же наивная философія, та же дешевенькая мораль, то же дѣтское неумѣніе писать по-русски, та же безграмотность—все то же! Мы сначала думали было, что это совѣты опытнаго врача молодымъ людямъ о сохраненіи и поддержаніи ихъ здоровья, совѣты, основанные на глубокомъ знаніи медицины и изложенные популярно; но, начавъ читать книжку, сейчасъ же увидѣли, что въ ней нѣтъ ничего медицинскаго. Она наполнена моральными разглагольствіями о томъ, что всякій и самъ знаетъ не хуже сочинителя «Памятной Книжки». Понятно, почему этотъ сочинитель такъ скупъ на медицину и такъ щедръ на мораль: первая требуетъ познаній, а о послѣдней можно болтать ничему не учась, ничего не зная. Книжонка же издана явно съ невиннымъ притязаніемъ на карманы молодыхъ людей, а потому и наполнена моральною чепухою. Не угодно ли образчика?

«Не убѣгайте благонравныхъ собраній, добрыхъ *сосѣдовъ* (!) и добрыхъ товарищей: будьте снисходительны и къ худымъ своимъ товарищамъ, не оскорбляйте ихъ, *и такъ ужъ оскорбленныхъ своими проступками*, и ежели можете (,) принимайте участіе въ ихъ разстроенныхъ дѣлахъ, причемъ дѣлая имъ и нѣкоторыя замѣчанія и поученія; можетъ быть ваше се(Ѣ)мя упадетъ на добрую землю—и принесетъ плодъ, и товарищъ вашъ исправится. Тогда представьте себѣ о своей радости *и той невыразимой пріятности* (!!), которую вы будете ощущать: ибо вами обращенъ будетъ заблудшій на путь истины. (Стр. 44).

По мнѣнію сочинителя, это чрезвычайно полезно для здоровья молодыхъ людей. Можетъ быть! Только такой варварскій языкъ и такая безграмотность должны быть очень вредны для ихъ учебной карьеры, и угодивъ сочинителю «Памятной Книжки», они рисковали

бы навѣрное разсориться съ своимъ учителемъ словесности. Вѣдь вѣрно сочинитель назначалъ свою книжонку для молодыхъ людей не старше 14-ти лѣтъ, потому что кто же изъ взрослыхъ сталъ бы читать подобные вздоры?

* **71. Притчи и Повѣсти, избранныя изъ Круммахера.** *Санктпетербургъ. 1843.*

Нѣкогда «Притчи» Круммахера переводились въ одномъ русскомъ журналѣ, вмѣстѣ съ поэмами Байрона. Это было въ «Новостяхъ Русской Литературы», издававшихся покойнымъ Воейковымъ, въ 1822—1826 годахъ. Теперь времена перемѣнились: поэмы Байрона попрежнему читаются и изучаются людьми взрослыми, а притчи Круммахера стали годиться развѣ только для дѣтей. Вѣроятно, разсчитывая на малолѣтнюю публику, г. Фишеръ издалъ «Притчи» Круммахера весьма красиво, съ разными затѣйливыми виньетками и заглавными литерами. Для дѣтей не старше 12-ти лѣтъ Круммахеръ—писатель глубокомысленный и краснорѣчивый. И потому мы совѣвѣтуемъ поторопиться чтеніемъ этого автора всѣмъ дѣтямъ, приближающимся къ полнымъ двѣнадцати годамъ своей жизни, потому что на тринадцатомъ году имъ, можетъ быть, не захочется взять въ руки автора, котораго они вдругъ и въ такое короткое время переросли. Въ изданіи г. Фишера помѣщены далеко не всѣ притчи Круммахера.

72. Сочиненіе Зенаиды Р-вой. *С.-Петербургъ. 1843. Четыре части.*

—— Мы совершенно согласны съ авторомъ на счетъ превосходства женщинъ надъ мужчинами въ дѣлѣ любви; мы принимаемъ это за фактъ, неподлежащій никакому сомнѣнію, и только постараемся, какъ сумѣемъ, объяснить причину такого явленія.

Начнемъ съ того, что женщина болѣе чѣмъ мужчина создана для любви самою природою. Женщина—представительница земного, производительнаго и хранительнаго начала, тогда какъ мужчина представитель начала умственнаго, отвлеченнаго, олимпійскаго. Отсюда происходитъ великая разница въ семейственномъ значеніи женщины и мужчины. Женщина—мать по призванію, по душѣ и по крови. Мать есть понятіе живое, дѣйствительное, фактически существующее, тогда какъ отецъ есть понятіе болѣе или менѣе условное, болѣе или менѣе относительное. Мать любитъ свое дитя сердцемъ, кровью, нервами, любитъ его всѣмъ существомъ своимъ; ея любовь, прежде всего, физическая, естественная, слѣдовательно, любовь по преимуществу, любовь какъ любовь. Она носитъ свое дитя у себя подъ сердцемъ, девять мѣсяцевъ питаетъ и роститъ его своею кровью, чувствуетъ въ себѣ первыя жизненныя его движенія; оно, это дитя—плоть отъ плоти ея и кость отъ костей ея; она рождаетъ его на свѣтъ въ мукахъ и страданіяхъ, и вмѣсто того, чтобъ возненавидѣть, именно за нихъ то, за эти муки и страданія еще болѣе любитъ его. Это малепькое, слабое, крикливое, неопрятное и деспотическое существо, съ перваго дня своего появленія на свѣтъ дѣлается предметомъ нѣжнѣйшихъ попеченій и неусыпныхъ заботъ своей матери: она любуется его безобразіемъ, какъ красотою; его красная, морщиноватая кожа только

манитъ ея поцѣлуи; въ его безсмысленной улыбкѣ она видитъ чуть не разумную рѣчь и готова начать съ нимъ говорить; ей не противно наблюдать за чистотою этого маленькаго животнаго; ей не тяжело не спать ночи, бодрствуя надъ его ложемъ. И она—бѣдная мать—будетъ любить его всегда, и прекраснаго, и безобразнаго, и умнаго и глупаго, и добраго и злого, и добродѣтельнаго и порочнаго, и славнаго и неизвѣстнаго. Она равно рыдаетъ и надъ гробомъ своего дитяти-младенца, и надъ гробомъ своего сына-старика, или своей дочери-старухи. Ангелъ-хранитель младенчества дѣтей своихъ, она другъ ихъ юности, возмужалости и старости. Нѣтъ жертвы, которой бы ни принесла она для дѣтей; ихъ счастье — ея счастье; ихъ несчастье—ея несчастье. Нѣтъ ничего святѣе и безкорыстнѣе любви матери; всякая привязанность, всякая любовь, всякая страсть или слаба, или своекорыстна въ сравненіи съ нею! Любовница, жена любитъ васъ для себя самой, ваша мать любитъ васъ для васъ самихъ. Ея высочайшее счастье видѣть васъ подлѣ себя, и она посылаетъ васъ туда, гдѣ, по ея мнѣнію, вамъ веселѣе; для вашей пользы, вашего счастья она готова рѣшиться на всегдашнюю разлуку съ вами. Конечно, такихъ матерей немного на бѣломъ свѣтѣ; но, вѣдь, и *женщинъ* тоже мало въ этомъ мірѣ, а много въ немъ *самокъ*...

Совсѣмъ иначе любитъ отецъ своихъ дѣтей. Во-первыхъ, онъ любитъ ихъ только тогда, когда и мать ихъ любима имъ; во-вторыхъ, онъ начинаетъ ихъ любить только съ тѣхъ поръ, какъ они начнутъ становиться и милы и забавны. Ихъ крика и докуки онъ не любитъ. Источникъ любви отца къ дѣтямъ всегда или эгоизмъ, или рефлексія, и никогда—природа. «Они *мои* дѣти—они *на меня* похожи—они продолжатъ *мое* имя—я прижилъ ихъ отъ *моей* милой—они обнаруживаютъ большія способности—они много обѣщаютъ въ будущемъ»—думаетъ про себя дражайшій родитель,—и онъ въ восторгѣ отъ мысли, что онъ любитъ своихъ дѣтей, что онъ не только нѣжный супругъ, но и примѣрный отецъ! Правда, и отецъ можетъ страстно любить дѣтей своихъ, когда его съ ними соединитъ нравственное, духовное родство; но такъ же точно можетъ онъ любить и пріемыша, даже еще больше, чѣмъ собственныхъ дѣтей.

Что мать есть понятіе дѣйствительное, а отецъ—понятіе отвлеченное (говоря философскимъ языкомъ), этому можетъ служить доказательствомъ и то, что мать не можетъ не знать, что именно она сама, а не кто-нибудь другая, мать этого ребенка: ибо она девять мѣсяцевъ носила его подъ сердцемъ и въ болѣзняхъ дѣторожденія произвела его на свѣтъ. Отцы считаютъ себя отцами дѣтей своихъ, опираясь только на свидѣтельствѣ женъ своихъ, не всегда непреложно-истинномъ. Для всякаго человѣка—большое несчастіе не знать своей матери; для многихъ большое счастье — не знать своихъ отцовъ...

Всѣ люди равно родятся для любви, и безъ любви ни для кого изъ людей нѣтъ ни истиннаго счастья, ни истинной жизни; но любовь женщины есть болѣе любовь, чѣмъ любовь мужчины; въ любви женщины больше кровнаго, а потому и больше страстнаго,—тогда

какъ въ любви мужчины больше мыслительнаго, если можно такъ выразиться. Давно уже было замѣчено, что женщина мыслитъ сердцемъ, а мужчина и любитъ головою. Эту разницу въ характерѣ любви того и другого пола показали мы въ разницѣ любви матери и любви отца.— —

73. **Сочиненія Александра Пушкина.** *Санктпетербургъ Одинадцать томовъ. 838—84.*

Статья первая.

— — Поэзія предшествовавшей школы пугала женщинъ, а стихи Дмитріева, Карамзина и Нелединскаго-Мелецкаго женщины знали наизусть, ими воспитывались цѣлыя поколѣнія. Карамзина читали всѣ грамотные люди, претендовавшіе на образованность; многихъ изъ нихъ только Карамзинъ и могъ заставить приняться за чтеніе книгъ и полюбить это занятіе, какъ пріятное и полезное. — —

Статья вторая.

— — Законы сердца, какъ и законы разума, всегда одни и тѣ же, и потому человѣкъ, по натурѣ своей, всегда былъ, есть и будетъ одинъ и тотъ же. Но какъ разумъ, такъ и сердце живутъ, а жить— значитъ развиваться, двигаться впередъ; поэтому человѣкъ не можетъ одинаково чувствовать и мыслить всю жизнь свою; но его образъ чувствованія и мышленія измѣняется сообразно возрастамъ его жизни; юноша иначе понимаетъ предметы и иначе чувствуетъ, нежели отрокъ; возмужалый человѣкъ много разнится въ этомъ отношеніи отъ юноши, старецъ—отъ мужа, хотя всѣ они чувствуютъ однимъ и тѣмъ же сердцемъ, мыслятъ однимъ и тѣмъ же разумомъ. Это различіе въ характерѣ чувства и мысли вытекаетъ изъ природы человѣка и существуетъ для каждаго: оно связано съ его неизбѣжнымъ свойствомъ расти, мужать и старѣться физически. Но человѣкъ имѣетъ не одно только значеніе существа индивидуальнаго и личнаго. Кромѣ того, онъ еще членъ общества, гражданинъ своей земли, принадлежитъ къ великому семейству человѣческаго рода. Поэтому онъ—сынъ времени и воспитанникъ исторіи: его образъ чувствованія и мышленія видоизмѣняется сообразно съ общественностью и національностью, къ которымъ онъ принадлежитъ, съ историческимъ состояніемъ его отечества и всего человѣческаго рода. — —

Въ нашемъ идеалѣ общество не угнетаетъ человѣка насчетъ естественныхъ стремленій его сердца, а сердце не отрываетъ его отъ живой общественной дѣятельности. Это не значитъ, чтобъ общество позволяло теперь человѣку, между прочимъ, и любиться, но это значитъ, что уже нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе не должно быть борьбы между сердечными стремленіями и общественнымъ устройствомъ, примиренными разумно и свободно. И въ наше время жизнь и дѣятельность въ сферѣ общаго есть необходимость не для одного мужчины, но *точно такъ же* и для женщины: ибо наше время со-

знало уже, что и женщина *такъ же точно* человѣкъ, какъ и мужчина, и сознало это не въ одной теоріи (какъ это же сознавали и средніе вѣка), но и въ дѣйствительности. Если же мужчинѣ позорно быть самцомъ на томъ основаніи, что онъ человѣкъ, а не животное, то и женщинѣ позорно быть самкой на томъ основаніи, что она — человѣкъ, а не животное. Ограничить же кругъ ея дѣятельности скромностью и невинностью въ состояніи дѣвическомъ, спальней и кухней въ состояніи замужества (какъ это было въ средніе вѣка) — не значитъ ли это лишить ее правъ человѣка, и изъ женщины сдѣлать самку? Но, скажутъ намъ: женщина — мать, а назначеніе матери свято и высоко, она — воспитательница дѣтей своихъ. Прекрасно! Но вѣдь воспитывать не значитъ только выкармливать и выняньчивать (первое можетъ сдѣлать корова или коза, а второе нянька), но и дать направленіе сердцу и уму, — а для этого развѣ не нужно со стороны матери характера, науки, развитія, доступности ко всѣмъ человѣческимъ интересамъ?.. Нѣтъ, міръ знанія, искусства, словомъ, міръ общаго долженъ быть столько же открытъ женщинѣ, какъ и мужчинѣ, на томъ основаніи, что и *она*, какъ и *онъ*, прежде всего— человѣкъ, а потомъ уже любовница, жена, мать, хозяйка и проч. Вслѣдствіе этого отношенія обоихъ половъ къ любви и одного къ другому въ любви дѣлаются совсѣмъ другими, нежели какими они были прежде. Женщина, которая умѣетъ только любить мужа и дѣтей своихъ, а больше ни о чемъ не имѣетъ понятія и больше ни къ чему не стремится, такъ же точно смѣшна, жалка и недостойна любви мужчины, какъ смѣшонъ, жалокъ и недостоинъ любви женщины мужчина, который только на то и способенъ, чтобъ влюбиться, да любить жену и дѣтей своихъ. Такъ какъ истинно человѣческая любовь теперь можетъ быть основана только на взаимномъ уваженіи другъ въ другѣ *человѣческаго достоинства*, а не на одномъ капризѣ чувства и не на одной прихоти сердца, то и любовь нашего времени имѣетъ уже совсѣмъ другой характеръ, нежели какой имѣла она прежде. Взаимное уваженіе другъ въ другѣ человѣческаго достоинства производитъ равенство, а равенство — свободу въ отношеніяхъ. Мужчина перестаетъ быть властелиномъ, а женщина — рабой, и съ обѣихъ сторонъ установляются одинаковыя права и одинаковыя обязанности; послѣднія, будучи нарушены съ одной стороны, тотчасъ же не признаются болѣе и другой. Вѣрность перестаетъ быть долгомъ, ибо означаетъ только постоянное присутствіе любви въ сердцѣ: нѣтъ болѣе чувства — и вѣрность теряетъ свой смыслъ; чувство продолжается—вѣрность опять не имѣетъ смысла: ибо что за заслуга быть вѣрнымъ своему счастью! — —

Въ наше время умный человѣкъ, уже вышедшій изъ пеленъ фантазіи, не станетъ искать себѣ въ женщинѣ идеала всѣхъ совершенствъ,—не станетъ потому, во-первыхъ, что не можетъ видѣть въ самомъ себѣ идеала всѣхъ совершенствъ, и не захочетъ запросить больше, нежели сколько самъ въ состояніи дать, а, во-вторыхъ, потому, что не можетъ, какъ умный человѣкъ, вѣрить возможности осуществленнаго идеала всѣхъ совершенствъ, ибо онъ—опять-таки какъ

умный, а не *фантазирующій* человѣкъ,—знаетъ, что всякая личность есть ограниченіе «всего» и исключеніе «многаго», какими бы достоинствами она ни обладала, и что самыя эти достоинства необходимо предполагаютъ недостатки. Найти одну или, пожалуй, нѣсколько нравственныхъ сторонъ, и умѣть ихъ понять и оцѣнить — вотъ идеалъ *разумной* (а не *фантастической*) любви нашего времени. Красота возвышаетъ нравственныя достоинства; но безъ нихъ красота въ наше время существуетъ только для глазъ, а не для сердца и души. Въ чемъ же должны заключаться нравственныя качества женщины нашего времени? Въ страстной натурѣ и возвышенно-простомъ умѣ. Страстная натура состоитъ въ живой симпатіи ко всему, что составляетъ нравственное существованіе человѣка; возвышенно-простой умъ состоитъ въ простомъ пониманіи даже высокихъ предметовъ, въ тактѣ дѣйствительности, въ смѣлости не бояться истины, ненабѣленной и ненарумяненной фантазіей. Въ чемъ состоитъ блаженство любви по понятію нашего времени? Въ наше время о полномъ безусловномъ счастіи въ любви могутъ мечтать только или отроки, или духовномалолѣтнія натуры. Это, во-первыхъ, потому, что міръ романтизма не можетъ вполнѣ удовлетворить порядочнаго человѣка, а, во-вторыхъ, потому, что наше время какъ-то вообще неудобно для всякаго счастья, а тѣмъ менѣе для полнаго. Возможное счастье любви въ наше время зависитъ отъ способности дорожить одареннымъ благородной душой существомъ, которое, при сердечной симпатіи къ вамъ, столько же можетъ понимать васъ такъ, какъ вы есть (ни лучше, ни хуже), сколько и вы можете понимать его, и понимать въ томъ, что составляетъ принадлежность нравственнаго существованія человѣка. Видѣть и уважать въ женщинѣ человѣка—не только необходимое, но и главное условіе возможности любви для порядочнаго человѣка нашего времени. Наша любовь проще, естественнѣе, но и духовнѣе, нравственнѣе любви всѣхъ предшествовавшихъ эпохъ въ развитіи человѣчества. Мы не преклонимъ колѣнъ передъ женщиной за то только, что она прекрасна собой, какъ это дѣлали греки; но мы и не бросимъ ея, какъ наскучившую намъ игрушку, лишь только чувство наше насытилось обладаніемъ. Это не значитъ, чтобъ наше сердце не могло иногда охладѣвать безъ причины; но для насъ нѣтъ большаго несчастія, какъ, взявъ на себя нравственную отвѣтственность въ счастьѣ женщины, растерзать ее сердце, хотя бы и невольно... Мы ни съ кѣмъ не станемъ драться, чтобъ заставить кого-нибудь признать любимую нами женщину за чудо красоты и добродѣтели, какъ это дѣлали рыцари; но мы уважаемъ ея дѣйствительныя права и, не дѣлая ее своей царицей, не захотимъ видѣть въ ней не только свою рабу, но и низшее (почему-то) насъ существо... Мы не увидимъ въ ней, какъ средніе вѣка, какого-то безплотнаго существа высшей природы, но вполнѣ признаемъ ее *человѣкомъ*... Мать нашихъ дѣтей, она не унизится, но возвысится въ глазахъ нашихъ, какъ существо, свято выполнившее свое святое назначеніе, и наше понятіе о ея нравственной чистотѣ и непорочности не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ грязно-чувственнымъ понятіемъ, какое придавалъ этому предмету

экзальтированный романтизмъ среднихъ вѣковъ: для насъ нравственная чистота и невинность женщины — въ ея сердцѣ, полнотѣ любви, въ ея душѣ, полной возвышенныхъ мыслей... Идеалъ нашего времени — не *дѣва* идеальная и неземная, гордая своей невинностью, какъ скупецъ своими сокровищами, отъ которыхъ ни ему, ни другимъ не лучше жить на свѣтѣ; нѣтъ, идеалъ нашего времени—*женщина*, живущая не въ мірѣ мечтаній, а въ дѣйствительности осуществляющая жизнь своего сердца,—не такая женщина, которая чувствуетъ одно, а дѣлаетъ другое. Въ наше время любовь есть идеальность и духовность чувственнаго стремленія, которое только ею и можетъ быть законно, нравственно и чисто; безъ нея же оно и въ самомъ бракѣ есть униженіе человѣческаго достоинства, грѣховный позоръ и растлѣніе женщины... — —

Говорятъ, что «Эолова Арфа»—оригинальное произведеніе Жуковскаго: не знаемъ; но, по крайней мѣрѣ, достовѣрно то, что она—прекрасное и поэтическое произведеніе, гдѣ сосредоточенъ весь смыслъ, вся благоухающая прелесть романтики Жуковскаго. Эта любовь, несчастная по неравенству состояній, младенчески невинная, мечтательная и грустная, это свиданіе подъ дубомъ, полное тихаго блаженства и трепетнаго предчувствія близкаго горя, и арфа, повѣшенная «залогомъ прекрасныхъ минувшихъ дней», и явленіе милой тѣни одинокой красавицѣ, сопровождаемое таинственными звуками и возвѣстившее утрату всего милаго на землѣ: все это такъ и дышетъ музыкой сѣвернаго романтизма, неопредѣленнаго, туманнаго, унылаго, возникшаго на гранитной почвѣ Скандинавіи и туманныхъ берегахъ Альбіона... Надо живо помнить первыя лѣта своей юности, когда сердце уже полно тревоги, но страсти еще не охватили его своимъ порывистымъ пламенемъ,—надо живо помнить эти дни сладкой тоски, мечтательнаго раздумья и тревожнаго порыванія въ какой-то таинственный міръ, которому сердце вѣритъ, но котораго уста не могутъ назвать,—надо живо помнить это время своей жизни, чтобъ понять, какое глубокое впечатлѣніе должны производить на юную душу эти прекрасные стихи послѣдняго куплета баллады:

И нѣтъ уже Минваны...
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей—
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучатъ.

Минвана—не гордая красавица юга, съ роскошными формами тѣла, огненными глазами, цвѣтущая здоровьемъ, пышущая страстью; нѣтъ, это *блѣдная красота сѣвера*, тихая и кроткая, похожая на какое-то милое, воздушное видѣніе; красота, трогающая своей болѣзненностью, очаровывающая своей томностью, идеалъ романтической красоты и въ особенности идеалъ красоты Жуковскаго... — —

Одинъ добрый пустынникъ разъ завелъ къ себѣ въ лѣсную келью заблудившагося путника,—потомъ узналъ въ немъ свою любезную, послѣ чего, сорвавъ съ себя накладную бороду, Эдвинъ поклялся жить и умереть вмѣстѣ съ Эльвиной. Это, вѣроятно, случилось такъ давно, что теперь трудно и повѣрить, чтобъ когда-нибудь могло случиться. Эдвинъ любилъ Эльвину, но богатый отецъ его запретилъ ему видѣться съ бѣдной дѣвушкой. Что тутъ дѣлать? Не читавшіе этой баллады могутъ подумать, что Эдвинъ былъ школьникъ, котораго отецъ могъ высѣчь за непослушаніе. Ничего не бывало! Онъ былъ малый на возрастѣ, уже знакомый со страстями:

Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ страсти!
И ни одной нѣтъ силы побѣдить...
Какъ не признать отцовской власти?
Но какъ же не любить?

Такъ вотъ что затрудняло и заставляло его страдать! Его отецъ былъ отецъ по понятіямъ среднихъ вѣковъ, т. е. человѣкъ, который за бѣдный даръ жизни считалъ себя вправѣ лишать сына счастья по произволу своей прихоти, другими словами—считалъ сына своимъ рабомъ, своей вещью... Въ наше время отецъ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе: его связываетъ съ дѣтьми не столько кровь, сколько духъ; онъ считаетъ своей заслугой не то, что далъ дѣтямъ своимъ физическое существованіе, но то, что онъ далъ имъ черезъ воспитаніе, основанное на любви, нравственную жизнь. Еслибъ отецъ нашего времени сталъ отнимать у сына счастье его жизни на основаніи собственныхъ корыстныхъ разсчетовъ, всѣ бы увидѣли, что отецъ любитъ себя, а не сына, и тѣмъ самымъ уничтожаетъ свои права надъ нимъ: ибо если нѣтъ любви, связывающей отца съ дѣтьми, то у дѣтей нѣтъ и отца. Но въ средніе вѣка думали объ этомъ иначе, и отецъ считалъ своимъ священнымъ правомъ быть деспотомъ, а сынъ—своей священной обязанностью быть вещью дражайшаго родителя. Такъ думалъ нашъ Эдвинъ, а потому и слегъ съ горя въ постель, рѣшившись смертью окончить жизнь свою; но прежде ему хотѣлось взглянуть на Эльвину, которая, принявъ его послѣдній вздохъ, тоже не захотѣла больше жить и едва успѣла добѣжать до своей матери, какъ и умерла. Вотъ какъ любили прежде и какъ тогда опасно было «дражайшимъ родителямъ» разлучать вѣрныя сердца! Но вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что въ то время, когда появились на русскомъ языкѣ объ эти баллады, онѣ были важны для воспитанія въ обществѣ человѣческихъ чувствъ и не могли не дѣйствовать на нравственное образованіе новыхъ поколѣній. — —

Есть пора въ жизни человѣка, когда грудь его полна тревоги и волнуется тоскливымъ порываніемъ безъ цѣли, когда горячія желанія съ быстротой смѣняютъ одно другое, и сердце, желая многаго, не хочетъ ничего; когда опредѣленность убиваетъ мечту, удовлетвореніе подсѣкаетъ крылья желанію, когда человѣкъ любитъ весь міръ, стремится ко всему и не въ состояніи остановиться ни на чемъ; когда сердце человѣка порывисто бьется любовью къ идеалу и гордымъ презрѣніемъ къ дѣйствительности, и юная душа, расправляя мощныя

крылья, радостно взвивается къ свѣтлому небу, желая забыть о существованіи земного праха. Въ эту пору жизни человѣка любовь робка и стыдлива, жаждетъ одного только сочувствія и удовлетворяется долгимъ взглядомъ, таинствомъ присутствія милаго существа, и за тихое пожатіе руки не пожелаетъ полнаго обладанія. Правда, въ этой порѣ много односторонности, много ложнаго, больше фантазіи, чѣмъ сердца, и за ней непремѣнно должна слѣдовать пора горячаго и тяжелаго разочарованія, для того, чтобъ человѣкъ пришелъ въ состояніе понять истину, какъ она есть, простую и прекрасную собственной красотой, а не радужнымъ нарядомъ фантазіи; чтобъ онъ могъ понять, что вѣчное и безконечное является въ преходящемъ и конечномъ, что идея въ фактахъ, душа въ тѣлѣ... Но эта пора юношескаго энтузіазма есть необходимый моментъ въ нравственномъ развитіи человѣка,—и кто не мечталъ, не порывался въ юности къ неопредѣленному идеалу фантастическаго совершенства, истины, блага и красоты, тотъ никогда не будетъ въ состояніи понимать поэзію—не одну только создаваемую поэтами поэзію, но и поэзію жизни; вѣчно будетъ онъ влачиться низкой душой по грязи грубыхъ потребностей тѣла и сухого, холоднаго эгоизма. Пора безотчетнаго романтизма въ духѣ среднихъ вѣковъ есть необходимый моментъ не только въ развитіи человѣка, но и въ развитіи каждаго народа и цѣлаго человѣчества. Средніе вѣка были этимъ великимъ моментомъ развитія народовъ западной Европы, а слѣдовательно всего человѣчества, и этотъ моментъ всемірно-историческаго развитія выразился въ искусствѣ среднихъ вѣковъ. Мы, русскіе, позже другихъ вышедшіе на поприще нравственно-духовнаго развитія, не имѣли своихъ среднихъ вѣковъ: Жуковскій далъ намъ ихъ въ своей поэзіи, которая воспитала столько поколѣній и всегда будетъ такъ краснорѣчиво говорить душѣ и сердцу человѣка въ извѣстную эпоху его жизни. Жуковскій—это поэтъ стремленія, душевнаго порыва къ неопредѣленному идеалу. Произведенія Жуковскаго не могутъ восхищать всѣхъ и каждаго во всякій возрастъ: они внятно говорятъ душѣ и сердцу въ извѣстный возрастъ жизни или въ извѣстномъ расположеніи духа: вотъ настоящее значеніе поэзіи Жуковскаго, которое она всегда будетъ имѣть.— —

1844 г.

74. Русская литература въ 1843 году.

— — Учебныя книги у насъ можно издавать только при условіи, чтобъ онѣ были приняты въ руководство въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ послѣднее время учебная литература обогатилась многими хорошими книгами, изъ которыхъ первое мѣсто, по достоинству, занимаютъ руководства, изданныя для военно-учебныхъ заведеній. Итакъ, при всей бѣдности ученой и учебной литературы, настоящее время все-таки имѣетъ большое преимущество передъ прежнимъ, когда исторіи г. Кайданова, географіи Зябловскаго, грамматики г. Греча и рето-

рики гг. Толмачева и Кошанскаго — считались отличными учебниками. — —

Общество также—нѣчто дѣйствительное, а не воображаемое, и потому его сущность составляютъ не одни костюмы и прическа, но и нравы, обычаи, понятія, отношенія и т. д. Человѣкъ, живущій въ обществѣ, зависитъ отъ него и въ образѣ мыслей и въ образѣ своего дѣйствованія. Писатели нашего времени не могутъ не понимать этой простой, очевидной истины, и потому, изображая человѣка, они стараются вникать въ причины, отчего онъ таковъ, или не таковъ, и т. д. Вслѣдствіе этого, естественно, они изображаютъ не частные достоинства или недостатки, свойственные тому или другому лицу, отдѣльно взятому, но явленія общія. Большинство же публики именно тамъ-то и видитъ личности, гдѣ ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Прежніе такъ-называемые сатирики именно списывали съ извѣстныхъ имъ лицъ—и казались въ глазахъ всѣхъ неподлежащими упреку въ личностяхъ. И это очень понятно: сами оригиналы не узнавали себя въ снятыхъ съ нихъ копіяхъ, потому что сатирики не могли печатно касаться обстоятельствъ того или другого лица и ограничивались общими чертами пороковъ, слабостей и странностей, которыя, будучи *отвлечены* отъ живой личности, превращались въ образы безъ лицъ. Притомъ же, эти *сатирики* смотрѣли на пороки и слабости людей, какъ на что-то принадлежащее тому или другому индивидуальному лицу, какъ на что-то произвольное, что это лицо могло имѣть и не имѣть по своей волѣ и что пріобрѣсти или отъ чего избавиться оно легко могло по прочтеніи убѣдительной сатиры, гдѣ ясно, по пальцамъ, доказана выгода и сладость добродѣтели и опасныя, пагубныя слѣдствія порока. Вотъ почему эти добрые сатирики брали человѣка, не обращая вниманія на его воспитаніе, на его отношенія къ обществу, и тормошили на-досугѣ это созданное ихъ воображеніемъ чучело. Въ основаніе своего сатирическаго донъ-кихотства они положили общественную нравственность, добродушно не подозрѣвая того, что ихъ сатиры, опирающіяся на общественную нравственность, ужасно противорѣчили этой нравственности. Такъ, наприм., въ числѣ первыхъ добродѣтелей они полагали безусловное повиновеніе родительской власти, и въ то же время толковали юношеству, что бракъ по разсчету—дѣло безнравственное, что низкопоклонство, лесть изъ выгодъ, взяточничество и казнокрадство—тоже дѣла безнравственныя. Очень хорошо; но что же иному юношѣ дѣлать, если онъ съ малолѣтства, почти съ материнскимъ молокомъ, всосалъ въ себя мистическое благоговѣніе къ доходнымъ должностямъ, теплымъ мѣстамъ, къ значительности въ обществѣ, къ богатству, къ хорошей партіи, блестящей карьерѣ; если его младенческій слухъ былъ оглашенъ не словами любви, чести, самоотверженія, истины, а словами: *взялъ*, *получилъ*, *пріобрѣлъ*, *надулъ* и т. п.? Положимъ, что *такому* юношѣ природа не отказала въ человѣческихъ чувствахъ и стремленіяхъ; положимъ, что въ немъ пробудилась любовь къ достойной, но бѣдной, простого званія дѣвушкѣ, любовь, запрещающая ему соединиться съ противною ему богатою дурою, на которой, по разсчетамъ, приказы-

ваютъ ему жениться; положимъ, что въ юношѣ пробудилось человѣческое достоинство, запрещающее ему кланяться богатому плуту, или чиновному негодяю; положимъ, что въ немъ пробудилась совѣсть, запрещающая употреблять во зло ввѣренные ему высшею властью вѣсы правосудія и расхищать ввѣренныя его безкорыстію общественныя суммы; что ему тутъ дѣлать? Сатирикъ не затруднится отъ такого вопроса и, не задумавшись, отвѣтитъ: «жениться на предметѣ любви своей, служить честно и вѣрно отечеству»... Прекрасно; но гдѣ же повиновеніе родительской власти, гдѣ уваженіе къ родительскому благословенію, навѣки нерушимому, гдѣ страхъ тяжкаго отцовскаго проклятія?.. И потомъ, гдѣ уваженіе къ общественному мнѣнію, къ общественной нравственности? Вѣдь, общество не спрашиваетъ, по любви или не по любви женились вы, а спрашиваетъ, сколько вы взяли за женою, и приличная ли она вамъ партія; общество не спрашиваетъ васъ, какимъ образомъ сдѣлались вы богачемъ, когда ему извѣстно, что вашъ батюшка не оставилъ вамъ ни копейки, а за супругою вы взяли не Богъ знаетъ что, или и вовсе ничего не взяли: общество знаетъ только, что вы богачъ, и *потому* считаетъ васъ очень хорошимъ—«благонамѣреннымъ» человѣкомъ... Послушайся нашъ юноша сатирика, что бы вышло?—отецъ его бросилъ бы, жалуясь на неповиновеніе и презрѣніе къ его власти; потомъ, онъ прошелъ бы, съ женою и дѣтьми, черезъ всѣ мытарства, черезъ всѣ униженія голодной, неопрятной, оборванной бѣдности; видѣлъ бы къ себѣ презрѣніе общества, а за свою правоту, за свое безкорыстіе былъ бы заклейменъ отъ всѣхъ страшными названіями безпокойнаго, опаснаго и «неблагонамѣреннаго» человѣка, вольнодумца и проч., и проч. И неужели вы, «благонамѣренные» сатирики, бросите въ него камень осужденія, если, истощась и обезсилѣвъ въ тяжелой и безплодной борьбѣ, онъ дойдетъ до страшнаго убѣжденія, что его бѣдность, его несчастія — необходимыя слѣдствія отцовскаго гнѣва, заслуженная кара за презрѣніе общественнаго мнѣнія и общественной нравственности?.. Но, къ счастью или къ несчастью—не знаемъ, право,—такіе случаи весьма рѣдки, какъ исключенія изъ общаго правила. По большей части бываетъ такъ: юноша недолго колеблется между любовью и выгодною женитьбою, между «завиральными идеями» о безкорыстіи и правотѣ и уваженіемъ общества: онъ женится на комъ прикажутъ дражайшіе родители, живетъ съ женою какъ всѣ, т. е. прилично содержитъ ее, воспитываетъ дѣтей своихъ какъ всѣ, т. е. прилично кормитъ и одѣваетъ ихъ, учитъ по-французски и танцовать, а послѣ этого перваго и важнѣйшаго періода воспитанія отдаетъ въ учебное заведеніе, потомъ выгодно пристраиваетъ въ службу, выгодно женитъ (или выдаетъ замужъ) и, умирая, отказываетъ имъ «благопріобрѣтенное» на службѣ имѣніе. И что же? Въ началѣ его поприща всѣ превозносятъ его, какъ почтительнаго сына, въ концѣ поприща—какъ нѣжнаго супруга, примѣрнаго отца, «благонамѣреннаго» чиновника и заключаютъ такъ: «вотъ что значитъ уваженье къ общественной нравственности! вотъ что значитъ родительское благословеніе, навѣки нерушимое!» Итакъ, нашъ «благонамѣренный» сатирикъ, бичъ

пороковъ самымъ нелѣпымъ образомъ противорѣчилъ самому себѣ: поставивъ выше всѣхъ добродѣтелей повиновеніе не Богу, не истинѣ, а эгоистическимъ разсчетамъ, онъ въ тоже время училъ юношу слѣдовать свободному выбору сердца, какъ знаменію благословенія Божія, и запрещалъ ему торговать священнѣйшими склонностями своей души; поставивъ выше всякой награды любовь и уваженіе общества, онъ въ то же время училъ юношу оскорблять основныя правила этого самаго общества... Впрочемъ, онъ это дѣлалъ, самъ не зная, что дѣлаетъ, и потому его сатиры не производили никакихъ слѣдствій. ——

75. Семейство или Домашнія радости и Огорченія. *Романъ шведской писательницы Фредерики Бремеръ. Переводъ съ подлинника. Санктпетербургъ. 1842.*

—— Въ наше скептическое время, скорѣе повѣрятъ существованію волшебниковъ и кудесниковъ, чѣмъ существованію «счастья». Ему вѣрятъ теперь только безбородые юноши, да мечтательныя дѣвы; послѣднія вѣрятъ жарче первыхъ, но не дальше, какъ только до замужества; а если онѣ остаются на всю жизнь дѣвицами, то и до гробовой доски вѣрятъ счастью и мечтаютъ о немъ. Это исключительная привилегія старыхъ дѣвъ,—да и что имъ было бы дѣлать на свѣтѣ, если-бъ онѣ не вѣрили въ счастье и не мечтали о немъ?.. Фредерика Бремеръ тѣмъ съ большимъ убѣжденіемъ и большимъ жаромъ вѣритъ въ счастье семейной жизни, что сама имѣетъ ни съ чѣмъ несравнимое преимущество быть «дѣвою», и притомъ уже, кажется, такою, которая годится Минервѣ въ ровесницы не по одному уму. Это очень выгодное обстоятельство для дѣла, котораго адвокатомъ явилась Фредерика Бремеръ; блаженство, которое мы знаемъ только въ мечтахъ, всегда кажется намъ лучше, выше, обольстительнѣе блаженства, которое извѣдано нами на самомъ дѣлѣ. И потому, Фредерика Бремеръ съ восхищеніемъ, съ энтузіазмомъ описываетъ счастье семейной жизни, такъ что вы съ первыхъ же страницъ тотчасъ видите, что сочинительница не была, а только желала страстно быть замужемъ. Это, разумѣется, столько же выгодно для романа, сколько вредно для юныхъ читателей, особенно читательницъ, и особенно читательницъ безъ приданаго: бѣдняжки сейчасъ ударятся въ розовыя мечты о счастьѣ и о *немъ*,—и каково же будетъ ихъ разочарованіе, когда ни одинъ «онъ» ни въ грошъ не оцѣнитъ ихъ прекрасной души, которая, какъ ни хороша, а все-таки совсѣмъ не то, что «души!..» Каково будетъ разочарованіе и тѣхъ юныхъ читательницъ, которыя, съ склонностью къ мечтательности, владѣютъ и «дѣйствительными достоинствами», т. е. приданымъ? Бѣдняжки, пожалуй, потребуютъ отъ своихъ мужей любви и счастья, не подозрѣвая, въ простотѣ сердца, что любовь и счастье, при деньгахъ, совершенно лишнія и даже вредныя вещи, какъ лекарство при здоровьѣ. Сначала имъ будетъ больно, а потомъ онѣ возненавидятъ всѣ эти романы, которые такъ добросовѣстно лгутъ и такъ благонамѣренно обманываютъ дѣтей, заранѣе ставя ихъ въ ложное положеніе къ дѣйствительности, вмѣсто того, чтобъ заранѣе знакомить ихъ съ «дѣйствительностью»...

И, однакожъ, Фредерика Бремеръ не буквально повторила собою Августа Лафонтена: она, какъ-бы противъ воли своей, принуждена была сдѣлать значительную уступку духу времени: въ заглавіи ея романа стоятъ не однѣ «радости» семейныя, но и «огорченія». А! такъ эта утопія имѣетъ и свои огорченія, даже и въ романахъ! Прочтите романъ г-жи Бремеръ,—и то ли еще увидите! Вы увидите, что для полнаго семейнаго счастья мало одной любви, но еще болѣе нужно эгоистическаго сосредоточенія въ маленькой и тѣсненькой сферѣ домашняго быта,—нужна значительная доля умственной ограниченности, которая только одна даетъ человѣку силу заткнуть уши отъ всѣхъ другихъ обаятельныхъ зововъ бытія и закрыть глаза на всѣ другія обаятельныя картины широко раскинувшейся, безконечно-разнообразной жизни... И какая разница, въ этомъ отношеніи, напримѣръ, между семейственной Германіею нашего времени и общественнымъ древнимъ міромъ! Въ первой—жизнь такъ узко, такъ душно опредѣляется для людей съ ихъ младенчества, семейный эгоизмъ полагается въ основу воспитанія; во второмъ—человѣкъ родился для общества, воспитывался обществомъ, и потому дѣлался человѣкомъ, а не филистеромъ. — —

*76. **Другъ Дѣтей,** *книга для первоначальнаго чтенія.* **(Изданіе четвертое).** *Санктпетербургъ. 1844.*

Прогулка съ Дѣтьми по Земному Шару, Виктора Бурьянова. *Двѣ части.* **Изданіе третье,** *исправленное и дополненное. Съ раскрашенною картою всего свѣта. Санктпетербургъ. MDCCCXLIV.*

Записки Петра Ивановича, *собранныя и украшенныя 100 картинами* П. Фурманомъ. *Санктпетербургъ. 1843.*

Священная Исторія въ разговорахъ для маленькихъ дѣтей. *Соч.* А. Ишимовой. **Изданіе второе.** *Санктпетербургъ. 1843.*

Новыя повѣсти для дѣтей (.) *сочиненіе* Анны Зонтагъ. *Санктпетербургъ. 1844.*

Русскія сказки для Дѣтей, *разсказанныя нянюшкою* Авдотьею Степановною Черепьевою. *Санктпетербургъ. 1844.*

Елка (,) *альманахъ для дѣтей на 1844 годъ. Санктпетербургъ. 1844.*

Золотыя (е) Цвѣтки. *Или собраніе: басенъ, мыслей и другихъ мелкихъ стихотвореній. Съ картинками и рисунками. Санктпетербургъ. 1844.*

Книга Хамелеонъ. *Забавная фокусная игрушка для дѣтей. 1843.*

Какое богатство дѣтскихъ книгъ! Вдругъ цѣлыхъ девять! Но не радуйтесь заранѣе: исключая какихъ-нибудь двухъ книгъ, все остальное—печатная бумага, не больше.

«Другъ Дѣтей» есть переводъ нѣмецкой книги «Der Deutsche Kinderfreund, ein Lesebuch für Volksschulen», т. е. «Нѣмецкій Другъ Дѣтей, книга для народныхъ школъ». Авторъ ея—Вильмсенъ. Она напечатана въ 1841 году *сто шестьдесятъ третьимъ* изданіемъ. Это родъ хрестоматіи для чтенія дѣтей. Цѣль ея—развитіе мыслительной способности въ дѣтяхъ черезъ постепенное восхожденіе отъ легкихъ къ болѣе труднымъ понятіямъ, изложеннымъ въ сообразной

съ ними формѣ. Цѣль эта достигается, благодаря хорошему составленію книги. Г. Максимовичъ, инспекторъ казенныхъ училищъ Санктпетербургскаго Учебнаго Округа, частью перевелъ, частью передѣлалъ книгу Вильмсена, сдѣлавъ ее такимъ образомъ удобную для чтенія русскихъ дѣтей. Переводъ его одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, и съ 1839 года книга г. Максимовича достигла теперь четвертаго изданія. Все это неоспоримые факты въ ея пользу.

«Прогулка съ Дѣтьми по Земному Шару», безъ всякаго сомнѣнія, была бы прекрасною книгою, если бы она была прекрасно составлена: истина неоспоримая! Но, къ несчастью, эта «прогулка» сдѣлана черезчуръ налегкѣ, и съ крайнею поспѣшностью, безъ всякой оглядки. Такъ, напримѣръ, во Франціи, г. Бурьяновъ проглядѣлъ городъ *Ліонъ*, т. е. «слона-то онъ и не примѣтилъ»; а о нѣкоторыхъ мѣстахъ насказалъ такихъ чудесъ, что ничего не поймешь; напримѣръ, что это такое: «Мы еще не были въ Новыхъ Аѳинахъ, улицѣ (въ Парижѣ), обстроенной въ греческомъ вкусѣ, и гдѣ домы имѣютъ форму греческихъ храмовъ; девятьсотъ тысячъ жителей толпятся здѣсь въ грязи и дышатъ вреднымъ воздухомъ» (стр. 273?) Въ улицѣ Новыя Аѳины толпятся 900.000 жителей въ грязи! Большая же улица! Должно быть, верстъ въ пятьдесятъ, если еще не длиннѣе! *Оксфордскій* Университетъ названъ прекраснѣйшимъ въ мірѣ (стр. 247),—а всѣмъ извѣстна красота схоластическихъ англійскихъ университетовъ! Въ описаніи русскихъ мужичковъ сочинитель до того увлекся идиллическою поэзіею, что наговорилъ ужасныхъ вещей. Напримѣръ:

«Говоря объ обѣдѣ, я вспомнилъ, что ужъ полдень, мужичекъ и его жена просятъ насъ, со свойственнымъ имъ радушіемъ и гостепріимствомъ, хлѣба соли у нихъ откушать. Столъ накрытъ чистою скатертью; за непмѣніемъ стульевъ сядемъ на скамьи; вотъ готовятъ жирные блины, какіе славныя щи, какая кулебяка съ рыбой и капустой, какая вкусная гречневая каша въ горшкѣ: она пышетъ паромъ; *мы наложимъ себѣ ее много* на деревянныя тарелки и будемъ ѣсть деревянными ложками вмѣстѣ съ прекраснымъ топленымъ масломъ; только что кончили, намъ подаютъ жаренаго поросенка, начиненнаго кашею, а потомъ преогромную баклагу съ простоквашею и тарелку съ творогомъ; хозяйская дочка набрала въ своемъ садикѣ крыжовнику, малины и смородины, и подчуетъ насъ; нельзя отказаться отъ этого сельскаго дессерта; въ другой разъ насъ подчуютъ ботвиньей, окрошкой и пшенной кашицей, а вмѣсто дессерта дадутъ стручковъ. Намъ хочется пить: что можетъ быть лучше здороваго квасу съ мятой? прелесть! Мужички наши въ праздники пьютъ пиво и хлѣбное вино, иногда и медъ, а сбитень вмѣсто чаю, передъ которымъ онъ имѣетъ то преимущество, что не ослабляетъ желудка, какъ этотъ настой изъ китайской араматный травки» (Ч. I., стр. 83—84).

Описанные г. Бурьяновымъ крестьяне такъ же точно похожи на настоящихъ крестьянъ, какъ театральныя крестьянки въ корсетахъ похожи на деревенскихъ бабъ и дѣвокъ. Настоящая Швейцарія! И садикъ есть, и красавица, хозяйская дочка нарвала своими нѣжными пальчиками крыжовнику, малины и смородины, и потчуетъ васъ—какъ тутъ отказаться? Кушайте во здравіе! И столъ накрытъ

чистою скатертью... Говоря слогомъ почтмейстера въ «Мертвыхъ Душахъ»—въ нѣкоторомъ родѣ, сударь ты мой, такъ сказать—Швейцарія да и только! Доказательство этого—на 186 страницѣ этой же книжки, въ статьѣ о Швейцаріи:

«Пройдите мимо и все семейство встанетъ, даже самъ отецъ; почтенный старикъ, сниметъ шляпу, подойдетъ къ вамъ и попроситъ раздѣлить ихъ скромный обѣдъ, взойдите: вездѣ царствуетъ чистота; бѣлый, какъ нагорный снѣгъ, еловый столъ приглашаетъ васъ къ себѣ; вокругъ стола въ порядкѣ крынки со вкуснымъ молокомъ; все это придаетъ аппетитъ. Молодая крестьянка подходитъ къ вамъ. Черненькій корсетъ обхватываетъ тонкій станъ, изъ подъ красной юбки выглядываетъ маленькая ножка и соломенная шляпка, щегольски надѣтая, скрываетъ темнокаштановые волосы; а глазки, какъ у галки, и щечки, какъ розанчики. Что за живой, веселый видъ! Кожа на рукахъ у швейцарки груба, но всегда чисто содержана; вотъ она накрыла столъ бѣлою скатертью и подчуетъ насъ прекрасными сливками, земляникою и свѣжимъ масломъ».

Неправда ли—точь-въ-точь какъ у насъ?.. На 80 стр. г. Бурьяновъ говоритъ: «Съ простымъ топоромъ Русскій (мужикъ) сдѣлаетъ несравненно болѣе, чѣмъ Нѣмцы съ своими замысловатыми инструментами». Именно такъ—что и говорить! Куда дуракамъ Нѣмцамъ до нашего мужика! Дайте ему кусокъ мрамора, онъ вамъ сейчасъ сдѣлаетъ изъ него топоромъ и скобелью статую получше Аполлона Бельведерскаго или Венеры Медичейской, которыя хоть и славятся въ мірѣ, какъ диво искусства, а если посмотрѣть—такъ что! просто дрянь, нѣмецкая работа! Всякій русскій мужикъ лучше сдѣлаетъ! Вы правы, г. Викторъ Бурьяновъ! Ваша книжка сдѣлана тоже топоромъ и скобелью, а вѣдь куда хороша, куда лучше всѣхъ нѣмецкихъ книгъ.

Варварскій языкъ, бездна опечатокъ, сѣрое, неопрятное изданіе—вотъ качества «Прогулки съ Дѣтьми по Земному Шару».

«Записки Петра Ивановича»—очень недурная книжка для чтенія дѣтей. Только ее надо читать, пропустивъ первую главу, которая называется «Нѣсколько словъ вмѣсто предисловія» и въ которой не только дѣти, но и взрослые ровно ничего не поймутъ. Повѣсть явно передѣлана изъ какой-нибудь иностранной книжки, и передѣлана недурно, а предисловіе сочинено явно самимъ г. Фурманомъ. Картинки очень милы, и въ типографскомъ отношеніи книжка прекрасна.

«Новыя Повѣсти для Дѣтей» г-жи Зонтагъ были бы недурны, если бы написаны были порядочнымъ русскимъ языкомъ.

Что̀ касается до «Русскихъ Сказокъ для Дѣтей», изданныхъ какою-то нянькою,—мы не совѣтуемъ ее давать дѣтямъ въ руки, такъ же, какъ не совѣтуемъ позволять дѣтямъ слушать всякіе разсказы нянекъ о домовыхъ, лѣшихъ и тому подобныхъ вздорахъ, которыми только засоряютъ понятіе и запугиваютъ воображеніе дѣтей.

«Елка» не дурно издана и хороша, какъ игрушка. Пусть дѣти играютъ ею, но съ условіемъ, чтобъ отнюдь не читать ея.

«Золотые Цвѣтки» состоятъ изъ двѣнадцати недурныхъ картинокъ и изъ разныхъ стиховъ, плохихъ и хорошихъ, набранныхъ изъ плохихъ и хорошихъ писателей и перепечатанныхъ безграмотно.

«Книга Хамелеонъ» — удивительная книга. Переворачиваете

страницу и видите изображеніе трефоваго и бубноваго туза, далѣе—русскій и французскій алфавитъ, потомъ двѣ плохія литографіи, изображающія весну и лѣто; затѣмъ—туза пикъ и червей; потомъ опять русскую азбуку, а за нею—таблицу умноженія; за таблицей — двѣ плохія литографіи, изображающія зиму и осень; потомъ все это же самое повторяется, въ такомъ же порядкѣ, раза три или четыре. Если эту книжку непремѣнно было нужно назвать именемъ какого-нибудь животнаго, то всего бы лучше: «Книга-Оселъ», вмѣсто «Книга Хамелеонъ».

77. Тысяча и Одна Ночь, *арабскія сказки. Томы XI, XII, XIII, XIV и XV. Санктпетербургъ. 1843.*

Какъ счастливы народы съ бритыми головами! они не только слушаютъ арабскія сказки, но еще и вѣрятъ всѣмъ чудесамъ, о которыхъ въ нихъ разсказывается, такъ добродушно и несомнѣнно, какъ мы не вѣримъ самымъ достовѣрнымъ статистическимъ таблицамъ о благосостояніи разныхъ земель и государствъ. Волшебники, волшебницы, крылатые кони, чудесныя красавицы со звѣздами во лбу, злые и добрые кадіи, мудрые визири,—всему этому мусульмане вѣрятъ такъ же безъ всякаго сомнѣнія, какъ и непзреченному милосердію и правосудію великаго халифа Гаруна-аль-Рашида, который дѣйствительно былъ очень человѣколюбивъ и милостивъ, и только въ порывахъ внезапнаго гнѣва рубилъ головы и правому и виноватому, всегда, впрочемъ, раскаиваясь въ этомъ, когда проходилъ гнѣвъ его. На востокѣ это уже—nec plus ultra гуманности... Увы! мы, западные жители, отверженные гяуры, въ наказаніе за наше невѣріе въ Несомнѣнную Книгу и творца ея, Мухаммеда (да не уменьшится никогда тѣнь его!), мы лишены счастья вѣрить возможности чего бы то ни было, о чемъ повѣствуется въ арабскихъ сказкахъ и оттого не можемъ наслаждаться ими вполнѣ. А, между тѣмъ, для каждаго изъ насъ было время, когда мы съ жадностью читали разсказы Шехеразады и не меньше старыхъ мусульманъ вѣрили дѣйствительности этого небывалаго міра. — —

Вѣроятно, мусульмане оттого такъ и довольны арабскими сказками и такъ вѣрятъ имъ, что они дѣти, хотя уже и старыя. Но и мы, не будучи дѣтьми, можемъ, ради воспоминанія нашего дѣтства, перелистывать Шехеразаду, особенно въ то время, когда не дѣлать ничего скучно, а дѣлать что-нибудь, требующее присутствія мыслительной способности, кажется труднымъ. Въ такомъ расположеніи духа, арабскія сказки—истинное сокровище, тѣмъ болѣе, что ихъ, можно бросить безъ сожалѣнія, тотчасъ, какъ скоро надоѣдятъ онѣ, и можно опять приняться за нихъ хоть черезъ годъ и начать читать съ той страницы, которая прежде всего сама откроется. — —

78. Антологія изъ Жана Поля Рихтера. *Санктпетербургъ, 1844*

— — Сколько людей и какъ уже давно доказали вѣрно и несомнѣнно что взаимная любовь между людьми есть лучшая гарантія ихъ общей безопасности и благосостоянія; но люди, тѣмъ не менѣе, не хотятъ согласиться на такую любовь! Я очень радъ, если, вслѣдствіе любви, меня никто не ограбитъ и не убьетъ на большой дорогѣ, но, при

отсутствіи строгаго полицейскаго надзора, я никакъ не положусь на любовь моихъ ближнихъ... Конечно, естественная любовь матери къ дочери — хорошая порука въ томъ, что мать не выдастъ своей дочери насильно за какого-нибудь негодяя (ибо всякій мужчина, способный насильно жениться, есть негодяй); но все-таки мое сердце меньше обливается кровью при мысли о насильственныхъ бракахъ, когда возможность ихъ уничтожена строгостью ясно и положительно высказанныхъ законовъ...

«Дитя должно быть для васъ священнѣе настоящаго, которое состоитъ изъ вещей и людей образовавшихся. Вникните въ великое значеніе дѣтскаго возраста! Воспитывая дитя, вы трудитесь для будущаго, заготовляете ему богатую жатву; не бросайте же на бразду земли пороху, который взорветъ мину: но посѣйте на ней зерно хлѣбное, которое принесетъ плодъ и насытитъ душу. Дайте этому маленькому ангелу, готовому утратить свой земной рай, и собирающемуся въ путь далекій, неизвѣстный,— крѣпкую броню противъ судьбы, талисманъ, который защищалъ бы его въ странѣ опасностей; даруйте ему небо и полярную звѣзду, которая руководила бы его въ продолженіе всей жизни и освѣтила бы передъ нимъ мрачныя страны, которыя ему позднѣе суждено посѣтить. Освѣтите прежде всего его сердце лучемъ нравственнаго чувства: то будетъ заря прекрасной души. Внутренній человѣкъ, подобно Негру, родится бѣлымъ; жизнь—вотъ что очерняетъ его. Въ старости, величайшіе примѣры нравственной силы проходятъ мимо насъ, не совращая болѣе нашей жизни съ ея пути, подобно кометѣ, летящей мимо земли;—въ первой же порѣ дѣтства, напротивъ, первый порывъ любви, внѣшней или внутренней, первыя несправедливости набрасываютъ долгую тѣнь или яркій свѣтъ на необозримое поле слѣдующихъ возрастовъ.

«Почему вы знаете, что младенецъ, рвущій цвѣты подлѣ васъ, не устремится нѣкогда со своей Корсики, какъ богъ войны, въ мятежную часть свѣта, чтобъ играть бурями, срывать, очищать или сѣять? Неужели для васъ ничего не значило бы, воспитавши его, сдѣлаться его Фенелономъ, его Корнеліею и его Дюбуа? И если вы не могли ни сокрушить, ни поправить полета его генія (чѣмъ глубже море, тѣмъ круче его берега), вы бы могли въ самомъ важномъ десятилѣтіи жизни, на этомъ первомъ порогѣ, чрезъ который проходятъ всѣ чувства, посѣщающія человѣческое сердце, сковать возникающую силу льва и опутать его нѣжнѣйшими привычками прекраснаго сердца и всѣми узами любви».

Все это прекрасно, но всего этого мало. Что дѣтей должно воспитывать хорошо,—объ этомъ многіе говорили и писали; и потому вопросъ давно уже не въ томъ, должно ли воспитывать дѣтей, а въ томъ, какъ должно воспитывать и въ чемъ должно состоять основное начало истиннаго воспитанія. У Жанъ-Поля на всѣ болѣзни одно лекарство—*любовь*. Но, вѣдь, и г-жа Простакова любила же своего Митрофанушку, и Брутъ любилъ своихъ сыновей: любовь одна, а ея характеръ и проявленіе совершенно различны. Что же дало ей это различіе?—то, что въ первой есть только смыслъ, но нѣтъ никакой мысли, а во второй, кромѣ смысла, есть еще и мысль. Чтобъ развить любовь въ молодомъ сердцѣ, надо заставить его полюбить *что-нибудь*,— и это «что-нибудь» должно быть *истиною*, *мыслью*. Молодыхъ людей, и дома, и въ школахъ, учатъ любить правду, ненавидѣть ложь, а когда они вступятъ въ жизнь, ихъ гонятъ за правду, и ихъ правдивость называютъ гордостью, самонадѣянностью, буйствомъ и

«вольнодумствомъ»—любимое слово филистеровъ и гофратовъ... Итакъ, вопросъ въ томъ, должно ли дѣтей воспитывать такъ, чтобы они могли уживаться съ обществомъ, или должно желать, чтобы общество сдѣлалось способнымъ уживаться съ людьми благовоспитанными. Этотъ вопросъ важнѣе вопросовъ о всевозможныхъ родахъ любви.

— Любишь ли ты меня?—воскликнулъ молодой человѣкъ въ минуту чистѣйшаго восторга любви, въ то мгновеніе, когда души встрѣчаются и отдаются другъ другу.—Молодая дѣвушка взглянула на него и молчала.

— О, если ты меня любишь,—продолжалъ онъ:—заговори!

Но она взглянула на него, не будучи въ состояніи говорить.

— Да, я былъ слишкомъ счастливъ, я надѣялся, что ты меня любишь; все теперь исчезло—надежда и блаженство!

— Возлюбленный, неужели я тебя не люблю! и она повторила вопросъ.

— О, зачѣмъ такъ поздно произнесла ты эти небесные звуки!

— Я была слишкомъ счастлива, я не могла говорить; только тогда возвращенъ мнѣ былъ даръ слова, когда ты передалъ мнѣ свою скорбь...

Немножко-дѣтски, немножко-сантиментально, а хорошо! Мы по собственному опыту знаемъ, какъ сильно и какъ освѣжительно дѣйствуютъ на юныя души подобныя романтическія мысли, изложенныя такимъ эпически-торжественнымъ языкомъ, съ оттѣнкомъ мистицизма. Но у Жанъ-Поля есть вещи гораздо лучшія и высшія. Такова, напр., его пьеса «Уничтоженіе» (Die Vernichtung), въ которой высокая мысль облечена въ образы часто странные и дикіе, но, тѣмъ не менѣе, грандіозные, изложеніе нѣсколько натянуто, но тѣмъ не менѣе, исполнено блеска могучей фантазіи. «Сонъ несчастнаго подъ Новый Годъ», которымъ оканчивается «Антологія», принадлежитъ къ числу особенно-полезныхъ для юношества пьесъ, потому что ея дидактизмъ не чуждъ нѣкотораго поэтическаго колорита. — —

*79. **Азбука Русская Новѣйшая (,) или Букварь для Обученія Малолѣтнихъ Дѣтей Чтенію**, *съ молитвами, правоученіями, краткими для дѣтей повѣстями, съ показаніемъ чиселъ и таблицею умноженія.* Изданіе шестое. *Санктпетербургъ. 1844.*

Новыя дѣтскія поздравленія, въ стихахъ, съ праздниками. *Подарокъ дѣтямъ и родителямъ на дни рожденія, именины, Рождество Христово, Новый Годъ и Свѣтлое Воскресенье.* Второе изданіе. **Л. Жебелева.** *Санктпетербургъ. 1844.*

Обѣ эти книжонки, не смотря на всю разницу ихъ назначенія и содержанія, имѣютъ одну и ту же цѣль и одинъ и тотъ же характеръ. Первая хочетъ учить дѣтей читать; вторая—предлагаетъ выучившимся грамотѣ дѣтямъ поздравительные стихи; первая предлагаетъ буквы и склады русскаго церковнаго языка, нравоученія, повѣсти, *показаніе чиселъ* и таблицу умноженія; вторая, какъ уже сказано, даритъ родителей и дѣтей прескверными виршами на дни рожденія, именинъ и разныхъ праздниковъ; назначеніе и содержаніе ихъ различно, но цѣль одна и та же: нѣсколько копеекъ серебромъ, выманенныхъ у того разряда простодушной публики, которая покупаетъ книги, руководствуясь длинотою и вычурностью ихъ заглавій, или рекомендаціями ихъ издателей и продавцовъ. Сходство въ характерѣ обѣихъ этихъ книжицъ тоже разительно: обѣ онѣ—выходцы

съ того свѣта, блѣдныя и тощія порожденія давно-скончавшагося на Руси классицизма блаженной памяти. «Азбука», она же «Букварь», явилась съ эпиграфомъ изъ Ломоносова, который еще въ старину употреблялся при «букваряхъ»:

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою,
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи.

«Краткое Нравоученіе» въ «Букварѣ» напоминаетъ собою наставленіе, которое, въ повѣсти Луганскаго—«Колбасники и Бородачи», давалъ своему сыну «поштенный» купчина Яковъ Ивановичъ Корюшкинъ: «не воруй, не шатайся, не пьянствуй». Но особенно забавны въ «Букварѣ» классическіе стихи Шишкова—

Хоть весною
И тепленько,
И зимою
Холодненько и пр.

Все это такъ похоже на выходцевъ съ того свѣта. Самъ «Букварь», онъ же и «Азбука», ничѣмъ не умнѣе помѣщенныхъ въ немъ басенъ «Гусь и Утка» и «Рѣзвая Коза»: зато онъ и вышелъ въ свѣтъ шестымъ изданіемъ. Будь онъ хоть крошечку поумнѣе составленъ, на щукиномъ не потребовалось бы даже и второго изданія.

«Новыя Дѣтскія Поздравленія» вышли вторымъ изданіемъ по той же причинѣ, по которой «Букварь» вышелъ шестымъ, и мы убѣждены, что они современемъ выйдутъ и сороковымъ, потому что трудно вообразить что нибудь пошлѣе и нелѣпѣе этихъ «поздравленій», написанныхъ совершенно во вкусѣ и тонѣ публики Толкучаго-Рынка. Кромѣ того, они—произведеніе чисто-классическое, напоминающее собою эпоху громкихъ одъ, которыя оглушали напыщеннымъ ревомъ и крикомъ тяжело-нескладныхъ стиховъ. Не угодно ли послушать:

Сего-дня, папенька мой милый,
У насъ день вашихъ имянинъ:
Позвольте, чтобъ вашъ сынъ счастливый,
Еще малютка,—и одинъ,—
Поднесъ въ стихахъ вамъ поздравленье:
Стихи учитель написалъ,
А я имѣлъ для васъ терпѣнье
Ихъ твердо выучить, и зналъ,
Что это будетъ вамъ пріятно.
А мнѣ, ей, ей! все въ нихъ понятно:
Желаю я, чтобъ ангелъ вашъ,
Семейства нашего хранитель,
Заступникъ нашъ, помощникъ нашъ,
И насъ отъ бѣдъ оборонитель,
Дни вашей жизни такъ хранилъ,
Какъ, говорятъ, въ теплицѣ розу
Хранятъ зимою отъ морозу;
И чтобъ вашъ вѣкъ весь сотканъ былъ,
Безъ грустныхъ дней и безъ ненастья,
Изъ шелку, золота и счастья.

Эти милые стишки декламируетъ Митя своему папенькѣ, или своей маменькѣ, и надо согласиться, что этотъ мальчикъ обладаетъ истинно-ослинымъ терпѣніемъ, если онъ могъ вызубрить такія варварскія вирши, а его папенька, или его маменька, особы очень крѣпколобыя, если онѣ не только допустили его выучить, но еще съ удовольствіемъ выслушали отъ него сто-пудовыя нѣжности, сочиненныя учителемъ изъ семинаристовъ, какъ то видно по классической фактурѣ стишищевъ. Въ одномъ изъ «поздравленій» *Катенька* проситъ свою маменьку принять отъ нея «нелестный гласъ плѣненныхъ ею сердецъ»: не чистый ли это классицизмъ добраго стараго времени, нашедшій теперь свое убѣжище на новомъ Геликонѣ, Аполлонъ котораго ходитъ во фризовой шинели съ небритой бородою? Жаль, что въ этихъ «поздравленіяхъ» слово *папенька* (впрочемъ, уже довольно-опошлившееся) не замѣнено еще болѣе пошлыми, но зато и болѣе приличными тону «Поздравленій» словами «тятенька», потому что эти «поздравленія» явно назначены для тѣхъ сословій, которыя очень заботятся объ «учливости», поставляя ее въ «цѣлованіи ручки». Это, между прочимъ, видно и изъ коротенькаго предисловія въ прозѣ къ одной «поздравительной» пьесѣ: «Катенька входитъ въ комнату къ Маменькѣ, съ листочкомъ въ рукахъ бумаги, присѣдаетъ и цѣлуетъ у нея ручку»; а вотъ и самое «поздравленіе»:

Сегодня, маменька, въ день вашего рожденья,
Молю я благость Провидѣнья,
Чтобъ отъ высотъ оно своихъ
Хранило ваши дни безцѣнны,
Для добродѣтелей священны,
Для насъ залогъ всѣхъ благъ земныхъ
И струекъ времени златыхъ.—
Вамъ утра добраго желаю
И съ днемъ рожденья поздравляю.
Стишки въ подарокъ приношу:
Принять ихъ ласково, прошу!

Сочинитель этихъ дубинно-вязовыхъ стиховъ присовокупляетъ къ нимъ глубокомысленное замѣчаніе, что «эти стихи пригодны также и для «*мальчика*». Мы вполнѣ согласны съ нимъ, если подъ «мальчикомъ» онъ разумѣетъ поваренка или казачка, который не могъ бы не восхитить такими «поздравительными» стихами своего «тятеньку», «батеньку», или свою «маменьку».

*80. **Маленькій Фокусникъ.** *Поучительные и занимательные домашніе фокусы для дѣтей. Санктпербургъ. 1844.*

Вотъ эту книжку мы назвали бы, въ отличіе отъ двухъ первыхъ, романтическою, такъ какъ она учитъ дѣлать чудеса; но какъ эти чудеса самыя естественныя и нисколько не чудесныя, даже довольно простоватыя, то мы и ее должны причислить къ разряду произведеній грошовой классической литературы, тѣмъ болѣе, что она изложена любезнымъ и остроумнымъ языкомъ литературы Апраксина-Двора.

81.. Сочиненія князя В. Ѳ. Одоевскаго. *Три части. Санктпетербургъ. 1844.*

——Чтеніе такихъ произведеній, какъ «Бригадиръ», «Балъ» и «Насмѣшка Мертвеца», производитъ на молодую душу, еще свѣжую, не подвергшуюся нечистому прикосновенію житейской суеты, дѣйствіе электрическаго удара, потрясающаго всю нервную систему. И подобный нравственный ударъ оставляетъ въ юной, исполненной благороднаго стремленія душѣ самыя благодатныя слѣдствія. Мы знаемъ это по собственному примѣру: мы помнимъ то время, когда избранная молодежь съ восторгомъ читала эти пьесы и говорила о нихъ съ тѣмъ важнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно неофиты говорятъ о таинствахъ своего ученія. ——

Отъ «Эпилога» перейдемъ къ «Сказкѣ о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить толпою по Невскому проспекту» и «Той же сказкѣ, только наизворотъ». Она была напечатана еще въ 1833 году, въ «Пестрыхъ Сказкахъ», и ея содержаніе извѣстно многимъ. Героиня ея—*славянская дѣва*, которая, какъ всѣ славянскія дѣвы, была бы чудомъ красоты, ума и чувства, еслибъ заморскій басурманъ, при помощи безмозглой французской головы, чуткаго нѣмецкаго носа съ ослиными ушами и туго-набитаго англійскаго живота, не вырѣзалъ изъ нея души и сердца и не превратилъ ее въ куклу. Эта сказочка навела насъ на мысль объ удивительной смѣтливости русскаго человѣка всегда выйти правымъ изъ бѣды и сложить вину если не на сосѣда, то на чорта, а если не на чорта, то на какого-нибудь мусьé... Дѣвушка шла по Невскому Проспекту съ десятью своими подругами, въ сопровожденіи трехъ маменекъ, которыя умѣли считать только до десяти, какъ ворона умѣетъ считать только до четырехъ. Нѣтъ спора, что подобныя дамы были въ состояніи дать превосходное воспитаніе своимъ дочерямъ, еслибъ не подвернулся проклятый басурманъ... Г. Кивакель тоже, должно быть, воспитанъ былъ басурманами, а оттого и получилъ способность жить только трубкою и лошадьми... И между тѣмъ, какое изложеніе, сколько таланта потрачено на эту сказку!.. — —

82. Учебный Курсъ Словесности, *составленный* **Василіемъ Плаксинымъ.** *Книга вторая. Санктпетербургъ. 1844.*

Мы подробно и ясно сказали свое мнѣніе о первой части «Учебнаго Курса». Это мнѣніе прилагается въ той же силѣ и мѣрѣ ко второй его части. И почему-жъ оно измѣнится? Книга та же, сочинитель тотъ же, а до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не выучится прыгать выше головы своей, до тѣхъ поръ достоинство произведеній будетъ равняться могуществу ихъ производителей.

Говоря о первой части, сказали мы, что въ настоящее время, т. е. въ 1844 году отъ Р. Х., при томъ объемѣ, въ которомъ словесность преподается въ университетахъ и гимназіяхъ, не только безполезно, но даже странно являться на судъ публики съ такимъ курсомъ словесности каковъ «Курсъ» г. Плаксина. Безполезно,—потому что каждый преподаватель въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, вѣроятно, запасся собственными записками, если не книгой, въ которыхъ

теорія краснорѣчія и поэзіи изложена удовлетворительнѣе, чѣмъ въ произведеніи г. Шаксина; странно — потому что сочинитель не дорожитъ своей извѣстностью, если онъ ее имѣлъ, предлагая учащимъ и учащимся такой скудный плодъ своей богатой опытности.

*83. **Краткія Выписки** (,) *собранныя изъ лучшихъ русскихъ писателей* (,) *въ пользу юношества. Санктпетербургъ. 1844.*

Съ нѣкотораго времени, въ русской литературѣ, или лучше сказать, въ русской книжной торговлѣ, изобрѣтенъ весьма простой, дешевый и выгодный способъ дѣлать книги... Если хотите по этому способу составить книгу въ два, три дня,—надергайте изъ разныхъ писателей и писакъ—прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, а маленькія стихотворенія берите цѣликомъ. Для большаго удобства, отмѣтьте все это въ книгахъ карандашомъ и отдайте писцу переписать; потомъ представьте такимъ легкимъ образомъ составленную рукопись въ Цензурный Комитетъ; затѣмъ отдайте ее въ типографію для напечатанія, а наконецъ (конецъ вѣнчаетъ дѣло) продавайте ее втихомолку. Для составленія такихъ книгъ не нужно ни ума, ни таланта, ни вкуса, ни даже знанія грамматики: нужно только умѣть считать.

Такъ поступилъ неизвѣстный... какъ бы сказать поучтивѣе?..заимствователь, издавшій «Краткія Выписки». Онъ натаскалъ и нарвалъ отрывковъ изъ разныхъ русскихъ прозаиковъ, и хорошихъ и плохихъ, а передъ этими отрывками помѣстилъ «Нравоучительныя Мысли» собственнаго сочиненія, которыми рекомендуетъ юношеству не пить, не воровать, не шататься: и вотъ у него набралось полъ-книги. Переворачиваете страницу—и видите заглавіе крупными литерами: БАСНИ и СТИХИ, изъ котораго заключаете, что басни—сами по себѣ, а стихи сами по себѣ, и что басни Крылова—не стихи. Затѣмъ слѣдуетъ наборъ стихотвореній—Крылова, Хемницера, Дмитріева, г. Бориса Ф(Ѳ)едорова, Мерзлякова, Ломоносова, Шатрова, Батюшкова, Жуковскаго, Подолинскаго, Лермонтова и Туманскаго. Для большей пользы юношества, издатель испестрилъ свою книгу-добычу знаками ударенія на каждомъ словѣ: вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду не одно русское, но также и иностранное юношество, т. е. не одни рубли, но и франки, шиллинги и цванцигеры..

84. **Инстинктъ Животныхъ**, *или письма двухъ подругъ о натуральной исторіи и нѣкоторыхъ феноменахъ природы. Сочиненіе* **Надежды Мердеръ**. *Четыре части. Санктпетербургъ. 1844.*

У насъ почти совсѣмъ нѣтъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Ничего не можетъ быть затруднительнѣе, какъ положеніе литератора, у котораго какой-нибудь отецъ или мать спрашиваютъ, какихъ бы книгъ купить имъ для дѣтей. Что отвѣчать на подобный вопросъ? Сказать: не покупайте никакихъ, потому что всѣ онѣ никуда не годятся,—пожалуй, сочтутъ еще за одну изъ тѣхъ журнальныхъ выходокъ, къ которымъ всѣ боятся имѣть довѣріе; посовѣтовать купить ту или другую книжку,—значитъ подвергнуться послѣ упреку за плохой совѣтъ, за дурной выборъ. Въ самомъ дѣлѣ, на что прикажете указать?

Одна дѣтская книга никуда не годится ни по содержанію, ни по изложенію; другая написана порядочно, по крайней мѣрѣ, грамотно, но наполнена вздоромъ; третья содержитъ въ себѣ дѣло, но писана варварскимъ языкомъ: стало быть, ни одной изъ нихъ нельзя дать въ руки дѣтямъ. Такъ, напримѣръ, книга «Инстинктъ Животныхъ, или письма двухъ подругъ о натуральной исторіи» могла бы представить дѣтямъ чтеніе пріятное и даже дѣльное; но если они будутъ читать ее, то или мало поймутъ, или выучатся объясняться такимъ русскимъ языкомъ, какимъ говоритъ только главное лицо въ водевилѣ г. П. Каратыгина «Булочная». Всмотритесь въ самое заглавіе: *Инстинктъ Животныхъ или переписка двухъ подругъ*... Какой поводъ для остротъ и насмѣшекъ! Но мы не хотимъ ни шутить, ни смѣяться. Очевидно, составительница этой книги недавно въ Россіи и еще не успѣла выучиться русскому языку, столь трудному для иностранцевъ.— —

Чтобъ выписать изъ этой книги всѣ примѣры самаго безбожнаго искаженія русскаго языка, надобно было бы списать отъ первой строки до послѣдней, всѣ четыре части «Инстикта Животныхъ». И вотъ какъ пишутся у насъ книги для дѣтей! Читайте, милыя дѣти!..

*85. **Очерки Всеобщей Исторіи** *для дѣтей отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Переводъ съ французскаго.* **В. Модестовъ.** *Санктпетербургъ. 1844.*

Нельзя съ точностью опредѣлить времени, въ которое дѣти должны начинать изученіе исторіи; думаемъ, что это должно быть между двѣнадцатилѣтнимъ и пятнадцатилѣтнимъ возрастомъ. Во всякомъ случаѣ, если начинать дѣтей учить исторіи, то учить дѣльно и основательно, или совсѣмъ не учить, и по руководствамъ систематическимъ и полнымъ, а не по сухимъ сокращеніямъ, въ которыхъ, на 342 страницахъ, въ 12-ю долю листа, излагается вся исторія человѣческаго рода. Пусть учатъ русскихъ дѣтей и юношей по «исторіи» г. Лоренца, или пусть перестанутъ играть съ дѣтьми въ исторію.

86. Исторія Царствованія Императрицы Екатерины II, *для чтенія юношества. (Съ портретомъ и картинами). Двѣ части. Санктпетербургъ. 1844.*

Исторія Царствованія Императора Александра I, *для чтенія юношества. (Съ портретами и картинами). Двѣ части. Санктпетербургъ. 1844.*

Время для новѣйшей русской исторіи еще не настало, потому-что исторія, составленная по реляціямъ, есть не исторія, а компиляція, даже и тогда, когда за нее берутся люди съ талантомъ и знаніемъ дѣла. Нѣчего и говорить о компиляціяхъ, составляемыхъ для спекуляціи, безъ таланта и знанія дѣла. Обѣ исторіи, заглавія которыхъ здѣсь выписаны, ничѣмъ не хуже «Исторіи Петра Великаго», составленной г. Ламбинымъ и сочиненной г. Н. Полевымъ, но ничѣмъ и не лучше ихъ. Тамъ, гдѣ компиляторъ приводитъ мѣста изъ «Исторіи Пугачевскаго Бунта», вставляетъ въ свой текстъ отрывки изъ статей Жуковскаго,—тамъ его исторія очень хороша; но гдѣ, онъ говоритъ отъ себя, она ни хороша, ни дурна, но строго держатся характера посредственности. — —

87. **Сочиненія Александра Пушкина.** *Санктпетербургъ, одиннадцать томовъ. 1838—1841.*

Статья пятая.

—— Общій колоритъ поэзіи Пушкина и въ особенности лирической—внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность. Къ этому прибавимъ мы, что если всякое человѣческое чувство уже прекрасно потому самому, что оно человѣческое (а не животное), то у Пушкина всякое чувство еще прекрасно, какъ *чувство изящное.* Мы здѣсь разумѣемъ не поэтическую форму, которая у Пушкина всегда въ высшей степени прекрасна; нѣтъ, каждое чувство, лежащее въ основаніи каждаго его стихотворенія изящно, граціозно и виртуозно само по себѣ: это не просто чувство человѣка, но чувство человѣка-художника, человѣка-артиста. Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоего пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностью; она не кладетъ на лицо жизни бѣлилъ и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ; въ поэзіи Пушкина есть небо, но имъ всегда проникнута земля. Поэтому поэзія Пушкина не опасна юношеству, какъ поэтическая ложь, разгорячающая воображеніе,—ложь, которая ставитъ человѣка во враждебныя отношенія съ дѣйствительностью, при первомъ столкновеніи съ нею, и заставляетъ безвременно и безплодно истощать свои силы на гибельную съ ней борьбу. И при всемъ этомъ, кромѣ высокаго художественнаго достоинства формы, такое артистическое изящество человѣческаго чувства!——

Мы сказали, что чтеніе Пушкина должно сильно дѣйствовать на воспитаніе, развитіе и образованіе изящно-гуманнаго чувства въ человѣкѣ. Да; не во гнѣвъ будь сказано нашимъ литературнымъ старовѣрамъ, нашимъ сухимъ моралистамъ, нашимъ черствымъ, антиэстетическимъ резонерамъ,—никто, рѣшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не стяжалъ себѣ такого неоспоримаго права быть воспитателемъ и юныхъ, и возмужалыхъ, и даже старыхъ (если въ нихъ было и еще не умерло зерно эстетическаго и человѣческаго чувства) читателей, какъ Пушкинъ, потому что мы не знаемъ на Руси болѣе нравственнаго, при великости таланта, поэта, какъ Пушкинъ.——

Статья шестая.

—— Быть безусловно счастливымъ это—привиллегія младенчества. Младенецъ играетъ жизнью—плещется въ ея свѣтлой волнѣ и безотчетно любуется брызгами, которыя производятъ его рѣзвыя движенія; онъ всѣмъ восхищается, все находитъ лучшимъ, нежели оно есть на самомъ дѣлѣ,—и если ему скоро надоѣдаетъ одна игрушка, то

такъ же скоро плѣняетъ его другая. Не таковъ уже возрастъ отрочества—переходъ отъ дѣтства къ юношеству. Правда, и тутъ человѣкъ все еще играетъ въ игрушки, но ужъ не тѣ его игрушки; мѣняя ихъ одна на другую, онъ уже сравниваетъ ихъ съ своимъ идеаломъ, и ему грустно, когда онъ не находитъ осуществленія своего неопредѣленнаго желанія, въ которомъ самъ себѣ не можетъ дать отчета. Лишеніе игрушки—для него горе, ибо оно есть уже утрата надежды, потеря сердца. Съ юношествомъ эта жизнь сердца и ума вспыхиваетъ полнымъ пламенемъ, и страсти вступаютъ въ борьбу съ сомнѣніемъ. Тутъ много радостей, но столько же, если не больше, и горя: ибо полное счастье только въ непосредственности бытія; отрочество есть начало пробужденія, а юность—полное пробужденіе сознанія, корень котораго всегда горекъ; сладкіе же плоды его—для будущихъ поколѣній, какъ богатое и выстраданное наслѣдіе отъ предковъ потомкамъ...——

Статья седьмая.

—— Есть много родовъ образованія и развитія, и каждое изъ нихъ важно само по себѣ, но всѣхъ ихъ выше должно стоять образованіе *нравственное*. Одно образованіе дѣлаетъ васъ человѣкомъ ученымъ, другое—человѣкомъ свѣтскимъ, третье—административнымъ, военнымъ, политическимъ и т. д.; но нравственное образованіе дѣлаетъ васъ просто «*человѣкомъ*», т. е. существомъ, отражающимъ на себѣ отблескъ божественности, и потому высоко стоящимъ надъ міромъ животнымъ. Хорошо быть ученымъ, поэтомъ, воиномъ, законодателемъ и проч., но худо не быть прежтомъ «человѣкомъ»; быть же «человѣкомъ» — значитъ имѣть полное и законное право на существованіе и не будучи ничѣмъ другимъ, какъ только «человѣкомъ». Въ чемъ же состоитъ нравственное образованіе, нравственное развитіе? Такъ какъ человѣкъ не только существуетъ, но еще и мыслитъ, то всякій предметъ въ отношеніи къ нему, существуетъ не только практически, но и теоретически, и человѣкъ только тогда вполнѣ владѣетъ предметомъ, тогда схватываетъ его съ этихъ обѣихъ сторонъ. Но одно практическое обладаніе предметомъ еще значитъ что-нибудь, тогда какъ одно теоретическое ровно ничего не значитъ. И потому теоретическая нравственность, открывающаяся въ однихъ системахъ и словахъ, но не говорящая за себя, какъ *дѣло*, какъ *фактъ*, выходящая только изъ созерцаній ума, но не имѣющая глубокихъ корней въ почвѣ сердца,—такая нравственность стоитъ безнравственности и должна называться китайской или фарисейской. Истинная нравственность прозябаетъ и растетъ изъ сердца, при плодотворномъ содѣйствіи свѣтлыхъ лучей разума. Ея мѣрило—не слова, а практическая дѣятельность. Въ сферѣ теорій и созерцаній быть героемъ добродѣтели въ тысячу разъ легче, нежели въ дѣйствительности выслужить чинъ коллежскаго регистратора или, пообѣдавъ, почувствовать себя сытымъ. Такъ какъ сфера нравственности есть по преимуществу сфера практическая, а практическая сфера образуется преимущественно изъ

взаимныхъ отношеній людей другъ къ другу, то здѣсь-то, въ этихъ отношеніяхъ, и больше нигдѣ,—должно искать примѣтъ нравственнаго или безнравственнаго человѣка, а не въ томъ, какъ человѣкъ разсуждаетъ о нравственности или какой системы, какого ученія и какой категоріи нравственности онъ держится. Слова, какъ бы ни были краснорѣчивы, хотя бы произносились страстнымъ голосомъ и сопровождались не только порывистыми жестами, но при случаѣ и горячими слезами,—слова сами по себѣ все-таки стоятъ не больше всякой другой болтовни: здѣсь, какъ и вездѣ, дѣло—въ дѣлѣ. Одинъ изъ высочайшихъ и священнѣйшихъ принциповъ истинной нравственности заключается въ религіозномъ уваженіи къ человѣческому достоинству во всякомъ человѣкѣ, безъ различія лица, прежде всего за то, что онъ—человѣкъ, и потомъ уже за его личныя достоинства, по той мѣрѣ, въ какой онъ ихъ имѣетъ,—въ живомъ, симпатическомъ сознаніи своего *братства* со всѣми, кто называется «человѣкомъ». — —

Статья восьмая.

—— Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что классъ дворянства былъ и по преимуществу представителемъ общества, и по преимуществу непосредственнымъ источникомъ образованія всего общества. Увеличеніе средствъ къ народному образованію, учрежденіе университетовъ, гимназій, училищъ заставляло общество расти не по днямъ, а по часамъ. Время отъ 1812 до 1815 года было великой эпохой для Россіи. Мы разумѣемъ здѣсь не только внѣшнее величіе и блескъ, какими покрыла себя Россія въ эту великую для нея эпоху, но и внутреннее преуспѣяніе въ гражданственности и образованіи, бывшее результатомъ этой эпохи. Можно сказать безъ преувеличенія, что Россія больше прожила и дальше шагнула отъ 1812 года до настоящей минуты, нежели отъ царствованія Петра до 1812 года. — —

Человѣчество еще далеко не дошло до той степени совершенства, на которой всѣ люди, какъ существа однородныя и единымъ разумомъ одаренныя, согласятся между собой въ понятіяхъ объ истинномъ и ложномъ, справедливомъ и несправедливомъ, законномъ и преступномъ, такъ же точно, какъ они уже согласились, что не солнце вокругъ земли, а земля вокругъ солнца обращается, и во множествѣ математическихъ аксіомъ. До тѣхъ же поръ преступленіе будетъ только по наружности преступленіемъ, а внутренно, существенно—непризнаніемъ справедливости и разумности того или другого закона. Было время, когда родители видѣли въ своихъ дѣтяхъ своихъ рабовъ и считали себя вправѣ насиловать ихъ чувства и склонности самыя священныя. Теперь: если дѣвушка, чувствуя отвращеніе къ господину благонамѣренной наружности, за котораго ее хотятъ насильно выдать, и любя страстно человѣка, съ которымъ ее насильно разлучаютъ, послѣдуетъ влеченію своего

сердца и будетъ любить того, кого она избрала, а не того, въ чей карманъ или въ чей чинъ влюблены ея дражайшіе родители,—неужели она преступница? Ничто такъ не подчинено строгости внѣшнихъ условій, какъ сердце и ничто такъ не требуетъ безусловной воли, какъ сердце же. ——

1845 г.

*88. **Импровизаторъ, или Молодость и Мечты Италіанскаго Поэта.** *Романъ датскаго писателя* **Андерсена.** *Переводъ съ шведскаго. Двѣ части. С.-Петербургъ. 1844.*

Герой этого романа— презабавное лицо: восторженный Итальянецъ, піэтистъ, поэтъ, любитъ женщинъ и страхъ какъ боится, чтобъ которая-нибудь не соблазнила его; человѣкъ съ слабымъ характеромъ чувствуетъ позоръ вельможескаго покровительства, страдаетъ отъ него— и не имѣетъ силы освободиться изъ-подъ обязательнаго ярма. Съ нимъ что ни шагъ, то приключеніе. Онъ влюбляется въ трехъ женщинъ, но съ одною расходится по недоразумѣнію; другая любитъ его братски; на третьей онъ, наконецъ, женится, не смотря на свою боязнь, что Мадонна накажетъ его за избраніе свѣтской дороги жизни. Между многочисленными его приключеніями много по-истинѣ чудесныхъ, естественность которыхъ впослѣдствіи объясняется какъ-то натянуто. Вообще этотъ романъ не лишенъ занимательности, хотя мѣстами и очень скученъ, сколько по характеру героя, довольно жалкому, столько и по утомительному однообразію своего содержанія вообще. Самая интересная сторона его—итальянская природа и итальянскіе нравы, очерченные не безъ таланта и не безъ увлекательности. Но какъ блѣдны и слабы эти очерки въ сравненіи съ мастерскими картинами Италіи, дышащими глубокою мыслью и могучею жизнью въ романахъ Жоржа Занда! При воспоминаніи о *Послѣдней Альдини*, *Домашнемъ Секретарѣ*, *Маттеа*, *Метелли*, *Ускокѣ* и *Консюэлѣ*, становится какъ-то жалко бѣднаго Андерсена... Впрочемъ, здѣсь всякое сравненіе возможно только по отношенію къ странѣ, которую онъ избралъ сценою своего романа. Невѣроятно, чтобъ Андерсенъ могъ быть представителемъ поэтическаго генія своего отечества, и чтобъ въ Даніи, имѣющей Эленшлегера, не было поэтовъ гораздо выше его. Можетъ-быть даже, и этотъ романъ—далеко не лучшее произведеніе Андерсена. Во всякомъ случаѣ, этотъ невинный романъ можетъ съ удовольствіемъ и пользою читаться молодыми дѣвушками и мальчиками, въ свободное отъ классныхъ занятій время. Переводъ *Импровизатора* очень хорошъ.

89. Общая Реторика, Н. Кошанскаго. Изданіе девятое. *Санктетербургъ. 1844.*

Наука—великое дѣло. Въ этомъ согласны всѣ—отъ мудреца до безграмотнаго простолюдина. Ученье свѣтъ, не ученье тьма, говорятъ наши русскіе мужички. Въ наше время эта истина становится аксіомою. Но и враги ученія и наукъ еще не перевелись, и—что всего хуже, они не всегда неправы въ своихъ нападкахъ на ученость и ученыхъ.

Мы говоримъ не о тѣхъ противникахъ просвѣщенія, которые только во мракѣ невѣжества и дикости нравовъ видятъ неиспорченность мысли и чистоту нравственности: нѣтъ, объ этихъ изувѣрахъ обскурантизма, объ этихъ чадахъ тьмы, объ этихъ фанатикахъ и лицемѣрахъ ложнопонимаемаго добронравія, не стоитъ труда и говорить. Но нельзя не обратить вниманія на тѣхъ противниковъ просвѣщенія, которые вооружаются не столько противъ науки, сколько противъ ученыхъ; которые, основываясь на простомъ здравомъ смыслѣ и на простомъ практическомъ чувствѣ, не теоріею, а указаніемъ на знакомыхъ имъ ученыхъ, доказываютъ то пустоту и безполезность, то даже вредъ ученія. Объяснимъ это примѣромъ. Положимъ, г. NN—человѣкъ неучившійся, но умный отъ природы, образовавшійся опытомъ жизни и нечуждый нѣкоторой начитанности, повинуясь духу времени, взялъ для своего сына учителя словесности. И вотъ учитель аккуратно является давать юношѣ уроки, проходитъ съ нимъ грамматику, реторику, поэзію, логику. Конченъ курсъ словесности; всѣ довольны: сынъ—что узналъ столько мудренныхъ и полезныхъ наукъ; отецъ—что выполнилъ свой долгъ; учитель—что образовалъ новаго словесника. Но вдругъ декорація перемѣняется. Отецъ опредѣляетъ своего сына на службу и хочетъ, чтобъ тотъ служилъ подъ его руководствомъ. Для практики, онъ даетъ ему составлять выписки изъ дѣлъ, задаетъ ему писать разныя бумаги оффиціальнаго содержанія,—и что же? Онъ съ удивленіемъ видитъ, что во всѣхъ юридическихъ опытахъ его сына бездна краснорѣчія, тропъ и фигуръ не оберешься, а дѣла нѣтъ и признаковъ; слогъ отличный, по-истинѣ высокій, а что-нибудь понять въ немъ нѣтъ никакой возможности. Въ другое время, онъ проситъ сына написать письмо о томъ-то и тому-то: та же исторія! Періоды круглые, съ пониженіями и повышеніями: послѣ предложенія, начинающагося съ «хотя», всегда слѣдуетъ предложеніе, начинающееся съ «однако», слово «кто» всегда соотвѣтствуетъ слову «тотъ» и т. д.; но письмо тяжело, неприлично, неуклюже, какъ семинаристъ въ обществѣ. «Что же это значитъ?» думаетъ отецъ. «Сынъ мой не глупъ, способности у него есть, въ обществѣ онъ держитъ себя прилично и говоритъ какъ принято, а на письмѣ—фразеръ, педантъ, надутый враль, тяжелый болтунъ. Учился онъ по хорошей книгѣ, по «Реторикѣ» г. Кошанскаго, которая вездѣ принята за лучшее руководство и напечатана *девятымъ* изданіемъ; учитель—человѣкъ извѣстный, учитъ во всѣхъ домахъ и меньше десяти рублей за урокъ не беретъ; все это такъ,—но чему же выучился мой сынъ?» Далѣе, отецъ замѣчаетъ, что его сынъ, прошедъ полный курсъ словесности, слѣдовательно, выучившись и поэзіи, узнавъ и исторію русской словесности, свысока разсуждаетъ иногда о величіи генія Державина, вскользь упоминаетъ и о Пушкинѣ, а, между тѣмъ, читаетъ только новые романы и водевили, совершенно не интересуясь ничѣмъ инымъ. Зная названіе всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ сочиненій на отечественномъ языкѣ, онъ только изъ нѣкоторыхъ читалъ отрывки, а большей части совсѣмъ не читалъ. И вотъ, дѣлать нечего, отецъ споритъ съ сыномъ, кое-какъ переламываетъ его, пріучаетъ хорошо писать и дѣловыя

бумаги и письма. Сынъ сталъ хоть куда! Но тогда отецъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что сынъ его исправился, благодаря тому, что совершенно забылъ, какъ вздоръ, все, чему училъ его учитель словесности. Какое же отецъ долженъ вывести мнѣніе изъ всего этого? Разумѣется, такое, что науки и ученье—вредный вздоръ. И онъ правъ, тысячу разъ правъ: за него фактъ и, можетъ-быть, тысячи такихъ фактовъ. Какое ему дѣло разсуждать, что за наука—реторика, можетъ ли и должна ли она преподаваться, и такъ ли ее преподаютъ? Онъ знаетъ, что реторикѣ учатъ во всѣхъ училищахъ, что безъ реторики никого не признаютъ ученымъ, знаетъ, что его сынъ учился по реторикѣ, изданной девятымъ изданіемъ, вездѣ принятой за руководство,—и въ то же время онъ знаетъ, что реторика — сущій вздоръ, не только безполезный, но и страшно вредный.——

Зачѣмъ реторика у насъ въ Россіи? Затѣмъ, чтобъ учить дѣтей сочинять?... Многіе смѣются надъ опредѣленіемъ грамматики, что она учитъ *правильно говорить и писать*. Опредѣленіе очень умное и очень вѣрное! Всеобщая грамматика есть философія языка, философія человѣческаго слова: она раскрываетъ систему общихъ законовъ человѣческой рѣчи, равно свойственныхъ каждому языку. Частная грамматика учитъ ни чему иному, какъ правильно говорить и писать на томъ или другомъ языкѣ: она учитъ не ошибаться въ согласованіи словъ, въ этимологическихъ и синтаксическихъ формахъ. Но грамматика не учитъ *хорошо* говорить, потому что говорить правильно и говорить хорошо—совсѣмъ не одно и то же. Случается даже такъ, что говорить и писать слишкомъ правильно значитъ говорить и писать дурно. Иной семинаристъ говоритъ и пишетъ какъ олицетворенная грамматика, его нельзя ни слушать, ни читать; а иной простолюдинъ говоритъ неправильно, ошибается и въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ, а его заслушаешься. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ грамматикѣ не должно было учиться, и чтобъ грамматика была вздорная наука: совсѣмъ напротивъ! Неправильная рѣчь одареннаго способностью хорошо говорить простолюдина была бы еще лучше, еслибъ онъ зналъ грамматику. Дѣло въ томъ только, чтобъ грамматика знала свои границы и слушалась языка, котораго правила объясняетъ: тогда она научитъ *правильно* и писать и читать; но все-таки только *правильно*, не больше: учить же говорить и писать *хорошо*—совсѣмъ не ея дѣло. Сколько мы догадываемся, на это претендуетъ реторика. Нелѣпость, сущая нелѣпость! Кто готовится въ государственные ораторы,—тотъ пусть изучаетъ рѣчи государственныхъ ораторовъ, слушаетъ ихъ, какъ можно чаще бываетъ въ обществѣ государственныхъ людей; кто готовится въ адвокаты, тотъ пусть не выходитъ изъ судебныхъ мѣстъ, пусть ищетъ общества адвокатовъ; но еще лучше, если тотъ и другой какъ можно чаще сами будутъ пробовать свои силы на избранномъ поприщѣ; кто хочетъ блистать своимъ разговоромъ въ свѣтскомъ обществѣ, тотъ пусть живетъ въ свѣтѣ; кто хочетъ посвятить себя литературѣ, тотъ пусть изучаетъ писателей своего отечества и слѣдитъ за современнымъ движеніемъ литературы. Но и тотъ, и другой, и третій, и четвертый больше всего

пусть опасаются реторики! Скажутъ: въ искусствѣ говорить, особенно въ искусствѣ писать, есть своя техническая сторона, изученіе которой очень важно? Согласны; но эта сторона нисколько не подлежитъ вѣдѣнію реторики. Ее можно назвать *стилистикою*, и она должна составить собою дополнительную, окончательную часть грамматики, высшій синтаксисъ, то, что въ старинныхъ латинскихъ грамматикахъ называлось: *syntaxis ornata*, syntaxis figurata. Этотъ высшій синтаксисъ долженъ заключать въ себѣ главы: 1) о предложеніяхъ и періодахъ; 2) о тропахъ и 3) объ общихъ качествахъ слога—чистотѣ, ясности, опредѣленности, простотѣ и проч. въ отношеніи къ выраженію. Въ главѣ о предложеніяхъ и періодахъ должны быть объяснены общія, на логическомъ строеніи мысли основанныя формы рѣчи; въ періодѣ должно показать силлогизмъ; надобно обратить особенное вниманіе на то, чтобъ отдѣлить внѣшнюю форму отъ внутренней, и научить по возможности избѣгать школьной формы выраженія. Такъ, напр., всякій школьникъ, особенно учившійся по «Реторикѣ» г. Кошанскаго, необходимою принадлежностью *условнаго* періода почитаетъ союзы: *если*, *то*; надо внушить ему, что условность можетъ заключаться и въ періодѣ безъ *если* и *то*, какъ, наприм.: *скажешь правду, потеряешь дружбу*, и что эта послѣдняя форма проще, легче и лучше первой. Въ главѣ *о тропахъ* не должно гоняться за пошлыми примѣрами, или искать ихъ непремѣнно въ сочиненіяхъ извѣстныхъ писателей, но брать ихъ преимущественно въ обыкновенномъ, разговорномъ языкѣ, въ пословицахъ и поговоркахъ. Надо показать ученику, что тропы породили необходимость *образнаго* выраженія, и что тропы лучше всего объясняютъ и оправдываютъ философское положеніе: «ничего не можетъ быть въ умѣ, чего не было въ чувствѣ». Лучшіе примѣры троповъ должны быть въ такомъ родѣ: *острый умъ, тупая память, слѣды преступленія, имѣть кусокъ хлѣба*, и т. п. Что касается до фигуръ, которыя, какъ извѣстно, раздѣляются риторами на *фигуры словъ и фигуры мыслей*, то о нихъ лучше всего совсѣмъ не упоминать. Кто исчислитъ всѣ обороты, всѣ формы одушевленной рѣчи? Развѣ риторы исчислили всѣ фигуры? Нѣтъ, ученіе о фигурахъ ведетъ только къ фразистости. Всѣ правила о фигурахъ совершенно произвольны, потому что выведены изъ частныхъ случаевъ. Что касается до главы о *слогѣ вообще*, она должна состоять изъ опытныхъ наблюденій, изъ общихъ замѣчаній, и отнюдь не должна претендовать на наукообразное изложеніе. Чтобъ пріучить ученика владѣть фразою и не затрудняться въ выраженіи мысли,—всего менѣе нужна теорія и всего болѣе практика. Упражняйте его въ переложеніи стиховъ на прозу, а главное—въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Это истинная и единственная школа стилистики. Борьба между духомъ двухъ различныхъ языковъ, сравненіе средствъ того и другого для выраженія одной и той же мысли, всегдашнее усиліе найти на своемъ языкѣ фразу, вполнѣ соотвѣтствующую фразѣ иностраннаго языка: это всего лучше развяжетъ перо ученика и, кромѣ того, всего лучше заставитъ его вникнуть въ духъ родного языка. Но эти такъ называемые *источники изобрѣтенія*, эти *топики*, эти общія мѣста

(lieux communs), которыми реторика гордится какъ своимъ истиннымъ и главнымъ содержаніемъ, все это рѣшительно пустяки, и пустяки вредные, губительные. Мальчику задаютъ сочиненіе на какую-нибудь описательную, а чаще всего отвлеченную тему; велятъ ему или описать весну, зиму, восходъ солнца, или доказать, что лѣность есть мать пороковъ, что порокъ всегда наказывается, а добродѣтель всегда торжествуетъ; Боже великій, какое варварство! Мальчикъ *сочиняетъ*! Мальчикъ—сочинитель! Да, знаете ли вы, господа-риторы, что мальчикъ, который сочиняетъ, почти то же, что́ мальчикъ, который куритъ, волочится за женщинами, пьетъ водку?.. Во всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ равно губительно упреждается природа искусственнымъ развитіемъ, и мальчишка играетъ роль взрослаго человѣка. Гдѣ ему разсуждать о природѣ, когда вся прелесть, все блаженство его возраста въ томъ и состоитъ, что онъ любитъ природу, не зная какъ и за что́? А вы заставляете его находить причины его любви къ природѣ и анализировать это чувство! Мальчикъ любитъ своихъ товарищей, съ нѣкоторыми изъ нихъ друженъ,—почему?—по простой симпатіи, которая влечетъ человѣка къ человѣку, соединяетъ возрастъ съ возрастомъ — а вы заставляете его насильно увѣряться, что это происходитъ въ немъ то отъ того, то отъ другого, то отъ нужды въ помощи ближняго, то отъ пользы общаго труда! Что́ изъ этого выходитъ? — мальчикъ былъ добрый шалунъ, который любилъ своихъ товарищей просто за то, что ему съ ними было весело, — этотъ мальчикъ, *искусившійся въ реторикѣ*, начинаетъ раздѣлять свое чувство на простое знакомство, на пріязнь и дружбу; дружбы у него является нѣсколько родовъ, и онъ уже по рецептамъ начинаетъ направлять свое расположеніе къ ближнимъ, и его чувство дѣлается искусственно, ложно. Изъ живого, здороваго полнотою чувства ребенка, дѣлается рефлектёръ, резонёръ, *умникъ*, и чѣмъ лучше онъ говоритъ о чувствахъ, тѣмъ бѣднѣе онъ чувствами,—чѣмъ умнѣе онъ на словахъ, тѣмъ пустѣе онъ внутренно. Отъ дружбы не далека любовь,—и вотъ прежде, чѣмъ пробудилась въ немъ неопредѣленная потребность этого чувства, онъ уже знаетъ любовь въ теоріи, говоритъ объ измѣнѣ, ревности и кровавомъ мщеніи. Онъ влюбляется не по невольному влеченію, а по выбору, по рефлексіи, и описываетъ, анализируетъ свое чувство или въ письмѣ къ другу, или въ своемъ дневникѣ, или въ стишонкахъ, которые давно онъ уже кропаетъ. Результатъ всего этого тотъ, что въ мальчишкѣ не остается ничего истиннаго, что онъ весь ложенъ, что непосредственное чувство у него замѣнено прихотью мысли. Прежде, нежели почувствуетъ онъ что-нибудь, онъ назоветъ это, опредѣлитъ. Онъ не живетъ, а разсуждаетъ. И вотъ онъ уже не мальчишка, ему уже двадцать лѣтъ, и въ этотъ-то счастливый возрастъ полноты жизни, онъ—старикъ: на все смотритъ съ презрѣніемъ, съ ироніею; онъ все испыталъ, все узналъ; для его нѣтъ счастія — осталось одно разочарованіе, однѣ погибшія надежды, его настоящее скучно, будущее мрачно. Вотъ оно — нравственное растлѣніе, вотъ оно — развращеніе души и сердца! Конечно, много причинъ такому явленію, и смѣшно было бы всю вину взвалить на реторику; но ясно

и неопровержимо, что реторика—одна изъ главныхъ причинъ такого грустнаго явленія. Мальчику задаютъ тему: «порокъ наказывается, добродѣтель торжествуетъ». Сочиненіе, въ формѣ хріи или разсужденія, должно быть представлено черезъ три дня, а иногда и завтра. Что́ можетъ знать мальчикъ о порокѣ или добродѣтели? для него это—отвлеченныя и неопредѣленныя понятія; въ его умѣ нѣтъ никакого представленія о порокѣ и добродѣтели: что же напишетъ онъ о нихъ? не безпокойтесь—реторика выручитъ его: она дастъ ему волшебные вопросы: *кто*, *что*, *гдѣ*, *когда*, *какъ*, *почему* и т. п., вопросы, на которые ему сто́итъ только отвѣчать, чтобъ по всѣмъ правиламъ науки молоть вздоръ о томъ, чего онъ не знаетъ. Реторика научитъ его брать доводы и доказательства отъ причины, отъ противнаго, отъ подобія, отъ примѣра, отъ свидѣтельства, а потомъ вывести заключеніе. Удивительная школа фразерства! Ясно, что «реторика есть наука красно писать обо всемъ, чего не знаешь, чего не чувствуешь, чего не понимаешь». Удивительная наука! заику она дѣлаетъ краснобаемъ, дурака—мыслителемъ, нѣмого—ораторомъ. И потому, когда прочтутъ драму, въ которой оболгано сердце человѣческое, говорятъ: *реторика*! Когда прочтутъ романъ, въ которомъ оболгана изображаемая въ немъ дѣйствительность, говорятъ: *реторика*! Когда прочтутъ пустозвонное стихотвореніе безъ чувства и мысли, говорятъ: *реторика*! Когда услышатъ взяточника, разсуждающаго о благонамѣренности, лицемѣра, разсуждающаго о развращеніи нравовъ, говорятъ: *реторика*! Словомъ, все ложное, пошлое, всякую форму безъ содержанія, все это называютъ *реторикой*! Учитесь-же, милыя дѣти, реторикѣ: хорошая наука!

Всякая наука должна имѣть опредѣленное, только ей одной принадлежащее содержаніе; она не должна соединять въ себѣ нѣсколькихъ наукъ вдругъ. Такъ какъ наука есть органическое построеніе идеальной сущности предмета, составляющаго ея содержаніе, то въ ней все должно выходить и развиваться изъ одной мысли, а эта мысль должна быть вполнѣ схвачена ея опредѣленіемъ. Г. Кошанскій даже не позаботился опредѣлить, что́ такое реторика и какое ея содержаніе. Онъ начинаетъ съ того, что ничто столько не отличаетъ человѣка отъ прочихъ животныхъ, какъ *сила ума* и *даръ слова*. До сихъ поръ мы думали, что человѣка отличаетъ отъ животнаго *разумъ*, а не *сила ума*. По опредѣленію г. Кошанскаго выходитъ, что и у животныхъ есть умъ, только не столь сильный, какъ у человѣка. Сила ума, по мнѣнію г. Кошанскаго, открывается въ *понятіяхъ*, *сужденіяхъ* и *умозаключеніяхъ*, составляющихъ предметъ логики. Даръ слова заключается въ прекраснѣйшей способности выражать *чувствованія* и *мысли*, что́ составляетъ предметъ *словесности*; а словесность заключаетъ въ себѣ грамматику, реторику и поэзію (поэзія—наука!..) и *граничитъ* съ эстетикою. Потомъ, грамматика занимается у г. Кошанскаго *словами*; реторика — преимущественно *мыслями* (которыми недавно занималась у него логика); поэзія — *чувствованіями* (стало быть, въ поэзіи нѣтъ мыслей!..); въ эстетикѣ *хранятся* (словно въ архивѣ!) *мечтательныя начала* не только словесныхъ наукъ (грамматики, реторики и поэзіи!..), но и всѣхъ искусствъ изящныхъ...

Скучно говорить о такихъ странностяхъ... виноваты — о такой реторикѣ, т. е. о такомъ наборѣ словъ, лишенномъ всякаго содержанія, всякаго значенія, всякаго смысла. «Реторика» г. Кошанскаго, какъ и всѣ реторики, говоритъ и о родахъ прозаическихъ сочиненій, учитъ: какъ писать исторію, какъ писать ученые трактаты, какъ описывать то или другое, какъ писать письма... Что́ за нелѣпость! Да развѣ всему этому выучиваются? Это все равно, что учить (по книгѣ), какъ вести себя на похоронахъ, и какъ держать себя на свадьбѣ, какъ обращаться на балу, и какъ разговаривать на званомъ обѣдѣ. Дайте молодому человѣку прочесть нѣсколько хорошихъ историческихъ сочиненій, познакомьте съ хорошими авторами, между сочиненіями которыхъ есть и описанія, и разсужденія, и письма, и разговоры,— и онъ самъ пойметъ, какъ что пишется. Но вы непремѣнно хотите искажать естественное развитіе, хотите знакомить умъ дѣтей съ предметами, которые не поражали ихъ чувства,—и удивляетесь, что изъ вашихъ учениковъ выходятъ автоматы, которые отлично хорошо знаютъ, какъ что́ пишется, а сами не умѣютъ ничего написать и не въ состояніи понять и оцѣнить написаннаго другими. Г. Кошанскій, по обычаю всѣхъ риторовъ, отъ Василія Кирилловича Тредіаковскаго, профессора элоквенціи, до риторовъ нашего времени, раздѣляетъ слогъ на *высокій*, *средній* и *низкій*, и обстоятельно объясняетъ, какія сочиненія какимъ слогомъ пишутся. Г. Кошанскій забылъ глубокомысленное выраженіе Бюффона: *въ слогѣ весь человѣкъ*, — забылъ, что, кромѣ небывалыхъ высокаго, средняго и низкаго слоговъ, есть еще неисчислимое множество дѣйствительно существующихъ слоговъ: есть слогъ Ломоносова, есть слогъ Державина, слогъ Фонвизина, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Грибоѣдова и проч. Онъ забылъ, что слоговъ не три, а столько, сколько на свѣтѣ даровитыхъ писателей.

И потомъ: что́ за пустая манера раздѣлять сочиненія на роды по внѣшней формѣ, и опредѣлять, къ какому роду сочиненій какой приличенъ слогъ? Вы были свидѣтелемъ наводненія, разрушившаго городъ: въ вашей волѣ описать его въ формѣ письма, или въ формѣ простого разсказа. Слогъ вашего описанія будетъ зависѣть отъ характера впечатлѣнія, которое произвело на васъ это событіе. Какъ можно сказать, какимъ слогомъ должно вамъ написать письмо къ вашему брату о смерти вашего отца? Въ наставленіи о написаніи разсужденій г. Кошанскій ввелъ логику: жаль, что не включилъ онъ въ свою реторику ни географіи, ни минералогіи!.. Что за нелѣпости пишутся подъ именемъ «реторикъ»!

Всякая реторика есть наука вздорная, пустая, вредная, педантская, остатокъ варварскихъ схоластическихъ временъ; всѣ реторики, сколько мы ни знаемъ ихъ на русскомъ языкѣ, нелѣпы и пошлы; но реторика г. Кошанскаго перещеголяла ихъ всѣхъ. И эта книга выходитъ уже *девятымъ* изданіемъ! Сколько же невиннаго народа губила она собою!

*90. **Наставникъ Русской Граматѣ**, *или руководство къ обученію малолѣтныхъ дѣтей, въ самомъ скоромъ времени, чтенію правильному и свободному*. **Изданіе второе.** *Санктпетербургъ. 1845.*

Эта сѣренькая книжка съ такимъ изысканнымъ заглавіемъ посвящается отъ сочинителя *добрымъ родителямъ*; слѣдовательно, дурные или злые родители не могутъ и покупать ее. Намъ даже сдается, что чуть-ли сочинитель не разумѣлъ подъ *добрыми родителями* только тѣхъ родителей, которые будутъ покупать его издѣліе. И онъ не ошибся: всякій, кто купитъ эту книжонку, вполнѣ заслужитъ имя не только добраго родителя, но и добраго человѣка, который по-французски называется bon homme. Сколько штукмейстерства въ этой книжонкѣ! Во-первыхъ, она украшена эпиграфомъ изъ Квинтилліана: «Всегда преимущественнѣе должно стараться о томъ, чтобъ труды наставниковъ были для дѣтей понятны». Какая глубокая мысль! какая премудрая истина! сколько надо учености, чтобъ такъ некстати выудить изъ огромной книги такой замысловатый и такъ безграмотно переведенный эпиграфъ! Прилагательное *преимущественные*, поставленное въ сравнительной степени, заставляетъ читателя думать, что онъ прочелъ только одну часть эпиграфа, за которою должна слѣдовать другая, начинающаяся нарѣчіемъ *нежели;* но этой другой не имѣется. Во-вторыхъ, книжонка, какъ мы уже сказали, посвящаетъ себя *добрымъ родителямъ*, — посвященіе, безъ котораго легко бы могла обойтись книга, уважающая сама себя и не желающая шарлатанить; въ-третьихъ, она назвала себя не просто *азбукою*, *а наставникомъ (въ?) Русской Грамать*. Въ-четвертыхъ, она снабжена прекурьезнымъ предисловіемъ, которое обѣщаетъ чудеса добрымъ родителямъ, чтобы побудить ихъ поскорѣе заплатить за нее сочинителю *два рубли* (серебромъ, или ассигнаціями—на оберткѣ книжонки не означено). Въ-пятыхъ, она съ избыткомъ начинена разнаго рода безграмотностью. Въ-шестыхъ, къ ней приложены первыя четыре правила ариометики, составленныя, въ вопросахъ и отвѣтахъ, по руководству Меморскаго. Въ-седьмыхъ, къ ней приложенъ полулистъ съ рукописными буквами и изображеніемъ руки, которая держитъ перо... Предисловіе лучше всего. Оно начинается такъ: «небольшая эта учебная К(к)нижка, служащая руководствомъ собственно для наставниковъ, для *добрыхъ* отце(о)въ, матерей, *добрыхъ* родственниковъ, и въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть нужда въ учителяхъ,—небольшая эта учебная книжка, *повторяю*, можетъ употреблена быть съ пользою при обученіи малолѣтнихъ дѣтей Р(р)усской Г(г)раматѣ». Далѣе узнаемъ изъ предисловія, что, при посредствѣ *Наставника русской граматы*, «можно, *въ самое короткое время*, выучить читать по Р(р)усски ро(*е*)бенка даже по *пятому* или *шестому* году, не утомляя, *такъ сказать*, слабыхъ его способностей», и что «въ этомъ-то именно и состоитъ существенная выгода этой К(к)нижки. Система, принятая мною въ *оной* (говоритъ сочинитель), есть самая простая и натуральная;(,) а именно—это система *музыкальности* (??!!..)». Наконецъ, глубокомысленный сочинитель долгомъ своимъ считаетъ замѣтить, что «прежде всего, учитель, или просто *добрая мать* должны сами прочитать эту К(к)нижку и хорошо понять начала или элементы системы, въ *оной* предлагаемой», потому-де, что «ро(*е*)бенокъ тогда пойдетъ за ними, при ученіи, *если смею такъ выразиться*, какъ бы по нити А(а)ріадинной». Вотъ до

чего дошли мы съ итальянскою оперою: теперь безъ музыки нельзя и букваря выучить! А вотъ въ чемъ состоятъ элементы музыкальной системы *«простаго Б(б)укваря сего»:* выписавъ, въ порядкѣ, буквы заглавныя или прописныя, сочинитель рекомендуетъ *добрымъ родителямъ* замѣтить ро(е)бенку, что буква *ъ* выговаривается какъ *е*, *э* оборотное тоже какъ *е*, а *ѳ* какъ *ф*. По-истинѣ музыкально! Что буква *ъ* часто выговаривается какъ *е*, это такъ; но слѣдовало бы замѣтить, что буква *е* часто выговаривается какъ *ё*, тогда-какъ *ъ* почти никогда не выговаривается какъ *ё*. Потомъ, съ чего сочинитель взялъ, что *э* выговаривается какъ *е*? Странное дѣло: не знать русскаго букваря—и выдавать себя за наставника русской грамотѣ, да еще по элементамъ музыкальной системы!.. Но далѣе: выписавъ буквы строчныя, сочинитель дѣлаетъ примѣчаніе, въ которомъ преважно толкуетъ, что-де надо объяснить ро(е)бенку, «что такое суть буквы *З(з)аглавныя* и буквы С(с)трочныя», что первыя пишутся послѣ точки и т. д. Скажите: зачѣмъ все это въ букварѣ—развѣ для музыкальности? Правописаніе составляетъ часть грамматики, а совсѣмъ не букваря. Вы взялись выучить читать въ самое короткое время: такъ и держитесь своего обѣщанія, а толковать о грамматикѣ пятилѣтнему или шестилѣтнему ребенку не ваше дѣло. И что вы будете отвѣчать ребенку, или, по-вашему, ро(е)бенку, если онъ спроситъ, что такое точка, что такое буква и т. д.? Но нашего сочинителя не запугаете никакими препятствіями; у него противъ всякаго случая взяты свои мѣры. Онъ говоритъ: «если жъ ро(е)бенокъ, одаренный любопытствомъ слишкомъ раздражительнымъ, пожелалъ бы знать, отчего послѣ точки и во многихъ словахъ, какъ-то: *Богъ*, *Царь* и проч., пишутся буквы *З(з)аглавныя*, въ такомъ случаѣ, вы можете просто и рѣшительно сказать ему: *«послѣ узнаешь»*. Истинно-музыкальная система! И вся-то книжонка эта набита рѣшительно не относящимися къ букварю разглагольствіями, въ которыхъ, если ребенокъ потребуетъ объясненія, ему нечего больше сказать, какъ «послѣ узнаешь»! По этому букварю никакъ нельзя выучить ребенка читать ни минутою скорѣе противъ всѣхъ букварей, которые продаются на ларяхъ Толкучаго рынка. Кто же сочинитель этой нелѣпости? На заглавномъ листкѣ не выставлено его имени, подъ предисловіемъ подписано: *сочинитель;* но, взглянувъ нечаянно на обертку, мы прочли слѣдующія строки: «Изданныя мною книги можно получать *и пр.*» Какія же это книги? А вотъ какія: 1) «Новыя дѣтскія поздравленія, въ стихахъ, съ праздниками. Подарокъ дѣтямъ и родителямъ къ наступающему 1839 году на дни рожденія, именинъ, Рождество Христово, новый годъ и Свѣтлое Воскресенье»; 2) «Прогулка по Россіи»; 3) «Прогулка по Земному Шару»... А! оно—въ чемъ дѣло! Сочинитель *Наставника Русской Грамоты*—не кто иной, стало быть, какъ извѣстный въ Петербургѣ составитель разныхъ книгъ и изданій, г. Бурнашевъ (онъ же к г. Бурьяновъ)—тотъ самый г. Бурнашевъ, который наполняетъ газету *Экономъ* статьями, *переписанными* имъ изъ разныхъ старыхъ и новыхъ изданій; тотъ самый г. Бурнашевъ, который издалъ *Прогулку по Россіи* и *Прогулку по*

Земному Шару; издалъ «Терминологическій Словарь по части сельскаго хозяйства, ремеслъ и пр.», издалъ *Руководство къ роговому издѣлію*, изъ котораго нельзя научиться никакому издѣлію, и, наконецъ, издаетъ *Воскресныя Посидѣлки для добраго народа русскаго*, въ которыхъ нѣтъ грамотности... Напрасно г. Бурнашевъ не выставилъ своего имени на заглавномъ листкѣ *Наставника Русской Грамматъ*: тогда мы не стали бы много тратить словъ объ этой книжонкѣ...

*91. **Леди Анна** (,) **или Сирота**. *Дѣтская повѣсть. Съ Англійскаго. Съ картинками, рисован.* **Р. Жуковскимъ**. *Санктпетербургъ. 1845.*

Чтеніе для дѣтей Перваго Возраста. *Сочиненіе* **Александры Ишимовой**. *Санктпетербургъ. 1845.*

Дѣтскія Комедіи, Повѣсти и Были. *Собранныя* **П. Ф**. *Санктпетербургъ. 1844.*

Дѣтскій Театръ. *Двѣ комедіи.* **1) Волшебница. 2) Ни(е)гритянка.** *Соч.* **Елиз... Клев**... *Санктпетербургъ. 1845. (На французскомъ и русскомъ языкахъ).*

Повѣсти и Сказки, *для дѣтей. Подарокъ къ празднику. Съ 12-тью картинками. 1845.*

Дѣтское Зеркало. *Нравоучительная книжка для дѣтей перваго возраста. (Съ 18-тью картинками).* **Изданіе второе**. *Санктпетербургъ. 1845.*

«О дѣти! дѣти! какъ опасны ваши лѣта!» Вы такъ слабы физически, такъ слабы нравственно! Сколько у васъ враговъ и явныхъ и тайныхъ! Вамъ угрожаютъ прорѣзывающіеся у васъ зубы, оспа, корь, скарлатина, крупъ: это ваши враги явные. А сколько у васъ такихъ враговъ, которые отъ искренняго сердца считаютъ себя вашими друзьями: дражайшіе родители, милыя тетеньки, нѣжныя бабушки, кормилицы, нянюшки, учители, учебныя книги и, наконецъ, эти маленькія книжки съ картинками, которыя издаются для васъ подъ общимъ названіемъ «дѣтскихъ» книгъ. Охъ, эти мнѣ дѣтскія книги. Если у меня будутъ дѣти, и я сдѣлаюсь «дражайшимъ родителемъ», не буду совсѣмъ учить моихъ дѣтей грамотѣ, для того, чтобы избавить ихъ отъ грамматики и реторики г. Греча, отъ реторики г. Кошанскаго, логики г. Рождественскаго, курса русской словесности г. Плаксина и потомъ разныхъ «дѣтскихъ» книгъ съ картинками и безъ *оныхъ*. Пуще всего сохрани Богъ моихъ дѣтей отъ дѣтскихъ романовъ вродѣ *Семейства* Фредерики Бремеръ и дѣтскихъ повѣстей, драмъ и былей вродѣ тѣхъ, которыя у насъ безпрестанно издаются. Чему научатъ всѣ эти книжки моихъ дѣтей? Любить добродѣтель? Сохрани Боже! Съ этой любовью мои дѣти непремѣнно будутъ нищими... Любить правду? Еще хуже! Нѣтъ, благосклонный читатель! вы можете воспитывать своихъ дѣтей какъ вамъ угодно, учить ихъ какимъ-угодно наукамъ, добродѣтелямъ и правдамъ; а я—я буду учить ихъ, прежде всего, заслуживать себѣ хорошую репутацію и умѣть быть со всѣми въ ладу; чуть они изъ колыбели, я уже буду ихъ посылать къ родственникамъ (которые побогаче и съ вѣсомъ) съ поздравленіемъ въ новый годъ, во всѣ праздники, въ именины, въ день

рожденія и т. д. Хоть у меня еще и нѣтъ дѣтей, но я—человѣкъ предусмотрительный: я уже купилъ книжку г. Бурнашева: «Новыя дѣтскія поздравленія, въ стихахъ съ праздниками. Подарокъ дѣтямъ къ наступающему новому 1839 году на дни рожденія, именинъ, Рождества Христова, новый годъ и свѣтлое воскресенье». Превосходная книжка! драгоцѣнная книжка! Хоть мои дѣти и не будутъ ее читать (такъ какъ я рѣшился не учить ихъ грамотѣ), но я самъ выучу ее наизусть, а они выучатъ ее наизусть съ моихъ словъ. Равнымъ образомъ, я купилъ новое изданіе «Учебной Книги Русской Словесности» г-на Греча и выписалъ изъ нея глубокомысленныя, практическою мудростью запечатлѣнныя правила, какъ должно писать письма къ высшимъ себя, равнымъ и низшимъ, и какъ должно подъ ними подписываться. Больше никакихъ книгъ не узнаютъ мои дѣти! Книги, особенно дѣтскія, увѣрили бы ихъ, что добродѣтель — главное дѣло въ жизни, что больше всего надо любить правду, что добродѣтель всегда награждается, а порокъ всегда наказывается: и каково было бы моимъ дѣтямъ, когда бы они, вышедъ изъ моего дома на дорогу жизни, вдругъ увидѣли бы, что въ свѣтѣ все дѣлается рѣшительно наоборотъ тому, какъ разсказываютъ дѣтскія книжки!.. Нѣтъ! что ихъ обманывать заранѣе? зачѣмъ учить тому, чему имъ послѣ надо будетъ разучиваться? Я буду учить ихъ—но не наукамъ, не правиламъ нравственности: человѣкъ добросовѣстный, не лицемѣръ, не лжецъ, я буду учить ихъ играть въ преферансъ и не менѣе важному искусству нравиться людямъ. Я заранѣе убью въ нихъ всякую самобытность; добродѣтелью ихъ съ раннихъ лѣтъ будутъ: скромность, аккуратность, бережливость, учтивость, ласковость, веселый видъ, даже когда ихъ бьютъ и унижаютъ... Да, не узнаютъ они никогда, что такое «дѣтскія книги», никогда не прочтутъ они *Леди Анны*... Бѣдная леди Анна! Сколько она вытерпѣла: ее ругали, били, морили голодомъ, холодомъ, за то, что она была кротка, послушна, терпѣлива, прилежна, за то, что она не хотѣла обворовывать своихъ благодѣтелей: все точь-въ-точь, какъ это бываетъ въ жизни! Но она осталась тверда въ добродѣтели, но она нашла своего отца, сдѣлалась богата, знатна, счастлива: точь-въ-точь какъ бываетъ это... въ дѣтскихъ книгахъ!.. А что за прелесть—*Чтеніе для дѣтей перваго возраста* г-жи Ишимовой! Какія правила, какая чистѣйшая нравственность, сколько наставленій, и какими разительными примѣрами, взятыми изъ міра... дѣтскихъ книгъ, подкрѣплено все это!.. *Леди Анна*—романъ, не лишенный занимательности, безъ сентенцій; книжка г-жи Ишимовой, напротивъ, вся наполнена сентенціями, и дѣти могутъ легко набраться изъ нея мудрости на всю свою жизнь, хотя бы имъ суждены были маѳусаиловы лѣта. *Леди Анна* переведена порядочно, издана недурно; книжка г-жи Ишимовой написана хорошимъ русскимъ языкомъ и издана даже очень хорошо. О прочихъ книжкахъ, поименованныхъ въ началѣ нашей статьи, мы скажемъ только, что о нихъ нечего сказать,—кромѣ послѣдней—*Дѣтскаго Зеркала:* это кривое и облупленное зеркало—перепечатка старой, перестарой и предрянной книжонки; издатель ея, г. Заикинъ, украсилъ ее картинками, весьма неизящными.

92. Портретная галлерея русскихъ писателей I. Кантемиръ. — — *Седьмая* сатира, *къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому*, написанная въ 1739 году, въ Парижѣ, разсуждаетъ «о воспитаніи». Эта сатира исполнена такихъ здравыхъ, *гуманныхъ* понятій о воспитаніи, что стоила бы и теперь быть напечатанною золотыми буквами; и не худо было бы, если бы вступающіе въ бракъ предварительно заучивали ее наизусть.

Вотъ нѣсколько отрывковъ на выдержку:

Завсегда дѣтямъ твердя строгіе уставы
Наскучишь: истребишь въ нихъ всяку любовь славы,
Если часто предъ людьми обличать ихъ станешь:
Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде станешь торопить лишно спѣша дѣло;
Наединѣ исправлять можешь ты ихъ смѣло.
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Нежь суровость въ цѣлый годъ; кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ загладитъ
Смѣлость, и безвременно торопѣть повадитъ.
Щастливъ, кто надеждою похвалъ взбудить знаетъ
Младенца; много тому примѣръ пособляетъ:
Относятъ къ сердцу глаза вѣсть уха скоряе.
. . . . . .
Не одни тѣ растятъ насъ, коимъ наше дѣтство
Ввѣрено; со всѣхъ сторонъ находитъ посредство
Вскользнуться внутрь сердца нравъ: *все, что окружаетъ*
Младенца, произвести въ немъ нравъ помогаетъ.
Обычно цвѣтъ чистоты первый увядаетъ
Отрока въ объятіяхъ рабыни; и знаетъ
Унесши младенецъ что, небомъ и землею
Отлыгаться предъ отцомъ, наставленъ слугою.
Слуги язва дѣтей; родителей злѣе
Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честнѣе,
Если-бъ мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.

Повторяемъ: такія мысли о воспитаніи и теперь скорѣе новы, нежели стары. — —

***93. Другъ Дѣтей,** *книга для первоначальнаго чтенія.* **Изданіе четвертое.** *Санктпетербургъ. 1845.*

Весьма полезная и давно извѣстная книга, употребляемая въ подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія учебныхъ заведеніяхъ. Это одно можетъ уже служить ей хорошею рекомендаціею, которую подтверждаетъ еще то, что она выходитъ теперь четвертымъ изданіемъ.

*** 94. Сто Новыхъ Дѣтскихъ Повѣстей,** *съ правоученіями въ стихахъ. Книжка для подарка дѣтямъ. Перевелъ изъ сочиненій Шмита* **Б. Θеодоровъ.** *Часть первая.* **Изданіе второе** *исправленное и дополненное. Санктпетербургъ. 1845.*

На своемъ вѣку, я уже не однажды имѣлъ случаи писать о сочиненіяхъ г. Б. Θедорова (или Θеодорова, какъ напечатано на оберткѣ этихъ повѣстей), а, слѣдовательно, и брать ихъ въ руки; но смѣю увѣрить читателей — я никогда въ такихъ случаяхъ не испытывалъ

непріятнаго ощущенія, въ которомъ, быть можетъ, имъ угодно подозрѣвать меня. Напротивъ! Я даже очень люблю сочиненія г. Б. Ѳедорова, и если кто-нибудь сказалъ вамъ противное, то, въ опроверженіе столь огорчительной для меня клеветы, считаю долгомъ объявить слѣдующее:

1) Я не надѣваю перчатокъ, принимаясь за сочиненія г. Б. Ѳедорова и вообще не принимаю въ такихъ случаяхъ предосторожностей, употребляемыхъ, когда хотятъ взять въ руки что-либо непріятное и неопрятное.

2) Я не засыпаю за сочиненіями г. Б. Ѳедорова и не вижу во снѣ, навѣянномъ ими, самолюбивой и жалкой безталантности, которая ведетъ подробнѣйшій журналъ всего, что кажется ей преступленіями въ ея противникахъ, и готова прислужиться имъ всякому.

3) Я не впадаю, по поводу сочиненій г. Б. Ѳедорова, въ тяжелыя размышленія о участи ослѣпленной бездарности, попавшей, какъ говорится, не въ свои сани и упорно остающейся въ нихъ, не смотря на то, что грязныя брызги летятъ на нее со всѣхъ сторонъ.

Оговорившись такимъ образомъ, смѣло уже беру въ руки «Сто Новыхъ Дѣтскихъ Повѣстей» г. Б. Ѳедорова, не надѣясь нисколько удивить тѣмъ читателей,—беру и читаю:

Молодая Яблоня.

Егорушка и Лизанька всегда старались доставлять родителямъ своимъ нечаянное удовольствіе. Однажды, когда *они* помогали *имъ* работать въ саду (*здѣсь немножко трудно догадаться, кто кому помогалъ работать въ саду, но въ этомъ и нѣтъ большой надобности*), отецъ сказалъ: «въ этомъ уголкѣ хорошо бы посадить еще одно деревцо».

Приближался день рожденія отца; добрыя дѣти тайно купили прекрасную яблоньку съ корнемъ и наканунѣ желаннаго дня пробрались потихоньку позади грядокъ посадить ее. «Какъ папенька обрадуется!» говорили дѣти между собою: «когда онъ, войдя поутру въ садъ, увидитъ эту прекрасную яблонь!»

Лизанька держала деревцо, между тѣмъ Егорушка рылъ землю лопатою; вдругъ они услышали, что въ землѣ что-то треснуло; потомъ заблестѣло и какъ будто посыпались искры. Егорушка разбилъ своею лопатою глиняный горшокъ, въ которомъ спрятано было нѣсколько золотыхъ монетъ и множество серебряныхъ, блестѣвшихъ при свѣтѣ луны.

«Кладъ! кладъ!» вскричали дѣти въ восторгѣ и побѣжали увѣдомить родителей о счастливой находкѣ.

«Любезныя дѣти!» сказалъ отецъ: «Богъ милостиво смотрѣлъ на привязанность вашу къ намъ. Онъ награждаетъ дѣтскую любовь. Продолжайте быть добрыми дѣтьми,—и Богъ дастъ вамъ сокровища лучшія, чѣмъ золото и серебро.

Вы думаете — конецъ? Нѣтъ! если вы такъ думаете, то вы не знаете г. Б. Ѳедорова! Здѣсь слѣдуетъ именно то, что должно слѣдовать,—то, что въ заглавіи названо *нравоученіями въ стихахъ:*

Когда родителей ты любишь съ юныхъ *лѣтъ*,
Богъ счастія тебѣ пошлетъ!

Мнѣ нравятся повѣсти г. Б. Ѳедорова, но мнѣ особенно нравятся нравоученія въ стихахъ, въ которыхъ, такъ сказать, вся сущ-

ность повѣстей, и которыя, безъ всякаго сомнѣнія, есть изобрѣтеніе русскаго сочинителя. Потому я исключительно и займусь нравоученіями въ стихахъ. Къ счастью, они и недлинны: въ заключеніе къ каждой повѣсти не болѣе двухъ стиховъ, но зато какіе стихи!

Благотворительность, святое состраданье
И въ небесахъ, и здѣсь получатъ воздаянье!
Благотвореньями осыпалъ насъ Творецъ:
Мы посвятимъ ему признательность сердецъ.
За похитителемъ *бѣжитъ*
И наказаніе и стыдъ.
Есть Богъ, каратель зла; правдивыхъ онъ хранитъ;
Порокъ отъ стрѣлъ его нигдѣ не убѣжитъ.
Подай несчастному и помочь и *привѣтъ*,
Быть можетъ, что тебя онъ отъ бѣды *спасетъ*.
Приманчивымъ чертамъ надменной красоты
Предпочитайте видъ смиренной доброты.
Въ желаньяхъ сходенъ будь съ *лиліи* чистотой,
И будешь ты цвѣсти *какъ роза* красотой.
Ложь въ страхѣ быть всегда должна
И рано-ль, поздно-ли—откроется она.
Пріятно все, что сладко и прекрасно,
Но съ безразсудствомъ все опасно.
Кто похищаетъ или лжетъ,
Тотъ наказанью подпадетъ.
Кто сострадателенъ, тому и жить отраднѣй,
Свѣтлѣе день и ночь пріятнѣй.
Лучше чѣмъ поздно ложиться—
Съ ранней зарей пробудиться.

Какія глубокомысленныя двустишія! Много ихъ еще въ «Новыхъ Дѣтскихъ Повѣстяхъ», но я не выписываю всѣхъ, потому что—повѣрятъ ли читатели столь дерзостному покушенію?—я намѣренъ сочинить здѣсь нѣсколько своихъ нравоученій... Начинаю:

Неосторожно бойтеся ходить,
Чтобъ ногъ не изломать и носу не разбить.
Кому дала природа мѣдный лобъ,
Тотъ съ мѣднымъ лбомъ останется по гробъ.
Ты къ лѣту не бросай съ презрѣніемъ галошъ:
Здоровье ими ты подъ осень сбережешь.
О взрослыхъ ли писать берешься, для малютокъ—
Хоть крошечный имѣть совѣтую разсудокъ.
Кто нравъ крутой имѣетъ и свирѣпый,
Тому покажется и сахаръ хуже рѣпы...

Довольно! на первый разъ очень довольно! Теперь мнѣ остается только присочинить къ этимъ *нравоученіямъ въ стихахъ* — небольшіе разсказы въ прозѣ, и я могу сдѣлаться просвѣтителемъ и наставителемъ юношества въ моемъ отечествѣ. А все благодаря книгѣ г. Б. Ѳедорова, который, кромѣ многихъ другихъ достоинствъ, отличается еще силою вдохновительною. Я ею очень доволенъ.

Что касается до читателей, то они и безъ меня очень хорошо знаютъ, что думать о новомъ или вновь изданномъ сочиненіи г. Б. Ѳедорова. На оберткѣ читаемъ слова: изданіе второе, *исправленное* и *дополненное*. Они совершенно справедливы, потому что изданіе дѣйстви-

тельно исправлено и дополнено. *Исправленіе* относится къ тому, что фамилія сочинителя, писавшаяся въ продолженіе многихъ лѣтъ безграмотно (что неоднократно было замѣчаемо журналами), чрезъ букву *Ф*, вмѣсто *Ѳ*, — здѣсь наконецъ явилось съ *Ѳ*-ою, а дополненіе состоитъ въ томъ, что въ той же фамиліи сочинителя *прибавлена одна буква*, именно: въ заглавіи выставлено не Федоровъ, какъ встарину выставлялось, а ѲеОдоровъ... Подите, спорьте послѣ этого съ сочинителемъ, что новое изданіе его повѣстей не исправлено и не дополнено!

* **95. Сказка о Двухъ Крестьянахъ Домостроительномъ и Расточительномъ.** *Санктпетербургъ. 1844.*

Изъ самаго заглавія видно, о чемъ идетъ дѣло. Одинъ мужикъ пьянъ, буйствуетъ, лѣнится и умираетъ въ нищетѣ и позорѣ; другой живетъ честно, трудится, *домостроительствуетъ*, и вслѣдствіе того, наживаетъ изрядное количество денегъ, женится на *доброй* женѣ, приживаетъ *добрыхъ* сыновей, которымъ находитъ *добрыхъ* женъ, и за всѣ свои добродѣтели удостаивается дождаться на бѣломъ свѣтѣ внуковъ, разумѣется, тоже *добрыхъ*. Перваго мужика звали Ѳедоромъ Васильевичемъ, второго—Николаемъ Кузьмичемъ. Слѣдуетъ нравоученіе: чтобъ не быть *Ѳедорами Васильевичами*, бойтесь, дѣти, жить такъ, какъ жилъ Ѳедоръ Васильевичъ; но чтобъ быть *Николаями Кузьмичами*, по мнѣнію сочинителя, не нужно даже жить такъ, какъ жилъ Николай Кузьмичъ: «*читайте только почаще эту сказку*»—говоритъ онъ—«*вы будете имп*». «Разсказъ о Двухъ Крестьянахъ Домостроительномъ и Расточительномъ» кончился, но книга еще не кончилась. Слѣдуетъ сказка для крестьянскихъ дѣвушекъ «О двухъ женахъ доброй и сердитой», о которой ничего не сказано въ заглавіи. Тутъ опять та же исторія. Маша была *добрая* жена: сносила терпѣливо побои пьянаго мужа, его невѣрность, наговоры свекрови, ея брань и капризы,—«и вотъ у ней стало всего вдоволь: и огурцовъ, и капусты, и моркови, и свеклы, и рѣпы, и картофеля и всякой всячины не только для домашняго обихода, но и добрымъ людямъ и на продажу». А Паша была жена *сердитая* и оттого у нея былъ вѣчный недостатокъ въ огурцахъ, капустѣ, рѣпѣ, моркови, свеклѣ и картофелѣ. Слѣдуетъ наставительное заключеніе: «Теперь скажите, милыя дѣвушки, которой вы хотите лучше быть,—Машей или Пашей? Я вижу, знаю, вы всѣ хотѣли бы быть Машами; смотрите же подражайте ей; живите такъ, какъ она жила; старайтесь быть послушны, кротки, ласковы ко всѣмъ; угождайте всѣмъ, особенно своимъ роднымъ, *семьянымъ*; пуще всего бойтесь браниться, сердиться, даже шутя, съ кѣмъ бы то ни было; и вы будете такъ же счастливы, какъ Маша».

Разсказъ этотъ въ своемъ родѣ стоитъ дѣтскихъ повѣстей г. Б. Ѳеодорова.

96. Тарантасъ. *Путевыя впечатлѣнія. Сочиненіе графа* **В. А. Соллогуба.** *Санктпетербургъ. 1845.*

— — Но обратимся къ Василію Ивановичу. Онъ росъ себѣ, говоритъ авторъ, по простымъ законамъ природы, какъ растетъ капуста, или

горохъ. Десяти лѣтъ началъ онъ учиться у дьячка грамотѣ и два года долбилъ азы; писать онъ выучился прескверно и кончилъ свой курсъ наукъ катихизисомъ и ариѳметикою въ вопросахъ и отвѣтахъ. Кромѣ дьячка, у него былъ еще учителемъ отставной унтеръ-офицеръ, изъ Малороссіянъ, Вухтичъ.

«Получалъ онъ (Вухтичъ) жалованья шестьдесятъ рублей въ годъ, да отсыпной муки по два пуда въ мѣсяцъ, да изношенное платье съ барскаго плеча и нѣчто изъ обуви. Кромѣ того, такъ какъ платья было не много, потому что Иванъ Федотовичъ вѣчно ходилъ въ халатѣ, то Вухтичу было еще предоставлено въ утѣшеніе держать свою корову на господскомъ кормѣ. Василій Ивановичъ мало оказывалъ почтенія учителю, ѣздилъ верхомъ на его спинѣ, дразнилъ его языкомъ и нерѣдко швырялъ ему книгой прямо въ носъ. Если же терпѣливый Вухтичъ и выйдетъ, бывало, наконецъ, изъ терпѣнія и схватится за линейку, Василій Ивановичъ кувыркомъ побѣжитъ жаловаться тятинькѣ, что учитель его такой, сякой, бьетъ-де его палкой и бранитъ его дурными словами. Тятинька спьяна раскричится на Вухтича. «Ахъ, ты, сѣдой этакой песъ, я тебя кормлю и одѣваю, а ты у меня въ дому шумѣть задумалъ. Вотъ я тебя... смотри—по шеямъ велю выпроводить. Не давать коровѣ его сѣна..» А кумушки и прижившалки окружатъ Василія Ивановича и начнутъ его утѣшать... Непаглядное ты наше красное солнышко, свѣтъ наша радость, баринъ вы нашъ, позвольте ручку поцаловать... Не слушайтесь, ягода, золотой вы нашъ, хохла поганаго. Онъ мужикъ, нашъ братъ... Гдѣ ему знать, какъ съ знатными господами обиходъ имѣть...

— «Что-жъ въ самомъ дѣлѣ, думалъ Вухтичъ, не ходить же по міру... Заключеніемъ всего этого было то, что Вухтичъ женился на дворовой дѣвкѣ, получилъ въ награжденіе двѣ десятины земли и воспитаніе Василія Ивановича было окончено» (стр. 177).

Изобразивъ съ такою поразительною вѣрностью «воспитаніе» *Василія Ивановича* и сказавъ, что даже и оно не испортило его доброй натуры,—авторъ удивляется тому, что всѣ наши дѣды и прадѣды воспитывались такъ же, какъ и *Василій Ивановичъ*, а, между тѣмъ, не въ примѣръ намъ были отличнѣйшіе люди, съ твердыми правилами, что особенно доказывается тѣмъ, что они «крѣпко хранили, не по логическому убѣжденію, а по *какому-то странному* (?) внушенію (?!) любовь ко всѣмъ нашимъ отечественнымъ постановленіямъ» (*стр.* 179). Здѣсь авторъ что-то темновато разсуждаетъ; но, сколько мы можемъ понять, подъ отечественными постановленіями онъ разумѣетъ старые обычаи, которыхъ наши дѣды и прадѣды, дѣйствительно, крѣпко держались. Кому не извѣстно, чего стоило Петру Великому сбрить бороду только съ малѣйшей части своихъ подданныхъ? Впрочемъ, добродѣтель, которая возбуждаетъ такой энтузіазмъ въ авторѣ «Тарантаса», и которая заключается въ крѣпкомъ храненіи старыхъ обычаевъ, именно изъ того и вытекала, что наши дѣды и прадѣды, какъ говоритъ Соллогубъ, «были точно люди не грамотные» (*стр.* 179). Мы не можемъ придти въ себя отъ удивленія, не понимая, чему же авторъ тутъ удивляется... Эта добродѣтель и теперь еще сохранилась на Руси, именно между старообрядцами разныхъ толковъ, которые, какъ извѣстно, въ грамотѣ очень несильны. Китайцы тоже отличаются этою добродѣтелью, именно потому, что они, при своей грамотности, ужасные невѣжды и обскуранты. Но

еще больше Китайцевъ отличаются этою добродѣтелью безчисленныя породы безсловесныхъ, которыя совсѣмъ неспособны знать грамоты, и которыя до сихъ поръ живутъ точь-въ-точь, какъ жили ихъ предки съ перваго дня созданія... Вотъ, если бы авторъ «Тарантаса» нашелъ гдѣ-нибудь людей просвѣщенныхъ и образованныхъ, но которые крѣпко держатся старыхъ обычаевъ, и удивился бы этому, тогда бы мы нисколько не удивились его удивленію и вполнѣ раздѣлили бы его... — —

Воспитаніе его поручено было французскому гувернеру. «Всѣмъ извѣстно», говоритъ авторъ, «что Французы долго мстили намъ за свою неудачу, оставивъ за собою несмѣтное количество фельдфебелей, фельдшеровъ, сапожниковъ, которые, подъ предлогомъ воспитанія, испортили на Руси едва ли не цѣлое поколѣніе» (*стр.* 197). Замѣчаніе энергическое и остроумное, но, во-первыхъ, совсѣмъ не новое— оно уже тысячу тысячъ разъ было предметомъ посильныхъ остротъ журналовъ и нравоучительныхъ романовъ добраго стараго времени; во-вторыхъ, оно едва-ли основательно. Человѣку, несчастною судьбою занесенному въ чужую страну, нѣчего ѣсть, а умирать съ голоду, естественно, не хочется: что жъ тутъ острить, что онъ схватился даже и за воспитаніе, чтобъ добыть кусокъ хлѣба? Авторъ могъ бы безъ всякихъ натяжекъ обнаружить свое остроуміе насчетъ невѣждъ, которые Богъ знаетъ кому поручали воспитаніе своихъ дѣтей: все смѣшное на сторонѣ сихъ дражайшихъ родителей. Эмигрантовъ авторъ не смѣшиваетъ съ этой саранчою: да, французскіе эмигранты, конечно, люди почтенные въ глазахъ многихъ, и мы не станемъ спорить съ этими «многими». Гувернеръ *Ивана Васильевича* былъ эмигрантъ. Съ удивительною ироніею авторъ разсказываетъ намъ, какъ *Иванъ Васильевичъ* узналъ, что Расинъ первый поэтъ въ мірѣ, а Вольтеръ такая тьма мудрости, что и подумать страшно. Воспитаніе *Ивана Васильевича*, какъ и слѣдуетъ, было самое поверхностное и безтолковое, уже потому только, что его воспитывалъ человѣкъ, который случайно сдѣлался воспитателемъ. Это такъ естественно! А, между тѣмъ, мы далеки отъ того, чтобъ слишкомъ нападать и на родителей, поручавшихъ своихъ дѣтей такимъ воспитателямъ. Гдѣ же имъ было искать лучшихъ? Университеты русскіе тогда были совсѣмъ не то, что теперь, а ученые того времени, за слишкомъ рѣдкими исключеніями, часто казались сродни *зеленому господину* въ «Петербургскихъ Углахъ» г. Некрасова. Слѣдовательно, въ такомъ состояніи воспитанія никто не былъ виноватъ, и намъ кажется, что даровитый авторъ обращаетъ на воспитаніе слишкомъ исключительное вниманіе, почти вовсе упуская изъ вида натуру своего героя. Въ такомъ воспитаніи, вся надежда на добрую натуру воспитанника. Вѣдь, *Василій Ивановичъ*, по словамъ автора, не погибъ же отъ самаго ужаснаго воспитанія, благодаря добрымъ наклонностямъ его природы? Почему же съ *Иваномъ Васильевичемъ* не то сбылось? А, вѣдь, онъ, даже и по воспитанію, имѣлъ огромныя преимущества передъ *Василіемъ Ивановичемъ*, потому что зналъ хотя одинъ иностранный языкъ (а это — совсѣмъ не пустяки) и имѣлъ хоть какія-нибудь познанія, какъ бы поверхностны и пусты они ни были. Будь

у него добрая натура, ему не поздно было бы проснуться отъ своего ничтожества даже въ двадцать лѣтъ, и дѣльнымъ трудомъ (который для него былъ такъ возможенъ, потому что онъ зналъ уже иностранный языкъ) воротить потерянное въ дѣтствѣ время. И какую пользу принесло бы ему путешествіе въ Европу!.. Но мы сейчасъ увидимъ, какъ воспользовалась этимъ путешествіемъ слабая голова *Ивана Васильевича*. Авторъ самъ чувствовалъ необходимость взглянуть на натуру своего героя, но сдѣлалъ это вскользь и не совсѣмъ впопадъ: «*Иванъ Васильевичъ* былъ мальчикъ совершенно славянской породы, то-есть лѣнивый, но бойкій» (*стр.* 199). Такъ; русская лѣнь — большая помѣха во всемъ русскому человѣку, но еще не непреодолимое препятствіе, и не въ ней—корень зла: корень лежитъ глубже, его надо искать въ отсутствіи опредѣленнаго общественнаго мнѣнія, которое каждому указывало бы его путь, а не становило бы его на распутьи, говоря: иди куда хочешь. Что же касается до *Ивана Васильевича*, корень зла его жизни заключался въ его слабой, ничтожной натуришкѣ, неспособной ни къ убѣжденію ни къ страсти и вѣчно гонявшейся за убѣжденіями и страстями не по внутренней потребности, а по самолюбію и отъ скуки. Отъ гувернера перешелъ онъ въ одинъ частный пансіонъ въ Петербургѣ, гдѣ наблюдалась удивительная чистота, а учили вздорамъ и плохо. *Иванъ Васильевичъ* лѣнился и молодечествовалъ трубкою, водкою и другими пороками взрослыхъ, а на выпускномъ экзаменѣ срѣзался. Это заставило его подумать о себѣ. «Онъ почувствовалъ, что не рожденъ для безсмысленнаго разврата, а что въ немъ таится что-то живое, благородное, просящееся на свѣтъ, требующее дѣятельности, возвышающее душу». Онъ бы не прочь былъ и приняться за свое перевоспитаніе; «но какъ начать учиться, когда нѣкоторые товарищи «уже *титулярные совѣтники* и веселятся въ свѣтѣ?» А! вотъ что! Мелкая натура сказалась! Ступайте-ка служить, Иванъ Васильевичъ—куда вамъ учиться! Но оказалось, что онъ не годился и въ чиновники, и потому бросилъ службу; потомъ влюбился,—и тутъ толку не было; бросился въ свѣтъ,—и то надоѣло; хватался за поэтовъ, за науки, «принимался за все сгоряча, но горячность скоро проходила; онъ утомлялся и искалъ минутнаго разсѣянія, глупой забавы. Онъ сдѣлался истинножалкимъ человѣкомъ, не оттого, чтобъ положеніе его было несчастливое, но оттого, что онъ *ни въ чемъ не могъ принимать долго участія*, оттого, что самъ собою былъ недоволенъ, оттого, что онъ усталъ самъ отъ самого себя». Наконецъ онъ отправился за границу. Сперва посѣтилъ Берлинъ. «Знаменитости, передъ которыми онъ готовился благоговѣть, произвели на него то же самое впечатлѣніе, какъ кассиръ его министерства или излеровскій маркеръ. *У одной знаменитости былъ носъ толстый, у другой — бородавка на щекѣ*». Вздумалъ было посѣщать лекціи, но увидѣлъ, что безъ приготовленія нельзя ихъ понимать. «Въ Германіи объяснилась ему тайна воспитанія. Онъ видѣлъ, какъ здѣсь каждый человѣкъ, отъ мужика до принца, вращается въ своемъ кругѣ терпѣливо и систематически, не заносясь слишкомъ высоко, не падая слишкомъ низко. Онъ видѣлъ,

какъ каждый человѣкъ выбираетъ себѣ дорогу и идетъ себѣ постоянно по этой дорогѣ, не заглядываясь на стороны, не теряя ни разу изъ виду своей цѣли». И жалкій бѣднякъ, который уже своею натурою осужденъ навѣкъ остаться духовно-малолѣтнимъ, принялся проклинать своего Француза-наставника, вмѣсто того, чтобъ ругнуть хорошенько самого себя... Потомъ онъ началъ ругать Нѣмцевъ, за то, что они дѣльнѣе его: для слабыхъ натуръ это не послѣднее средство утѣшиться въ горѣ! Но, кромѣ того, вообще въ русской натурѣ— оправдываться въ своихъ недостаткахъ недостатками другихъ; одна изъ любимыхъ поговорокъ русскаго человѣка: *славны бубны за горами...* — —

*97. **Альманахъ для дѣтей.** *Украшенный рисунками и виньетками г. Ковригина, гравированными на деревѣ барономъ Нетгель-горстомъ. Санктпетербургъ 1845.*

Съ нѣкотораго времени дѣтскія книжки сдѣлали у насъ большой успѣхъ: онѣ издаются теперь большею частью грамотно, опрятно, даже красиво и съ хорошенькими картинками. Политипажное искусство больше всего подвинуло впередъ эту отрасль—не литературы (о литературѣ тутъ нѣтъ и вопроса), а книжной торговли. *Альманахъ для Дѣтей* рѣшительно обогналъ всѣ другія дѣтскія книги и во всемъ блескѣ выказалъ, какъ легко теперь составлять и издавать подобныя книжки, такъ, чтобъ онѣ и со стороны содержанія и со стороны картинокъ казались удовлетворительными. Вотъ изъ чего состоитъ этотъ альманахъ. Пьеса первая: *Появленіе Весны:* какъ вы думаете, что бы это такое было? Первая строфа изъ седьмой главы *Евгенія Онѣгина*. Къ ней приложена виньетка, изображающая качанье мужиковъ и бабъ на качеляхъ: согласитесь, что эта виньетка очень идетъ къ строфѣ Пушкина... къ ней же, должно быть, приложена еще картинка, кажется, изъ изданной г. Кириловымъ книжки—*Типы Современныхъ Нравовъ*, представляющая разодѣтыхъ провинціальныхъ господъ, купцовъ и мужиковъ. Пьеса вторая: *Письмо отца къ сыну кадету*—весьма плохая вещь! Приложенная къ ней картинка изображаетъ отца, запечатывающаго письмо свое къ сыну... И такимъ образомъ составлена вся книжка. Вы встрѣтите въ ней: *Другое письмо отца къ сыну кадету*, тоже преплохое; сказку Пушкина *О рыбакѣ и рыбкѣ*, нѣсколько басенъ Крылова, очень неудачно выбранныхъ для дѣтей; стихотворенія и отрывки изъ стихотвореній Подолинскаго, Лермонтова, Хомякова, Петерсона, Шевцова и т. д. Большая часть картинокъ совсѣмъ не идетъ къ тексту. А, между тѣмъ, текстъ блистаетъ именами Крылова, Пушкина и Лермонтова (для тѣни вставлены имена гг. Петерсоновъ, Шевцовыхъ и подобныхъ имъ), картинки недурны—чѣмъ не книжка для дѣтей?.. Да здравствуетъ промышленность!..

Впрочемъ, изъ прозаическихъ статей этой книжки можно замѣтить двѣ: недурной и полезный для дѣтей *Разсказъ о ночныхъ привидѣніяхъ* и *Отрывокъ изъ жизни И. А. Крылова*—просто анекдотъ о Крыловѣ, разсказанный г. Лобановымъ. Анекдотъ очень милъ, и, такъ какъ онъ невеликъ, мы выписываемъ его:

«Когда удары отъ прилива крови въ головѣ начали поражать Ивана Андреевича такъ, что при второмъ ударѣ здоровье его сильно пострадало, доктора совѣтовали ему прохаживаться въ полуденное время. Неохотникъ до лекарствъ и докторовъ, въ этотъ разъ онъ послушался ихъ. Лѣтомъ онъ ходилъ на разныя дачи, иногда очень отдаленныя, напримѣръ, въ Пріютино, принадлежавшее А. Н. Оленину. Однажды, пришедши ко мнѣ на Карповку, онъ сказалъ: «*До вашего дому отъ Гостинаго двора четыре версты и столько-то шаговъ*». Онъ имѣлъ терпѣніе шагами измѣрять разстоянія! Осенью, въ дождливое и ненастное время, избралъ онъ для прогулки второй ярусъ Гостинаго двора, который онъ обходилъ каждый день пять разъ кругомъ. Сидѣльцы нѣкоторыхъ лавокъ,—кому они не надоѣдаютъ!—докучливые крикуны, выхваляя свои товары, обыкновенно зазываютъ прохожихъ въ свои лавки. Разъ они жестоко атаковали Ивана Андреевича. — «У насъ самые лучшіе мѣха; пожалуйте-съ, пожалуйте-съ»; схватили его за руки и невольно втащили въ лавку; Иванъ Андреевичъ рѣшился ихъ проучить. «Ну, сказалъ онъ, съ терпѣніемъ разсѣвшись на скамейкѣ, *покажите же что у васъ хорошаго?* Сидѣльцы натаскали ему енотовыхъ и медвѣжьихъ мѣховъ. Онъ развертывалъ, разглядывалъ ихъ: «*Хороши, хороши; а есть ли еще лучше?*» Есть-съ. Притащили еще. — «*Хороши и эти; да нѣтъ ли еще получше?*» Извольте съ, извольте-съ. Еще разостлали передъ нимъ множество мѣховъ. Такимъ образомъ онъ перерылъ всю ихъ лавку. — «*Ну, благодарствуйте*, сказалъ онъ наконецъ, *у васъ много прекрасныхъ вещей; прощайте*».—Какъ сударь, да развѣ вамъ не угодно купить?—«*Нѣтъ, мои друзья, мнѣ ничего не надобно; я прохаживаюсь здѣсь для здоровья, а вы насильно затащили меня въ вашу лавку*».

Не успѣлъ онъ выйти изъ этой лавки, какъ сидѣльцы слѣдующей подхватили его. «У насъ самые лучшіе, пожалуйте-съ», и втащили его въ свою лавку. Иванъ Андреевичъ такимъ же образомъ перерылъ весь ихъ товаръ, похвалилъ его, поблагодарилъ торговцевъ за показъ и вышелъ. Сидѣльцы слѣдующихъ лавокъ, перешептываясь между собою и улыбаясь, дали ему свободный проходъ. Они уже узнали о его проказахъ изъ первой лавки, и съ тѣхъ поръ онъ свободно и спокойно прогуливался по Гостиному двору и только откланивался на учтивые поклоны и веселую улыбку своихъ знакомыхъ сидѣльцевъ».

* **98. Географія,** *составленная* **Александромъ Чертковымъ.** *Санктпетербургъ. 1845.*

Превеселая географія! Чтобъ ученикамъ не скучно было учиться по ней, она то пренаивно любезничаетъ съ ними, то пренаивно смѣшитъ ихъ. Потѣха начинается съ предисловія, а предисловіе начинается такъ:

«Сочинитель издаваемой географіи *первымъ долгомъ* считаетъ объявить въ своемъ предисловіи (,) какъ о необходимости изданія географіи, такъ и о планѣ самого сочиненія.

Изданіе географіи возможно: ибо всякій, желающій издать въ свѣтъ географію, имѣетъ собственный взглядъ, свое умѣнье *расположить предметы науки*, большія или меньшія силы (,) чтобъ воспользоваться матеріалами, наконецъ (,) имѣетъ свою цѣль (.) т. е. приноровленіе (*чего?*) къ извѣстному возрасту учащихся и къ самому мѣсту воспитанія.

Изданіе географіи, въ которой выполнены всѣ эти условія, необходимо: потому что учащійся, пользуясь такою книгою, можетъ имѣть полное понятіе о предметѣ *сей* науки».

Справедливо, все справедливо, хотя и безграмотно! такъ справедливо и такъ всѣмъ извѣстно, что сочинителю не изъ чего было хлопотать о доказательствахъ, что зимою холодно, а лѣтомъ тепло.

«Изложивъ, какъ сумѣлъ, возможность и необходимость изданія географіи, сочинитель вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ необходимымъ отвѣтить на тѣ вопросы, *кои* предложитъ ему критика, лишь только въ свѣтъ появится его сочиненіе, вопросы, для него казавшіеся важными, *какъ бы по понятію его тѣ вопросительные пункты*, отъ *коихъ* никогда не можетъ отказаться отвѣтчикъ-подсудимый.

Вопросы эти слѣдующіе:

Зачѣмъ кто-то, вовсе неизвѣстный, осмѣлился печатать географію?

Развѣ нѣтъ у насъ географіи?

Что новаго въ состояніи онъ сказать?

Не есть ли сочиненіе его повторенная выписка изъ книгъ, прежде изданныхъ?

Не для спекуляціи ли мнимо-ученый, *подобравъ въ свои руки* нѣсколько географическихъ сочиненій, вписалъ въ одну книгу по нѣскольку строкъ и страницъ, то изъ одного, то изъ другого?

По мнѣнію г. Черткова, нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ—не лишніе, и онъ не обидѣлся бы, если бы ихъ ему предложили. Вѣримъ ему на-слово; но не вѣримъ, чтобы гдѣ-нибудь могла существовать нелѣпая критика, способная предлагать сочинителямъ такіе нелѣпые вопросы. Почему *кто-то вовсе неизвѣстный* не имѣетъ права издать своего сочиненія? Да и какой авторъ, самый знаменитый и славный, не былъ *кѣмъ-то вовсе неизвѣстнымъ* до изданія въ свѣтъ своего перваго сочиненія? Если бы писать имѣли право только извѣстные авторы, то скоро перевелись бы всѣ извѣстные и даже неизвѣстные сочинители. Но г. Чертковъ всего этого вовсе не знаетъ и потому вновь предлагаетъ глубокомысленный вопросъ: «Справедливо ли нѣкоторые говорятъ, будто неизвѣстные люди не должны писать?»—и не менѣе глубокомысленно, краснорѣчивымъ слогомъ, рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу неизвѣстныхъ людей. Совѣтуемъ всѣмъ, кому попадетъ въ руки «Географія» г. Черткова, прочесть вполнѣ предисловіе къ ней, если они любятъ наивно-забавное.

«Географія» г. Черткова написана по самому нелѣпому плану. Такъ, напр., географія математическая у него слѣдуетъ за политическою географіею Европы,—для того, чтобъ дѣти, проходя послѣднюю, успѣли въ то же время выучиться геометріи, безъ которой, дѣйствительно, невозможно основательное знаніе математической географіи. Но для этого не лучше ли начинать вообще преподаваніе географіи не прежде, какъ учащіеся настолько узнаютъ геометрію, сколько нужно это для изученія математической географіи? Политическая географія Европы изложена у г. Черткова не по государствамъ, а Богъ знаетъ какъ. Сперва онъ излагаетъ границы государствъ, потомъ говоритъ о религіи, правительствѣ, постановленіяхъ, потомъ о городахъ и т. д. Только географію Россіи излагаетъ онъ отдѣльно. Однимъ словомъ, новыхъ затѣй много, а толку ни на волосъ! А сколько ненужныхъ и совершенно лишнихъ разглагольствій! Такъ, напр., во введеніи сочинитель разсуждаетъ *о пользѣ отъ наукъ вообще*, а потомъ о *пользѣ отъ географіи*. Между прочимъ, очень хорошо доказываетъ онъ, что географія наука: «мы изъ нее(*я*) научаемся многому, чего прежде не знали». Изъ этого слѣдуетъ, что

книжка *Правила игры въ Преферансъ* есть тоже наука, потому что мы изъ нея научаемся многому, чего прежде не знали?..

Географія г. Черткова написана слогомъ неяснымъ, неточнымъ, неправильнымъ, а краснорѣчивымъ. Не краснорѣчиво-ли, напр., это:

«Напиши учебную книгу отличную во всемъ (,) и притомъ такъ, чтобъ она *не отстала отъ вѣка, въ которомъ ты живешь*, чтобъ *предметы науки были расположены съ выгодою* для памяти учащихся и ихъ ума,—и повѣрь мнѣ, что сочиненіе твое смѣло можетъ изъ подъ пера явиться въ Т(т)ипографію: *оно не будетъ краснѣть за себя*, не побоится критиковъ — и *сіи* послѣдніе, въ какой бы мѣрѣ не были строги, признаютъ достоинство разсмотрѣнной ими книги».

Хорошо, сладко пишетъ г. Чертковъ! Жаль только, что это краснорѣчіе, столь плѣнительное въ романахъ гг. Бранта и Кузмичева, не совсѣмъ прилично для географіи...

«Вѣкъ Елисаветы и Екатерины произвелъ двухъ мужей—геніевъ: одинъ обезсмертилъ имя свое во всѣхъ родахъ поэзіи и прозы, другой *остался извѣстенъ*, какъ великій поэтъ» (*стр.* 167).

Какая великолѣпная фигура удержанія, или умолчанія! Увлекшись краснорѣчіемъ, г. Чертковъ не почелъ за нужное назвать по имени двухъ мужей-геніевъ, думая, что ученики его хорошо знаютъ ихъ и безъ его географіи. Впрочемъ, можно догадываться, что онъ говоритъ о Ломоносовѣ и Державинѣ, не зная того, что первый теперь знаменитъ, какъ реформаторъ языка и литературы и ученый, а совсѣмъ не какъ поэтъ.

«Вскорѣ явились Дмитріевы, Крыловы, Жуковскіе, Пушкины и другіе;—*самые даже художники совершенно преобразовались*—явился Брюловъ, а съ нимъ новая слава для искусствъ» (*стр.* 168). Удивительно!

Описывая Москву, г. Чертковъ наговорилъ, впрочемъ, отъ полноты души, вотъ какія фразы:

«Путешественникъ (,) при въѣздѣ въ Москву черезъ Тверскую заставу, встрѣчаетъ картину природы (?) и искусства: передъ нимъ верхи домовъ; куполы церквей и шпицы *сѣдыхъ* башенъ, *кои* тамъ *чернѣютъ*, тутъ бѣлѣютъ и горятъ огнемъ. Съ поклонной горы прекрасна видна *сія* панорама;—*здѣсь* (на поклонной горѣ?) много серебра и всякихъ рѣдкостей,—живописныя дачи *купаются* въ зелени садовъ, облегающихъ Москву, какъ рамой,—строенія слились (съ чѣмъ?) узорными крышами; колоссъ древній и обелискъ—великій Иванъ (обелискъ?) съ золотою головою довершаетъ картину» (*стр.* 182—183).

Хороша вотъ и эта фраза, только уже не по краснорѣчивости своей, а по грамотности: «Со временъ Іоанна Грознаго (,) Архангельскъ ведетъ торговлю съ Англіею, когда бурею прибитъ былъ А(а)нгл*ин*(*ій*)скій корабль (,) подъ начальствомъ К(к)апитана Ченслера» (*стр.* 174). Г. Чертковъ, вѣроятно, хотѣлъ выразиться такъ: «Со временъ Іоанна Грознаго, когда къ устью Двины бурею прибитъ былъ англійскій корабль, подъ начальствомъ Ченслера, Архангельскъ ведетъ торговлю съ Англіею».

99. Опытъ исторіи русской литературы. *Сочиненіе А. Никитенко. Книга первая. Введеніе. Санктпетербургъ. 1845.*

— — Многіе изъ нашихъ читателей изъявляли намъ свое удивленіе, что мы рѣшились на серьезный и дѣльный разборъ новаго изданія *Учебной Книги Русской Словесности*, вмѣсто того, чтобы посмѣшить публику забавною рецензіею на эту поистинѣ забавную книгу. Мы очень рады случаю объясниться на этотъ счетъ съ читателями. Во-первыхъ, мы хотѣли быть полезны многочисленному классу учащихъ и учащихся «россійской словесности», для которой на русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного сколько-нибудь сноснаго руководства. Во-вторыхъ, сочинителя этой *невѣроятной* книги мы хотѣли лишить всякой возможности утѣшить себя мысью, что наша статья—брань безъ доказательствъ и что она внушена намъ завистью и недоброжелательствомъ къ автору такого превосходнаго учебника... Безъ этихъ причинъ, которыя, конечно, гораздо важнѣе для насъ, чѣмъ для нашихъ читателей, мы никакъ не рѣшились бы съ важностью доказывать, что книга, въ которой все—противорѣчіе, никуда не годится. Поступивъ такъ, мы за одинъ разъ вырвали зло съ корнемъ,—и жалкаго учебника теперь какъ не бывало! Есть и еще книга, претендующая знакомить своихъ читателей съ исторіею русской литературы. Это — *Руководство къ познанію литературы*, г. Плаксина. Но г. Плаксинъ даже не означилъ въ заглавіи своей книги—какой литературы хочетъ онъ повѣствовать исторію; зато, въ самой книгѣ, разсказавъ кратко исторію литературъ еврейской, индійской, греческой, римской, и объяснивъ духъ новыхъ литературъ, классицизмъ и романтизмъ, пространнѣе изложилъ исторію русской литературы. Эта книга—повѣрятъ ли?—далеко ничтожнѣе книги г. Греча... Впрочемъ, всѣ учебники и ученыя сочиненія такого рода равно никуда не годятся по совершенному отсутствію въ нихъ всякаго начала, которое проникало бы собою всѣ ихъ сужденія и приговоры и давало бы имъ единство. Для г. Плаксина, напримѣръ, и Пушкинъ—поэтъ, и Херасковъ—тоже поэтъ, да еще какой!.. Есть ли тутъ что-нибудь похожее на взглядъ, на образъ мыслей, на мнѣніе, на убѣжденіе, на принципъ? Не такъ мыслилъ и понималъ въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Мерзляковъ. Можно не соглашаться съ его системою и даже считать ее ложною; но нельзя не видѣть въ ней ни самобытнаго мнѣнія, ни послѣдовательности въ доказательствахъ и выводахъ. Каково бы ни было его начало, онъ вѣренъ ему и ни въ чемъ не противорѣчитъ самому себѣ. Признавая великимъ поэтомъ Ломоносова, находя поэтическія достоинства и красоты въ сочиненіяхъ Сумарокова, Хераскова и Петрова, Мерзляковъ не видѣлъ (потому что не могъ видѣть, оставаясь вѣрнымъ своему началу) въ Пушкинѣ великаго поэта. И потому вы или вовсе отвергнете основное начало критики Мерзлякова и, слѣдовательно, его выводы, или во всемъ согласитесь съ нимъ. А у этихъ господъ все смѣшано и перемѣшано: въ ихъ книгѣ мирно уживаются самыя разнородныя, противорѣчащія понятія,—и то, что дважды-два—четыре, и то, что дважды-два—пять съ половиною... — —

Книга (Никитенко) есть пріобрѣтеніе и для литературы, и для публики, читающей для пользы; но еще большее пріобрѣтеніе увидятъ для себя въ ней молодыя поколѣнія. Пожелаемъ вмѣстѣ съ ними, чтобъ слѣдующія части труда г. Никитенко не замедлили выходомъ въ свѣтъ.

100. Романы Вальтера Скотта. *Томъ третій.* **Антикварій.** *Съ послѣдними примѣчаніями и прибавленіями автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею А. А. Краевскаго. Спб. 1845.*

— — Вальтеръ Скоттъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые прочитываются разъ и потомъ навсегда забываются. Не одинъ разъ въ жизни можетъ человѣкъ возобновить невыразимое очарованіе впечатлѣній отъ чтенія романовъ Вальтеръ Скотта. Это не то, что знакомый вамъ писатель: это непзмѣнный другъ всей вашей жизни, обаятельная бесѣда котораго всегда утѣшитъ и усладитъ васъ. Это поэтъ всѣхъ половъ и всѣхъ возрастовъ, отъ отрочества, едва начинающаго пробуждаться для сознанія, до глубокой старости. Онъ для всѣхъ равно увлекателенъ и назидателенъ; чтеніе его романовъ, унося человѣка въ міръ роскошныхъ, хотя и дѣйствительныхъ явленій, проливаетъ въ его душу какое-то бодрое и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткое, успокоительное чувство; очаровывая фантазію, образовываетъ сердце и развиваетъ умъ, потому что поэзія Вальтера Скотта не эксцентрическая, не драматическая, не мечтательная и не болѣзненная: она всегда здѣсь, на землѣ, въ дѣйствительности; она—зеркало жизни исторической и частной. Для молодыхъ людей особенно полезны романы Вальтера Скотта: увлекая ихъ въ міръ поэзіи, они не только не отвлекаютъ ихъ отъ науки, но еще воспитываютъ и развиваютъ въ нихъ историческое чувство, безъ котораго изученіе исторіи безплодно, пробуждаютъ въ нихъ охоту и страсть къ этому первому величайшему знанію нашего времени.

* **101. Сельское Чтеніе,** *книжка третья, составленная княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ. Спб. 1845.*

«Сельское Чтеніе» составляетъ собою эпоху въ исторіи едва начинающагося у насъ образованія низшихъ классовъ. Правда, книжка эта уже не первая попытка заохотить простой народъ къ чтенію; но это первая удачная попытка въ этомъ родѣ. Можно указать еще на «Письмовникъ Курганова», разошедшійся по Россіи въ числѣ, можетъ быть, тоже не одного десятка тысячъ экземпляровъ; но то была книга не для низшихъ собственно классовъ, а для всего полуграмотнаго міра, заключавшаго въ себѣ и дворянъ, и чиновниковъ, и купцовъ, и мѣщанъ, но не поселянъ. Успѣхъ «Письмовника» былъ основанъ не на цѣли и удачномъ ея достиженіи, а на необразованности тогдашняго читающаго люда. Онъ не былъ приноровленъ къ понятіямъ или потребностямъ какого-нибудь класса общества, но былъ изданъ, какъ книга веселая, съ разсказами и анекдотами,—и полезная, съ чѣмъ-то вродѣ энциклопедическаго изложенія нѣкоторыхъ знаній; онъ былъ больше вульгаренъ, нежели народенъ, и потому успѣлъ необычайно и принесъ много пользы.

«Сельское Чтеніе», несмотря на его огромный успѣхъ, основанный на достоинствѣ содержанія и изложенія, и теперь отнюдь не исключаетъ потребности новаго «письмовника», составленнаго сообразно съ успѣхами нашего времени; но этотъ новый «письмовникъ» уже не долженъ быть ни столь спеціальнымъ, какъ «Сельское Чтеніе», ни столь универсальнымъ, какъ Кургановскій письмовникъ; подобно послѣднему, онъ долженъ быть изданъ для малообразованныхъ, полуграмотныхъ, но въ будущемъ образованіи которыхъ не предполагается никакихъ опредѣленныхъ границъ. Здѣсь разумѣются люди, которымъ нужна не столько ученость, сколько образованность, и которые, по неимѣнію средствъ, не иначе могутъ образоваться, какъ черезъ собственныя усилія, посредствомъ чтенія. И цѣль такого новаго письмовника должна состоять не въ томъ, чтобъ образовать этихъ людей, но въ томъ, чтобъ помочь имъ образоваться, направивъ ихъ вкусъ въ чтеніи, оторвать ихъ отъ «Еруслана Лазаревича» и романовъ Орлова, познакомивъ ихъ съ произведеніями литературы, на первый случай по содержанію доступными уму неразвитому, но въ то же время отличающимися высокимъ литературнымъ достоинствомъ. Это долженъ быть огромный альманахъ, раздѣленный на двѣ части: энциклопедію наукъ, искуствъ, ремеслъ, открытій и т. д., и на беллетристику— повѣсти, сказки, разсказы, стихотворенія, анекдоты и т. п. Все это не должно быть ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко: тутъ не должны быть сочиненія вродѣ «Фауста», «Манфреда», «Моцарта и Сальери», «Цыганъ» и т. п.; но почему бы не войти туда, напримѣръ, «Полтавѣ» и «Русалкѣ» Пушкина? Энциклопедія должна быть изложена языкомъ самымъ простымъ и яснымъ, но столько же не простонароднымъ, сколько и не книжнымъ. Если къ этому будутъ призваны на помощь политипажи,—это могущественное средство для распространенія популярнаго образованія: какая бы это вышла книга для чтенія купцовъ, мѣщанъ и даже людей, принадлежащихъ къ нѣсколько высшему противъ нихъ классу, но не болѣе ихъ образованныхъ!

«Сельское Чтеніе»—изданіе чисто спеціальное, и въ этомъ его великое достоинство. Оно назначено для крестьянъ-земледѣльцевъ и приноровлено къ ихъ быту и потребностямъ. Были и прежде «Сельскаго Чтенія» опыты такого рода изданій; люди, бравшіеся за нихъ, не имѣли никакого понятія о низшихъ классахъ, и потому опыты ихъ не имѣли никакого успѣха. Нѣкоторые, взманенные успѣхомъ «Сельскаго Чтенія», начали издавать книжки въ этомъ родѣ, думая, что, вѣдь, барину легко учить мужика; но вышло иначе: спекуляція осталась спекуляціей, и печатный вздоръ пошелъ на растопку печей. Колоссальный успѣхъ «Сельскаго Чтенія» основанъ былъ на глубокомъ знаніи быта, потребностей и самой натуры русскаго крестьянина, и на талантѣ, съ какимъ умѣли издатели воспользоваться этимъ знаніемъ. Поэтому въ два года разошлось до тридцати тысячъ двухъ первыхъ книжекъ «Сельскаго Чтенія». Подобный успѣхъ имѣетъ великое значеніе, свидѣтельствуя, что издатели «Сельскаго Чтенія» умѣли угадать, что нужно для чтенія простому народу, а во всякомъ

важномъ дѣлѣ, для котораго не было прежде образца, въ томъ-то и состоитъ все дѣло, чтобъ угадать...

О первыхъ двухъ книжкахъ мы говорили въ свое время; теперь поговоримъ о третьей. Какъ и въ первыхъ двухъ, въ ней статьи раздѣляются на два разряда: статьи (большей частью въ разсказахъ) нравственнаго содержанія, и статьи, до быта и хозяйства крестьянскаго касающіяся. Тѣ и другія равно необходимы, потому что нравственность тѣсно связана съ матеріальнымъ бытомъ, и успѣхъ одной невозможенъ безъ успѣха другого. Крестьянинъ, котораго жилище не лучше хлѣва, который раздѣляетъ его съ домашними животными, и который дурно одѣтъ, дурно ѣстъ, — такой крестьянинъ не можетъ быть нравственнымъ человѣкомъ; если онъ и не воръ, то лѣнтяй и, во всякомъ случаѣ, существо оскотинившееся. Добродѣтель въ нищетѣ есть явленіе исключительное, достояніе тѣхъ сильныхъ организацій, тѣхъ энергическихъ характеровъ, которые такъ же рѣдки, какъ и геній. Добродѣтель гораздо хуже уживается съ нищетой, чѣмъ съ чрезмѣрнымъ богатствомъ, хотя она и рѣдка въ богатствѣ. Съ другой стороны, если крестьянинъ живетъ чисто и въ довольствѣ, будучи безнравственнымъ человѣкомъ,—его благосостояніе выгодно только для него самого, но не для общества,—не говоря уже о томъ, что оно не всегда прочно. Изъ этого двоякаго рода статей въ «Сельскомъ Чтеніи» самъ собою, по законамъ необходимости, выходитъ третій рядъ статей, которыя способствуютъ развитію интеллектуальности и знакомятъ крестьянина съ понятіями и фактами, доселѣ вовсе ему недоступными. Чтобъ научить его обращаться съ хлѣбомъ и травой, необходимо познакомить его съ свойствами растительнаго царства вообще, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ ввести его въ созерцаніе природы, въ міръ естествознанія. Такова статья г. Заблоцкаго въ третьей книжкѣ «Сельскаго Чтенія»—«О томъ, что такое растеніе, какъ оно живетъ и чѣмъ оно питается». Жалѣемъ, что не можемъ познакомить съ нею нашихъ читателей: безъ выписокъ этого сдѣлать нельзя, а вырывать ее клочками—только портить: ее надо читать всю. Это образецъ яснаго изложенія, вполнѣ доступнаго для крестьянина, понятій не совсѣмъ общихъ и не такъ-то простыхъ! Такова же статья князя Одоевскаго: «Что такое выставка сельскихъ произведеній, на что она, и какая отъ нея польза, и что было на прошедшей выставкѣ». Это лучшія статьи въ третьей книжкѣ «Сельскаго Чтенія». Послѣ нихъ замѣчательны статьи: «Разсказъ дяди Иринея о томъ, что вокругъ человѣка, и о человѣкѣ» князя Одоевскаго, «О томъ, какъ съ домашней скотиной надобно обращаться» г. Заблоцкаго и «Записки для памяти» князя Одоевскаго.

Изъ нравственныхъ разсказовъ особенно замѣчательны два: «Какъ дядя Ириней разсказывалъ о томъ, что такое чистота и къ чему она пригодна» князя Одоевскаго и «Нечистая Сила» графа Соллогуба. Первая особенно важна тѣмъ, что она имѣетъ цѣлью искорененіе гибельнаго и наиболѣе свойственнаго русскому простонародью порока—неопрятности. Впрочемъ, опрятность и у городскихъ нашихъ жителей не можетъ считаться особенной добродѣтелью. Баня

и чистая рубаха въ субботу—у нашего простонародья больше какой-то обрядъ, какой-то мистическій долгъ, какъ омовеніе у мусульманъ, нежели требованіе опрятности и чистоплотности, не говоря уже о томъ, что перемѣна бѣлья одинъ разъ въ недѣлю—плохая опрятность. И потому въ такой книгѣ, какъ «Сельское Чтеніе», особенно надо дорожить статьями, когда, будучи хорошо написаны, онѣ имѣютъ предметомъ искорененіе не общихъ, всѣмъ людямъ равно свойственныхъ недостатковъ, а пороковъ, составляющихъ какъ бы исключительную болѣзнь класса, для котораго издается «Сельское Чтеніе». Такіе пороки суть: пьянство, неопрятность, лѣнь, непредусмотрительность и *авось*, которое простой народъ иронически называетъ *авоськой*. «Нечистая Сила» — мастерской разсказъ графа Соллогуба, удачно воспользовавшагося извѣстнымъ анекдотомъ, чтобъ сдѣлать изъ него столько же занимательную, сколько и поучительную для простыхъ умовъ повѣсть.

Послѣ нихъ можно указать на разсказы: «Отчего крестьянинъ Демьянъ себѣ ноги ознобилъ и навѣкъ калѣкой пошелъ» князя Одоевскаго, «Плохо тому, кто не умѣетъ жить въ своемъ дому» г. Заблоцкаго, и юмористическій, въ народномъ духѣ разсказанный анекдотъ «Ось и Чека» г. Даля.

Но, признаемся, мы не желали бы больше встрѣчать въ «Сельскомъ Чтеніи» такихъ статей, какъ «Кто такой Давидъ Ивановичъ, и за что люди его почитаютъ» и «Что легко наживается, то еще легче проживается». Въ первой описанъ какой-то герой добродѣтели безъ образа и лица, безъ всякихъ признаковъ характера; и не мудрено: онъ описанъ, а не представленъ; за него говоритъ самъ авторъ, а самъ онъ ничего не говоритъ. Такими мертвыми идеями никого не убѣдишь ни въ чемъ: имъ никто не повѣритъ. Въ другой пьесѣ представленъ бѣдный перевозчикъ, который, неожиданно получивъ отъ дальняго родственника, купца, огромное наслѣдство, и не умѣя управляться ни съ торговыми дѣлами, ни съ деньгами, все спустилъ въ короткое время и опять сталъ голъ, какъ соколъ. Какая мораль этого разсказа? Неужели та, что отъ наслѣдства надобно отказываться? Ну, а еслибъ кто написалъ повѣсть, что одинъ бѣднякъ, получивъ большое наслѣдство, сумѣлъ имъ распорядиться и къ своей, и къ чужой пользѣ, и издатели «Сельскаго Чтенія» помѣстили бы этотъ разсказъ рядомъ съ пьесой «Что легко наживается, то еще легче проживается», чему бы тогда долженъ былъ вѣрить грамотный крестьянинъ?.. Судя по заглавію разсказа, мы думали, что дѣло идетъ о пріобрѣтеніи черезъ воровство, грабежъ или разбой: тогда бы—другое дѣло! Но положимъ, что авторъ и тутъ правъ: все-таки трудно повѣрить, чтобъ его разсказъ убѣдилъ кого-нибудь отказаться отъ законнаго наслѣдства...

Многіе возстаютъ противъ «Сельскаго Чтенія» за простонародность его языка, «маленько-мужицкаго», утверждая, что къ такому языку въ книгѣ простой народъ недовѣрчивъ, поддаваясь охотнѣе обаянію книжнаго языка. Признаемся откровенно, мы не считаемъ такого мнѣнія ложнымъ и готовы были бы рѣшитель-

но обвинить «Сельское Чтеніе» въ простонародности языка, какъ въ недостаткѣ, еслибъ въ тридцати тысячахъ экземпляровъ этой книжки, разошедшихся въ два года, не видѣли факта, слишкомъ оправдывающаго издателей въ ихъ манерѣ говорить печатно съ простолюдинами. Стало быть, это еще вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только фактически; надо издать для народа книжку, написанную городскимъ, образованнымъ языкомъ: если она будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и «Сельское Чтеніе», вопросъ будетъ рѣшенъ не въ пользу издателей послѣдняго; а до тѣхъ поръ... подождемъ. Одно, что мы можемъ не похвалить въ «Сельскомъ Чтеніи», это—употребленіе презрительно уменьшительныхъ собственныхъ именъ: «Ванюха, Ванька, Сенька, Васька, Машка» и т. п. «Сельское Чтеніе» должно способствовать истребленію, а не поддержанію отвратительнаго обычая называть себя не христіанскими именами, а кличками, унижающими человѣческое достоинство...

Впереди времени много, и при знаніи дѣла и талантѣ издателей «Сельскаго Чтенія» недостатки этого изданія, конечно, скоро исчезнутъ, а достоинства еще болѣе возвысятся. Много уже сдѣлано этими тремя книжками, и ихъ содержаніе нельзя будетъ вполнѣ исчерпать и тридцатью; а сколько еще сторонъ нетронутыхъ, напримѣръ, отношенія, въ которыхъ женскій полъ находится въ простомъ быту къ мужскому, и наоборотъ! Русскій человѣкъ вообще не умѣетъ уважать женщину, а у крестьянъ женщина — рабъ, скотъ, нѣчто вродѣ домашняго животнаго. Зато посмотрите въ деревняхъ на мужиковъ; сколько между ними красивыхъ лицъ, а женщины, за весьма рѣдкими исключеніями,—воплощенное безобразіе, и въ тридцать лѣтъ уже старухи. И не диво: выполняя всѣ тяжелыя мужскія работы, онѣ еще несутъ тягости беременности и родовъ... Вообще семейный бытъ долженъ быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ «Сельскаго Чтенія». Какъ можно больше статей объ обращеніи съ дѣтьми, о необходимости часто мыть ихъ, беречь отъ грязи, отъ простуды, объ уходѣ за больными! Сколько умираетъ дѣтей оттого, что за ними дурно смотрятъ во время оспы, кори. Топится печка — въ избѣ сверху дымъ, внизу холодъ, дверь отворена: какъ тутъ уцѣлѣть и взрослому больному, и родильницѣ, которая, сверхъ того, вчера родила, а сегодня таскаетъ дрова и воду!..

* **102. Частная риторика**, *Н. Кошанскаго. Изданіе шестое. Спб. 1845.*

Умозрительныя и опытныя основанія словесности въ IV частяхъ. *Соч. А. Глаголева. Изданіе второе. Спб. 1845.*

Вотъ двѣ книги — два ужаснѣйшіе анахронизма, — книги, которыя, среди книгъ нашего времени, то же, что былъ бы между людьми нашего времени человѣкъ въ напудренномъ парикѣ съ пуклями до плечъ, съ кошелькомъ на затылкѣ, съ корабликомъ на головѣ, въ красномъ камзолѣ и голубомъ кафтанѣ, въ чулкахъ до колѣнъ и башмакахъ съ золотыми пряжками и высокими красными каблуками... Здравствуй, дѣдушка, привѣтъ тебѣ, выходецъ съ того свѣта, житель другого міра! Поговори съ нами о твоемъ времени, въ которое было

сдѣлано такъ много великаго, сказано такъ много умнаго! Мы готовы тебя слушать! Твой нарядъ намъ не смѣшонъ, а только любопытенъ; и не смѣяться, а учиться у тебя хотимъ мы. Мы такъ интересуемся твоимъ временемъ, съ такою жадностью изучаемъ его въ книгахъ. Но что книга! Твоя живая рѣчь будетъ лучше всякихъ книгъ! Говори же! Но что же ты такое заговорилъ? ты расказываешь намъ не о себѣ самомъ, а о насъ, не о твоемъ времени, а о нашемъ! Ты разсуждаешь о Пушкинѣ, тогда какъ мы хотѣли услышать отъ тебя о Сумароковѣ и Херасковѣ, о Державинѣ и Богдановичѣ! ты увѣряешь насъ, что и Петровъ—великій лирикъ, и Пушкинъ—отличный поэтъ... А мы ожидали, что ты съ восторгомъ будешь говорить о Державинѣ и ничего хорошаго не найдешь въ Пушкинѣ, еслибъ мы, твои правнуки, вздумали тебѣ читать его. Но ты такъ же не сынъ того времени, какъ и не сынъ нашего, ты междоумокъ, недоросль изъ словесниковъ, педантъ, который равно не понимаетъ ни того, ни нашего времени. Ты надѣлъ напудренный парикъ и накрылъ его корабликомъ потому только, что эти вещи остались тебѣ по наслѣдству еще отъ дѣдушки; истаскавъ ихъ, ты нарядишься по-нашему — вѣдь, тебѣ все равно! Поди же прочь съ твоимъ болтаньемъ—мы не хотимъ тратить времени на разговоръ съ тобою!

Такое или почти такое чувство возбуждаютъ въ читателѣ двѣ книги, заглавіе которыхъ выписано въ началѣ этой статьи. О риторикѣ г. Кошанскаго нечего и говорить; вотъ уже въ шестой разъ является она учить писать такъ, какъ никто теперь не пишетъ, учить тому, чему нельзя выучиться изъ книгъ. Она вѣрна своей роли—придавлять способности несчастныхъ, обязанныхъ твердо знать всѣ пустяки, всѣ вздоры, всѣ нелѣпости, изъ которыхъ она сшита. Честь и слава ея постоянству! Бѣда и горе тѣмъ, которые учатъ и учатся по ней! смѣхъ и потѣха тѣмъ, которые читаютъ ее для развлеченія, по охотѣ прочесть иногда что-нибудь курьезное, добродушно-нелѣпое, искренно-пошлое! Вотъ другое дѣло—книжица г. Глаголева: она еще только въ другой разъ (?) является въ свѣтъ... но если и такъ, зачѣмъ вышла она теперь на бѣлый свѣтъ изъ мрака сырыхъ погребовъ. Ужъ не затѣмъ ли, чтобъ ей снова было доказано, что ея мѣсто тамъ, въ подвалахъ? Если такъ, мы готовы послужиться ей этимъ.

Прежде всего, любопытно происхожденіе на свѣтъ этой книжицы. Самъ сочинитель говоритъ, что «этотъ *ученый* (?) трудъ выходитъ изъ круга его настоящихъ занятій и родился у него *случайно*». Московскій университетъ обнародовалъ, въ началѣ 1831 года, программу о конкурсѣ для занятія каѳедры краснорѣчія, стихотворства и языка русскаго. «Трудность предложенныхъ въ программѣ задачъ (говоритъ г. Глаголевъ) возбудила во мнѣ особенное любопытство; я старался разгадать ихъ рѣшеніе и, углубляясь въ соображенія, непримѣтнымъ образомъ составилъ въ умѣ нѣчто цѣлое, имѣвшее систематическую послѣдовательность». Признаемся, несмотря на увѣреніе самого сочинителя, мы въ его книгѣ не замѣтили ни малѣйшихъ слѣдовъ чего-либо похожаго на систему или послѣдовательность. И не мудрено.

Что за наука словесность? Ее выдумали педанты, школяры, которые стихотворство смѣшиваютъ съ поэзіею, а краснорѣчіе считаютъ искусствомъ, въ смыслѣ художества, творчества, и ораторовъ, слѣдовательно, почитаютъ артистами, художниками, творцами. Г. Глаголевъ подъ словесностью, какъ наукою, разумѣетъ грамматику, риторику и піитику; такъ думали люди только во времена варварской схоластики, рабски подражая во всемъ древнимъ, которыхъ они не понимали. Но подобные предразсудки не стоятъ опроверженія, и потому лучше представимъ читателямъ самыя курьезныя диковинки изъ книжицы г. Глаголева.

На V-й страницѣ предисловія г. Глаголевъ приводитъ слѣдующій примѣръ римскаго краснорѣчія:

«Въ ноны мѣсяца октября (,) въ преддверіи храма Беллоны (,) Марцій и Спурій Постумій, консулы, въ присутствіи сената, *слушали предложеніе* Клавдія, Валерія и Минуція о празднествахъ бахусовыхъ (слѣдуютъ пункты предложенія). Въ заключеніе *приказали*: объявить о семъ всенародно въ продолженіе трехъ нундинъ. Если же кто поступитъ вопреки вышеписанному, того предавать суду уголовному, а для всенароднаго свѣдѣнія вырѣзать СІЕ постановленіе на мѣдной доскѣ и выставить ОНОЕ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ».

Итакъ, вотъ что разумѣетъ г. Глаголевъ подъ словомъ краснорѣчіе?.. Но погодите смѣяться: самое забавное впереди. Вотъ оно:

«Въ нашихъ дѣловыхъ бумагахъ кроется *все* древнее краснорѣчіе со *всѣми* его видами: судебнымъ, совѣщательнымъ и описательнымъ; различіе состоитъ лишь въ томъ, что древніе декламировали свои рѣчи въ собраніяхъ народныхъ или въ сенатѣ, а у насъ секретари читаютъ свои записки въ присутствіяхъ, начальники отдѣленія передъ министрами, оберъ-секретари въ сенатѣ и т. д.».

Въ примѣчаніи, между предисловіемъ и вступленіемъ, Шишковъ, авторъ «Разсужденія о Старомъ и Новомъ Слогѣ», краснорѣчиво произведенъ г. Глаголевымъ въ «*Катоны* нашей грамматики»; на 72 стр. второй части о немъ же г. Глаголевъ выразился не только краснорѣчиво, но и очень грамотно,—такъ: «Ученыя Извѣстія Россійской Академіи, коей онъ есть президентомъ» и пр. На 30 и 31 страницахъ четвертой части г. Глаголевъ утверждаетъ, что «появленіе Риторики г. Рижскаго, которая въ первый разъ издана въ свѣтъ въ 1706 году, составило новую эпоху въ исторіи русской литературы, по части теоріи краснорѣчія», и что «Правила Словесности г. профессора Толмачева также заслуживаютъ вниманія». На страницѣ 40 г. Глаголевъ говоритъ: «По части *учебной* достойны уваженія труды: Тредьяковскаго, Ломоносова, Соколова, Борна, Рижскаго, Никольскаго, Талызина, Левитскаго, Кошанскаго (!?), Остолопова, Могилевскаго, Балига, Плаксина (?!)». Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ! Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ нашихъ схоластовъ, учившихъ въ школѣ писать такъ, какъ никто не пишетъ въ свѣтѣ, самые замѣчательные, безспорно, суть гг. Тредьяковскій, Рижскій, Толмачовъ, Кошанскій, Плаксинъ и — Глаголевъ... На стр. 53 г. Глаголевъ—говоритъ, что «Шишковъ *украсилъ періодами* лучшія изъ своихъ сочиненій въ высшемъ дипломатическомъ родѣ».

Вообще, г. Глаголевъ—большой поборникъ мѣрной и плавной періодической рѣчи на манеръ древнихъ, столь несвойственной духу новѣйшихъ языковъ, и большой врагъ такъ называемой «отрывистой» или, лучше сказать, естественной рѣчи, столь свойственной духу новѣйшихъ языковъ: всѣ схоласты крѣпко держатся этого мнѣнія, и искусственный, надутый слогъ похвальныхъ рѣчей Ломоносова считаютъ за образцовый... Но забудемъ слогъ и вкусъ схоластическаго «словесника» и замѣтимъ только, что его книга является теперь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вышла въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда забытыя теперь «Повѣсти Бѣлкина» (Пушкина) были свѣжею новостью, когда Гоголь издалъ только еще свои «Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки», а повѣсти Марлинскаго считались геніальными произведеніями. Неужели же съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось въ литературныхъ понятіяхъ и взглядахъ? И что такое исторія какой бы то ни было литературы, прерывающаяся слишкомъ за десять лѣтъ до минуты, въ которую она выходитъ изъ типографіи? Не слѣдовало-ли бы г. Глаголеву поправить и пополнить свою книгу, выдавая ее въ свѣтъ въ другой разъ, чрезъ десять слишкомъ лѣтъ послѣ ея перваго изданія? Хотя для схоластовъ нѣтъ прогресса, и время ничто не измѣняетъ въ ихъ фразахъ, которыя они, зазубривъ разъ въ школѣ, твердятъ всю жизнь свою, однако же, тутъ есть и другая причина: вторымъ изданіемъ чуть ли не напечатанъ только заглавный листокъ залежавшейся въ подвалахъ книги г. Глаголева; самая же книга вовсе не перепечатывалась вторымъ изданіемъ...

103. Сочиненія Александра Пушкина. *Санктпетербургъ, одиннадцать томовъ, 1838—1841.*

Статья девятая.

—— Русская дѣвушка—не женщина въ европейскомъ смыслѣ этого слова, не человѣкъ: она не что другое, какъ *невѣста*. Еще ребенкомъ она называетъ своими женихами всѣхъ мужчинъ, которыхъ видитъ въ своемъ домѣ, и часто обѣщаетъ выйти замужъ за своего *папашу* или за своего *братца;* еще въ колыбели ей говорили и мать и отецъ, и сестры, и братья, и мамки, и няньки, и весь окружающій ее людъ, что она—невѣста, что у ней должны быть женихи. Едва исполнится ей двѣнадцать лѣтъ, и мать, упрекая ее въ лѣности, въ неумѣніи держаться и тому подобныхъ недостаткахъ, говоритъ ей: «не стыдно ли вамъ, сударыня: вѣдь, вы уже *невѣста!*». Удивительно ли послѣ этого, что она не умѣетъ, не можетъ смотрѣть на себя какъ на женственное существо, какъ на человѣка, и видитъ въ себѣ только *невѣсту?* Удивительно ли, что съ раннихъ лѣтъ до поздней молодости, иногда даже и до глубокой старости всѣ думы, всѣ мечты, всѣ стремленія, всѣ молитвы ея сосредоточены на одной idée fixe: на замужествѣ, что выйти замужъ — ея единственное, страстное желаніе, цѣль и смыслъ ея существованія, что внѣ этого она ничего не понимаетъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не желаетъ, и что на всякаго неженатаго мужчину она смотритъ опять не какъ на человѣка, а только какъ на жениха? И виновата ли она въ этомъ? — Съ восемнадцати

лѣтъ она начинаетъ уже чувствовать, что она—не дочь своихъ родителей, не любимое дитя ихъ сердца, не радость и счастье своей семьи, не украшеніе своего родного крова, а тягостное бремя, готовый залежаться товаръ, лишняя мебель, которая, того и гляди, спадетъ съ цѣны и не сойдетъ съ рукъ. Что же остается ей дѣлать, если не сосредоточить всѣхъ своихъ способностей на искусствѣ ловить жениховъ? И тѣмъ болѣе, что только въ одномъ этомъ отношеніи и развиваются ея способности, благодаря урокамъ «дражайшихъ родителей», милыхъ тетушекъ, кузинъ и т. д. За что больше всего упрекаетъ и бранитъ свою дочь попечительная маменька?—За то, что она не умѣетъ ловко держаться, строить глазки и гримаски хорошимъ женихамъ, или за то, что расточаетъ свою любезность передъ людьми, которые не могутъ быть для нея выгодной партіей. Чему она больше всего учитъ ее?—кокетничать по разсчету, притворяться ангеломъ, прятать подъ мягкой, лоснящейся шерсткой кошачьи лапки, кошачьи когти. И, какова бы ни была по своей натурѣ бѣдная дочь,—она невольно входитъ въ роль, которую дала ей жизнь и въ таинство которой ее такъ прилежно, такъ основательно посвящаютъ. Дома ходитъ она неряхой, съ непричесанной головой, въ запачканномъ, узенькомъ и короткомъ платьишкѣ линючаго ситца, въ стоптанныхъ башмакахъ, въ грязныхъ, спустившихся чулкахъ: въ деревнѣ, вѣдь, кто же насъ увидитъ, кромѣ дворни,—а для нея стоитъ ли рядиться? Но лишь вдоль дороги завидѣлся экипажъ, обѣщающій неожиданныхъ гостей,—наша невѣста подымаетъ руки и долго держитъ ихъ надъ головой, крича впопыхахъ: «*гости ѣдутъ, гости ѣдутъ!*» Отъ этого руки изъ красныхъ дѣлаются бѣлыми: «*затья сельской остроты!*». Затѣмъ весь домъ въ смятеніи: маменька и дочь умываются, причесываются, обуваются и на грязное бѣлье надѣваютъ шерстяныя или шелковыя платья, пять лѣтъ назадъ тому сшитыя. О чистотѣ бѣлья заботиться смѣшно: вѣдь, бѣлье подъ платьемъ, и его никто не видитъ, а рядиться—извѣстное дѣло—надо для другихъ, а не для себя. Но вотъ, рано или поздно, наконецъ тайныя стремленія и жаркіе обѣты готовы свершиться: кандидатъ-невѣста—уже дѣйствительная невѣста и рядится только для жениха. Она давно его знала, но влюбилась въ него только съ той минуты, какъ поняла, что онъ имѣетъ на нее виды. И ей кажется, что она дѣйствительно влюблена въ него. Болѣзненное стремленіе къ замужеству и радость достиженія способны въ одну минуту возбудить любовь въ сердцѣ, которое такъ давно уже раздражено тайными и явными мечтами о бракѣ. Притомъ же, когда дѣло къ спѣху и торопятъ, то поневолѣ влюбитесь сразу, не имѣя времени спросить себя, точно ли вы любите, или вамъ только кажется, что любите... Но «дражайшіе родители» учили свою дочь только искусству во что бы ни стало выйти замужъ; подготовить же ее къ состоянію замужества, объяснить ей обязанности жены, матери, сдѣлать ее способной къ выполненію этой обязанности, — они не подумали. И хорошо сдѣлали: нѣтъ ничего безполезнѣе и даже вреднѣе, какъ наставленія, хотя бы и самыя лучшія, если они не подкрѣпляются примѣрами, не оправдываются въ глазахъ ученика всей совокупностью окружающей его дѣй-

ствительности. «Я вамъ примѣръ, сударыня!»—безпрестанно повторяетъ диктаторскимъ тономъ мать своей дочери. И дочь преспокойно копируетъ свою мать, готовя въ своей особѣ свѣту и будущему мужу второй экземпляръ своей маменьки. Если ея мужъ—человѣкъ богатый, онъ будетъ доволенъ своей женой: домъ у нихъ какъ полная чаша, всего много, хотя все безвкусно, нелѣпо, грязно, пыльно, въ безпорядкѣ вычищается только передъ большими праздниками (и тогда въ домѣ подымается возня, дѣлается вавилонское столпотвореніе въ лицахъ); дворня огромная, слугъ бездна, а не у кого допроситься стакана воды, некому подать вамъ чашку чаю... А недавняя невѣста, теперь молодая дама?—О, она живетъ въ «полномъ удовольствіи!», она наконецъ достигла цѣли своей жизни,—она уже не сирота, не пріемышъ, не лишнее бремя въ родительскомъ домѣ; она—хозяйка у себя дома, сама себѣ госпожа, пользуется полной свободой, ѣздитъ куда и когда хочетъ, принимаетъ у себя кого ей угодно; ей уже не нужно болѣе притворяться то невинной овечкой, то кроткимъ ангеломъ; она можетъ капризничать, падать въ обморокъ, повелѣвать, мучить мужа, дѣтей, слугъ. У ней—бездна затѣй: карета—не карета, шаль—не шаль, дорогихъ игрушекъ вдоволь; она живетъ барыней-аристократкой, никому не уступаетъ, но всѣхъ превосходитъ, и мужъ ея едва успѣваетъ закладывать и перезакладывать имѣніе... Дитя новаго поколѣнія, она убрала по возможности пышно, хотя и безвкусно, залу и гостиную, кое-какъ наблюдаетъ въ нихъ даже какую-то полу-чистоту, полу-опрятность: вѣдь, это комнаты для гостей, комнаты парадныя, комнаты на-показъ; полное торжество грязи можетъ быть только въ спальной и дѣтской, въ кабинетѣ мужа,—словомъ, во внутреннихъ комнатахъ, куда гости не ходятъ. А у ней безпрестанно гости, возлѣ нея безпрестанно кружокъ; но она плѣняетъ гостей своихъ не свѣтскимъ умомъ, не граціей своихъ манеръ, не очарованіемъ своего увлекательнаго разговора,—нѣтъ, она только старается показать имъ, что у нея всего много, что она богата, что у ней все лучшее—и убранство комнатъ, и угощеніе, и гости, и лошади, что она не кто-нибудь, что такихъ, какъ она, не много... Содержаніе разговоровъ составляютъ сплетни и наряды, наряды и сплетни. Богъ благословилъ ея замужество—что ни годъ, то ребенокъ. Какъ же она будетъ воспитывать дѣтей своихъ?—Да точно такъ же, какъ сама была воспитана своей маменькой: пока малы, они прозябаютъ въ дѣтской, среди мамокъ и нянекъ, среди горничныхъ, на лонѣ холопства, которое должно внушить имъ первыя правила нравственности, развить въ нихъ благородные инстинкты, объяснить имъ различіе домового отъ лѣшаго, вѣдьмы отъ русалки, растолковать разныя примѣты, разсказать всевозможныя исторіи о мертвецахъ и оборотняхъ, выучить ихъ браниться и драться, лгать не краснѣя, пріучить безпрестанно ѣсть, никогда не наѣдаясь. И милыя дѣти очень довольны сферой, въ которой живутъ: у нихъ есть фавориты между прислугой и есть нелюбимые; они живутъ дружно съ первыми, ругаютъ и колотятъ послѣднихъ. Но вотъ они подросли: тогда отецъ дѣлай что хочешь съ мальчиками, а дѣвочекъ поучатъ прыгать и шнуроваться, немножко бренчать на фортепьяно, немножко болтать по-

французски—и воспитаніе кончено; тогда имъ одна наука, одна забота—ловить жениховъ.

Но если наша невѣста выйдетъ за человѣка небогатаго, хотя и не бѣднаго, но живущаго немного выше своего состоянія, посредствомъ умѣнья строгимъ порядкомъ сводить концы съ концами, тогда горе ея мужу! Она въ своей деревнѣ никогда ничего не дѣлала (потому что *барышня*, вѣдь, не *холопка* какая-нибудь, чтобъ стала что-нибудь дѣлать), ничѣмъ не занималась, не знаетъ хозяйства, а что́ такое порядокъ, чистота, опрятность въ домѣ, этого она нигдѣ не видала, объ этомъ она ни отъ кого не слыхала. Для нея выйти замужъ—значитъ сдѣлаться барыней; стать хозяйкой—значитъ повелѣвать всѣми въ домѣ и быть полной госпожей своихъ поступковъ. Ея дѣло—не сберегать, не выгадывать, а покупать и тратить, наряжаться и франтить.

И неужели вы обвините ее во всемъ этомъ? Какое вы имѣете право требовать отъ нея, чтобъ она была не тѣмъ, чѣмъ сами же вы ее сдѣлали? Можете ли вы обвинять даже ея родителей? Развѣ не вы сами сдѣлали изъ женщины только невѣсту и жену, и ничего болѣе? Развѣ когда-нибудь подходили вы къ ней безкорыстно, просто, безъ всякихъ видовъ, для того только, чтобъ насладиться этимъ ароматомъ, этой гармоніей женственнаго существа, этимъ поэтическимъ очарованіемъ присутствія и сообщества женщины, которыя такъ кротко, успокоительно и обаятельно дѣйствуютъ на жесткую натуру мужчины? Желали-ль вы когда-нибудь имѣть друга въ женщинѣ, въ которую вы совсѣмъ не влюблены, сестру въ женщинѣ вамъ посторонней?—Нѣтъ! если вы входите въ женскій кругъ, то не иначе, какъ для выполненія обычая, приличія, обряда; если танцуете съ женщиной, то потому только, что мужчинамъ танцовать съ мужчинами не принято. Если вы обращаете на одну женщину исключительное свое вниманіе, то всегда съ положительными видами—ради женитьбы или волокитства. Вашъ взглядъ на женщину чисто-утилитарный, почти коммерческій: она для васъ—капиталъ съ процентами, деревня, домъ съ доходомъ; если не это, такъ—кухарка, прачка, ключница, нянька, много-много если одалиска...

Конечно, изъ всего этого бываютъ исключенія; но общество состоитъ изъ общихъ правилъ, а не изъ исключеній, которыя всего чаще бываютъ болѣзненными наростами на тѣлѣ общества. — —

1846 г.

*104. **Елка.** *Подарокъ на Рождество.* Азбука съ примѣрами постепеннаго чтенія. *Спб. 1845.*

Преданіе о графинѣ Бертѣ (,) *или* **Замокъ Витсгау.** *Сочиненія Александра Дюма. Спб. 1845.*

Донъ-Кихотъ Ламанчскій. *Разсказъ для дѣтей. Три книжки. Спб. 1846.*

Путешествіе Вокругъ Свѣта, *изд. Ѳ. Студитскимъ.* Южная Европа. *Спб. 1846.*

Мери и Флора. *повѣсть для дѣтей. Переводъ съ англійскаго Александры Ишимовой. Спб. 1846.*

Каникулы въ 1844 году *или* **Поѣздка въ Москву.** *Сочиненіе Александры Ишимовой. Спб. 1846.*

Картины изъ исторіи дѣтства знаменитыхъ живописцевъ. *Переводъ съ французскаго. Подъ редакціею М. Чистякова. Спб. 1846.*

Мать Наставница. *или разговоры о многочисленныхъ предметахъ, образующихъ умъ и сердце полезнѣйшими познаніями, представленное (??!!) въ разговорахъ матери съ своими дѣтьми. Спб. 1845.*

Альманахъ для дѣтей. *Украшенный виньетками и рисунками З. Ковригина. Спб. 1845.*

Робинсонъ. *Разсказъ для дѣтей. Спб. 1845.*

Пантеонъ Русскихъ Баснописцевъ. *Спб. 1845.*

Маленькія дѣти. *Повѣсти Бланшара, для дѣтей перваго возраста. Изданіе второе значительно исправленное. Спб. 1845.*

Исторія Петра Великаго для дѣтей. *Спб. 1845.*

Наконецъ литература наша начинаетъ обращать вниманіе на дѣтей и заботиться о доставленіи имъ читательской пищи, способной развивать ихъ умъ и сердце. Странно, что она хлопочетъ о дѣтяхъ одинъ только разъ въ году—отъ праздника Рождества до праздника Пасхи, какъ будто въ убѣжденіи, что умъ и сердце дѣтей способны къ развитію именно только въ это время. Иной скептикъ, пожалуй, увидитъ тутъ чистую спекуляцію со стороны русской литературы или, лучше сказать, со стороны составителей, переводчиковъ и издателей дѣтскихъ книгъ, увидитъ ихъ нѣжную заботливость больше о своемъ собственномъ карманѣ, нежели о головахъ и сердцахъ дѣтей. Онъ скажетъ, пожалуй, что эти книги издаются передъ праздниками какъ игрушки, которыя покупаются «дражайшими» родителями для подарковъ дѣтямъ... Но скептики—такой народъ, который не вѣритъ ничему высокому и прекрасному, никакому безкорыстію, особенно, если это безкорыстіе выгодно для кармана безкорыстныхъ людей. И потому не будемъ слушать злостныхъ навѣтовъ и внушеній и воздадимъ должную дань хвалы безкорыстнымъ авторамъ, переводчикамъ и издателямъ тринадцати книжекъ, заглавія которыхъ выставлены въ началѣ нашей статьи.

Мнѣнія о полезности и необходимости дѣтскихъ книгъ теперь, раздѣлились на двѣ противоположныя стороны. Одна утверждаетъ, что безъ этихъ книжекъ дѣтямъ нѣсть спасенія; другая говоритъ, что онѣ не только безполезны, но и положительно вредны, и что если дѣтямъ должно читать что-нибудь, кромѣ учебниковъ, такъ это книги, которыя читаются и взрослыми, разумѣется, при условіи строгаго выбора. Мы сами много думали объ этомъ вопросѣ, и теперь рѣшительно объявляемъ себя на сторонѣ второго мнѣнія. До семи или около семи лѣтъ воспитаніе дитяти должно быть преимущественно физическое, но не въ духѣ почтенной старины, которая буквально держалась значенія слова «воспитывать» и закармливала

дѣтей чуть не на смерть, такъ что матерія подавляла въ нихъ духъ, и они смотрѣли не дѣтьми, а хорошо откормленными телятами, барашками или поросятами. Хорошо воспитанный ребенокъ не долженъ быть ни животнымъ, ни человѣкомъ, а ребенкомъ: лицо его должно носить на себѣ отпечатокъ здоровья, веселости, живости, ясности, и на немъ должно отражаться не столько присутствіе ума, сколько отсутствіе тупости и глупости. Излишне сильное и преждевременное нравственное развитіе въ дѣтяхъ такъ же вредно, какъ и развитіе тѣла въ ущербъ интеллектуальности: оно вредитъ правильному физическому развитію и, слѣдовательно, вредитъ здоровью—первѣйшему и драгоцѣннѣйшему изъ всѣхъ благъ и даровъ жизни. Говорятъ, что сильно, не по лѣтамъ развитыя дѣти бываютъ подвержены мозговымъ воспаленіямъ, именно по причинѣ этой развитости. Развивать дѣтей должна наука, ея постепенное, медленное, но тѣмъ болѣе вѣрное изученіе, а не книжки, писанныя для забавы и пріучающія дѣтей къ поверхностности, легкомыслію и мечтательности. Итакъ, до семи лѣтъ пусть дитя ѣстъ, пьетъ, спитъ, играетъ и говоритъ, а съ семи пусть оно, сверхъ всего этого, еще и учится. Чѣмъ же наполнить время, остающееся ему отъ ученія?—Игрою, рѣзвостью, бѣганьемъ, гимнастическими забавами. Когда дитя подвинется къ своему двѣнадцатилѣтнему возрасту, и игры не будутъ уже вполнѣ удовлетворять его, когда пробудится въ немъ потребность удовлетворять чѣмъ-нибудь и фантазію и умъ, тогда давайте ему романы Вальтера Скотта и Купера; но только и тутъ не давайте ему зачитываться. Почему бы, напримѣръ, не дать ему въ руки «Донъ-Кихота», не искаженнаго, не передѣланнаго? Для дѣтей должны существовать не дѣтскія книги, но особенныя изданія книгъ, писанныхъ для взрослыхъ,—изданія, въ которыхъ должно быть исключено все такое, о чемъ имъ рано знать, все, что можетъ дать ихъ фантазіи вредное для здоровья и нравственности направленіе. Такимъ образомъ, должно замѣнить ночную сцену въ «Донъ-Кихотѣ», гдѣ драка рыцаря печальнаго образа и его оруженосца съ погонщикомъ муловъ происходитъ отъ трактирной служанки, условившейся прійти къ погонщику на постель. Но опошливать для дѣтей великія произведенія, приноравливая ихъ къ дѣтскому возрасту,—ни на что не похоже: великія произведенія дѣлаются вздорными сказками, и дѣтямъ отъ нихъ нѣтъ никакой пользы. Сказочки и повѣсти, которыми напитываютъ малолѣтнихъ дѣтей нарочно для нихъ составляемыя книжки, сильно возбуждаютъ въ нихъ самую опасную изъ душевныхъ способностей—фантазію и дѣлаютъ изъ дѣтей мечтателей, книжниковъ, резонеровъ, записныхъ читальщиковъ. Воля ваша, а гораздо пріятнѣе видѣть ребенка весело, шумливо, но прилично рѣзвящимся, нежели сидящимъ не за учебною книгою. Можно давать дѣтямъ и книги для забавы, но преимущественно съ картинками, съ объяснительнымъ текстомъ, лишеннымъ особенной занимательности. Въ такомъ случаѣ картинки непремѣнно должны быть хороши, а текстъ писанъ правильнымъ хорошимъ языкомъ... Вообще, это предметъ обширный, о которомъ многое можно сказать, чего теперь не позволяютъ намъ ни

мѣсто, ни время. И потому обратимся къ книжкамъ, заглавія которыхъ выставлены выше.

Русская азбука, названная «Елкою», есть рѣшительно первая хорошая книга въ этомъ родѣ, какую мы встрѣтили въ продолженіе всего времени, какъ занимаемся ex-officio разборомъ книгъ. Въ ней есть методъ, котораго достоинства нельзя не признать съ перваго взгляда. Издана она изящно: бумага, печать, исправность корректуры, наконецъ, вкусъ въ типографическомъ отношеніи,—все это заслуживаетъ полной похвалы. Сверхъ того, «Елка» изукрашена множествомъ прекрасныхъ политипажей. Авторъ этой азбуки—женщина, г-жа Анна Дораганъ. Это имя съ сихъ поръ сдѣлается почетнымъ именемъ между всѣми писателями для дѣтей.

«Преданіе о графинѣ Бертѣ» — волшебная сказка для дѣтей, г-на Александра Дюма. По содержанію и изложенію (о языкѣ скажемъ ниже) она можетъ считаться одною изъ лучшихъ сказокъ этого рода. Издана она со всевозможною типографическою роскошью—бумага и печать могли бы напомнить собою парижскія изданія, еслибъ множество безъ нужды и безъ смысла натыканныхъ заглавныхъ буквъ не пестрили страницъ крайне безвкусно; картинки — прелесть. Но ужъ, видно, судьбѣ угодно, чтобъ русская книга почти всегда на чемъ-нибудь да споткнулась: русское изданіе «Преданія о графинѣ Бертѣ» споткнулось на грамотности, да еще какъ!—Судите сами: на первой же страницѣ напечатана фраза: «Кто т а к о е была графиня Берта»!... Мы подумали было сперва, что это опечатка, но, какъ-то заглянувъ въ оглавленіе, и тамъ увидѣли эту же злополучную фразу: «Кто т а к о е была графиня Берта». Читаемъ далѣе—и не вѣримъ глазамъ своимъ:

«Любезный графъ, замокъ нашъ старѣетъ и *угрожаетъ развалиной*; мы не можемъ долѣе *остаться безопасными* въ этомъ *дряхломъ* жилищѣ; я думаю, если вы согласны, что пора намъ выстроить новое» (*стр. 6*).

По-каковски это?... Но довольно! Судя по этимъ образчикамъ языка и слога, можно подумать, что эта книжка переведена какой-нибудь Чухонкою. Хороши также стишки въ этой книгѣ:

Замки, затворы *суть* для насъ
Немощныя, напрасныя преграды,
Невиннаго дитяти жалкій *глазъ* (*запятая*)!
Проникъ ко мнѣ, лишилъ меня отрады
Въ могилѣ тихой, вѣковой,
И прахъ внезапно тлѣнный мой
Ожилъ вновь юною душой...—

и такъ далѣе... Бѣдныя дѣти! какое красивое чудовище безграмотности приготовлено на вашу погибель!..

«Донъ-Кихотъ Ламанчскій»—довольно пошлая сказка, сдѣланная изъ превосходнѣйшаго романа. Даже эпизодъ о Дульцинеѣ Тобозской и самое имя ея исключены изъ этой книжонки. По крайней мѣрѣ, она грамотно написана, красиво издана, и къ ней приложено шесть или семь картинокъ довольно недурныхъ.

«Путешествіе Вокругъ Свѣта» — хорошо написанная и очень

полезная для дѣтей книжка, если только полезно учить дѣтей, забавляя и пріучая такимъ образомъ ихъ къ поверхностному знанію всего понемножку.

«Мери и Флора» — насквозь проникнутая чистѣйшею нравственностью въ англійскомъ духѣ и пріятнымъ слогомъ переведенная повѣсть.—«Каникулы 1844 года или Поѣздка въ Москву»—книжка, написанная тоже весьма пріятнымъ слогомъ.

Въ «Картинахъ изъ исторіи дѣтства знаменитыхъ живописцевъ» дѣти не поймутъ самаго главнаго: что такое живопись и живописецъ, все же остальное будетъ имъ понятно въ этой книжкѣ, въ которой картины порядочны, но картинки могли бы быть лучше.—Безграмотное заглавіе «Матери Наставницы», въ которомъ есть «разговоры, представленные въ разговорахъ», достаточно показываетъ, какого рода эти книжонки.

«Альманахъ для дѣтей»—старый намъ знакомецъ, въ которомъ прежніе черные политипажи (взятые некстати изъ книжки г. Кирилова: «Типы Современныхъ Нравовъ») превратились теперь въ раскрашенныя картинки. Все остальное такъ же плохо, какъ и было.

«Робинсонъ»—изданіе книгопродавца Василья Полякова: этимъ все сказано!

Въ «Пантеонѣ Русскихъ Баснописцевъ» помѣщены басни Крылова, Дмитріева, Измайлова, Хемницера, Хераскова, Ломоносова, Сумарокова, МАЦНЕВА, Хвостова, АГАФИ, ЛОБЫСЕВИЧА, Алипанова, ЛАДЫЖИНСКАГО, Майкова, Невѣдомскаго, РЖЕВСКАГО, СОБОЛЕВА... Вотъ ужъ подлинно всякаго жита по лопатѣ! И все это умѣстилось на 124 страничкахъ въ 16-ю долю листа! Какъ полезно будетъ читать дѣтямъ такія вирши, какъ эти:

Баснь учитъ быть судьбѣ послушнымъ *намъ* всегда,
И *тако* мы свой вѣкъ *пребудемъ безъ вреда!*

«Маленькія дѣти» — преглупенькія сказочки съ дрянными картинками.

«Краткую Исторію Петра Великаго для дѣтей», за неимѣніемъ лучшей, можно дать дѣтямъ въ руки, но не иначе какъ вырвавъ изъ нея уродливыя картинки.

*105. **Занимательное и поучительное чтеніе для дѣтей.** *Изданіе второе. Спб. 1846.*

Книжка благонамѣренная и доброжелательная, но холодная какъ ледъ, сухая какъ треска-рыба, скучна какъ осенній или, пожалуй, и весенній день подъ петербургскимъ небомъ.

106. О жизни и сочиненіяхъ Кольцова.

—— Больше всего полюбились Кольцову «*Тысяча и одна ночь*» и «*Кадмъ и Гармонія*» Хераскова, особенно первая. И не мудрено: арабскія сказки созданы для того, чтобы плѣнять и очаровывать впечатлительное воображеніе дѣтей и младенчествующихъ народовъ. ——

1847 г.

107. Взглядъ на русскую литературу 1846 года.

—— Что составляетъ въ человѣкѣ его высшую, его благороднѣйшую дѣйствительность?—Конечно, то, что мы называемъ его духовностью, т. е. чувство, разумъ, воля, въ которыхъ выражается его вѣчная, непреходящая, необходимая сущность. А что считается въ человѣкѣ низшимъ, случайнымъ, относительнымъ, преходящимъ?—Конечно, его тѣло. Извѣстно, что наше тѣло мы сыздѣтства привыкли презирать, можетъ быть, потому именно, что, вѣчно живя въ логическихъ фантазіяхъ, мы мало его знаемъ. Врачи, напротивъ, больше другихъ уважаютъ тѣло, потому что больше другихъ знаютъ его. Вотъ почему отъ болѣзней чисто-нравственныхъ они лѣчатъ иногда средствами чисто-матеріальными, и наоборотъ. Изъ этого видно, что врачи, уважая тѣло, не презираютъ души: они только не презираютъ тѣла, уважая душу. Въ этомъ отношеніи они похожи на умнаго агронома, который съ уваженіемъ смотритъ не только на богатство получаемыхъ имъ отъ земли зеренъ, но и на самую землю, которая ихъ произрастила, и даже на грязный, нечистый и вонючій навозъ, который усилилъ плодотворность этой земли.—Вы, конечно, очень цѣните въ человѣкѣ чувство?—Прекрасно!—такъ цѣните же и этотъ кусокъ мяса, который трепещетъ въ его груди, который вы называете сердцемъ и котораго замедленное или ускоренное біеніе вѣрно соотвѣтствуетъ каждому движенію вашей души. — Вы, конечно, очень уважаете въ человѣкѣ умъ?—Прекрасно!—такъ останавливайтесь же въ благоговѣйномъ изумленіи и передъ этой массой мозга, гдѣ происходятъ всѣ умственныя отправленія, откуда по всему организму распространяются черезъ позвоночный хребетъ нити нервъ, которыя суть органы ощущеній и чувствъ и которыя исполнены какихъ-то до того тонкихъ жидкостей, что онѣ ускользаютъ отъ матеріальнаго наблюденія и не даются умозрѣнію. Иначе вы будете удивляться въ человѣкѣ слѣдствію мимо причины, или—что еще хуже—сочините свои небывалыя въ природѣ причины и удовлетворитесь ими. Психологія, не опирающаяся на физіологію, такъ же несостоятельна, какъ и физіологія, не знающая о существованіи анатоміи. Современная наука не удовольствовалась и этимъ: химическимъ анализомъ хочетъ она проникнуть въ таинственную лабораторію природы, а наблюденіемъ надъ эмбріономъ (зародышемъ) прослѣдить физическій процессъ нравственнаго развитія. Но это внутренній міръ физіологической жизни человѣка; всѣ его сокровенныя отъ насъ дѣйствія, какъ результатъ, выказываются наружи въ лицѣ, взглядѣ, голосѣ, даже манерахъ человѣка. А, между тѣмъ, что такое лицо, глаза, голосъ, манеры? Вѣдь, это все—тѣло, внѣшность, слѣдовательно, все преходящее, случайное, ничтожное, потому что, вѣдь, все это—не чувство, не умъ, не воля?—такъ! но, вѣдь, во всемъ этомъ мы *видимъ и слышимъ* и чувство, и умъ, и волю. Всего случайнѣе въ человѣкѣ его манеры, потому что онѣ больше всего зависятъ отъ воспитанія, образа жизни, отъ общества, въ которомъ живетъ человѣкъ; но почему же иногда и въ гру-

бых манерахъ мужика чувство ваше угадываетъ добраго человѣка, которому вы смѣло можете довѣриться, и въ то же время изящныя манеры свѣтскаго человѣка заставляютъ васъ иногда невольно остерегаться его?—Сколько на свѣтѣ людей съ душой, съ чувствомъ, но у каждаго изъ нихъ его чувство имѣетъ свой характеръ, свою особенность. Сколько на свѣтѣ умныхъ людей, и, между тѣмъ, у каждаго изъ нихъ свой умъ. Это не значитъ, чтобы умы у людей были разные: въ такомъ случаѣ люди не могли бы понимать другъ друга, но это значитъ, что у самаго ума есть своя индивидуальность. Въ этомъ его ограниченность, и поэтому умъ величайшаго генія всегда неизмѣримо ниже ума всего человѣчества; но въ этомъ же и его дѣйствительность, его реальность. Умъ безъ плоти, безъ физіономіи, умъ, не дѣйствующій на кровь и не принимающій на себя ея дѣйствія, есть логическая мечта, мертвый абстрактъ. Умъ—это человѣкъ въ тѣлѣ или, лучше сказать, человѣкъ черезъ тѣло, словомъ,—*личность*. — —

Къ числу блистательнѣйшихъ пріобрѣтеній по части учебной русской литературы вообще, а не одного прошлаго года, принадлежитъ вышедшее въ прошломъ году второе отдѣленіе второй части «Руководства къ Всеобщей Исторіи»—сочиненіе профессора Лоренца. Этой книжкой заключается средняя исторія. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія и окончанія этого превосходнаго труда. — —

108. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями Николая Гоголя. *Спб. 1847.*

— — Хорошъ и этотъ совѣтъ: «Мужика не бей: съѣздить его въ рожу еще не большое искусство: это сумѣетъ сдѣлать и становой, и засѣдатель, и даже староста; мужикъ къ этому уже привыкъ, и только что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ». Затѣмъ авторъ учитъ помѣщика ругаться съ мужиками... Что это такое? гдѣ мы? ужъ не перенеслись ли мы въ давно-прошедшія времена?..

Но это еще не все. Вотъ лучшее: «Замѣчанія твои о школахъ совершенно справедливы. Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ. Главное уже то, что у мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полѣзетъ въ голову—и, пришедши домой, онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ». Либо пойдетъ въ кабакъ, что онъ и дѣлаетъ нерѣдко... Но не понимаемъ, съ чего взялъ авторъ, будто народъ бѣжитъ, какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги? Бумагъ юридическихъ не любитъ не одинъ нашъ народъ, особенно если грамотѣ не знаетъ; но грамоты нашъ народъ не боится, напротивъ, любитъ ее и бѣжитъ къ ней, а не отъ нея. Пусть попроситъ авторъ своихъ друзей, чтобы они переслали ему отчетъ за 1846 годъ г. министра государственныхъ имуществъ, напечатанный во всѣхъ оффиціальныхъ русскихъ газетахъ: изъ него увидитъ онъ, какъ быстро распространяется въ Россіи грамотность между простымъ народомъ... А если бы захотѣлъ онъ пожить въ той Россіи, которую такъ расхваливаетъ, живя въ разныхъ

нѣмецкихъ земляхъ, и поприглядѣться къ нашему простому народу, о которомъ онъ судитъ такъ рѣшительно, не зная его,—онъ убѣдился бы, что эти быстрые успѣхи въ дѣлѣ распространенія грамотности въ простомъ народѣ основаны именно на глубокой потребности, какую чувствуетъ народъ въ грамотности, и на сильномъ стремленіи, какое онъ оказываетъ къ ученію... Авторъ увидѣлъ бы, какъ часто бородатые русскіе мужики ничего не жалѣютъ для обученія дѣтей своихъ грамотѣ и достигаютъ иногда этой цѣли при всевозможной бѣдности въ средствахъ. Да, эта любовь къ свѣту, выразившаяся въ пословицѣ: *ученье—свѣтъ, неученье—тьма,* составляетъ одно изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ свойствъ русскаго народа, — и это-то свойство до сихъ поръ не признано въ немъ его близорукими восхвалителями и льстецами, которые, взамѣнъ того, навыдумывали для него множество похвальныхъ качествъ, или не бывалыхъ въ немъ, или составляющихъ еще его темную сторону. — —

*109. **Новая библіотека для воспитанія,** *издаваемая Петромъ Рѣдкинымъ. Москва. 1847. Двѣ книжки.*

Сынъ рыбака, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. *Повѣсть для дѣтей. Сочиненіе П. Фурмана. Изданіе второе. Спб. 1847.*

Альманахъ для дѣтей, *составленный П. Фурманомъ. Спб. 1847.*

Что читать дѣтямъ? Нашимъ дѣтямъ вовсе нечего читать!— Вотъ вопросы и восклицанія, которые безпрестанно раздаются со всѣхъ сторонъ. А, между тѣмъ, сколько ежегодно издается у насъ книгъ и книжекъ для дѣтей, издавались и даже теперь издается дѣтскій журналъ. Конечно, наши дѣтскія книги большею частью очень плохи и принадлежатъ совсѣмъ не къ литературѣ, а къ промышленности, составляютъ часть товара, который долженъ наполнять лавки съ дѣтскими игрушками; но все же между нашими книгами и изданіями для дѣтей есть и порядочныя, по крайней мѣрѣ, такія, которыя только со стороны языка и слога уступаютъ французскимъ сочиненіямъ этого рода, а по содержанію и направленію столько походятъ на нихъ, сколько слѣдуетъ переводамъ и передѣлкамъ походить на свои оригиналы... Но загляните въ эти лучшія книги,—и вы невольно скажете: «Бѣдныя дѣти, вамъ дѣйствительно нечего читать! И ужъ лучше вамъ вовсе ничего не читать, нежели читать эти вздоры и пошлости!..».

Скажемъ яснѣе нашу мысль: за исключеніями, слишкомъ немногими и рѣдкими, мы считаемъ вздорными и вредными не только наши русскія книги для дѣтей, но и ихъ иностранные образцы, разгуливающіе по всему свѣту подъ эгидою громкихъ именъ ихъ знаменитыхъ авторовъ...

Еслибы это было не такъ, то откуда же возникъ бы вопросъ: нужны ли, полезны ли дѣтскія книги вообще? А этотъ вопросъ со дня на день повторяется чаще и рѣшается различно. Одни утверждаютъ, что для чтенія дѣтямъ необходимы книги, приноравливаемыя къ ихъ понятію; другіе доказываютъ, что дѣти должны читать тѣ же самыя книги, какія читаютъ и взрослые, только съ болѣе строгимъ выборомъ.

Не беремся рѣшить этотъ вопросъ; но попытаемся изложить наше о немъ мнѣніе.

Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ и легко и трудно. Всѣ дѣти имѣютъ общія родовыя ихъ возрасту свойства и качества, и потому ничего нѣтъ легче, какъ, составивши себѣ отвлеченное понятіе о дѣтяхъ, рѣшить всѣ касающіеся до нихъ вопросы. Но вотъ въ чемъ трудность: у каждаго ребенка своя натура, свои интеллектуальныя средства, нравственныя наклонности, характеръ; дѣти бываютъ различныхъ возрастовъ, потребности семилѣтняго дитяти уже не тѣ, что у ребенка трехъ лѣтъ, а потребности двѣнадцатилѣтняго дитяти далеко не тѣ, какія у семилѣтняго и т. д. Притомъ, гдѣ границы дѣтскаго возраста? Неужели человѣкъ въ 14 лѣтъ—уже юноша? И время отъ 14 до 16 лѣтъ не составляетъ ли перехода отъ дѣтства къ юношеству? Кромѣ того, не случается ли, что одинъ и въ 18 лѣтъ смотритъ ребенкомъ, а другой въ 14 обнаруживаетъ интеллектуальную зрѣлость юноши? Приэтомъ какую важную роль играетъ различіе половъ! Что идетъ мальчикамъ, то не годится для дѣвочекъ, и наоборотъ.

Съ какихъ лѣтъ должно начинать учить ребенка чтенію и письму?—Опять вопросъ относительный, котораго нельзя рѣшить для всѣхъ дѣтей, но который долженъ рѣшаться особо для каждаго ребенка. Обыкновенно общимъ среднимъ терминомъ для начала ученія полагаютъ семилѣтній возрастъ. Мы думаемъ, что и при самыхъ острыхъ и рѣзко выказывающихся способностяхъ ребенка нѣтъ никакой нужды торопиться начинать ученіе раньше семи лѣтъ. До этого же возраста должно обращать все вниманіе преимущественно на физическое и нравственное воспитаніе. Первое должно быть положительнымъ и состоять въ развитіи здоровья, тѣлесной крѣпости, гибкости и ловкости. Это — дѣло гимнастики и правильнаго образа жизни. Пусть дѣти играютъ, шумятъ, рѣзвятся, лишь бы во всемъ этомъ не было ничего грубаго, пошлаго, неприличнаго, и лишь бы они во-время и вмѣру ѣли, во-время ложились спать и вмѣру спали. Нравственное воспитаніе дѣтей даже и дальше семилѣтняго возраста должно быть отрицательное, т. е. состоять въ удаленіи отъ нихъ всякихъ дурныхъ примѣровъ и въ развитіи въ нихъ чувствъ любви, справедливости и человѣчности не правилами морали, а, такъ сказать, вліяніемъ привычки, такъ, чтобы они не знали, какія это чувства и какъ они въ нихъ развиваются. Все это зависитъ отъ людей, которыми окружены бываютъ дѣти ежедневно. Но моральныя правила, сентенціи, поученія способны только наводить на дѣтей скуку и возбуждать въ нихъ отвращеніе, или образовывать изъ нихъ педантовъ, резонеровъ, лицемѣровъ. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ непосредственнѣе должно быть его нравственное воспитаніе, т. е. тѣмъ болѣе должно его не *учить*, *а пріучать* къ хорошимъ чувствамъ, наклонностямъ и манерамъ, основывая все преимущественно на *привычкѣ*, а не на преждевременномъ и, слѣдовательно, неестественномъ развитіи понятій. Пріобрѣтенное дитятею такимъ непосредственнымъ образомъ, такъ сказать, привычкою, послужитъ самымъ прочнымъ основаніемъ для соз-

нательнаго развитія всѣхъ человѣческихъ чувствъ, когда настанетъ время дѣятельности его ума и разсудка. Что касается до ученія, то дитя учится и до азбуки: дѣти любопытны и обо всемъ спрашиваютъ старшихъ: что это и что то. Должно отвѣчать имъ кротко, терпѣливо, серьезно, не шутя и не обманывая ихъ, объяснять имъ сообразно съ степенью пониманія и искусно уклоняться отъ ихъ вопросовъ, когда они касаются такихъ предметовъ, о которыхъ имъ знать не слѣдуетъ, или такихъ, которые выше ихъ понятія. Кромѣ того, въ этотъ возрастъ можно и должно тѣмъ, у кого есть средства, учить дѣтей живымъ иностраннымъ языкамъ, но только говорить, и собственно не учить, а пріучать, опять основываясь только на силѣ привычки.

Но вотъ ребенку семь лѣтъ, вотъ онъ уже довольно бѣгло читаетъ. Что же читать ему? И заботливые родители ищутъ по книжнымъ лавкамъ приличной пищи для читательнаго голода ихъ дѣтей. Да помилуйте, мало ли у нихъ чтеній и безъ этихъ книгъ? Вѣдь, азбука—не конецъ, а только начало ученія. Дитя, которое до семи лѣтъ успѣло выучиться лепетать на двухъ или трехъ иностранныхъ языкахъ, кромѣ русской азбуки, должно заняться еще тремя азбуками. Кромѣ того, за азбукой слѣдуютъ грамматика, ариѳметика, географія и т. д. Все это возьметъ много времени у ребенка и охладитъ его излишнее порываніе къ книгамъ, потому что охота попрыгать, пошумѣть, побѣгать, поиграть и даже пошалить у иного не проходитъ даже и въ 15 лѣтъ. Но, скажутъ намъ, и за уроками, и за играми, все-таки остается праздное время, особенно зимою, котораго нечѣмъ наполнить. Это можетъ быть. Но какія же давать тутъ дѣтямъ книги? Главный недостатокъ этихъ книгъ тотъ, что онѣ или выше, или ниже понятій дѣтей. Въ первомъ случаѣ, онѣ дѣлаютъ изъ дѣтей скороспѣлыхъ умниковъ, педантовъ, резонеровъ; во второмъ—дѣлаютъ ихъ слабоумными, пріучая къ неестественной ихъ возрасту наивности. Большая часть дѣтскихъ книгъ вмѣщаетъ въ себѣ вдругъ оба эти недостатка. Вотъ почему онѣ даже не безполезны только, а положительно вредны. Въ этихъ разсказахъ для дѣтей все—ложь, фраза, риторика; жизнь отражается въ нихъ какъ предметы въ кривомъ да еще запачканномъ спереди и потертомъ сзади зеркалѣ. И потому лучшими книгами для чтенія дѣтей перваго возраста могли бы быть такія книги, которыя бы весело знакомили ихъ съ землею, съ природою и отчасти съ исторіею. Книги эти непремѣнно должны быть съ картинками, ибо «наглядность» должна быть основаніемъ дѣтскаго развитія. Еслибы нашлась книжка съ картинками, изображающими горы, моря, острова, полуострова, минералы, разныя чудеса физической природы, потомъ явленія растительнаго, а, наконецъ, животнаго царства, и при этихъ картинкахъ былъ бы объяснительный текстъ, простой, толковый, безъ фразъ и восклицаній о томъ, какъ прекрасна природа и т. п.; еслибы всѣ эти предметы были изложены не только въ порядкѣ, но и въ ученой системѣ, а въ текстѣ ни слова не упоминалось ни о какихъ системахъ: такую книжку всякій отецъ долженъ бы поспѣшить купить для своихъ

дѣтей, въ полной увѣренности, что это безцѣнный, по своей полезности, гостинецъ для нихъ. Гдѣ кончается царство животныхъ, тамъ начинается царство человѣка. Для легкаго и пріятнаго знакомства дѣтей съ этимъ царствомъ, очень полезны путешествія или просто описанія земель и народовъ всего земного шара. Картинки тутъ опять должны играть главную роль. Текстъ долженъ быть такой, какъ будто онъ писанъ для взрослыхъ людей, только изъ него должно быть исключено все, что выше понятія дѣтей, что не можетъ быть имъ интересно, чего не слѣдуетъ имъ знать. Что касается до исторіи, она должна состоять изъ біографій историческихъ лицъ, анекдотовъ изъ ихъ жизни, отдѣльныхъ историческихъ событій, имѣющихъ нравственное значеніе. Нравственность тутъ должна быть главнымъ предметомъ, но о ней отнюдь не должно упоминать, отнюдь никакихъ наставленій и поученій: она должна быть не въ *словахъ*, а въ *дѣлѣ*, и переходить въ дѣтей не какъ *понятіе*, а какъ *чувство*. Разумѣется, такого рода книги должны быть приноровлены къ дѣтскому возрасту. Дѣти очень любятъ біографіи полководцевъ, но для нихъ нѣтъ никакого интереса въ біографіяхъ ученыхъ, художниковъ, философовъ, администраторовъ, и т. п. Впрочемъ, все зависитъ отъ намѣренія, цѣли и умѣнья автора книги. Біографія Платона, во всякомъ случаѣ, безполезна и скучна для дѣтей, потому что отъ превыспреннихъ идей этого, конечно, геніальнаго мыслителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мечтателя и фантаста, и у взрослыхъ людей иногда умъ за разумъ заходитъ. Но біографія Сократа—другое дѣло. Это былъ не столько философъ, сколько мудрецъ; ученіе его было живое, практическое, удобоприложимое къ жизни; самая манера его спорить и доказывать можетъ быть и полезна и интересна для дѣтей, если изложить ее ясно и искусно: въ ней такъ много драматическаго элемента. Но что за польза дѣтямъ знать біографію Гомера прежде, нежели прочтутъ они «Иліаду» и «Одиссею», и имъ что-нибудь понравится въ этихъ поэмахъ? Послѣ—другое дѣло.

Дѣти ужасно впечатлительны, такъ что отъ этой способности зависитъ и ихъ спасеніе и ихъ гибель. Человѣкъ всю жизнь помнитъ всякій вздоръ, который читалъ онъ въ дѣтствѣ и который тогда ему особенно нравился. Изъ этого видно, какое великое счастье для дѣтей, когда ихъ мягкій и впечатлительный, какъ воскъ, свѣжій, не засоренный пустяками и вздорами, не усталый, не истомленный мозгъ обогатится только полезными и дѣльными впечатлѣніями! Это должно быть одною изъ главныхъ заботъ воспитанія, чтобы и пріятное было полезно. Но несчастны тѣ дѣти, которыхъ юный мозгъ засорится сперва чтеніемъ дѣтскихъ книгъ и потомъ водевилями, вздорными романами и всякою подобною дрянью! Лучше бы имъ вовсе ничего не читать!

Изъ всего можно сдѣлать злоупотребленіе. Охота къ чтенію—хорошая наклонность въ дѣтяхъ, но и она можетъ сдѣлаться вредною, пріучивъ ихъ къ мечтательности и похищая время у ихъ ученія. Пусть на чтеніе будетъ у нихъ свое время, и пусть чтеніе не отнимаетъ времени не только у ученія, но даже у игръ и рѣзвости

Всему должно быть свое время и строгій порядокъ долженъ быть душою всего. Когда видишь умнаго и страстнаго къ чтенію ребенка или юношу, который лишенъ всѣхъ средствъ къ ученію и образованію, предоставленъ природѣ и самому себѣ, съ жадностью читаетъ безъ разбора все, что ни попадется ему подъ руку, и хорошее, и дурное: и жалѣешь о немъ, и радуешься за него. Все лучше и полезнѣе ему такъ читать, нежели пристраститься, отъ лѣности и отъ нечего дѣлать, къ картамъ, къ бильярду, къ вину и другимъ не изящнымъ «художествамъ». Но грустно видѣть ребенка или молодого человѣка, который, имѣя всѣ средства къ ученію, тратитъ большую часть своего времени на чтеніе литературныхъ произведеній, предается мечтательности и гонится за энциклопедическимъ всезнаніемъ, которое иногда хуже положительнаго невѣжества!

Отъ 7-ми до 14-ти лѣтъ много воды утекаетъ, и ребенокъ становится уже не ребенкомъ. Ученіе идетъ своимъ порядкомъ, и, кромѣ пользы, въ свою очередь, можетъ доставить ему и удовольствія чтенія. Это въ особенности переводы съ иностранныхъ языковъ. Корнелій Непотъ, Салюстій, Плутархъ: развѣ содержаніе ихъ сочиненій не такъ же интересно, какъ и содержаніе романа? По крайней мѣрѣ, надо стараться, чтобъ это было такъ. Всего лучше, если молодой человѣкъ прочтетъ на доступныхъ ему иностранныхъ языкахъ все, признанное классическимъ, дѣльнымъ, и пристрастится къ этому роду чтенія прежде, нежели познакомится съ романами и вообще съ легкою литературою.

Время для чтенія романовъ молодымъ людямъ есть время ихъ перехода отъ дѣтства къ юношеству, когда уже имъ можно читать многое, но еще не иначе, какъ съ выбора и разрѣшенія старшихъ. Первый романъ, который можно дать молодому человѣку лѣтъ двѣнадцати—«Юрій Милославскій» г. Загоскина. Затѣмъ понемногу можно давать романы Вальтера Скотта и Купера. Тутъ все дѣло въ томъ, чтобъ не дать въ руки молодого человѣка такой книги, которая можетъ прежде времени познакомить его съ такими чувствами, страстями и понятіями, которыя несвойственны его возрасту. Это истинная гибель и для здоровья и для нравственности. Вотъ почему мы прямо и безъ оговорокъ указали на Вальтера Скотта и Купера: въ ихъ романахъ изображена жизнь дѣйствительная, а не воображаемая, они изящны, художественны, а, между тѣмъ, въ нихъ нѣтъ ничего опаснаго даже для дѣтей. Мы очень уважаемъ Гофмана, и если видимъ въ немъ чудака и безумца, то все же геніальнаго, и, однакожъ, считаемъ его для дѣтей столько же, или еще и болѣе вреднымъ, нежели Поль-де-Кока, хотя и вовсе другимъ образомъ. Для дѣтей страшно вредно все, что развиваетъ и возбуждаетъ фантазію насчетъ другихъ интеллектуальныхъ способностей; фантазія у дѣтей и безъ того—самая дѣятельная способность, и потому ее слѣдуетъ скорѣе сдерживать, нежели возбуждать, или, что всего губительнѣе, давать ей уродливое направленіе ко вреду дѣятельности ума и, въ особенности, разсудка и здраваго смысла.

«Новая Библіотека для Воспитанія», издаваемая г. Рѣдкинымъ,

есть единственная книга, которую можно рекомендовать отцамъ семействъ, изъ всѣхъ книгъ этого рода, появившихся въ послѣднее время. Не всѣ статьи, составляющія ея содержаніе, одинаковаго достоинства; но между ними нѣтъ рѣшительно дурныхъ, и есть очень хорошія. Пересмотримъ ихъ по порядку. «О лунѣ», статья г. А. Драшусова, очень дѣльна по содержанію. Иначе и быть не можетъ: нельзя сказать о лунѣ что-нибудь другое, кромѣ того, что можно сказать о ней, если говорить примется человѣкъ, коротко знакомый съ астрономіею. Стало быть, все достоинство такой статьи должно состоять въ оживленномъ и увлекательномъ изложеніи. Къ сожалѣнію, статья г. Драшусова суха, черства и скучна, а, сверхъ того, написана языкомъ и слогомъ нельзя сказать чтобы изящными... Въ началѣ своей статьи г. Драшусовъ говоритъ, что «внимательное чтеніе, особенно при помощи наставника», его статьи, познакомитъ съ луною. Но если нуженъ наставникъ, то статья вовсе не нужна. Въ свое время молодой человѣкъ, на университетскихъ лекціяхъ, узнаетъ все, что относится до луны, а до тѣхъ поръ ему лучше учиться у своего наставника чистой математикѣ, безъ которой невозможно знаніе астрономіи. Зачѣмъ же ему терять время надъ статьею, не литературно и не изящно написанною?.. «Прогулка по Гарцу», статья г. В. Лапшина, не лишена интереса и написана хорошо. Но мы рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ помѣщена въ «Библіотекѣ для Воспитанія» сказка: «Золотой Жукъ?» А что ручается, что это не сказка, а анекдотъ, а если и анекдотъ—что въ немъ хорошаго для дѣтей? Развѣ то, что онъ разовьетъ въ нихъ манію къ отыскиванію кладовъ?.. Вторая книжка «Библіотеки» начинается «Русской Лѣтописью для первоначальнаго чтенія», это пересказъ, если можно такъ выразиться, Нестеровой хроники его же складомъ, да только нашимъ языкомъ. Вотъ это статья! Она равно интересна и полезна и для дѣтей, и для тѣхъ взрослыхъ, которые и не прочь бы отъ знанія отечественной исторіи, но нисколько не расположены изучать ее ученымъ образомъ, по источникамъ, которыхъ чтеніе такъ трудно. А здѣсь можно получить понятіе и объ источникахъ, не трудясь, а только наслаждаясь. Статья принадлежитъ г. Соловьеву, который обѣщаетъ для «Библіотеки» цѣлый рядъ такихъ статей. Мысль счастливая, особенно когда исполняется ученымъ, который можетъ отвѣчать за каждое выраженіе, за каждое слово въ своей статьѣ,—что всего важнѣе въ статьяхъ такого рода. Слѣдующая статья—«Пирръ» есть именно одна изъ тѣхъ статей, которыя желательно какъ можно чаще встрѣчать въ этомъ изданіи. Она извлечена изъ Roth's Lesebuch zur Einleitung in die Geschichte. «Мнѣ хотѣлось быть лѣкаремъ»—повѣстца для дѣтей, не лишенная интереса; въ ней говорится о нравахъ и обычаяхъ Персіянъ нашего времени. «Странствованія Одиссея», по нашему мнѣнію, должны бы быть изложены иначе—просто въ прозаическомъ переводѣ, пожалуй, съ выпусками, сокращеніями и измѣненіями, но въ переводѣ; въ пересказѣ же эта поэма лишилась всей своей поэтической прелести и стала похожа на нелѣпую сказку.

Мы не скажемъ, чтобы «Новая Библіотека для Воспитанія»,

издаваемая г. Рѣдкинымъ, вполнѣ удовлетворяла всѣмъ требованіямъ и не могла-бъ быть лучше, даже гораздо лучше; но мы по совѣсти можемъ сказать, что и сама по себѣ это—дѣльная и полезная для дѣтей книга, которую смѣло можно рекомендовать отцамъ семействъ, и что она не идетъ ни въ какое сравненіе съ книгами этого рода, безпрестанно издающимися у насъ. Надѣемся и увѣрены, что ея издатель не будетъ жалѣть никакихъ трудовъ на постепенное улучшеніе такого полезнаго изданія.

«Сына Рыбака» мы выставили въ началѣ нашей статьи не потому, что это лучшая изъ дѣтскихъ книгъ, изданныхъ въ послѣднее время въ Петербургѣ, и не потому, что она достигла второго изданія; а потому, что она представляетъ собою богатый образецъ совершенной безполезности большей части дѣтскихъ книгъ. Какой можетъ быть интересъ для дѣтей въ біографіи поэта и ученаго, когда еще они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія ни о поэзіи, ни о наукѣ? Издавать для малолѣтнихъ дѣтей подобную книгу—не то ли это самое, что издавать для крестьянъ біографію Гегеля? Вотъ другое дѣло издавать для дѣтей біографію Петра Великаго, Суворова, Кутузова: это имъ доступнѣе: они любятъ разсказы о сраженіяхъ, да и личность Петра Великаго, какъ государя и какъ человѣка, искусно очерченная, не могла бы ихъ не заинтересовать. Но что имъ въ Ломоносовѣ? А когда они подростутъ, то пусть прочтутъ романъ-біографію Ломоносова, прекрасно составленный г. К. Полевымъ, да вмѣстѣ съ тѣмъ примутся читать и самого Ломоносова.

И какъ бѣдно и жалко составлена книжка г. Фурмана! Первая половина ея—компиляція изъ прекрасной книги г. К. Полевого; а вторая—вялый, мертвый наборъ словъ. И все это украшено восмью безобразнѣйшими литографіями. И такія книги появляются вторымъ изданіемъ! Бѣдныя дѣти, лучше бы вамъ вовсе не знать грамотѣ!

«Дѣтскій Альманахъ для дѣтей», изданный г. Фурманомъ, избрали мы для рецензіи, какъ общій типъ почти всѣхъ дѣтскихъ книгъ! Этотъ альманахъ состоитъ изъ четырехъ драматическихъ пьесъ въ прозѣ. Несмотря на русскія (весьма неудачно придуманныя) имена и фамиліи, явно, что всѣ эти пьесы переведены съ французскаго: въ нихъ вовсе не наши нравы, и отъ этого нелѣпость ихъ дѣлается еще вопіющѣе. Въ нихъ добродѣтельные говорятъ словно по книгѣ, порочные къ концу пьесы непремѣнно раскаиваются и дѣлаются добродѣтельными. Нигдѣ не замѣтно причинъ ни порока, ни раскаянія. Стало быть, все вздоръ и ложь. Но для многихъ людей развивать въ дѣтяхъ нравственныя чувства можно только обманывая ихъ: достойная проклятія мысль! Сатана—отецъ гнусной лжи—породилъ ее, а лживые или ограниченные люди увѣровали въ нее и чаютъ отъ нея спасенія дѣтей своихъ! Все въ этихъ піесахъ неестественно, сантиментально, пошло, надуто—и чувства и выраженіе! А языкъ—это верхъ неестественности: ни одной простой фразы, все по-книжному.

Обращаясь къ общей идеѣ полезности или безполезности дѣт-

скихъ книгъ, вотъ что скажемъ мы, какъ результатъ нашего мнѣнія объ этомъ предметѣ:

Мнѣніе, что дѣти должны читать только то, что читаютъ и взрослые, не лишено основанія и справедливости, но требуетъ большихъ исключеній и ограниченій. Но намъ кажется, что можно дать на этотъ предметъ правило, не допускающее почти никакихъ исключеній и ограниченій: книги для дѣтей можно и должно писать, но хорошо и полезно только то сочиненіе для дѣтей, которое можетъ занимать взрослыхъ людей и нравиться имъ, не какъ дѣтское сочиненіе, а какъ литературное произведеніе, писанное для всѣхъ. И къ повѣстямъ, разсказамъ и драматическимъ пьесамъ это относится едва ли еще не болѣе, чѣмъ къ статьямъ другого рода.

Да гдѣ же взять такихъ книгъ?—Это ужъ не наше дѣло. Мы сочтемъ себя очень счастливыми, если изложеніемъ нашего мнѣнія объ этомъ предметѣ наведемъ иного талантливаго человѣка на настоящій путь въ отношеніи къ сочиненію книгъ для дѣтей.

*110. **Картина земли для наглядности при преподаваніи физической географіи**, *составленная А. Ф. Постельсомъ. Съ литографированнымъ большимъ рисункомъ. Спб. 1846.*

Наглядность признана теперь всѣми единодушно самымъ необходимымъ и могущественнымъ помощникомъ при ученіи. Она состоитъ въ томъ, чтобы помогать памяти и уму ребенка представленіемъ вида и образа предметовъ, которые онъ изучаетъ. Это матеріальное и чувственное вспомогательное средство для спасенія бѣдныхъ дѣтей отъ убійственнаго, подавляющаго способности, сухого и мертваго отвлеченія, столь любимаго идеалистами. Вся сущность прекрасной методы г. Язвинскаго состоитъ въ клѣточкахъ, которыя сами по себѣ не много значатъ, но помогаютъ памяти и уму какъ чувственные значки, остающіеся какъ бы передъ глазами учащагося даже и тогда, какъ онъ уже ихъ не видитъ. Эта великая важность *наглядности* основана на самой природѣ человѣка, у котораго самыя отвлеченныя умственныя представленія все-таки суть не иное что, какъ результатъ дѣятельности мозговыхъ органовъ, которымъ присущи извѣстныя способности и качества. Давно уже сами философы согласились, что «ничего не можетъ быть въ умѣ, что прежде не было въ чувствахъ». Гегель, признавая справедливость этого положенія, прибавилъ: «кромѣ самого ума». Но эта прибавка едва ли не подозрительна, какъ порожденіе трансцедентальнаго идеализма. Человѣкъ не прямо же, не чистымъ мышленіемъ дошелъ до сознанія, что у него есть умъ, а замѣтилъ это прежде всего изъ собственныхъ дѣйствій, въ которыхъ отразился его умъ, но которыя онъ опять-таки только черезъ чувства созналъ своимъ умомъ. Всякій, даже простой человѣкъ знаетъ, что у него умъ въ головѣ,—знаетъ это по причинѣ, можетъ быть, болѣе простой и естественной, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Человѣкъ въ порывѣ горячихъ, страстныхъ чувствъ, невольно прижимаетъ руку къ груди и сердцу, куда сильнѣе приливаетъ кровь при движеніяхъ чувствъ. Когда же человѣкъ о чемъ-нибудь размышляетъ, сильно занятъ какимъ-нибудь соображеніемъ, особенно разсчисленіемъ,—палецъ его

какъ-будто невольно то и дѣло прилагается ко лбу, а рука невольно отъ времени до времени потираетъ лобъ. Явленіе простое, но многознаменательное! Во время процесса мысли человѣкъ какъ-будто чувствуетъ, что тутъ гнѣздо его мыслительной дѣятельности, что тамъ тоже происходитъ какое-то безпокойство, которое обнаруживается и въ его озабоченныхъ движеніяхъ, что тамъ какъ-будто что-то шевелится...

Посмотрите, какъ жадны дѣти къ картинкамъ! Они готовы прочесть самый сухой и скучный текстъ, лишь бы только онъ объяснилъ имъ содержаніе картинки. И потому картинки все болѣе и болѣе дѣлаются пособіемъ при воспитаніи и ученіи. Г. Постельсъ справедливо замѣчаетъ, что дѣти, не выѣзжавшія изъ такого мѣста, гдѣ нѣтъ горъ, или моря, съ большимъ трудомъ заучиваютъ эти предметы въ географіи противъ дѣтей, видѣвшихъ эти предметы въ натурѣ. Для этого онъ и издалъ свою «Картину Земли», на которой изображены моря, заливы, проливы, озера, рѣки, острова, гавани, горы, лѣса, города, корабли и т. д. Трудъ его прекрасный и полезный, но не полный. Для полноты карта должна быть непремѣнно иллюминована, чтобы можно было показать разныя геологическія различія: горные кряжи, слои, породы, пласты, мраморъ, металлы и тому подобные предметы, гдѣ цвѣтъ иногда важнѣе формы. Но при всемъ томъ трудъ г. Постельса всетаки полезенъ, и мы должны быть благодарны ему за доброе начало добраго дѣла, которое, вѣроятно, найдетъ продолжателей.

*111. **Новая Библіотека для Воспитанія.** *издаваемая Петромъ Рѣдкинымъ. Книжка III. Москва 1847.*

Городокъ въ табакеркѣ. *Дѣтская сказка дѣдушки Иринея, изд. княземъ Одоевскимъ. Изданіе второе. Спб. 1847.*

Морозъ Ивановичъ. *Дѣтская сказка дѣдушки Иринея, изданная княземъ Одоевскимъ. Спб. 1847.*

Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ *дѣдушки Иринея, изданный княземъ Одоевскимъ. Тетрадь I. Спб. 1847.*

Петербургскій Сборникъ для Дѣтей, *издалъ В. Петровымъ и М. М. Спб. 1847.*

Повѣсти для Дѣтей. *Съ шестью картинками. Спб. 1847.*

Третья книжка «Новой Библіотеки для Воспитанія» г. Рѣдкина состоитъ изъ трехъ статей. Изъ нихъ особенно интересна первая. Она называется: «Атлантическій Океанъ», но собственно есть ничто иное, какъ разсказъ объ открытіи Америки, слѣдовательно, біографія Колумба. Послѣ этого нечего говорить объ интересности содержанія статьи; остается замѣтить только, что и ея изложеніе прекрасно, и что въ началѣ статьи находятся любопытныя извѣстія о всѣхъ попыткахъ, въ древнемъ и новомъ мірѣ, обойти моремъ Африку и о нечаянныхъ и безплодныхъ открытіяхъ Америки, сдѣланныхъ Финикіянами и Норманнами — первыми въ древности, а вторыми еще въ IX столѣтіи по Р. Х. — Продолженіе «Странствованій Одиссея», со-

ставляющее вторую статью «Б. для В.», еще болѣе убѣдило насъ въ безплодности подобныхъ передѣлокъ великихъ твореній древности,— о чемъ мы уже говорили въ прошлой книжкѣ «Современника». Просто нѣтъ возможности читать: глупая сказка, да и только! А переведите «Одиссею» хотя и прозою, съ сокращеніями и выпусками (но ужъ, разумѣется, безъ вставокъ собственнаго издѣлія), но съ сохраненіемъ (сколько это возможно при такихъ условіяхъ) тона и колорита разсказа подлинника,—вышла бы чудная поэтическая поэма!—Третья статья—«Первый герцогъ цирингенскій» уже самымъ началомъ своимъ привела насъ въ ужасъ: это, во-первыхъ, нѣмецкая, да еще народная сказка, а, во-вторыхъ, «баснословный разсказъ сѣдой старины», говоря собственною вычурною и истасканною фразою автора. Сѣдую старину тутъ представляетъ старый угольщикъ, которому внимаетъ нашъ юный вѣкъ въ лицѣ, вѣроятно, очень молодого литератора, богатаго охотою писать, но бѣднаго на вымыслы. Такимъ людямъ угольщики и старыя бабы—истинный кладъ, неистощимый источникъ поэтическаго вдохновенія и литературныхъ бредней! И ужъ подлинно сказку разсказалъ старый угольщикъ «долинъ своего, богатаго угольями, Шварцвальда»! Былъ—видите ли—угольщикъ, который каждый разъ, какъ сожжетъ дрова, находилъ въ угольной ямѣ, вмѣстѣ съ углями, большой кусокъ чистаго серебра. На это сокровище онъ помогаетъ какому-то королю, потерявшему свое королевство, снова завоевать его,—за что тотъ дѣлаетъ его герцогомъ и отдаетъ за него одну изъ дочерей своихъ. Еще въ ожиданіи успѣховъ оружія короля, нашъ угольщикъ выстроилъ себѣ огромный и крѣпкій замокъ. Сдѣлавшись герцогомъ, онъ сталъ гордъ, грубъ и прожорливъ. Разъ вздумалось ему приказать своимъ поварамъ изжарить ему ребенка, что и было сдѣлано. Хоть онъ его и не съѣлъ, но, напротивъ, впалъ въ отчаянное раскаяніе, тѣмъ не менѣе, подобная черта, особенно въ книжкѣ для чтенія дѣтей, возмутительна и отвратительна! Для чего дѣтямъ знать о такихъ мерзостяхъ? Чтобы предохранить ихъ отъ охоты ѣсть жареныхъ дѣтей? Но для этого слишкомъ достаточно нравовъ нашего времени; а если бы для какого-нибудь изверга этого было недостаточно, такъ у правительствъ есть средства къ предупрежденію подобныхъ исключительныхъ событій гораздо подѣйствительнѣе вздорныхъ нѣмецкихъ народныхъ сказокъ. Надо сказать правду, трудно было бы обнаружить больше неловкости, нежели сколько обнаружено ея выборомъ этой дрянной статьи! Средневѣковыя нелѣпости и дикости давно уже надоѣли намъ въ балладахъ, да какихъ еще — художественно-прекрасныхъ!— а тутъ нашимъ дѣтямъ суютъ ту же дичь, да еще въ убогой прозѣ! Умоляемъ издателя «Библіотеки для Воспитанія» не пятнать болѣе своего прекраснаго изданія помѣщеніемъ въ него какихъ бы то ни было сказокъ, а особенно нѣмецкихъ, да еще народныхъ, а пуще всего «баснословныхъ разсказовъ *сѣдой* старины изъ устъ *сѣдого* угольщика». Исторія лучше сказокъ даже для дѣтей. И въ среднихъ вѣкахъ можно найти для нихъ много интереснаго и поучительнаго: вмѣстѣ съ чертами страшнаго варварства, свойственнаго временамъ глубокаго и всеобщаго невѣжества, черты великихъ

характеровъ, великихъ дѣлъ, стремленія къ свѣту знанія съ опасностью погибнуть на кострѣ за колдовство и ересь. А сказки пусть слушаютъ отъ старыхъ нянекъ тѣ бѣдныя дѣти, которыхъ воспитаніе невниманіемъ или невѣжествомъ родителей поручается сообществу холоповъ: отъ нихъ то ли еще услышатъ они, эти несчастныя дѣти! Видя въ «Библіотекѣ для Воспитанія» полезное и дѣльное изданіе, мы рѣшились постоянно обращать на нее все наше вниманіе, и чѣмъ лучше будетъ казаться намъ она, тѣмъ строже и рѣзче будутъ наши приговоры.

Мы очень рады встрѣчѣ съ дѣдушкой Иринеемъ послѣ такой долгой съ нимъ разлуки. Надо сказать правду, этотъ добрый старичокъ такой мастеръ говорить съ дѣтьми, какихъ немного и не у насъ однихъ. Скажемъ кстати, что по нѣкоторымъ признакамъ можно подозрѣвать, что этотъ дѣдушка Ириней—что-то вродѣ Протея, что у него много именъ, что онъ и старъ и молодъ, и одинъ работаетъ и дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, за десятерыхъ... Вообще, есть поводы думать, что эта многообъемлющая тревожная дѣятельность, мѣшая ему сосредоточить всѣ силы свои на одномъ главномъ предметѣ и ограничиться слишкомъ немногими второстепенными, лишаетъ его возможности высказать себя всего въ чемъ-нибудь одномъ или немногомъ, но заставляетъ только вполовину обнаруживать свои богатыя средства во всемъ или во многомъ... Можетъ быть, поэтому-то онъ такъ мало и пишетъ для дѣтей, тогда какъ посвяти онъ свою дѣятельность одному этому занятію, наши дѣти имѣли бы въ немъ своего Вальтера Скотта съ придачею еще нѣсколькихъ писателей. Но все это только предположенія, можетъ быть, и не совсѣмъ справедливыя, а потому и оставимъ ихъ въ сторонѣ, утверждая за достовѣрное только удивительную способность дѣдушки Иринея писать для дѣтей. Двѣ сказки его. одна старая, другая новая, милы до чрезвычайности, хотя и написаны для маленькихъ, очень маленькихъ дѣтей. Мы увѣрены, что они будутъ въ восторгѣ отъ этихъ сказочекъ, которыхъ сюжеты такъ ловко приноровлены къ дѣтской фантазіи, разсказъ такъ увлекателенъ, а языкъ такъ правиленъ и такъ похожъ на тотъ, которымъ говорятъ грамотные люди. Дѣти не выйдутъ изъ «городка въ табакеркѣ» съ его фантастическими и въ то же время очень простыми и естественными чудесами. Рукодѣльница и Лѣнивица съ Морозомъ Ивановичемъ тоже очень займутъ ихъ, и если имъ въ послѣдней сказочкѣ что-нибудь придетъ не по душѣ, такъ это развѣ ея послѣсловіе, гдѣ дѣдушка Иринеи совѣтуетъ имъ «думать да гадать: что здѣсь правда, что неправда,—что сказано впрямь, что стороною,—что шутки ради, что въ наставленье, а что намекомъ». Эхъ, подумаешь, старость-то: никакъ не удержится отъ моральныхъ сентенцій! Да помилуйте: сказать дѣтямъ, что прочитанное ими не быль, а шутки, наставленія и намеки, значитъ — разочаровать ихъ. Для нихъ сказка—то же, что для взрослыхъ романъ, а потерпятъ ли послѣдніе, чтобы авторъ, въ концѣ своего романа, сказалъ имъ, что все это—выдумка его воображенія и что въ самомъ дѣлѣ ничего этого не было, хотя они сами очень хорошо знаютъ, что все это—выдумка, сочиненіе,

а не быль?.. Далѣе дѣдушка Ириней вразумляетъ своихъ маленькихъ, очень маленькихъ читателей, что «не за всякій трудъ и добро награда бываетъ; а бываетъ награда ненарокомъ, потому что трудъ и добро сами по себѣ хороши и ко всякому дѣлу пригодны». Вотъ ужъ подлинно—спустя лѣто, въ лѣсъ по малину! Да вы лучше бы развили въ самой сказкѣ эту истину, а, доказавши сказкою совершенно противное, нечего уже поправлять ошибку разсужденіями, которыхъ дѣти не читаютъ и не любятъ...

Мы сказали, что языкъ сказочекъ дѣдушки Иринея чистый, правильный и прекрасный; тѣмъ болѣе намъ жаль, что въ каждой изъ нихъ, Богъ знаетъ ради чего, употреблено по разу слово: *сіи*. Дѣти не поймутъ его, какъ будто бы оно было санскритское или эѳіопское слово, и будутъ спрашивать старшихъ, что-де оно значитъ. И не мудрено: теперь, когда уже подъячіе перевелись, а вмѣсто ихъ явились благовоспитанные чиновники, теперь только черезъ знакомство съ семинаристами да съ русскою литературою можно дѣтямъ познакомиться съ неприличными словами вродѣ «сихъ, оныхъ, коихъ, каковыхъ, таковыхъ, содѣлывать, поелику, днесь, се» и т. п.

Несмотря на то, сказочки дѣдушки Иринея хороши, столько хороши, сколько могутъ быть хороши сказочки для маленькихъ, очень маленькихъ дѣтей, и мы тѣмъ болѣе жалѣемъ, что не можемъ того же сказать о его стихахъ для дѣтей, стихахъ, которые... но судите сами: вотъ «Пѣсня для входа въ классъ»:

Трахъ, тарарахъ, танъ-танъ-танъ,
Трахъ, тарарахъ, танъ-танъ-танъ (*дважды*)
Время, время въ классъ сбираться!
Не шумѣть и не толкаться,
Не зѣвать по сторонамъ,
А садиться по скамьямъ.
Трахъ, тарарахъ, танъ-танъ-танъ,
Трахъ, тарарахъ, танъ-танъ-танъ!

Вотъ и вся пѣсня! Намъ кажется, что, не писавши стиховъ смолоду, лучше ужъ и не браться за нихъ подъ старость; а, написавши музыку, попросить кого-нибудь изъ записныхъ стиходѣевъ придѣлать къ ней стишки на извѣстную тему. Но это бы еще куда ни шло, а насъ пуще всего (даже пуще стиховъ) испугалъ гибельный совѣтъ, который дѣдушка Ириней даетъ дѣтямъ насчетъ чистки зубовъ:

Зубы, десны *крѣпче* трп
И снаружи и снутрп.

Помилуйте, какъ это можно! Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ разсказалъ намъ про себя, именно по поводу этихъ стиховъ, очень поучительную быль. Владѣя необыкновенно крѣпкими, здоровыми и чистыми зубами, онъ недавно сталъ чувствовать въ нихъ сильный ломъ, когда возьметъ въ ротъ холодной воды. Дантистъ, котораго онъ спрашивалъ о причинѣ этого явленія, осмотрѣвъ его зубы, сказалъ ему: вѣрно, вы крѣпко трете зубы щеткою съ зубнымъ порошкомъ?—

Очень крѣпко. — Такъ оставьте на недѣлю вовсе тереть, а послѣ трите какъ можно тише и легче, а то у васъ и такъ остался ужъ слишкомъ тонкій слой глазури: если протрете ее, всѣ ваши зубы вдругъ начнутъ гнить и крошиться.

Совѣтуемъ дѣдушкѣ Иринею, при второмъ изданіи трехъ его пѣсенъ, слово *крѣпче* замѣнить *легче*, что тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что черезъ это и размѣръ стиховъ ничего не терпитъ; а въ ожиданіи этого скажемъ нѣсколько назидательныхъ словъ о чрезмѣрно дорогой цѣнѣ его крохотныхъ сказочекъ. Эти микроскопическія книжечки стоятъ каждая по 50 копѣекъ серебромъ, а тетрадка, заключающая въ себѣ стихотворенія, 1 рубль серебромъ, стало быть, всѣ три—два рубля серебромъ: цѣна баснословно-чудовищная! Можетъ быть, тетрадка со стихами и нотами и стоитъ того, потому что печатаніе нотъ вездѣ обходится дороже печатанія книгъ; но двѣ сказочки въ 32 или 64-ю долю листа, одна въ 56, другая въ 58 страницъ крупной и нельзя сказать чтобы красивой печати, на бумагѣ весьма средняго достоинства, съ плохими политипажами, которыхъ очень немного, и изъ которыхъ помѣщенные во второй книжкѣ дѣланы не къ ней (потому что мужички на нихъ нѣмецкіе, а не русскіе): во сколько могли онѣ обойтись издателю? Если ихъ печатано 1200 экземпляровъ, то съ издержками на печать, бумагу и переплетъ, каждый экземпляръ едва ли обошелся въ двѣ копѣйки серебромъ... Стало быть, за вычетомъ 20-ти процентовъ за комиссію продажи, чистаго барыша съ каждой книги 38 копѣекъ серебромъ... Помилуйте, да, вѣдь, это значитъ—потративши на изданіе 1200 экземпляровъ 84 рубля ассигнаціями, да уступивши въ пользу книжныхъ лавокъ, за комиссію, 420 рублей ассигнаціями, итого—504 рубля, пріобрѣсти 1596 рублей ассигнаціями! Да это выгоднѣе всякой деревни и всякаго дома въ столицѣ! Каждая изъ этихъ книжечекъ едва ли бы заняла два листка (т. е. четыре страницы) нашего журнала: разочтемъ же, по чемъ бы долженъ былъ продаваться нашъ журналъ, по цѣнѣ сказочекъ дѣдушки Иринея. Каждая книжка нашего журнала состоитъ болѣе, нежели изъ 25 печатныхъ листовъ. Возьмемъ круглое число 25 листовъ. Если четыре страницы должны стоить 50 копѣекъ серебромъ, то листъ (16-ть страницъ) долженъ стоить два рубля серебромъ, а годовое изданіе журнала (12 книжекъ) 600 рублей серебромъ, вмѣсто 15-ти: выгодно было бы издавать журналъ, несмотря на чудовищную разницу въ издержкахъ на изданіе!.. Настоящая цѣна каждой изъ двухъ книжечекъ дѣдушки Иринея должна бы быть десять копѣекъ серебромъ; за вычетомъ двухъ копѣекъ на изданіе, да двухъ же копѣекъ за комиссію, издатель получалъ бы шесть копѣекъ барыша на четыре копѣйки, т. е. 60 процентовъ на рубль: и то лучше всякой деревни и всякаго дома на Невскомъ проспектѣ! Но теперь едва ли онъ что-нибудь получитъ, потому что книжки его по цѣнѣ, доступны, только дѣтямъ такихъ отцовъ, которые—

Не то на серебрѣ—на золотѣ ѣдятъ,
Сто человѣкъ къ услугамъ . . . . . .

Да и тѣ едва ли будутъ много покупать. По крайней мѣрѣ, что касается до меня, будь я милліонеръ, я скорѣе выкинулъ бы два рубля серебромъ за окно, нежели бы заплатилъ ихъ за эти три книжки, потому что есть что-то оскорбительное и обидное въ необходимости платить за вещь вдесятеро больше того, что она стоитъ. Дѣдушка Ириней назначилъ эту гиперболическую цѣну за свои маленькія книжки совсѣмъ не по тѣмъ причинамъ и побужденіямъ, по которымъ это дѣлается книгопродавцами (намъ больше, нежели кому-нибудь извѣстно это, потому что мы немного знаемъ дѣдушку Иринея), а по какой-то странной и опрометчивой необдуманности, и еще болѣе по свойственной почти каждому русскому человѣку, и богатому и бѣдному, замашкѣ — считать цѣлковые и полтинники за пятаки и гроши, а пятаки и гроши ни за что не считать... Разумѣется, кто хочетъ строить себѣ домъ, для того и тысяча полтинниковъ—ничтожная сумма; но кому нужно купить калачъ, булку, хлѣбъ или фунтъ соли, для того полтинникъ—деньги и деньги, и всякій милліонеръ имѣетъ право выйти изъ себя отъ негодованія, если съ него запросятъ полтинникъ за калачъ, булку или фунтъ соли. Конечно, книги не принадлежатъ къ предметамъ потребленія первой необходимости, и всякій воленъ назначать своей книгѣ какую ему угодно цѣну; да мы никогда и не вмѣшивались въ такого рода разсчеты. Но на этотъ разъ дѣло вышло какъ-то особенно поразительно, и мы не могли не увидѣть въ немъ вреда и безъ того не пользующейся особеннымъ кредитомъ литературѣ нашей. Всѣ твердятъ объ общей пользѣ, о распространеніи просвѣщенія и образованія, а дѣлаютъ совсѣмъ не то, и тѣмъ это прискорбнѣе, если дѣлаютъ такъ безъ достаточнаго основанія, даже не по корыстному разсчету, а Богъ вѣдаетъ почему. А публика ропщетъ, бранитъ литераторовъ и литературу—и подѣломъ. Вотъ почему, если бы кому-нибудь слова наши показались не совсѣмъ пріятными, просимъ не взыскать: мы говоримъ правду и дѣло, а до лицъ, или литературныхъ партій, другими словами—до *нашихъ и вашихъ*, намъ нѣтъ дѣла...

«Петербургскій Сборникъ для Дѣтей», изданный г. В. Петровымъ и таинственными буквами М. М., былъ бы довольно порядочною дѣтскою книгою, еслибы авторы помѣщенныхъ въ немъ статей умѣли получше писать, а переводныя статьи были бы не переведены, а передѣланы для русскихъ дѣтей. Заглянемъ въ этотъ «Сборникъ». Онъ начинается драматическою пьесою въ стихахъ г. А. Григорьева: «Олегъ Вѣщій, сказаніе русскаго лѣтописца». Тутъ разговариваютъ огнищане, витязи, норманнскіе и славянскіе, поютъ скальды, Олегъ ѣдетъ съ войскомъ по сухому пути, на ладьяхъ, поставленныхъ на колеса, къ Цареграду и прибиваетъ свой щитъ къ его воротамъ, говоря прозаически, или къ его *вратамъ*, говоря поэтически, потомъ умираетъ отъ ужаленія змѣи, выползшей изъ костей любимаго коня его. Не понимаемъ, что за фантазія — драматизировать жизнь, о которой дошли до насъ самыя скудныя извѣстія, да и тѣ составляютъ еще предметъ сомнѣній, толкованій и споровъ спеціальныхъ ученыхъ? А потомъ, что за манера—искать поэзію въ сказкахъ, а не въ истинѣ

и въ дѣйствительности? А наконецъ, если ужъ писать стихами, то зачѣмъ непремѣнно плохими?.. Самое названіе пьесы: «Сказаніе русскаго лѣтописца» дышетъ претензіею: дѣтямъ слѣдовало бы сказать, какого лѣтописца, а то они, пожалуй, подумаютъ, что этотъ лѣтописецъ—г. Григорьевъ, нищущій или писавшій свои сказочныя лѣтописи прозаическими стихами...

«Бѣлая мышка», разсказъ какого-то Гежезипа Моро, кромѣ того, что вздорная вещь, еще и старая: мы давно уже читали ее въ какой-то русской дѣтской книжонкѣ. Тутъ на сценѣ волшебница, обращенная въ бѣлую мышку, Людовикъ XI, наслѣдникъ его, Карлъ дофинъ, и немурскій герцогъ, запертый въ желѣзную клѣтку. Не понимаемъ мы этой смѣси исторіи съ волшебными сказками! Русскія дѣти тутъ ровно ничего не поймутъ, потому что тутъ о Людовикѣ XI не сказано и десяти словъ, а героемъ разсказа является мышь! Чепуха страшная! Что бы, вмѣсто волшебныхъ вздоровъ, разсказать дѣтямъ, попроще и пояснѣе, что такое былъ Людовикъ XI, какъ, несмотря на его жестокость, суевѣріе, вѣроломство, варварство, онъ положилъ во Франціи начало великому дѣлу централизаціи, нанесъ ударъ феодализму, расширилъ монархическую власть, и, словомъ, дѣлая всю жизнь свою одно зло, самъ не зная какъ, сдѣлалъ для Франціи много добра, между тѣмъ, какъ наслѣдникъ его, Карлъ VIII, будучи добрымъ, благонамѣреннымъ и благороднымъ королемъ, надѣлалъ Франціи одного зла своимъ нелѣпымъ славолюбіемъ, которое далеко не оправдывалось его военными и политическими дарованіями! Сколько бы тутъ можно было разсказать дѣтямъ интересныхъ анекдотовъ, характеризующихъ тотъ вѣкъ и его людей! Вмѣсто всего этого разсказана вздорная сказка съ историческими планами, чуждыми и непонятными для дѣтей!—«Сирота», повѣсть, была бы недурна, еслибъ разсказана была лучшимъ языкомъ. — «Семейство Ссыльнаго», разсказы объ Австраліи и индійскомъ Архипелагѣ—статья очень интересная по содержанію и очень дурно изложенная, какимъ-то книжнымъ языкомъ, что особенно видно въ разговорахъ. — «Михайло Васильевичъ Ломоносовъ» — вторая плохая компиляція изъ книги К. Полевого.—«Явленія природы на островѣ Тиморѣ»—очень интересная по содержанію статейка; о языкѣ нечего и говорить. Вотъ для примѣра фраза на выдержку: — «Исполинъ волкановъ — Фіалараганъ, нависшій надъ Тиморомъ, отъ котораго онъ родился и отъ котораго когда-нибудь погибнетъ, начинаетъ дымиться», и пр. Понятно, что Фіалараганъ родился отъ Тимора, но какъ понять, чтобы онъ отъ Тимора же и погибнулъ: скорѣе можетъ случиться, что Тиморъ погибнетъ отъ Фіаларагана.—«Пчелы»—очень интересная по содержанію статья; изложеніе плоховато. — Маленькія статейки: «Фультонъ, изобрѣтатель пароходовъ», «Мысли дикаря о поединкѣ» (т. е. о дуэли), «Смѣшное суевѣріе», «Удивительныя слѣдствія страха въ птицахъ», «Какимъ образомъ картофель сдѣлался пищею европейцевъ», «Бури на Амазонской рѣкѣ» — всѣ эти статейки очень умно выбраны, и дѣти, безъ всякаго сомнѣнія, найдутъ ихъ для себя очень интересными, не говоря уже о томъ, что онѣ будутъ имъ и полезны.

Вообще, по выбору статей, «Петербургскій Сборникъ для Дѣтей»— книжка хоть бы куда: жаль только, что ея составители плохо пишутъ по-русски. Да, чуть было не забыли мы сказать, что этотъ «Сборникъ» украшенъ весьма безобразными литографіями.

«Повѣсти для Дѣтей» (съ шестью картинками, довольно безобразными)—книжка, вся составленная изъ переводовъ съ французскаго. Будь это не переводы, а передѣлки, приноровленныя къ понятіямъ русскихъ дѣтей, книжка могла бы быть для нихъ интересною; но въ настоящемъ ея видѣ она рѣшительно никуда не годится. «Судейская Ошибка»: что это такое? По-каковски это? Но положимъ такъ, согласимся даже, что этотъ разсказъ и интересенъ, и трогателенъ, и поучителенъ—но для кого?—для французскихъ дѣтей, а для нашихъ тутъ все непонятно и странно; и нравы, и обычаи, и положенія, и адвокаты, и Палата Правосудія (Palais de Justice), которую переводчикъ перековеркалъ въ «судилищную палату». Все это слѣдовало бы объяснить дѣтямъ, а для этого пересказать имъ повѣсть, какъ говорится въ училищахъ, *своими словами*, а не слово въ слово съ подлинника. Въ этой повѣсти употреблено нѣсколько разъ слово *стража*: въ наше время бываютъ «караулы, караульные, часовые, сторожа, хожалые, городовые, будочники», но *стражей* никакихъ и не бываетъ. Это слово книжное, мертвое и употреблять его значитъ — обнаруживать явное неумѣніе писать по русски. «Тайны Бутылки»—разсказъ не безъ интереса, только не для дѣтей: для нихъ тутъ все непонятно.—«Леди Люси»—очень бы интересный и трогательный разсказъ для дѣтей, еслибъ только онъ былъ не переведенъ, а пересказанъ, и было бы въ немъ объяснено все историческое.—«Бѣдность, честность, счастье, или марсельскій сирота»: эту вздорную драму, въ которой такъ плоско доказывается выгода добродѣтели, ибо-де за нее платится наличною монетою и большими кушами, мы уже читали въ плохомъ дѣтскомъ альманахѣ г. Фурмана.—Объ «Алисѣ», разсказѣ изъ временъ Людовика IX, надобно бы сказать то же, что уже было говорено о «Судейской Ошибкѣ»: будь это не переводъ, а передѣлка, повѣсть была бы хороша, но, какъ переводъ, она никуда не годится.

Вотъ и все лучшее, что появилось къ празднику Пасхи по части дѣтской литературы...

112. Векфильдскій священникъ. *Романъ, сочиненный Оливьеромъ Гольдсмитомъ. Перевелъ съ англійскаго Алексѣй Огинскій, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о жизни и твореніяхъ автора, заимствованныхъ Вальтеръ-Скоттомъ изъ сочиненій Пріора. Спб. 1847.*

—— Отецъ Гольдсмита, въ числѣ многихъ даровъ природы, получилъ странную, баснословную нынѣ способность—презирать вполнѣ земныя блага. Изучивъ многіе предметы, преимущественно фантастическіе, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о предметахъ дѣйствительныхъ, о дѣлахъ сего, т. е. грѣшнаго міра. Смотря все вверхъ, онъ никогда не смотрѣлъ себѣ подъ ноги; удивительная безпечность, крайняя непредусмотрительность равнялись простотѣ его нрава Можно было

извинить первыя по той же самой причинѣ, по которой можно было не уважать послѣднюю, именно по тому, что его достоинства и недостатки были врожденные: разумъ и воля умывали здѣсь свои руки. Онъ не пріобрѣлъ однихъ и не старался уничтожить другіе, какъ честный воинъ. Онъ шелъ руководимый слѣпымъ инстинктомъ, безъ труда и, слѣдовательно, безъ заслуги. Герой пассивной добродѣтели, если только могутъ быть пассивные герои, онъ всю жизнь сохранилъ вѣру въ добро, переходящую въ суевѣріе. Безсознательный оптимизмъ управлялъ его чувствами и мыслями; но этотъ оптимизмъ не выросъ на почвѣ мышленія, а дался ему отъ природы, не стоилъ ему ни гроша. Я знаю, какъ бы назвали теперь подобнаго философа, презирающаго земныя блага; но не знаю навѣрное, какъ называли его люди тогдашняго вѣка. Впрочемъ, современники Гольдсмитова отца отзывались о немъ очень положительно: «Гольдсмиты—странные люди. У нихъ все по-своему: они глотаютъ первый кусокъ, никогда не заботясь о слѣдующемъ». Причина такой беззаботности объяснена также благоразумно. «Это происходитъ оттого, говорили, что сердце у нихъ устроено хорошо, но голова не на своемъ мѣстѣ». А вотъ любопытный отзывъ о немъ самого сына, автора «Векфильдскаго священника»: «Отецъ мой считалъ деньги презрѣннымъ прахомъ. Онъ пріучилъ насъ сочувствовать бѣдствіямъ ближнихъ, какъ истиннымъ, такъ и ложнымъ, но не далъ средствъ сопротивляться бѣдствію. Мы были чрезвычайно искусны въ искреннемъ желаніи давать другимъ милліоны и не имѣли способности зарабатывать копѣйку».

Такое воспитаніе, отрывая человѣка отъ дѣйствительныхъ интересовъ жизни, уноситъ его въ холодную даль фантастическаго міросозерцанія. Оно убиваетъ энергію дѣйствія, чтобы дать раздолье теплымъ ощущеніямъ, которыми ничего не сдѣлаешь для пользы общества, а развѣ только будешь забавляться ими для собственной пріятности и развлеченія. Оно, наконецъ, не спасаетъ и самого воспитанника при встрѣчѣ его съ дѣйствительной жизнью, когда нужна борьба съ врагомъ, а не спокойное созерцаніе враждебныхъ предметовъ, когда необходима сила, а не умилительныя чувства. Гольдсмитъ испытывалъ всю жизнь неловкое положеніе отъ батюшкина оптимизма: непредусмотрительность и слѣпое довѣріе къ той истинѣ, что все идетъ къ лучшему, давали ему порядочные щелчки. Но такъ какъ онъ отъ той же предусмотрительной природы, въ рукахъ которой ядъ и противоядіе, получилъ огромную долю терпѣнія, этой знаменитой добродѣтелиословъ, и равнодушія, этого стоическаго достоинства хладнокровныхъ животныхъ, то удары судьбы отражались отъ его души подобно тому, какъ стрѣлы отражаются отъ толстой шкуры бегемота. Несмотря на уроки дѣйствительныхъ непріятностей, Гольдсмитъ стремился больше къ мечтамъ, нежели къ существенности. Онъ кормилъ себя баснями и думалъ, что тотъ же кормъ пригоденъ всѣмъ птицамъ безъ разбора. Онъ не жаловался на удары судьбы или общества и вообразилъ, что лучшее, единственное средство быть счастливымъ—не жаловаться на несчастіе. Умирая, отецъ оставилъ ему, вмѣсто всякаго движимаго и недвижимаго имущества,

свое родительское благословеніе,—наслѣдство прекрасное, единственно нужное тѣмъ, кто презираетъ земныя блага. — —

*113. **Новая Библіотека для воспитанія,** *издаваемая* **Петромъ Рѣдкинымъ.** *Книжки V, VI и VII.*

Есть ли гдѣ конецъ свѣту? *сочиненіе* **И. Данилевскаго и А. Оссовскаго.** *Спб. 1847.*

Другъ дѣтей. *Книга для первоначальнаго чтенія. Изданіе пятое. Спб. 1847.*

Содержаніе книжекъ слѣдующее: Походъ Аргонавтовъ; Похожденіе Энея; Русская лѣтопись (статья III); Пѣснь о походѣ Игоря Святославича; Посланіе Даніила Заточника къ Георгію Долгорукому; Геродотъ и его повѣствованіе; Домашній бытъ древняго Рима; Маркъ Туллій Цицеронъ; О барометрѣ и двѣ сказки Андерсона. О первыхъ двухъ статьяхъ мы говорить не станемъ, потому-что высказали уже разъ свое мнѣніе о подобнаго рода передѣлкахъ. Изъ прекраснаго греческаго миѳа о Язонѣ и золотомъ рунѣ вышла довольно безтолковая и въ добавокъ предлинная сказка. Еще ужаснѣе — похожденіе Энея. Энеида Виргилія, сладенькое произведеніе придворнаго поэта, и въ подлинникѣ не очень занимательна, а тутъ предлагаютъ ее въ передѣлкѣ, да еще и дѣтямъ! Какъ для нихъ поучительно описаніе страсти Дидоны къ Энею и ея самоубійство вслѣдствіе отринутой любви! какъ это имъ доступно! сколько новыхъ нравственныхъ мыслей вызоветъ въ нихъ подобный разсказъ!

О Русской Лѣтописи для первоначальнаго чтенія, г. Соловьева, мы уже говорили прежде. Жаль только, что примѣръ его вызвалъ такое неудачное подражаніе, каковы передѣлки Слова о полку Игоря и посланія Даніила Заточника г. Иванова. Г. Иванову показалось, *что еще слишкомъ долго ждать, пока юные читатели примутся за памятники древней русской словесности и начнутъ читать ихъ въ подлинникѣ;* это навело его на мысль *передать имъ, по примѣру г. Соловьева и его же языкомъ, лучшіе памятники древней нашей литературы* (см. подстрочное примѣчаніе къ пѣснѣ о походѣ Игоря Святославича, кн. V). Что за страннная неумѣстная заботливость и поспѣшность! Что же потеряютъ дѣти, ежели прочтутъ посланіе Даніила Заточника позднѣе и прочтутъ въ подлинникѣ? Намъ кажется, что они отъ этого выиграютъ, потому-что ознакомятся съ нимъ въ настоящемъ его видѣ. Какой интересъ можетъ имѣть для дѣтей посланіе Даніила? Оно интересно для занимающагося русской исторіею, какъ памятникъ въ высшей степени замѣчательный, *а вмѣстѣ съ тѣмъ до сихъ поръ необъясненный.* Дѣти его рѣшительно не поймутъ ни въ подлинникѣ, ни въ передѣлкѣ, особенно, когда вы не сказали предварительно ни слова ни о Даніилѣ, ни о посланіи его. Вѣдь это не русская лѣтопись: это не такъ просто и доступно. Можно себѣ представить какое пріятное впечатлѣніе произведутъ на ребенка первыя строки посланія: „Вострубимъ, братцы, какъ въ златокованыя трубы, въ *разумъ ума своего*“. О бѣдныя дѣти! Мало трубятъ имъ въ уши! а тутъ еще какой то невѣдомый имъ ссыльный Даніилъ начинаетъ тоже тру-

быть, *да еще въ разумъ ума своего*. Тутъ поневолѣ преждевременно оглохнешь. Статья *Геродотъ и его повѣствованіе* заставила насъ вздохнуть свободнѣе. Разсказъ Геродота простотою и наивностью своею въ высшей степени способенъ завлечь дѣтей; это ни дать ни взять добрая старушка нянюшка, бесѣдующая со своими дѣтками, разсказывающая имъ разныя были и небылицы. Однако жаль—это все-таки сокращеніе и передѣлка. Зачѣмъ же налагать руки на старика? Пускай бы онъ явился въ своемъ настоящемъ видѣ. Несравненно было бы лучше взять одну изъ книгъ Геродота и перевесть ее цѣликомъ. Замѣтимъ еще одно: дѣлая поясненія и замѣчанія на мѣста темныя, не мѣшало бы почаще и поотчетливѣе справляться. Вы говорите, что: «*Ликургъ завелъ общественный столъ, желая уничтожить роскошь въ Спартѣ*». (Кн. VI, стр. 99, прим. 85). Это все равно, что драконовы законы были писаны кровью, или что Тезей учредилъ въ Аѳинахъ демократію.

Бытъ древняго Рима, это извлеченіе изъ извѣстной книги Беккера: Галлъ или римскія сцены временъ Августа. Лучшая часть книги Беккера—это его экскурсы или разсужденія о различныхъ принадлежностяхъ домашняго быта древняго Рима, въ которыхъ видна вся огромная ученость извѣстнаго лейпцигскаго филолога и археолога. Разсказъ о Галлѣ—совершенно ненужное прибавленіе къ ученымъ разсужденіямъ, хотя и поставленъ на первомъ планѣ; онъ въ высшей степени вялъ, безжизненъ. Читая его, и не думай знакомиться съ римскимъ бытомъ. Если вы хотите ознакомить дѣтей съ домашнею жизнью Рима, переведите для нихъ письма Цицерона къ роднымъ и къ друзьямъ его, прибавивъ необходимыя поясненія и примѣчанія. Вѣдь, и Галла нельзя читать безъ объясненій, такъ пускай же дѣти знакомятся съ римскимъ бытомъ черезъ самихъ римлянъ, а не черезъ посредство Галла. А сколько можно перевести прекрасныхъ писемъ Цицерона, рисующихъ такъ живо семейную и домашнюю жизнь Рима! Не бойтесь знакомить дѣтей съ древними цѣликомъ, безъ всякихъ урѣзываній и укорачиваній. Это самая здоровая, самая питательная пища ихъ молодому уму. Намъ очень жаль, что до сихъ поръ мы не встрѣтили въ дѣтской библіотекѣ ни одного плутархова жизнеописанія. Плутархъ — настольная дѣтская книга во Франціи, Англіи, Германіи, а тамъ воспитаніе не то, чтобы хуже нашего.

Статья «Маркъ Туллій Цицеронъ» начата, замѣчаетъ издатель, незабвеннымъ Д. Л. Крюковымъ и окончена ученикомъ его, преподавателемъ русской словесности Шестаковымъ. Судя по первымъ страницамъ, намъ кажется, что эта статья вовсе не назначалась покойнымъ Крюковымъ для дѣтской библіотеки; она предполагаетъ достаточное знакомство съ римскою исторіей и съ положеніемъ дѣлъ римскихъ во время Цицерона.

Мы весьма обрадовались зато, увидя статью о барометрѣ. Въ семи до нынѣ вышедшихъ книжкахъ это вторая статья по части естественныхъ наукъ, а естественныя науки сильнѣе всего могутъ заинтересовать дѣтей. Это предметъ имъ близкій, они на каждомъ шагу

сталкиваются съ природою, природа сродни дѣтямъ. Ребенку несравненно интереснѣе прочесть, отъ чего идетъ дождь, мѣшающій ему бѣгать по двору, нежели узнать въ какомъ костюмѣ ходили римляне. Разскажите ему о бабочкѣ, за которою онъ гоняется по лугу, о лошади, которая возитъ его въ школу, о старомъ вѣрномъ другѣ барбосѣ, который стережетъ домъ, а въ благодарность принимаетъ побои. Но вы точно силою хотите оторвать дѣтей отъ жизни, окружающей ихъ. Говорите съ ребенкомъ почаще о вещахъ ему близкихъ, разскажите ему какъ строютъ дома, какъ пекутъ хлѣбъ, который онъ каждый день ѣстъ, какъ дѣлаютъ стулъ, на которомъ онъ сидитъ. Онъ этого ничего не знаетъ. Правда, это нашъ общій недостатокъ; мы всѣ глядимъ куда-то вдаль и не видимъ, что у насъ подъ носомъ дѣлается. Да не въ насъ здѣсь дѣло. Станемъ, по крайней мѣрѣ, давать нашимъ дѣтямъ пищу поздоровѣе той, какою насъ кормили.

Въ «Дѣтской Библіотекѣ», повторяемъ опять, видимъ мы изданіе въ высшей степени полезное и дѣльное, особенно въ наше время, столь бѣдное дѣтскими книгами, а потому мы намѣрены обращать на нее постоянно все наше вниманіе и подвергать каждую статью разбору самому строгому. И въ нынѣ вышедшихъ книжкахъ хорошаго больше, чѣмъ плохого и неумѣстнаго, но намъ бы хотѣлось, чтобъ неумѣстнаго и плохого тутъ вовсе не было.

«Есть ли гдѣ конецъ свѣту». Подъ такимъ заглавіемъ мѣсяца два назадъ гг. Данилевскій и Оссовскій издали первую часть перваго курса чтеній изъ географіи. Способъ изложенія оригиналенъ, иные находятъ его даже страннымъ и неумѣстнымъ, но намъ онъ чрезвычайно нравится и мы рѣшительно думаемъ, что дѣти нѣсколько разъ перечтутъ книгу гг. Данилевскаго и Оссовскаго съ жаднымъ любопытствомъ и огромною пользою... Зачитавъ ее, не бросите на половинѣ и вы, мужъ взрослый и опытный, ничему не удивляющійся и ничѣмъ не увлекающійся. Какъ образчикъ изложенія приведемъ разсказъ о томъ, что такое облака, роса, дождь, снѣгъ, градъ, иней и радуга.

«Сырость, пока тепло, непримѣтна: когда-жъ сдѣлается холодно, тогда она и очень примѣтна: изъ нея тогда дѣлается паръ, туманъ. Зимой въ комнатѣ всегда нѣсколько сыро: но этого никакъ нельзя примѣтить пока тепло, а впустить только сквозь форточку или сквозь двери холоднаго воздуха, съ морозомъ, то и увидимъ клубы пара, тумана. Вотъ и *облака* не иное что, какъ паръ, туманъ, то есть холодная сырость. Извѣстно уже, что, поднявшись вверхъ верстъ на нѣсколько *), и лѣтомъ можно замерзнуть, то, когда сырость до этой высоты подымается, она и видна, потому, что она тамъ отъ холода дѣлается паромъ, туманомъ... Туманъ вблизи—настоящій паръ, вдали же онъ кажется облакомъ. Чрезвычайно сырое облако, то есть густой паръ, называется *тучею*.

«Всякій, конечно, примѣтилъ, какъ отъ тумана сырѣетъ все—и

*) Въ жаркой полосѣ до 5 верстъ, а на серединѣ между жаркой полосой и полюсомъ,—до 3 верстъ.

лѣсъ, и трава, и земля... Туманъ—паръ, а паръ—что такое? Мелкія, чуть примѣтныя капельки, пылинки воды.—Вотъ одна такая пылинка прильнетъ къ чему нибудь, къ ней прильнетъ другая, потомъ третья, десятая, сотая... вотъ и сдѣлается порядочная капля воды... Когда ночью на землѣ сдѣлается и много такихъ капель, то, поутру, мы ихъ видимъ и говоримъ, что это *роса*... А это просто—пала на землю сырость, отъ ночной прохлады въ воздухѣ.—Такъ же точно вверху, въ воздухѣ, въ облакахъ, отъ холода дѣлается *дождь*... Непримѣтныя пылинки пара, или облака, льнутъ одна къ другой, дѣлаются большими каплями, и, не имѣя тамъ на чемъ держаться, падаютъ внизъ, на землю. Вотъ и дождь.—Зимой пылинки сырости мерзнутъ, и, слипаясь, падаютъ на землю, но уже не каплями, а бѣлыми пушистыми клочками. Вотъ и *снѣгъ*.—Даже и лѣтомъ, когда облако подымется такъ высоко въ воздухѣ, что капельки замерзнутъ отъ горнаго холода, то и лѣтомъ они падаютъ на землю мерзлыми каплями воды, или ледяными шариками. Вотъ и *градъ*.—Есть горы, вершины которыхъ доходятъ до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ и лѣтомъ морозъ: вершины такихъ горъ вѣчно покрыты *снѣгомъ*, потому что сырость на нихъ мерзнетъ и покрываетъ ихъ снѣгомъ. Такія горы есть даже и въ жаркой полосѣ...

«Такъ вотъ какъ все это дѣлается; а кто этого не знаетъ, тотъ и вѣритъ всякимъ толкамъ. Незнающій повѣритъ и тому, что вода съ земли, именно изъ океановъ, морей, озеръ, рѣкъ, накачивается въ облака какъ въ бочки, а потомъ по волѣ Божіей, этой же водою и поливается земля. Такой повѣритъ и о *радугѣ* будто она и есть та самая труба или насосъ, которымъ накачивается вода съ озеръ и морей на небеса. А между тѣмъ, радуга есть не иное что, какъ солнечный свѣтъ, который, падая на капельки тумана, облака или дождя, дробится, мѣняется въ цвѣтѣ и въ одномъ мѣстѣ дѣлается краснымъ, въ другомъ—зеленымъ, въ иномъ—желтымъ, на подобіе того, какъ и въ хрустальныхъ люстрахъ отъ свѣчки въ одномъ стеклышкѣ виденъ зеленый цвѣтъ, въ другомъ—красный и другіе... Да радугу маленькую и самому можно сдѣлать—брызнуть только при солнцѣ водою, то тутъ же, въ самыхъ брызгахъ, и покажется маленькая радуга. А чтобы она была ярче, можно выставить за нею, вмѣсто тучи, что нибудь, темное, хоть, напримѣръ, платокъ черный. Тотъ, кто выдумалъ будто радуга насосъ, не примѣтилъ, кажется, одного, что радуга тогда только бываетъ, когда видно солнце, а спряталось только солнце, то и радуги не стало. Значитъ—именно радуга не труба какая-нибудь, а она дѣйствительно дѣлается отъ лучей солнца».

Въ книгѣ есть свои недостатки: постороннія разсужденія, безполезно замедляющія стройное развитіе фактовъ, къ которымъ прилѣпляется все вниманіе дѣтей, и противорѣчащія иногда съ дѣйствительнымъ и естественнымъ объясненіемъ явленій: мѣстами манерность, почти неизбѣжная при такомъ способѣ изложенія,—но мы, всетаки, желали бы какъ можно больше такихъ книгъ для дѣтей. За каждую такую книгу можно бы охотно отдать десятокъ книгъ, подобныхъ «Другу дѣтей», не смотря на то, что эта вздорная книга у насъ является уже пятымъ изданіемъ, а въ Германіи достигла уже сто сорокъ девятаго...

1848 г.

114. Взглядъ на русскую литературу 1847 года.

— — Отнимать у искусства право служить общественнымъ интересамъ—значитъ не возвышать, а унижать его, потому что это значитъ—лишать его самой живой силы, т. е. мысли, дѣлать его предметомъ какого-то сибаритскаго наслажденія, игрушкой праздныхъ лѣнивцевъ. Это значитъ даже убивать его, чему доказательствомъ можетъ служить жалкое положеніе живописи нашего времени. Какъ будто не замѣчая кипящей вокругъ него жизни, съ закрытыми глазами на все живое, современное, дѣйствительное, это искусство ищетъ вдохновенія въ отжившемъ прошедшемъ, беретъ оттуда готовые идеалы, къ которымъ люди давно уже охладѣли, которые никого уже не интересуютъ, не грѣютъ, ни въ комъ не пробуждаютъ живого сочувствія.

Платонъ считалъ униженіемъ профанаціей науки приложеніе геометріи къ ремесламъ. Это понятно въ такомъ восторженномъ идеалистѣ и романтикѣ, гражданинѣ маленькой республики, гдѣ общественная жизнь была такъ проста и немногосложна; но въ наше время она не имѣетъ даже оригинальности милой нелѣпости. Говорятъ, Диккенсъ своими романами сильно способствовалъ въ Англіи улучшенію учебныхъ заведеній, въ которыхъ все основано было на безщадномъ драньѣ розгами и варварскомъ обращеніи съ дѣтьми. Что жъ тутъ дурного, спросимъ мы, если Диккенсъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ поэтъ? Развѣ отъ этого романы его хуже въ эстетическомъ отношеніи? — —

Сколько на свѣтѣ такихъ благодѣтелей, которые мучатъ, а иногда и губятъ тѣхъ, на кого изливаются ихъ благодѣянія, безъ всякаго дурного умысла, иногда горячо любя ихъ, искренно желая имъ всякаго добра,—и потомъ добродушно удивляются тому, что, вмѣсто привязанности и уваженія, имъ заплачено холодностью, равнодушіемъ, неблагодарностью, даже ненавистью и враждой, или что изъ ихъ воспитанниковъ вышли негодяи, тогда какъ они имъ дали самое нравственное воспитаніе. Сколько есть отцовъ и матерей, которые дѣйствительно по-своему любятъ своихъ дѣтей, но считаютъ священной обязанностью безпрестанно твердить имъ, что они обязаны своимъ родителямъ и жизнью, и одеждой, и воспитаніемъ! Эти несчастные и не догадываются, что они сами лишаютъ себя дѣтей, замѣняя ихъ какими-то пріемышами, сиротами, которыхъ они взяли изъ чувства благодѣтельности. Они спокойно дремлютъ на моральномъ правилѣ, что дѣти должны любить своихъ родителей, и потомъ въ старости со вздохомъ повторяютъ избитую сентенцію, что отъ дѣтей-де нечего ожидать, кромѣ неблагодарности. Даже этотъ страшный опытъ не снимаетъ толстой ледяной коры съ ихъ оцѣпенѣлыхъ умовъ и не заставляетъ ихъ, наконецъ, понять, что сердце человѣческое дѣйствуетъ по своимъ собственнымъ законамъ и никакихъ другихъ признавать не хочетъ и не можетъ, что любовь по долгу и по обязанности есть чувство, противное человѣческой природѣ, сверхъестественное, фантастическое, невозможное и небывалое, что любовь дается только любви,

что любви нельзя требовать, какъ чего-то слѣдующаго намъ по праву, но всякую любовь надо пріобрѣсти, заслужить, отъ кого бы то ни было, все равно—отъ высшаго или отъ низшаго насъ, сыну ли отъ отца, или отцу отъ сына. Посмотрите на дѣтей: часто случается, что дитя очень равнодушно смотритъ на свою мать, хотя она и кормитъ его своей грудью, и подымаетъ страшный ревъ, если, проснувшись, не увидитъ тотчасъ же своей няни, которую оно привыкло видѣть при себѣ безотлучно. Видите ли: ребенокъ — это полное и совершенное выраженіе природы—даритъ своей любовью того, кто доказываетъ ему любовь свою на самомъ дѣлѣ, кто отказался для него отъ всѣхъ удовольствій, словно желѣзной цѣпью приковалъ себя къ его жалкому и слабому существованію. — —

***115. Нѣсколько словъ о чтеніи романовъ.** *Спб. 1847.*

Книжечка эта издана для того, чтобы показать заботливымъ отцамъ и матерямъ, какіе романы могутъ читать дѣвицы тѣхъ лѣтъ, когда ихъ «Звѣздочка» называетъ уже «дѣтьми старшаго возраста». Книжечка, какъ видите, по цѣли своей очень полезная, потому что въ нашемъ обществѣ такіе вопросы рождаются часто. Но кто скажетъ, какіе именно мы должны читать романы? Одни и тѣ же ли романы долженъ читать человѣкъ взрослый и юноша, однимъ и тѣмъ же ли должна интересоваться женщина, пока еще она не приняла на себя всѣхъ супружескихъ обязанностей и въ то время, когда она дѣлается матерью и съ этимъ вмѣстѣ занимаетъ новое мѣсто въ общественныхъ отношеніяхъ. У насъ, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени говорятъ, что дѣвица не должна того читать, что можетъ читать женщина,—что молодой человѣкъ, пока онъ учится и находится въ заведеніи, можетъ вытверживать только вѣковымъ приговоромъ утвержденные отрывки изъ Корнеля, Расина, Бернандена де-Сенъ-Пьера, прозу Карамзина, стихи Ломоносова, Державина и (съ недавняго времени) нѣсколько стиховъ Пушкина. Это же почти выучиваютъ и дѣвицы. Но мы сдѣлаемъ здѣсь одинъ вопросъ: что читаютъ дѣвицы, когда онѣ бракомъ освобождаются отъ надзора родительскаго, и молодые люди, когда они сходятъ съ ученическихъ скамеекъ и занимаютъ мѣста въ обществѣ? Отъ нихъ скрывали или, по крайней мѣрѣ, имъ мало говорили о томъ, что дѣлается въ литературѣ въ настоящее время, они жили посреди писателей XVII и XVIII вѣковъ, посреди той жизни, которая была доступна этимъ писателямъ, и вдругъ послѣ того вступаютъ въ жизнь настоящаго времени и въ литературу этой же эпохи. Имъ говорили, что новѣйшіе романы пишутъ зловредно, обольстительно, пагубно для нравственности; хорошо, они были съ этимъ согласны, пока имъ не надоѣли старинные писатели и пока они сами не вступили въ жизнь. Но, какъ они только восходятъ на это новое поприще, ихъ, неприготовленныхъ, совершенно обхватываетъ и общество съ своими свѣтскими требованіями, и литература съ своими новыми интересами, о которыхъ они мало слыхали. Умъ ихъ еще свѣжъ и гибокъ, убѣжденія измѣнчивы, и новые писатели, какъ ихъ ни брани, имѣютъ въ себѣ много блестящихъ сторонъ, ко-

торыми трудно не увлечься. Что имъ дѣлать? какъ отличить истину отъ лжи, софизмъ отъ прямого доказательства? Справиться съ тѣми писателями, которыхъ они учили въ школѣ, съ тѣми наставленіями, которыя имъ дѣлалъ учитель? Но писатели эти говорятъ совсѣмъ о другихъ предметахъ, герои Корнеля и Расина, правда, чувствовали благородно, но были совсѣмъ въ другихъ положеніяхъ, чѣмъ герои нашего міра; это все были величественныя фигуры древняго Рима и Греціи, а не нашей прозаической эпохи. Какъ же быть: оправдывать и соглашаться съ романами, или отвергать и не соглашаться съ ними? Идеальные герои Бернардена де-Сенъ-Пьера такъ далеко жили отъ земли, что ихъ не могли даже смущать интересы земные. Стихи Ломоносова и Державина до того возвышенны и торжественны, что могутъ относиться только къ событіямъ государственнымъ, а не къ бѣднымъ приключеніямъ частнаго лица. Что же дѣлать молодому человѣку или женщинѣ, вступившей въ свѣтъ? Въ немъ безпрестанно говорятъ о новостяхъ въ литературномъ мірѣ, о вновь вышедшихъ романахъ; о нихъ спросятъ даже мнѣнія, слѣдовательно, ихъ нужно непремѣнно прочесть. Къ этому же влечетъ молодыхъ людей и та жажда ко всему, что запрещается въ школѣ или, по крайней мѣрѣ, дозволяется съ большими оговорками. Интересъ и важность романа преувеличиваются воображеніемъ, и когда наконецъ доступъ къ нимъ сдѣлается легокъ, тогда-то молодые люди предаются имъ со всей необузданностью, со всей довѣренностью молодости и неопытности; и гдѣ же тѣ плоды, которые старались собрать родители и воспитатели отъ исключительнаго воспитанія одними старинными писателями! Вліяніе романовъ всегда было чрезвычайно велико и часто вредно отъ этихъ причинъ. Посмотрите на молодыхъ людей, получившихъ такое воспитаніе во время оно, когда писала Радклифъ. Они бросались на чтеніе этихъ страшныхъ романовъ съ какой-то яростью и, по прочтеніи, видѣли міръ не такимъ, какъ онъ существуетъ въ самомъ дѣлѣ, а міръ, наполненный страшилищами, привидѣніями, разбойниками; имъ страшно было ходить вечеромъ, не только ночью, страшно было сидѣть однимъ въ комнатѣ, страшно было переѣхать изъ города въ городъ. Посмотрите потомъ на другихъ молодыхъ людей, которые выступили въ свѣтъ, когда мадамъ Жанлисъ и Ричардсонъ начали накидывать на міръ сантиментальную сѣть поддѣльныхъ чувствъ и нѣжностей: они, молодые люди, были нѣжны, чрезвычайно нѣжны... но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, вступивъ въ зрѣлый возрастъ, дѣлались жестоки и суровы, дрались и ругались, какъ будто для нихъ не существовало нѣжныхъ романовъ... Тогда они ихъ называли уже глупостью. Та же исторія съ Байрономъ, худо понятымъ и вкривь перетолкованнымъ такими молодыми людьми, которые выходили изъ школъ прямо разочарованными... Всѣ эти писатели были вредны, потому что ихъ толковали по-своему молодые люди, которые до того времени не слыхивали о ихъ существованіи, а потомъ на-слово начинали имъ вѣрить и подражать въ жизни тому, что вычитывали въ романахъ, поэмахъ и драмахъ. Вѣдь, правда же, что послѣ перваго представленія «Разбойниковъ» нѣсколько молодыхъ людей пошли въ лѣса промышлять по образцу героевъ Шил-

лера. Вѣдь, теперь этого, слава Богу, нѣтъ; а отчего? Оттого, что мы рано узнаемъ эту трагедію, что намъ ее объясняютъ наставники и показываютъ, что въ ней истинно и что поддѣльно.

Какіе же романы можно и должно читать начинающимъ? Если вы хотите знать жизнь,—а романъ есть самая свободная форма, въ которой она выражается,—то читайте романы, въ которыхъ эта жизнь выражается прямо, безъ прикрасъ, безъ натяжекъ сантиментальности, безъ утопій разстроеннаго воображенія. Молодымъ людямъ, начинавшимъ чтеніе, всегда совѣтывали читать Вальтеръ-Скотта, на какомъ же это основаніи, какъ не на томъ, что въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, вы видите прошедшій бытъ народа. Если спросите, кого изъ нашихъ романистовъ можно дать въ руки молодому человѣку, не опасаясь всѣхъ вредныхъ послѣдствій односторонности и поддѣльности, вамъ укажутъ на Лажечникова, опять по той же самой причинѣ. Поэтому многіе говорятъ, что молодымъ людямъ можно читать только одни романы *историческіе*. Совершенно несправедливо; отчего же они не могутъ читать романа, въ которомъ отразилась настоящая жизнь со всѣхъ сторонъ: отчего, напримѣръ, разныя сочиненія Гоголя, Пушкина, и Лермонтова не могутъ читать и выучивать всѣ и каждый наизусть? Если можно читать романы, въ которыхъ отразилась прошедшая жизнь, то также можно читать романы, въ которыхъ вы видите настоящую жизнь. Далѣе, по нашему мнѣнію, гораздо лучше позволять читать романы, въ которыхъ видна односторонность писателя,—но съ тѣмъ, чтобы притомъ наставникъ пояснялъ, что ложно и не согласно съ дѣйствительностью, нежели совсѣмъ не позволять ихъ читать, потому что впослѣдствіи, когда молодой человѣкъ, избавившись отъ учительской ферулы, добудетъ такой романъ, а онъ непремѣнно его добудетъ, онъ прочтетъ его и на слово увѣруетъ въ справедливость разсказа, въ непогрѣшимость дѣйствующихъ лицъ и даже постарается подражать одному изъ героевъ, который ему преимущественно понравится. На это скажутъ, что романъ, въ которомъ отразилась дѣйствительная жизнь во всей ея наготѣ, съ ея радостями и бѣдствіями, богатствомъ и нищетой, успѣхами и страданіями, что такая жизнь можетъ очерствить сердце молодого человѣка, и очерствить преждевременно. Не знаемъ, правда ли это, или нѣтъ, но мы позволимъ себѣ сдѣлать вопросъ: что же лучше,—узнать жизнь скорѣе и прямѣйшимъ путемъ, или прежде выучиться заблужденіямъ, а потомъ въ нихъ разувѣряться съ каждымъ днемъ, съ опытностью, до того же времени прожить подъ вліяніемъ фальшивыхъ убѣжденій, сантиментальности, фантастическихъ бредней, быть смѣшнымъ нѣкоторое время въ обществѣ, фантазировать и мечтать какъ герои Жанлисъ, Ричардсона, какъ «Бѣдная Лиза» Карамзина? Всѣ романы въ этомъ родѣ нужно позволять читать, но притомъ объяснить, какъ много въ нихъ фальшиваго и какъ мало правды.

*116. **Новая библіотека для воспитанія**, *издаваемая Петромъ Рѣдкинымъ. Москва 1847, книжка VIII и IX.*

Вотъ 1848 годъ и февраль мѣсяцъ, а намъ приносятъ только девятую книжку дѣтской библіотеки за 1847 годъ. Это странно. Не-

ужели и дѣтскую библіотеку постигла одна участь съ другими изданіями и предпріятіями подобнаго рода? Это жаль, очень жаль. Первыя книжки ея обѣщали такъ много; всѣ видѣли въ ней предпріятіе полезное, дѣльное и вдругъ—она начинаетъ останавливаться. Для насъ это рѣшительно задача. Душевно желаемъ ей успѣха и скораго поправленія отъ внезапнаго недуга. Содержаніе 8-й и 9-й книжекъ слѣдующее: О машинахъ, Похожденія Энея, Русская лѣтопись, Морское путешествіе, До завтра. Статья «О машинахъ» составлена очень дѣльно; только намъ кажется, что она слишкомъ серьезна для дѣтей, которыя въ дѣтской библіотекѣ желали бы видѣть пріятное развлеченіе, а не тотъ же классъ, изъ котораго они только что вырвались. Ребенокъ, взявши въ руки дѣтскую библіотеку, вѣроятно, прочтетъ съ большимъ удовольствіемъ «Морское путешествіе», нежели разсужденіе о машинахъ. Такими статьями, которыя сами по себѣ очень дѣльны, но для ребенка не занимательны, вы отобьете у ребенка всякую охоту къ чтенію. Ребенокъ хочетъ сказочекъ, забавныхъ разсказовъ, а вы даете ему почти разсужденія. О «Похожденіяхъ Энея» и о «Русской лѣтописи» мы говорили, разбирая предыдущія книжки. «Морское путешествіе»—разсказъ довольно занимательный и живой. Побольше бы такихъ, и библіотека читалась бы съ удовольствіемъ, а то похожденія Энея, растянутыя на нѣсколько томиковъ, заставятъ всякаго ребенка посулить разныхъ непріятностей. И ребенокъ-то, вѣдь, совершенно правъ. Книга издается для него; дѣти—публика библіотеки, а на нихъ не обращаютъ ровно никакого вниманія. Какъ же тутъ не оскорбиться маленькой публикѣ! И безъ того ужъ съ дѣтьми обращаются не очень деликатно, а тутъ еще измѣняетъ и дѣтская библіотека, на которую была вся надежда. Бѣдныя дѣти! Мы были счастливѣе васъ: мы имѣли «Дѣтское чтеніе» Новикова.

*117. **Благовоспитанное дитя, или какъ должно себя вести.** *Сочиненіе Жозефины Лебассю. Съ французскаго. Изданіе второе. Спб. 1847.*

Дѣтскій птичникъ, *или описаніе любопытнѣйшихъ птицъ и звѣрей съ 56 раскрашенными (?) картинками. Спб. 1847.*

Благовоспитанное дитя. или какъ должно себя вести... Удивительная, несравненная книжка—и, къ тому же, еще старая наша знакомая! Она была издана впервые, если мы не ошибаемся, десять лѣтъ назадъ тому, и тогда мы радостно привѣтствовали ее въ одномъ, уже теперь, увы! несуществующемъ журналѣ. Десять лѣтъ... Боже мой! сколько событій совершилось въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ... сколько замѣчательныхъ событій!.. Чудное, право, это время, въ которое живемъ мы. Наши дѣды и прадѣды во 100 лѣтъ не переживали того, что мы переживаемъ теперь въ 10 лѣтъ. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, пробѣгите мысленно хоть исторію открытій въ наукѣ въ послѣднія 10 лѣтъ. Наука и промышленность дружно и быстро идутъ теперь впередъ, совершая чудеса на пути своемъ, все обновляя и преображая вокругъ себя... Даже и литература... и русская литература сдѣлала исполинскіе шаги въ послѣднія 10 лѣтъ.

Все болѣе или менѣе подверглось измѣненіямъ, преобразованіямъ,

улучшеніямъ, все... кромѣ нашей дѣтской литературы. Дѣтская литература рѣшительно не двигается съ мѣста... Самымъ блистательнымъ доказательствомъ этому можетъ служить это милое «Благовоспитанное дитя», которое въ концѣ 1847 года явилось вторымъ изданіемъ, точно въ такой же синей обложкѣ, какъ оно явилось впервые въ 1836 или 1837 году и даже съ тѣми же двумя, говоря деликатнымъ слогомъ, литографированными, а грубымъ языкомъ—лубочными картинами. Эта прекрасная, добродушная книжечка и въ 1847 году имѣетъ цѣлью, какъ она имѣла въ 1837 году, сдѣлать «всѣхъ дѣтей добрыми, любезными и счастливыми» (стр. 154)... Она совѣтуетъ дѣтямъ и теперь, какъ совѣтовала имъ десять лѣтъ назадъ тому, «завести особую тетрадку для того, чтобы они могли вписывать въ нее имена своихъ непріятелей», т. е. дурныхъ привычекъ, «и потомъ средства, какія признаютъ лучшими, чтобъ ихъ побѣдить» (стр. 156). Добрая книжечка!

Мы перелистовали всѣ семь главъ ея съ чувствомъ неизъяснимаго умиленія и нашли въ ней только одинъ недостатокъ—неполноту ея заглавія. По нашему мнѣнію, эту несравненную книжечку слѣдовало бы назвать такъ: Благовоспитанное дитя, или какъ должно вести себя для того, чтобы впослѣдствіи заслужить титло благонамѣреннаго человѣка...

Вотъ на выдержку нѣсколько замѣчаній, какимъ образомъ *благовоспитанное* дитя, долженствующее современемъ превратиться въ *благонамѣреннаго* человѣка, обязано вести себя:

Въ отношеніи къ родителямъ: «берегитесь, чтобы ваше дружеское обращеніе съ родителями не переходило въ *вольность*, несогласную съ почтеніемъ» (стр. 5).

«Вы знаете, дѣти, что родители ваши радуются, когда вамъ весело, и скучаютъ, когда вамъ скучно; *подражайте имъ*, особливо когда они озабочены занятіями, или огорчены какимъ-нибудь несчастнымъ происшествіемъ. *Умножайте* тогда ваши ласки»...

«Въ торжественные дни рожденія, или именинъ, или перваго дня года изъявленіе дѣтской покорности должно быть усерднѣе обыкновеннаго; выраженіе ихъ любви (чьей?) и желаній *пламеннѣе*» и пр. (стр. 6 и 7)... Очень мило!

Эти и тому подобныя прекрасныя наставленія, такъ пламенно выраженныя, перемѣшаны въ книжечкѣ съ небольшими моральными повѣстями. Въ одной изъ такихъ повѣстей представлены два мальчика: Вася *злой* — мальчикъ острый, бойкій, съ талантами, но шалунъ, головорѣзъ и Вася *добрый* — мальчикъ тупой, всегда отставшій отъ своихъ товарищей, но благонравный, прилежный, терпѣливый и собиравшій постепенно, а не вдругъ плоды своего прилежанія,—словомъ, такой мальчикъ, въ которомъ можно уже провидѣть будущаго весьма солиднаго и почтеннаго человѣка... Въ концѣ повѣсти Вася злой наказанъ за свои пороки, а Вася добрый вознагражденъ за свое благонравіе!.. Какая поучительная повѣсть... Прочитавъ ее, невольно захочется быть на мѣстѣ тупого, терпѣливаго и благонравнаго мальчика, потому что тупые, терпѣливые и благонрав-

ные мальчики превращаются потомъ въ тупыхъ, терпѣливыхъ и благонамѣренныхъ людей, которые, говорятъ, чрезвычайно успѣваютъ по службѣ и въ свѣтѣ.

Но обратимся къ «Благовоспитанному дитяти»... Вотъ, напримѣръ, какъ благовоспитанное дитя должно гулять.

1) Оно должно «сообразоваться въ походкѣ съ идущимъ съ нимъ, чтобъ не стѣснять его, заставляя идти скорѣе, или тише».

и 2) «Встрѣчаетъ ли благовоспитанное дитя кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, оно должно кланяться почтительно, или дружески, смотря по лѣтамъ и званію знакомаго» (стр. 23).

Когда къ родителямъ «Благовоспитаннаго дитяти» пріѣзжаютъ близкіе знакомые, то благовоспитанное дитя обязано «спѣшить принять у нихъ шляпу, подать стулъ и стараться предупреждать ихъ желанія. Если же у нихъ есть дѣти, то благовоспитанное дитя можетъ освѣдомляться учтивымъ образомъ объ ихъ здоровьѣ; но посылать поклоны своимъ друзьямъ черезъ ихъ родителей неприлично» (стр. 26).

Благовоспитанное дитя необходимо должно обладать кротостью; а что такое кротость?

«Кротостью называется мягкость характера, умѣнье жить со всѣми въ согласіи. Человѣкъ кроткій никого не обижаетъ, ни въ чемъ не упорствуетъ, избѣгаетъ споровъ и уступаетъ безпрекословно. Кротость придаетъ лицу плѣнительный видъ спокойствія, имѣетъ власть надъ сердцами»... и прочее (стр. 30).

Благовоспитанное дитя всегда бываетъ воздержно и умѣренно въ пищѣ, «не разборчиво» въ кушаньяхъ и за столомъ беретъ соль не иначе какъ кончикомъ ножа и не подноситъ ее ко рту, не выпиваетъ стаканъ однимъ разомъ, ѣстъ хлѣбъ по кусочкамъ, не рѣжетъ его ножомъ, а ломаетъ пальцами, вытираетъ ротъ не пальцами, а салфеткою; если же въ кушанье попадется что-нибудь постороннее, напримѣръ, паукъ или тараканъ, то благовоспитанное дитя откладываетъ это постороннее на край тарелки, чтобы близъ сидящіе этого не замѣтили... Все это,—прибавляетъ остроумная и благовоспитанная книжечка,—принято «въ хорошемъ обществѣ».

«За дессертомъ, если благовоспитанному дитяти придетъ охота полакомиться, то оно не должно улыбаться при видѣ пирожковъ, варенья и плодовъ»... и проч. (стр. 72 и 73).

«Дѣлая визиты, благовоспитанное дитя мужескаго пола, почтительно поклонившись хозяевамъ дома, должно сѣсть на стулъ (не приличнѣе ли—на кончикъ стула?), держаться прямо и шляпу положить на колѣни».

«Благовоспитанное дитя женскаго пола не иначе должно снять шляпку и *шаль*, какъ по приглашенію хозяйки дома и положить ихъ къ сторонѣ на стулъ, а не на столъ передъ диваномъ»... (стр. 99).

Вообще «благовоспитанное дитя должно услаждать слухъ изящнымъ выраженіемъ мыслей, а взоры ловкими, благородными пріемами»... (стр. 111). «Вскакивать со стула, бѣгать по комнатамъ, ударять по колѣну или по плечу того, съ кѣмъ говоришь—не слѣдуетъ;

также предосудительно держаться крѣпко за ручку креселъ, забавляться царапаньемъ мебели, сморкаться безъ нужды, закручивать кончикъ носового платка»... и проч. (стр. 113).

Умѣренность и аккуратность... Въ этихъ двухъ словахъ заключается вся нравственная цѣль этой милой книжечки, которая, кажется, хлопочетъ о томъ, чтобы расплодить на Руси родъ Молчалиныхъ... Прекрасная, похвальная цѣль!.. Но для воспитанія дѣтей въ этомъ духѣ недостаточно одной этой милой книжечки. Всѣмъ извѣстно, до какой степени сильно вліяніе матери на воспитаніе дѣтей, и потому одинъ нашъ знакомый намѣренъ издать въ непродолжительномъ времени въ pendant къ благовоспитанному дитяти книжечку подъ заглавіемъ: «Благовоспитанная жена и мать»... Мы прочли эту превосходную книжечку и, не боясь оскорбить скромности автора, сообщимъ изъ нея нашимъ читателямъ одинъ отрывокъ, который понравился намъ въ особенности:

«Благовоспитанная жена обязана во всемъ безпрекословно повиноваться волѣ своего мужа, или, лучше, вовсе не имѣть собственной воли, собственнаго образа мыслей, собственнаго взгляда, а смотрѣть на все глазами своего мужа... Она не должна никуда выѣзжать безъ него и должна держать себя холодно-строго съ посторонними мужчинами. Если знакомый, хотя бы онъ былъ и близкій пріятель ея мужа, обратится къ ней съ какимъ-либо вопросомъ, то она прежде должна взглянуть на мужа, а потомъ уже отвѣчать на предложенный ей вопросъ, нѣсколько зарумянившись и потупивъ глаза...

«Когда, напримѣръ, нескромный кавалеръ, а такихъ, къ сожалѣнію, развелось въ послѣднее время много, спроситъ у нея:

— А почему вы такъ рѣдко выѣзжаете? отчего васъ не видно ни въ театрахъ, ни на балахъ?

— Ахъ, помилуйте,—обязана возразить благовоспитанная жена и мать: — я считаю для себя разсѣяніе такого рода неприличнымъ, потому что я все свободное отъ хозяйства время посвящаю, и прочее.

«Благовоспитанная жена должна смотрѣть въ глаза своему мужу и стараться во всемъ предупреждать его желанія и даже мысли. Она не можетъ читать книгъ безъ его выбора, ибо добрый и благовоспитанный мужъ въ непрестанной заботливости о нравственности своей жены обязанъ выбирать ей для чтенія только самыя нравственныя сочиненія, но такъ какъ и въ самыхъ нравственныхъ сочиненіяхъ могутъ встрѣчаться иногда мѣста нескромныя, неделикатныя, то такія мѣста благовоспитанный мужъ обыкновенно отмѣчаетъ карандашомъ и, отдавая книгу женѣ, говоритъ: «тѣ мѣста, ангелъ мой, которыя мною отмѣчены карандашемъ, ты не читай, потому что читать тебѣ ихъ не слѣдуетъ...» и проч.

Мы увѣрены, что «Благовоспитанная жена» будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ «Благовоспитанное дитя» и черезъ десять лѣтъ удостоится второго изданія.

Что же касается до «Дѣтскаго птичника» будто бы съ 51 рас-

крашенными картинками, то о немъ рѣшительно говорить нечего. Для того, чтобы дать понятіе объ этой книжечкѣ, стóитъ только выписать изъ нея характеристику осла:

«Домашній оселъ происходитъ отъ онагра или дикаго осла. Это полезное животное, хотя водится почти во всѣхъ частяхъ свѣта, однакожъ наиболѣе размножается, подобно онагру, въ теплыхъ странахъ, такъ что до сихъ поръ невозможно было присвоить его самымъ сѣвернымъ странамъ Европы... Онъ весьма немногимъ подверженъ болѣзнямъ; его походка тише и ровнѣе лошадиной—и онъ можетъ перевозить большія тяжести. Ослы очень терпѣливы, живутъ до 30 лѣтъ и обыкновенно до самаго конца жизни все работаютъ...».

Неправда ли, эта характеристика осла въ «Дѣтскомъ звѣринцѣ» очень походитъ на характеристику Васи добраго — тупого, терпѣливаго и прилежнаго мальчика къ книжкѣ: «Благовоспитанное дитя»?

*118. **Вечеръ въ пансіонѣ.** *Повѣсть для дѣтей. Спб. 1848.*

Скажите, отчего въ нашихъ юношахъ такъ мало юношескаго, въ нашихъ дѣтяхъ такъ мало простодушно-дѣтскаго? Нигдѣ не встрѣтите вы такихъ смирныхъ, угрюмыхъ дѣтей, какъ у насъ; нигдѣ нѣтъ такой необычайной претензіи *казаться* людьми дѣловыми, серьёзными, важными, какъ у насъ; а, между тѣмъ, несмотря на эту всѣми объявляемую претензію, литература наша, да и прочія сферы дѣятельности печально свидѣтельствуютъ о томъ, что наши дѣловыя, серьёзныя и «внушающія» физіономіи скрываютъ одну только надутую пустоту. Мы словно боимся потерять какое-то достоинство, называемъ мальчишествомъ все простодушно-веселое и старѣемся, никогда не бывши молодыми. Наши «мудрецы» считаютъ людьми пустыми и ничтожными всѣхъ тѣхъ, которые откровенно признаются, что очень любятъ театръ, балъ, маскарадъ, общество. Юный народъ на поприщѣ цивилизаціи, мы предстоимъ передъ Европою какими-то юношами со старческими физіономіями: съ самаго нѣжнаго возраста насъ начинаютъ обращать въ взрослыхъ людей; наши дѣтскія игры считаются шалостями, наши дѣтскія печаль и слезы—ревѣньемъ и хныканьемъ, наши дѣтскія радости, наслажденія... многіе ли помнятъ ихъ въ своемъ дѣтствѣ? Изъ этихъ робкихъ, запуганныхъ дѣтей выростаютъ робкіе, запуганные юноши и, возмужавъ, женясь, становятся въ свою очередь притѣснителями своихъ дѣтей, потому что ничто такъ не огрубляетъ сердце, какъ грубое обращеніе въ дѣтствѣ.

Наша «дѣтская литература» вовсе не имѣетъ въ виду удовольствія и забавы дѣтей; нѣтъ, она изъ всѣхъ силъ старается съ самаго нѣжнаго ихъ возраста испортить всѣ ихъ простодушныя побужденія разсчетливыми разсказами, какъ Леночка, кладя въ дѣтствѣ деньги, даваемыя ей на лакомства, въ кружку для бѣдныхъ, впослѣдствіи вышла замужъ за князя, отецъ котораго сдѣлалъ предложеніе матери Леночки, начавъ такъ: «мой сынъ богатъ, а ваша дочь добродѣтельна».

(«Вечеръ въ пансіонѣ», стр. 20). О радостяхъ дѣтей, о ихъ печаляхъ, о кроткомъ обращеніи родителей и наставниковъ—«дѣтская литература» не хочетъ знать. Она заботится о приведеніи ихъ въ какой-то внѣшній порядокъ добродѣтели, а не о томъ, чтобы пробудить въ нихъ разумное убѣжденіе въ ея достоинствѣ, дать имъ почувствовать, что добродѣтель слѣдуетъ любить просто, какъ любятъ все прекрасное и истинное, а не для доказательства, что вотъ же, дескать, я перещеголяю васъ добродѣтелью, какъ вы хотите перещеголять меня богатствомъ и пр.

119. Разсказы дѣтямъ изъ древняго міра (,) *Карла Ф. Беккера. Три части. Переводъ съ нѣмецкаго седьмого изданія. Спб. 1848.*

Судя по слухамъ, предшествовавшимъ появленію этой книги, равно какъ и по седьмому изданію ея подлинника, а еще болѣе по предисловію переводчика г. Экерта, мы ожидали найти въ этой книгѣ гораздо болѣе, нежели сколько нашли въ ней. Первая часть заключаетъ въ себѣ «Одиссею», вторая—«Иліаду», третья—небольшіе разсказы о подвигахъ Язона, Тезея, Алкида, о судьбѣ Эдипа и гибели его рода и т. п. Конечно, хорошо и полезно знакомить дѣтей съ античной жизнью древнихъ; но вопросъ въ томъ, какъ это должно дѣлать. Мы уже высказали на этотъ счетъ мнѣніе, по поводу «Библіотеки для Воспитанія», издаваемой Рѣдкинымъ, въ которой тоже были помѣщены «Одиссея» и «Иліада» въ сокращенномъ прозаическомъ разсказѣ. Но предметъ этотъ кажется намъ столь важнымъ, что мы не боимся повторить уже сказанное. Поэмы Гомера можно, даже должно передавать дѣтямъ съ выпускомъ, мѣстами даже съ передѣлками для связи, потому что иначе они узнаютъ изъ нихъ такія вещи, знакомство съ которыми для дѣтей вредно въ нравственномъ отношеніи. Но этимъ должны ограничиться всѣ измѣненія. Передаватель поэмъ Гомера прежде всего долженъ стараться о томъ, чтобы сохранить поэтическій колоритъ подлинника, потому что этотъ колоритъ составляетъ смыслъ и душу, такъ сказать, твореній вѣчнаго старца. Для этого онъ долженъ передавать ихъ особымъ языкомъ, чѣмъ-нибудь вродѣ мѣрной прозы. Тогда сколько прекрасныхъ поэтическихъ впечатлѣній для дѣтей, какая подготовка къ классическому ученью! «Иліада» и «Одиссея» сложены во времена варварства эллинскаго племени и безпрестанно отзываются варварствомъ; но это было варварство лучшаго племени въ древнемъ мірѣ,—племени, которому суждена была такая великая роль въ историческихъ судьбахъ человѣчества. И потому въ этихъ, такъ часто отзывающихся варварствомъ, поэмахъ такъ много героическаго, возвышающаго душу, человѣческаго! Никакая литература не представитъ ничего лучшаго, какъ, напримѣръ, то мѣсто въ «Иліадѣ», гдѣ старецъ Пріамъ цѣлуетъ руки убійцы своего сына, моля его о выдачѣ трупа Гектора, и гдѣ ненасытимый во гнѣвѣ и мщеніи смягчается, при воспоминаніи о своемъ старцѣ-отцѣ, и соединяетъ свои вопли, стенанія и слезы съ рыданіями бѣднаго царя Трои. Но человѣческое является

проблесками во всѣхъ поэтическихъ проблескахъ всѣхъ народовъ въ мірѣ; оно есть и въ индійскихъ поэмахъ и драмахъ; но тамъ оно является въ безобразныхъ, чудовищныхъ, отталкивающихъ формахъ; какъ человѣческое (т. е. общее всѣмъ людямъ, безъ различія національностей и времени), такъ и поэзія сверкаетъ въ нихъ рѣдкими искрами; это, положимъ, жемчужины, но которыя надо отыскивать въ кучѣ мусору. Не таковы созданія древней Греціи! Въ нихъ все—красота, изящество, художественность! Вотъ это-то и заставляетъ забывать о томъ, что бытъ, изображенный въ поэмахъ Гомера, отзывается варварствомъ и дикостью нравовъ. На дѣтей эта сторона не можетъ дѣйствовать вредно; напротивъ, они непосредственно привыкнутъ переноситься въ нравы чуждыхъ народовъ и судить о нихъ не съ точки зрѣнія своего быта, общества и времени. Нечего также бояться, что дѣти примутъ эти сказки за истину. Пусть примутъ; въ свое время, когда перестанутъ быть дѣтьми, они поймутъ, что это поэтическія, а не историческія сказанія. Лучше же имъ принять за истину «Иліаду» и «Одиссею», нежели «Бову Королевича», «Еруслана Лазаревича» и «Георга Милорда Англійскаго». Вѣдь мы, взрослые, читаемъ хорошій романъ не какъ вымыселъ, а какъ быль, хотя и знаемъ, что это вымыселъ. Мы восхищаемся, принимаемъ участіе въ томъ или другомъ лицѣ, боимся за него, иногда скорбимъ и плачемъ о его гибели, и все-таки не думаемъ утѣшать себя, что это выдумка. Зачѣмъ же отнимать у дѣтей это очарованіе, безъ котораго у нихъ не можетъ быть никакого удовольствія въ чтеніи этихъ поэмъ?

Но ученный Беккеръ думалъ объ этомъ совсѣмъ иначе. У него «Иліаду» и «Одиссею» разсказываетъ «милый» учитель «милымъ» дѣтямъ. А разсказываетъ онъ не только безъ всякаго участія и теплоты, но съ явной холодностью, не только безъ уваженія, но съ худо скрываемымъ презрѣніемъ къ предмету своего разсказа. Онъ безпрестанно прерываетъ себя, чтобы толковать «милымъ» дѣтямъ, что вѣдь это все сказки, вздоръ; «милыя» дѣти тоже безпрестанно прерываютъ его, чтобы объяснить все чудесное естественнымъ образомъ. Какіе «милые» маленькіе критики-философы! Вѣрно изъ нихъ выйдутъ со временемъ Лессинги! Увы, нѣтъ! Изъ нихъ ничего не выйдетъ, кромѣ болтуновъ и резоперовъ. Чтобъ сдѣлаться знатокомъ въ поэзіи, а тѣмъ болѣе критикомъ, надо сперва запастись поэтическими впечатлѣніями, прожить цѣлый періодъ не совсѣмъ отчетливаго и разборчиваго восторга. Духъ критики придетъ самъ современемъ, мало-по-малу овладѣетъ человѣкомъ и научитъ его отличать посредственное отъ хорошаго, хорошее отъ лучшаго. Не только ребенокъ, молодой человѣкъ, приступающій къ знакомству съ поэзіей прямо черезъ критику, съ готовыми своими или чужими мнѣніями, никогда не будетъ знать поэзіи, и если у него отъ природы эстетическое чувство, не разовьетъ его, а заглушитъ.

Въ разсказѣ «милаго» учителя «Иліада» и «Одиссея» являются сказками, до того нелѣпыми по содержанію, грубыми и безобразными по изложенію, что мы, право, не знаемъ, почему дѣтямъ лучше чи-

тать ихъ, нежели «Бову» или «Еруслана». Мы даже увѣрены, что дѣти съ большимъ удовольствіемъ станутъ читать послѣднихъ, потому что въ нихъ разсказъ не прерывается толками, что это-де вздоръ и чепуха. Особенно уродлива вышла несчастная «Одиссея». О пользѣ такого чтенія для дѣтей нечего и говорить: тутъ если не вредъ, то совершенная безполезность. Дѣти будутъ видѣть безпрестанную и безчеловѣчную рѣзню, кровавыя жертвоприношенія, иногда даже людьми, обжорство, несправедливости, преступленія, пороки, и уже ничего болѣе не увидятъ изо всего этого. Особенно собьютъ ихъ съ толку боги. Грекъ, создавши своихъ боговъ, перенесъ на нихъ свои дурныя и хорошія стороны, свои чувства, страсти, и понятія. Эти боги были идеализированные греки, только въ преувеличенныхъ размѣрахъ красоты, тѣлесной и нравственной силы. Эта поэтическая апооеоза человѣка довела грека до самыхъ наивныхъ противорѣчій. Приписавши имъ безсмертіе, онъ поставилъ надъ ними какую то судьбу, подчинилъ ихъ ей, заставилъ ихъ бояться ея, какъ боялся ея самъ, впрочемъ рѣшительно не зная, что она такое, Приписавши имъ блаженную жизнь на высокомъ Олимпѣ, грекъ усѣялъ ихъ жизнь всѣми огорченіями и непріятностями, какія испытывалъ самъ. Зевесъ—отецъ и глава боговъ; ему ли, кажется, не блаженствовать! Но у него жена—Гера—богиня земли и раздора. Она поперечить ему на каждомъ шагу, преслѣдуя его дѣтей, не съ нею прижитыхъ; онъ безпрестанно съ ней ссорится, грозитъ ей карою, и разъ на желѣзныхъ цѣпяхъ повѣсилъ ее между небомъ и землей, а на ноги повѣсилъ тяжелыя наковальни и бичевалъ ее молніями. Но эта исправительная супружеская мѣра ни къ чему не послужила. Всѣ другіе боги боятся его, а между тѣмъ безпрестанно поступаютъ противъ его воли, а ужъ другъ другу то и дѣло наносятъ обиды. Особенно придаетъ странный сказочный характеръ поэмамъ Гомера вмѣшательство боговъ въ дѣла людей. Всѣ герои сильны не своей силой, а силой стоящихъ за нихъ поборающихъ имъ боговъ, которые собственнымъ оружіемъ то отводятъ отъ своихъ любимцевъ удары враговъ, то сами наносятъ врагамъ удары. Герой «Иліады».—Ахиллъ; онъ долженъ быть всѣхъ храбрѣе, доблестнѣе, сильнѣе и искуснѣе въ бояхъ. Соперникъ его—Гекторъ. Положимъ, Ахиллъ долженъ былъ одолѣть Гектора; но все же побѣда должна бы была ему чего нибудь стоить, а между тѣмъ онъ убилъ его, какъ ягненка. Копье Гектора отскакиваетъ отъ шлема Ахилла, не потому, чтобъ брошено было не довольно мощной рукой, а потому, что шлемъ выкованъ рукой бога Гефеста. Мало того, по волѣ Судьбы, Зевесъ отступается отъ Гектора, и самъ Ѳебъ, не оставлявшій его въ бояхъ, отходитъ отъ него; а между тѣмъ Паллада помогаетъ Ахиллу. Принявши образъ Гекторова брата Деиооба, она принимаетъ у Гектора копье; но когда тому оно опять понадобилось, онъ уже никого не увидѣлъ за собой и понялъ, что это было дѣло враждебной ему Аоины. Мудрено ли послѣ этого было Ахиллу одолѣть Гектора! Гдѣ жъ тутъ герой, необыкновенный силачъ и храбрецъ? Но въ поэтическомъ изложеніи все это такъ полно жизни сво-

его особеннаго рода, поэтическаго смысла, такъ понятно это смѣшанное участіе боговъ и людей въ однихъ и тѣхъ же дѣйствіяхъ! Эти боги такъ похожи на людей, а люди на боговъ!

Страннымъ намъ кажется порядокъ разсказовъ Беккера. «Одиссея» служитъ естественнымъ продолженіемъ «Иліады», а между тѣмъ у него «Одиссея» разсказана въ первой части, а «Иліада»—во второй; третья часть содержитъ въ себѣ описаніе подвиговъ героевъ, жившихъ, по преданію, до Троянской войны. Только краткое изложеніе «Энеиды» у мѣста—въ третьей части. Да и вообще «Энеида» разсказана такъ, какъ слѣдуетъ разсказывать такія поэмы, и взглядъ Беккера на произведенія Виргилія самый вѣрный, умный и современный.

Указатель къ сочиненіямъ Бѣлинскаго *).

Августъ.—217.
Агафи.—196.
Аладьинъ, Е —105.
Александръ Македонскій.—121.
Александръ I.—31 и 155.
Алексѣй Михайловичъ.—105 и 112.
Алипановъ.—196.
Андерсенъ.—159 и 216.
Анна Іоанновна.—112.
Аристотель.—118 и 122.
Арсеньевъ.—33 и 34.

Байронъ.—31, 64, 134 и 222.
Балигъ.—188.
Бальби.—35.
Баснинъ.—108.
Батте.—122.
Батюшковъ, К. Н.—31, 58, 109, 154 и 165.
Беккеръ.—217, 229, 230 и 232.
Бергманъ, В.—105.
Берингъ.—56.
Беркень.—26, 27, 41, 48, 64, 81 и 84.
Бернарденъ, де Сенъ-Пьеръ.—221 и 222.
Бетховенъ.—79.
Бирономъ.—112.
Бланшаръ.—193.
Богдановичъ.—187.
Борджіа.—108.
Борнъ.—188.
Брамбеусъ см. Сенковскій.
Брантъ.—180.
Бремеръ, Ф.—144, 145 и 168.
Бруни.—108.
Брутъ.—149.
Брюловъ.—108 и 180.
Бульи.—27, 41, 48, 49, 50, 64, 81 и 84.
Бурнашевъ, В. П. (Бурьяновъ, Викторъ).—39, 40, 41, 48, 49, 50, 51, 52, 145, 146, 147, 167, 168 и 169.
Бурьяновъ, Викторъ см. Бурнашевъ, В. П.
Бюффонъ.—118 и 165.

Валерій.—188.
Вельтманъ, А. Ѳ.—128.
Венеціановъ.—130.
Вильмсенъ.—145 и 146.
Виргилій.—216 и 232.
Воейковъ.—134.
Волковъ, Н. С.—128.
Волковъ, Ѳ. Г.—31.
Вольтеръ.—175.
Востоковъ.—25, 32, 59, 112 и 113.

Гадуринъ, С. С.—128.
Ганъ, Е. А. (Р-ва, З.)—134.
Гебель.—80.
Гегель.—73, 119, 205 и 206.
Геймъ, И. А.—34 и 35.
Генрихъ.—81.
Генрихъ IV.—80.
Георгіевскій, П.—121 и 122.
Геродотъ.—216 и 217.
Герцъ.—79
Гёте.—49, 64 и 108.
Гибнеръ.—33.
Гизо.—26 и 27.
Глаголевъ, А.—186, 187, 188 и 189.
Глинка, Ѳ. Н.—108.
Гнѣдичъ, Н. И.—114 и 115.
Гоголь, Н. В.—58, 189, 198 и 223.
Годунова, Ксенія.—31.
Годуновъ, Борисъ.—31.
Голиковъ, И. И.—105.
Гольдсмитъ, Оливьеръ.—214 и 215.
Гомеръ.—49, 79, 96, 109, 110, 202, 229, 230 и 231.
Гофманъ.—60, 61, 62, 64, 89, 90, 94, 97, 99, 111 и 203.
Гречъ, Н. И.—25, 26, 30, 32, 59, 112, 113, 141, 168, 169 и 181.
Грибоѣдовъ, А. С.—65, 122 и 165.
Григорьевъ, А.—212 и 213.
Гугель, Е.—29.
Густавъ.—31.
Гюго, Викторъ.—64.

Даль, В. И.—128 и 185.
Данилевскій, И.—216 и 218.
Даниловъ, Кирша.—80 и 111.
Деппингъ.—41 и 50.
Державинъ, Г. Р.—112, 114, 160, 165 180, 187, 221 и 222.

*) Цифры указываютъ страницы.

Диккенсъ.—220.
Дмитревскій.—31.
Дмитріевъ, И. И.—31, 100, 114, 136, 154, 180 и 196.
Долгорукій, Г.—216.
Дораганъ, А.—195.
Драшусовъ, А.—204.
Дѣдушка Ириней см. Одоевскій, В. Ѳ.
Дю-Барри.—108.
Дюбуа.—149.
Дюкре-дю-Мениль.—28.
Дюма, Александръ.—192 и 195.
Дюмонъ-Дюрвиль.—37 и 38.

Екатерина II.—112, 155 и 180.
Елисавета Петровна.—112 и 180.

Жакото.—29.
Жанлисъ.—41, 48, 81, 84, 222 и 223.
Жанэнъ.—30.
Жебелевъ, Л.—150.
Жуковскій, В. А.—51, 58, 80, 88, 101, 132, 139, 141, 154, 155, 165 и 180.
Жуковскій, Р.—168.

Заблоцкій, А. П.—128, 182, 184 и 185.
Загоскинъ.—80, 107, 128 и 203.
Зайкинъ.—169.
Зандъ, Жоржъ.—159.
Заточникъ, Даніилъ.—216.
Задергольмъ—33 и 34.
Зонтагъ, А. П.—26, 101, 145 и 147.
Зражевская, А.—60 и 61.
Зябловскій.—141.

Ивановъ.—216.
Ивановъ, А.—115 и 116.
Ивановъ, П. И.—128.
Игорь Святославичъ.—216.
Измайловъ.—196.
Ишимова, А. О.—128, 145, 168, 169 и 193.

Іоаннъ, апостолъ.—67.
Іоаннъ Грозный.—32 и 180.
Іоаннъ, Датскій принцъ.—31.
Іоаннъ III.—81.

Кайдановъ.—31 и 141.
Калайдовичъ, И. Ѳ.—23 и 24.
Камне.—26, 27, 117, 119 и 120.
Кантемиръ.—170.
Карамзинъ, Н. М.—21, 22, 58, 97, 98, 114, 132, 136, 165, 221 и 223.
Каратыгинъ, П.—155.
Карлъ.—81.
Карлъ VIII.—213.
Карповъ.—123 и 124.
Квинтиліанъ.—166.
Кирилловъ.—54, 177 и 196.
Клавдій.—188.
Клев. . ., Елиз. . .—168.
Княжнинъ.—114.
Ковригинъ, З.—177 и 193.
Кокъ, де-Поль.—64 и 203.
Колумбъ.—207.
Кольцовъ, А. В.—196.
Корнель.—80, 221 и 222.
Коцебу.—28, 47 и 83.
Кошанскій, Н.—103, 122, 127, 128, 142, 159, 160, 162, 164, 165, 168, 186, 187 и 188.
Кошихинъ, Григорій.—105.
Краевскій, А. А.—182.
Кромвель.—108.
Круммахеръ.—134.
Крыловъ, И. А.—54, 80, 100, 101, 154, 177, 178, 180 и 196.
Крюковъ, Д. Л.—217.
Кузмичевъ.—180.
Кузнецовъ.—54.
Кукъ.—56.
Куперъ.—54, 55, 89, 194 и 203.
Курбскій, кн.—130 и 131.
Кургановъ, Н.—129 и 182.
Кутузовъ.—205.

Ладыжинскій.—196.
Лажечниковъ.—223.
Ламбинъ.—155.
Ламе-Флери.—53.
Лаперузъ.—56.
Лапшинъ, В.—204.
Лафонтенъ, Августъ.—145.
Лебассю, Жозефина.—224.
Левитскій.—188.
Лермонтовъ, М. Ю.—103, 154, 177 и 223.
Лессингъ.—230.
Ликургъ.—217.
Лобановъ.—177.
Лобысевичъ.—196.
Ломоносовъ, М. В.—40, 41, 58, 114, 151, 154, 165, 180, 181, 188, 189, 196, 199, 205, 213, 221 и 222.
Лоренцъ.—155 и 198.
Луганскій.—151.
Людовикъ IX.—214.
Людовикъ XI.—213.
Людовикъ XIV.—80.

Магометъ.—148.
Майковъ.—196.
Максимовичъ.—129 и 146.
Мальте-Брёнъ.—35.
Марлинскій.—58 и 189.
Марцій.—188.
Мацневъ.—196.
М. Д. И.—32.
Меласъ.—75.

Меморскій.—25, 33, 120, 121 и 166.
Ментенонъ.—108.
Мердеръ, Н.—154.
Мерзляковъ.—31, 154 и 181.
Миних.—112.
Минуцій.—188.
Михайловъ, М. (М. М.)—207.
М. М. см. Михайловъ, М.
Могилевскій.—188.
Модестовъ, В.—155.
Монборнъ.—28.
Моро, Гежезпиъ.—213.
Моцартъ,—79.

Наполеонъ.—73 и 81.
Невѣдомскій.—196.
Некрасовъ.—175.
Нелединскій-Мелецкій.—136.
Непотъ, Корнелій.—203.
Неронъ.—21.
Несторъ.—204.
Нетгельгорстъ.—117 и 177.
Никитенко, А.—122, 181 и 182.
Никольскій.—188.
Новиковъ.—224.
Нодье, Карлъ.—21.

Огинскій, А.—214.
Одоевскій, В. Ѳ. (Дѣдушка Ириней)—62, 98, 100, 128, 153, 182, 184, 185, 207, 209, 210, 211 и 212.
Озеровъ.—31.
Олепинъ, А. Н.—178.
Орловъ —183.
Оссовскій, А.—216 и 218.
Остолоповъ.—26 и 188.

Паскаль.—131.
Периклъ.—121.
Петерсонъ.—177.
Петровъ, В. П.—181 и 187.
Петровъ, В. П.—207 и 212.
Петръ ап.—47 и 83.
Петръ Великій.—31, 51, 80, 81, 105, 112, 122, 130, 155, 158, 193, 196 и 205.
Плаксинъ, В.—153, 154, 168, 181 и 188.
Платонъ.—122 и 202.
Плиній.—118.
Плутархъ.—203 и 217.
Побѣдинъ, П. И.—128.
Погодинъ.—30 и 31.
Подновинскій.—31.
Подолинскій.—154 и 177.
Пожарскій, Я.—120.
Полевой, К. А.—40, 41, 205 и 213.
Полевой, Н. А.—31, 32, 39, 112, 127, и 155.
Половцовъ, В.—106, 107, 131 и 132.
Поляковъ, В.—196.
Пономаревъ.—26.
Поповъ, А.—52 и 53.
Поповъ, Д.—56.
Постельсъ, А. Ф.—206 и 207.
Потемкинъ.—112.
Пріоръ.—214.
Пушкинъ, А. С.—26, 49, 51, 54, 58, 64, 80, 101, 122, 132, 136, 156, 160, 165, 177, 180, 181, 183, 187, 189, 221 и 223.
П. Ф.—158.

Равальякъ.—108.
Радклифъ.—222.
Распиъ.—80, 175, 221 и 222.
Р-ва, З. см. Ганъ Е. А.
Ренневиль.—26.
Ржевскій.—196.
Рижскій.—188.
Рихтеръ, Жанъ Поль.—148, 149 и 150.
Ричардсонъ.—222 и 223.
Рождественскій.—168.
Рубанъ.—51.
Руссо, В. М —27.
Руссо, Жанъ-Жакъ.—117 и 119.
Рѣдкинъ, П.—199. 203, 205, 207, 216, 223 и 229.

Савильякъ, де-Алидія.—27.
Салюстій.—203.
Саси, Сильверстъ.—26.
Сахаровъ, И.—111.
С . . . въ, П.—38.
Сеньковскій (Брамбеусъ).—22 и 122.
Серебренниковъ, В.—54.
Скоттъ, Вальтеръ.—49, 54, 55, 64, 89, 122, 182, 194, 203, 209, 214 и 223.
Скромненко см. С. М. Строевъ.
Смирдинъ, А.—107.
Смирновъ.—54.
Соболевъ.—196.
Соколовъ.—188.
Сократъ.—21, 123 и 202.
Соллогубъ, В. А.—173, 174, 184 и 185.
Соловьевъ.—204 и 216.
Спурій, Постумій.—188.
Строевъ, С. М. (Скромненко).—30.
Струговщиковъ.—108.
Студитскій, Ѳ.—192.
Суворовъ.—205.
Сумароковъ, А. П.—31, 103, 112, 114, 122, 181 и 196.
Сухановъ, М.—111.
Сычевъ.—117.

Талызинъ.—188.
Тальбергъ.—79.
Тиммъ.—117.
Толмачевъ.—122, 142 и 188.
Тредьяковскій, В. К.—31, 103, 116, 165 и 188.

Тремадюръ.—60 и 61.
Третьяковъ, М.—35 и 36.
Трубецкой, Н. Ю. кн.—170.
Трусовъ, Я.—120.
Туманскій.—154.

Федоровъ см. Ѳедоровъ.
Фенелонъ.—149.
Фишеръ.—134.
Фокіонъ.—27.
Фонвизинъ.—165.
Фоэ, Даніэль.—119 и 120.
Фурманъ, П.—145, 147, 199, 205 и 214.

Хвостовъ.—196.
Хемницеръ.—52, 154 и 196.
Херасковъ.—31, 58, 122, 181, 187 и 196.
Хмѣльницкій.—122.
Хомяковъ.—177.
Христіанъ.—31.

Цицеронъ.—216 и 217.
Цумптъ.—56.

Ченслеръ.—180.
Черни.—79.
Чертковъ, А.—178, 179 и 180.
Чистяковъ, М.—193.

Шатровъ.—154.
Шевцовъ.—177.
Шевыревъ.—30.
Шекспиръ.—31, 64, 73, 79 и 122.
Шестаковъ.—217.
Шиллеръ.—31, 64 и 222.
Ширяевъ.—55.
Шишковъ.—151 и 188.
Шмидтъ.—101, 102 и 170.
Шопенъ.—79.
Шульгинъ.—34.

Юдицкій, Я.—57.

Экертъ.—229.
Эленшлегеръ.—159.
Энгельке, К. Ѳ.—128.

Язвинскій.—206.

Ѳедоровъ, Б. М.—27, 36, 37, 101, 130, 131, 154, 170, 171, 172 и 173.

Z . . . —28.

* * * —125

ПРИМѢЧАНІЯ *).

1829 г.

1. (стр. 21).—Эта первая сохранившаяся педагогическая работа Бѣлинскаго цѣнна, какъ показатель, что интересъ къ педагогіи возникъ въ немъ еще въ эпоху студенчества. Рукопись «Разсужденія» была въ распоряженіи редакціи журнала «Русская Старина», которая, не оцѣнивъ важнаго значенія этого перваго педагогическаго опыта Бѣлинскаго, напечатала въ 1876 г. (т. XV, стр. 64) только три выдержки. Въ настоящее время рукопись затерялась и приходится довольствоваться лишь этими выдержками. Въ нихъ звучитъ отголосокъ идей, перенесенныхъ въ Россіи изъ Запада еще во времена Екатерины II, что путемъ воспитанія можно создать «новаго человѣка», что внутреннему міру ребенка можно придать по своему желанію опредѣленную форму. Впослѣдствіи Бѣлинскій уже не высказывалъ этого односторонняго взгляда, указывая, что въ формированіи духовнаго облика ребенка играетъ роль не одно только воспитаніе, но и природная душевная организація, наслѣдственность. (См. статьи 25 и 39 и примѣчанія къ нимъ).

1830—1831 г.г.

2. (стр. 21).—Юношеская драма Бѣлинскаго, какъ уже отмѣчено на стр. 21, цѣнна не только для исторіи его духовнаго развитія, но и для характеристики его педагогическихъ воззрѣній. Въ этой драмѣ Бѣлинскій рисуетъ въ самыхъ темныхъ тонахъ взгляды современнаго общества на воспитаніе, царящую тогда въ семьяхъ атмосферу. Впослѣдствіи критикъ не разъ обрушивался на тогдашнее семейное воспитаніе, указывая на тлетворное вліяніе его на дѣтей. «Дмитрій Калининъ» обнаруживаетъ, что еще студентомъ Бѣлинскій прекрасно сознавалъ это, что уже тогда его глубоко возмущали дикія воззрѣнія семьи на воспитаніе, полное непониманіе его задачъ, заглушеніе свободнаго развитія духовныхъ силъ ребенка, деспотизмъ родителей. «Воспитаніе, характеръ, привычки, образъ мыслей и жизни родителей и вообще семейства,—говоритъ одинъ изъ героевъ драмы, Сурскій,—имѣютъ обыкновенно большое вліяніе на нравственное образованіе дѣтей и даже на расположеніе ихъ склонностей». Эту мысль впослѣдствіи не разъ высказывалъ Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ.

Полностью «Дмитрій Калининъ» былъ впервые напечатанъ Н. С. Тихонравовымъ въ 1891 г. въ «Сборникѣ об-ва любителей Россійской словесности», а затѣмъ перепечатанъ въ изданіи сочиненій Бѣлинскаго подъ ред. С. А. Венгерова (т. I), гдѣ драмѣ посвященъ особый этюдъ. См. также вступительную статью Иванова-Разумника къ I тому редакт. имъ изданія сочиненій Бѣлинскаго.

---

*) Цифры въ началѣ примѣчаній указываютъ №№ статей Бѣлинскаго.

1833 г.

3. (стр. 21). — Впервые напечат. въ «Молвѣ» 1833, № 63, 27 мая, № 64, 30 мая и № 65, 1 іюня. Этотъ переводъ въ извѣстной степени характеризуетъ и взгляды Бѣлинскаго: характерно то, что онъ выбралъ для перевода статью, авторъ которой выступаетъ противъ господствующаго воспитанія женщинъ. Объ его отрицательномъ характерѣ впослѣдствіи много писалъ Бѣлинскій; такимъ образомъ, отрицательное отношеніе его къ современному ему женскому воспитанію возникло еще въ эпоху молодости. Нодье находитъ, что «если есть что нелѣпое и оскорбительное въ нашей гражданственности, которая считаетъ себя въ высшей степени усовершенствованною, то это не женщины—сохрани меня Боже такъ думать—это ихъ воспитаніе». Его Нодье называетъ «уродливымъ, святотатственнымъ». «Мнѣніе, которое я имѣю о женщинахъ,—говоритъ онъ,—заставляетъ меня почитать ихъ призванными къ гораздо высшему назначенію, котораго сія метода воспитанія отнюдь не подозрѣваетъ, и достойными пріобщится къ самымъ страстнымъ пареніямъ души по сильнѣйшимъ и гораздо благороднѣйшимъ побужденіямъ, чѣмъ суетность».

1834 г.

4—5. «Молва».

4. (стр. 21).—«Литературныя Мечтанія» являются отраженіемъ опредѣленнаго момента въ духовномъ развитіи Бѣлинскаго. Вмѣстѣ съ развитіемъ общественно-политическихъ воззрѣній Бѣлинскаго измѣнилось и то восторженное отношеніе къ правительству, которое проявилось здѣсь. На стр. 23 Бѣлинскій имѣетъ въ виду посѣщеніе въ 1832 г. министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ Московскаго университета.

5. (стр. 23).—Бѣлинскій очень интересовался грамматикой, написалъ цѣлый рядъ рецензій на книги въ этой области, въ 1837 г. онъ издалъ «Основанія русской грамматики для первоначальнаго обученія» (см. стр. 9—10).

Отрицательное отношеніе къ грамматикамъ Греча и Меморскаго Бѣлинскій высказывалъ и послѣ этой рецензіи (см. стр. 33, 113, 120, 121, 141, и 168). Упоминаемая на стр. 26 работа надъ переводомъ грамматики Сильвестра де-Саси не была закончена Бѣлинскимъ. О грамматическихъ работахъ его см. замѣтку С. А. Венгерова въ 3-мъ томѣ редак. имъ собранія сочиненій Бѣлинскаго, стр. 511—515.

1835 г.

6—*19. «Молва».

***7**. (стр. 26).—Булы довольно много переводили на русскій языкъ. Отрицательное отношеніе къ нему Бѣлинскій высказывалъ и впослѣдствіи (см. стр. 48, 50 и 84). Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Б. М. Ѳедорову см. примѣчаніе къ статьѣ 19.

8. (стр. 27).—Здѣсь уже формулировано Бѣлинскимъ основное требованіе, которое онъ всегда предъявлялъ къ дѣтскимъ книгамъ: легкость, чистота и правильность языка.

***9**. (стр. 27). Впослѣдствіи Бѣлинскій всегда отзывался отрицательно о наградѣ, какъ о средствѣ воздѣйствовать на психику дѣтей, на ихъ моральное исправленіе. Эта рецензія обнаруживаетъ, что къ 1835 г. Бѣлинскій совершенно отрѣшился отъ стараго своего взгляда на обѣщаніе награды, какъ на одно изъ средствъ воспитательнаго воздѣйствія. Въ 1831 г., думая воздѣйствовать на своего брата Никанора, Бѣлинскій писалъ ему: «Я скоро добьюсь хорошихъ книгъ съ картинками и отдамъ ихъ Кон-

стантину въ полное распоряженіе; ежели будешь вести себя такъ же хорошо, какъ учишься, то онъ подаритъ тебѣ ихъ, а если нѣтъ, то какъ хочешь». (Сочиненія Бѣлинскаго, 3-е изд. Павленкова, т. IV, стр. 950—951).

10. (стр. 28).—Эта рецензія является отраженіемъ опредѣленнаго фазиса духовнаго развитія Бѣлинскаго, впослѣдствіи онъ расширилъ сферу дѣятельности женщины. (См. примѣчаніе къ статьѣ 73).

*11. (стр. 29).—Въ этой рецензіи ярко выразилось какое громадное значеніе придавалъ Бѣлинскій вопросамъ воспитанія и образованія, что они были для него не только узкою спеціальною областью, но большимъ и важнымъ *общественнымъ* дѣломъ. Такую именно точку зрѣнія и выдвигалъ постоянно Бѣлинскій. Общественные интересы, успѣхи общественности были самымъ дорогимъ для критика. Служенію обществу онъ отдалъ всѣ свои богатыя духовныя силы. Прекрасно сознавъ, что общество тогда только можетъ двигаться впередъ, когда воспитаніе и образованіе будутъ поставлены на правильный путь, онъ постоянно удѣлялъ въ своихъ статьяхъ вниманіе педагогическимъ вопросамъ.

*12. (стр. 30)—Скромненко—псевдонимъ С. М. Строева.

*13. (стр. 31).—Также положительно, какъ о первыхъ двухъ частяхъ «Русской исторіи» Полевого, отозвался Бѣлинскій и о слѣдующихъ 3 и 4 частяхъ (см. стр. 39 и 112).

*16. (стр. 33).—Бѣлинскій не разъ писалъ рецензіи на книги по географіи. Зналъ ли онъ эту область? Сохранившіяся данныя даютъ положительный отвѣтъ. Въ гимназіи Бѣлинскій былъ лучшимъ ученикомъ по географіи и исторіи; преподаватель этихъ предметовъ Знаменскій съ любопытствомъ выслушивалъ дополненія Бѣлинскаго къ учебнику. «Бѣлинскій по своей начитанности и мастерскому изложенію,—разсказываетъ учившійся вмѣстѣ съ нимъ въ гимназіи Ивановъ,—лучше всѣхъ удовлетворялъ этой наивной любознательности учителя, который по окончаніи разсказа всегда бывало говаривалъ: хорошо, очень хорошо, очень вамъ благодаренъ. Скажите откуда вы это вычитали? И когда Бѣлинскій называлъ источникъ, учитель снова разсыпался въ похвалахъ... Географіей Бѣлинскій издѣтства охотно занимался: едва ли не съ училища онъ зналъ на перечетъ города Россійской имперіи и принадлежность ихъ къ той или другой губерніи; и впослѣдствіи всѣ московскія квартиры его постоянно украшались картами всѣхъ частей свѣта и, сверхъ того, Россіи особенно». (А. Н. Пыпинъ Бѣлинскій, 2-е изд., стр. 19).

*17. (стр. 34). — Объ интересѣ Бѣлинскаго къ географіи см. предыдущее примѣчаніе.

*19. (стр. 36).—Авторъ разсматриваемой Бѣлинскимъ книги В. М. Оедоровъ былъ бездарнѣйшимъ писателемъ и отвратительною въ нравственномъ отношеніи личностью. Бѣлинскій неоднократно выступалъ съ самой отрицательной критикой книгъ Оедорова (см. стр. 101, 130, 131, 170, 171, 172 и 173), который питалъ за это къ Бѣлинскому настоящую ненависть, принимая дѣятельное участіе въ травлѣ критика и «Отеч. Зап.» Булгаринымъ, представляя вмѣстѣ съ нимъ доносы въ Третье отдѣленіе. (См. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855. Спб. 1908, стр. 300—315).

Также отрицательно впослѣдствіи относился къ Оедорову, какъ къ дѣтскому писателю, и Добролюбовъ. (См. Сочиненія, подъ ред. Лемке, т. II, стр. 173—176 и т. III, стр. 635—638 и подъ ред. Аничкова, т. II. стр. 475—481).

1836 г.

20—24. «Молва».

20. (стр. 37).—Въ этой рецензіи Бѣлинскій еще ограничиваетъ образованіе народа узкой сферой, но уже одно указаніе на необходимость обученія народа грамотѣ и ознакомленія съ «первоначальными человѣческими идеями» для эпохи крѣпостничества, когда помѣщичья масса смотрѣла на

мужика, какъ на низшее существо, имѣло не малое общественное значеніе. Впослѣдствіи Бѣлинскій выступилъ горячимъ поборникомъ народнаго образованія, уже не ограничивая его тѣми узкими рамками, какъ въ этой рецензіи. См. статью 101.

22. (стр. 39).—Отзывы о первыхъ двухъ частяхъ работы Полевого см. статью 13 и примѣчаніе къ ней.

***23**. (стр. 39).—О высказываемомъ Бѣлинскимъ отрицательномъ отношеніи къ наградѣ, какъ средству воспитательнаго воздѣйствія, см. примѣчаніе къ статьѣ 9. Авторъ разбираемой книги Бурнашовъ (псевдонимъ—В. Бурьяновъ) разочаровалъ впослѣдствіи Бѣлинскаго, который дальнѣйшія его книги подвергъ уничтожающей критикѣ. (См. примѣчаніе къ статьѣ 25).

24. (стр. 40).—Впослѣдствіи Бѣлинскій также сочувственно отзывался о книгѣ К. Полевого. (См. стр. 205).

1838 г.

*25—*29. «Московскій Наблюдатель».

***25**. (стр. 41). Эта рецензія является первою попыткою Бѣлинскаго изложить болѣе или менѣе подробно свои педагогическіе воззрѣнія, свести ихъ въ систему. Высказанные здѣсь взгляды Бѣлинскій еще подробнѣе развилъ въ 1840 г., въ статьѣ о сказкахъ кн. Одоевскаго и Гофмана, (стр. 61—100), включивъ въ нее настоящую рецензію.

На стр. 42 ярко обнаружилось какія серьезныя требованія предъявлялъ Бѣлинскій къ дѣтскому писателю. Это видно также изъ письма его къ К. С. Аксакову, написаннаго 14 августа 1837 г., почти за годъ до настоящей рецензіи: «Ты предлагаешь мнѣ писать для дѣтей—очень хорошо. Но вѣдь тотчасъ по моемъ выходѣ, такъ сказать, на квартиру, я долженъ буду заплатить за квартиру рублей около 300, да въ лавочку около той же суммы, да имѣть средства жить до тѣхъ поръ, пока что-нибудь напишу, напечатаю и продамъ. Кредиторы и желудки (мой, брата и племянника) не согласятся ждать нѣсколько мѣсяцевъ. Кромѣ того, я рѣшительно не способенъ къ спекуляціямъ и компиляціямъ, и рѣшусь издать только добросовѣстный трудъ, а для такого труда нужно время и время, потому что я работаю тяжело и медленно. И при томъ, какъ много нужно условій для дѣтской книжки! Цѣлью ея должно быть—возбудить въ дѣтяхъ истину не въ поученіяхъ, не сознательную, но истину въ представленіи, въ ощущеніи, и для этого нужно то спокойствіе, та гармонія духа, которая дается человѣку только любовью. Во мнѣ теперь мало любви; я весь въ моихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, весь внѣ себя и чуждъ всякой сосредоточенности. Сверхъ того, писать книгу, имѣющую благую цѣль, для денегъ, для поправки обстоятельствъ... Выручка денегъ за книгу не есть дурное дѣло, даже очень хорошее; но надо, чтобы эти деньги были, такъ сказать, необходимымъ результатомъ книги, а не книга необходимымъ результатомъ денегъ. Ты это знаешь очень хорошо. Писать повѣстей я не могу, потому что для этого требуется творчество, потому что дѣтская повѣсть должна отличаться художественною истиною созданія. Но читая дѣтскія книжки, я находилъ нѣкоторыя изъ нихъ не дурными сами по себѣ, но искаженными пошлою нравственностью, и думалъ, что передѣлка такихъ книгъ была бы очень полезна. Это я думаю и теперь. Хотя такія передѣланныя повѣсти все-таки не были бы художественными, но, по крайней мѣрѣ, я не насиловалъ бы моей фантазіи, не грѣшилъ бы самъ, а только поправлялъ бы грѣхи другихъ. Впрочемъ, кромѣ повѣстей есть что написать для дѣтей: одна исторія представила бы такъ много матеріаловъ. Но для этого нужны знанія, которыхъ у меня нѣтъ и недостатокъ которыхъ могло бы замѣнить знаніе языковъ. Сколько вертѣлось и вертится еще у меня въ головѣ славныхъ предпріятій—и всѣ они уничтожаются сами собою незнаніемъ языковъ, особенно нѣмецкаго (Сочиненія Бѣлинскаго, 3-е изд. Павленкова, т. IV, Спб. 1907. стр. 991).

Раньше (см. статью 1 и примѣчаніе къ ней) Бѣлинскій придавалъ исключительное значеніе воспитанію въ формированіи духовнаго облика человѣка. Теперь же Бѣлинскій, придавая видную роль воспитанію, указываетъ и на важное значеніе природы ребенка и наслѣдственности.

Высказываемый на стр. 46 Бѣлинскимъ взглядъ на развитіе въ дѣтяхъ фантазіи впослѣдствіи измѣнился (см. прим. къ статьѣ 39).

Ранѣе (см. прим. къ статьѣ 23) у Бѣлинскаго еще не сложился окончательный взглядъ на Бурнашова (Бурьянова), какъ на дѣтскаго писателя. Отнесясь теперь отрицательно къ нему, Бѣлинскій и впослѣдствіи неоднократно высказывалъ такой же взглядъ (см. стр. 52, 146, 147, 169).

***26.** (стр. 52).—См. предыдущее примѣчаніе.

***29.** (стр. 53).—Въ общемъ сочувственно объ этой книгѣ отозвался и Добролюбовъ въ 1859 г. въ «Журналѣ для воспитанія» (V, отд. IV) (см. Сочиненія, подъ ред. Лемке, т. II, стр. 725 и подъ ред. Аничкова, т. II, стр. 375).

1839 г.

30—*32. «Московскій Наблюдатель».

*33—*35—«Литерат. прибавленія къ Русскому Инвалиду».

***33** (стр. 55).— Объ отношеніи Бѣлинскаго къ «Робинзону Крузе, см. стр. 119 и 120 и прим. къ статьѣ 57. Въ дополненіе къ высказываемымъ въ этой рецензіи взглядамъ Бѣлинскаго на взаимныя отношенія дѣтей и родителей приведемъ выдержки изъ его писемъ. «Увѣрять васъ въ своей почтительности, любви, преданности, осыпать васъ нѣжными названіями,—пишетъ Бѣлинскій 17 февраля 1831 своимъ родителямъ,—я не могу, ибо почитаю это не чѣмъ инымъ, какъ подлымъ ласкательствомъ, какъ низкимъ средствомъ выманивать у васъ деньги. Я не умѣю нѣжничать, но умѣю чувствовать, и думаю, что священное чувство любви и уваженія къ родителямъ состоитъ не въ словахъ, а въ поступкахъ; заключается не въ мертвой бумагѣ, но въ душѣ пламенной, доступной для благородныхъ и возвышенныхъ впечатлѣній. Писать же къ вамъ такимъ образомъ: «при сей вѣрной оказіи я не могъ преминовать, чтобы не засвидѣтельствовать вамъ моего всенижайшаго почтенія и увѣдомить васъ, что я, слава Богу, живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю, а впрочемъ уповаю на благость Всевышняго» — я не могу и не смѣю; ибо это значило бы насмѣхаться надъ вами. Не подумайте, что я для того пишу, чтобы загладить мой проступокъ, вымолить у васъ прощеніе, подластиться къ вамъ и заставить васъ этимъ прислать мнѣ денегъ. Нѣтъ! Я слишкомъ гордъ, слишкомъ благороденъ, чтобы извиваться передъ вами ужомъ и жабою изъ такого низкаго и подлаго побужденія... Цѣль моего письма есть оправдаться передъ вами, не какъ передъ людьми, отъ которыхъ я могу получить нѣсколько денегъ, но какъ передъ людьми, которымъ я обязанъ моимъ существованіемъ. Къ моему величайшему прискорбію, я вижу, что вы почитаете меня мальчишкой, который потому только забываетъ васъ, что не зависитъ отъ васъ въ разсужденіи содержанія и свободенъ отъ вашего вліянія тѣмъ разстояніемъ, которое раздѣляетъ его съ вами... Повѣрьте, что сынъ вашъ заслуживаетъ лучшаго о себѣ мнѣнія, нежели какое вы о немъ имѣете. Гдѣ бы я не жилъ, чѣмъ бы я ни былъ, я всегда буду почитать священнѣйшею обязанностью быть добрымъ сыномъ, любить и уважать своихъ родителей и признавать надъ собою ихъ власть, которая есть важнѣе, законнѣе и священнѣе всѣхъ властей въ мірѣ. Я не хочу философски изслѣдовать есть ли любовь и уваженіе къ родителямъ чувство, внушенное природою, или оно есть слѣдствіе внушенныхъ съ младенчества правилъ, или что-нибудь другое. Я способенъ питать это чувство, почитаю его святымъ, возвышеннымъ: этого для меня довольно. Вы... не должны подозрѣвать меня въ низости чувствъ и подлости образа мыслей. Опять повторяю вамъ, что я не мальчишка, котораго должны сѣчь, чтобы заставить хорошо вести себя, не грубый мужикъ, котораго должно бить дубиною, чтобы заставить что-нибудь почувствовать.

Вы, маменька, просили Лукерью Савельевну обругать меня вашимъ именемъ: радуйтесь и веселитесь! Она съ дипломатическою точностью повторила мнѣ ваши *ласковыя* и *благородныя* слова. Я не хочу говорить вамъ о *неприличности* этихъ словъ, о крайнемъ *неблагородствѣ* и *низости* выраженій; замѣчу только мимоходомъ, что это уже слишкомъ, слишкомъ... Но мнѣ уже не привыкать къ подобнымъ поступкамъ со стороны моихъ родителей... Не хочу договаривать: можетъ быть и сами поймете»... «Люби и почитай родителей,—пишетъ Бѣлинскій 21 іюня 1832 г. брату Константину,—я это всегда тебѣ совѣтую; но, несмотря на то, я имѣю право сказать, что наши нечастія зависятъ отъ нихъ, что они и себя и насъ губятъ. Они не знаютъ своихъ обязанностей, они не знаютъ, что они принадлежатъ не самимъ себѣ, а отечеству и дѣтямъ, что они должны дышать для дѣтей своихъ, стараться образовать изъ нихъ добрыхъ гражданъ для отечества,—это законъ природы, законъ Бога и самихъ людей. Они ни мало не щадятъ самихъ себя, гонятъ друга друга къ гробу, разстраиваютъ свое здоровье и душевное спокойствіе...» (Сочиненія Бѣлинскаго, 3-е изд. Павленкова, т. IV. Спб. 1907, стр. 930, 931 и 945). О родителяхъ Бѣлинскаго и ихъ отношеніи къ нему см. выше стр. 1—4.

***34** (стр. 56).—См. прим. къ статьѣ 39.

36. «Отечественныя Записки».

36 (стр. 57). — Бѣлинскій очень часто, давая отзывъ о какой-либо книжкѣ, уклонялся отъ нея въ сторону и цѣлыя страницы удѣлялъ разсмотрѣнію какого-нибудь животрепещущаго вопроса морали и жизни. Эти уклоненія составляютъ характерную сторону Бѣлинскаго, какъ писателя. Въ этомъ отношеніи настоящая рецензія очень характерна: давая отзывъ о книгѣ по шелководству, Бѣлинскій уклонился въ сторону педагогіи и сдѣлалъ цѣлый экскурсъ въ эту область.

*37. «Литетерат. прибавленія къ Русскому Инвалиду».

1840 г.

*38—42. «Отечественныя Записки».

***39** (стр. 61).—Бѣлинскій очень цѣнилъ эту рецензію, разросшуюся до размѣровъ большой статьи. 18 февраля 1840 г. онъ пишетъ В. П. Боткину: «Статья о дѣтскихъ книжкахъ—надѣюсь—будетъ такъ не дурна, что понравится и тебѣ, и ты смѣло можешь сказать, что ты виноватъ въ ней. Въ самомъ дѣлѣ, если она будетъ хороша, то потому, что твое письмо воззвало меня отъ смерти къ жизни»... (Сочиненія Бѣлинскаго, 3-е изд. Павленкова, т. IV, Спб. 1907, стр. 1051). Очевидно, Бѣлинскій остался доволенъ этой статьей, думая въ 1843 г. расширить ее до размѣровъ книги (см. письмо къ Краевскому отъ 16 іюня 1843.—тамъ же, стр. 1012). Сдѣлавъ въ 1838 г. въ рецензіи на книги Бурнашова (Бурьянова) первую попытку болѣе или менѣе подробно изложить свои педагогическіе взгляды (см. прим. къ статью 25) Бѣлинскій въ этой статьѣ развилъ ихъ еще болѣе подробно, придалъ цѣльность тѣмъ отрывочнымъ взглядамъ, которые высказывалъ ранѣе. Литературныя произведенія Бѣлинскаго органически связаны съ его духовнымъ развитіемъ, которое представляло процессъ безпрестаннаго мучительнаго міроосмысленія, страстнаго исканія смысла жизни. И настоящая статья является отраженіемъ опредѣленнаго момента въ духовномъ развитіи Бѣлинскаго. Вмѣстѣ съ эволюціей общаго міросозерцанія измѣнились и нѣкоторые высказанные въ этой статьѣ педагогическіе взгляды. Такъ измѣнился одинъ изъ основныхъ взглядовъ, выраженныхъ въ этой статьѣ, — взглядъ на фантастику, какъ элементъ воспитанія, тѣсно связанный съ отношеніемъ къ Гофману. Впослѣдствіи, въ 1847 г., Бѣлинскій уже совсѣмъ иначе

смотрѣлъ на фантастику и относился къ Гофману (см. статью 109 и прим. къ ней). Но если измѣнился существенно этотъ взглядъ, то общая основа педагогическихъ воззрѣній Бѣлинскаго осталась и впослѣдствіи та же самая— гуманность, коренящаяся въ высокоблагородной личности критика. Онъ остался на всю жизнь сторонникомъ высказаннаго въ настоящей статьѣ взгляда на основную задачу и средство воспитанія, видя ее въ *выработкѣ человѣка*, провозглашая основнымъ средствомъ воспитанія *любовь*. То же самое высказалъ Бѣлинскій и въ 1844 г. (см. статью 87 и прим. къ ней).

По силѣ чувства, по высотѣ высказанныхъ мыслей, по благородству тона настоящая статья является одной изъ лучшихъ статей Бѣлинскаго вообще. Въ исторіи педагогіи ей также должно быть отведено почетное мѣсто.

Чтобы оцѣнить вполнѣ правильно значеніе высказанныхъ Бѣлинскимъ педагогическихъ мыслей для его времени, нужно не упускать изъ виду общаго историческаго положенія. Педагогическая мысль въ то время была мало развита, спеціальная педагогическая пресса отсутствовала, за все время царствованія Николая I существовалъ всего только одинъ педагогическій журналъ и то не долго, учебная, дѣтская и народная литература были въ самомъ плачевномъ положеніи. Въ школѣ царила казенщина, страшный деспотизмъ, розга была возведена въ принципъ, въ цѣлую систему воспитанія, въ самое вѣрное педагогическое средство. Взгляды общества были проникнуты непониманіемъ и природы дѣтей и задачъ воспитанія, семья была груба, невѣжественна. Она или забивала ребенка, или неномѣрно баловала его и создавала будущихъ крѣпостниковъ-деспотовъ, привыкшихъ, чтобы каждое ихъ желаніе исполнялось безпрекословно.

И вотъ, если мы посмотримъ на педагогическія идеи, выдвинутыя Бѣлинскимъ, въ исторической перспективѣ, то ясно выступитъ громадное общественно значеніе ихъ для своего времени.

Бѣлинскій буквально писалъ кровью своего сердца, все, что вышло изъ подъ его пера, имъ было глубоко прочувствовано, произведенія Бѣлинскаго были тѣсно связаны съ его высокоблагородной личностью. И на всемъ написанномъ Бѣлинскимъ о педагогіи лежитъ печать необычайной высокаго духа этой благородной личности. Съ этими воззрѣніями, проникнутыми такой нравственной красотой, съ этой горячей и страстной педагогическою проповѣдью выступилъ Бѣлинскій въ самую ужасную эпоху общественнаго застоя. Въ то время, когда общество слѣпо вѣрило въ благотворность царящей воспитательной системы, Бѣлинскій выступилъ съ горячей ея критикой, съ необычайной убѣдительностью вскрывая всю несостоятельность, всю нелѣпость этой системы, какъ далека она отъ требованій разума и нравственнаго чувства. На ряду съ этой критикой, Бѣлинскій вносилъ въ общественное сознаніе идеи разумнаго воспитанія и образованія.

Мысль Бѣлинскаго о томъ, что основная задача воспитанія — выработка человѣка, что общее образованіе необходимо для каждаго ребенка— не являлась новой: она была выдвинута еще въ эпоху Екатерины II. Но эта проповѣдь, тѣмъ не менѣе, была очень важна для той эпохи, когда жилъ Бѣлинскій. Правительство смотрѣло на школу исключительно съ политической точки зрѣнія, педагогическія задачи школы отодвигались на задній планъ, главной ея цѣлью ставилось не общее образованіе, не выработка нравственныхъ устоевъ въ дѣтяхъ, не общее ихъ развитіе, а подготовка нужныхъ государству слугъ, профессіональныхъ работниковъ, привыкшихъ безпрекословно повиноваться еще въ школѣ. Нужны были не сознательные общественные работники, а механическія машины. Бѣлинскій настойчиво критиковалъ эту систему, чуждую задачамъ педагогіи, внѣдрялъ въ сознаніе общества идею самоцѣнности школы, необходимость поставить ея задачи на чисто педагогическую плоскость, указывалъ, что школа тогда только станетъ дѣлать успѣхи, когда будетъ прислушиваться къ движенію педагогіи, а не находиться во власти политическихъ соображеній правительства.

Такое же громадное общественное значеніе имѣла горячая проповѣдь

Бѣлинскаго любви къ дѣтямъ, бережнаго отношенія къ ихъ нѣжной душѣ, необходимости давать просторъ развитію индивидуальности, страстный протестъ противъ насилія надъ ребенкомъ, жестокаго обращенія съ нимъ, тѣлеснаго наказанія. Это было высказано Бѣлинскимъ въ эпоху, когда вся педагогическая система была основана на обезличиваніи ребенка. Среди самыхъ горячихъ защитниковъ дѣтей Бѣлинскому должно быть отведено почетное мѣсто. (См. нашу статью—«Педагогическія идеи Бѣлинскаго».—«Воспитаніе и Обученіе», 1911, № 8 и № 9).

Въ этой статьѣ Бѣлинскій заложилъ фундаментъ новой русской педагогіи, намѣтилъ тѣ идеи, которыя явились основными идеями педагогическаго движенія 60-хъ годовъ; оно вышло изъ мыслей Бѣлинскаго, впитало ихъ высокую гуманность, пошло по его завѣтамъ. Главная мысль педагогическихъ воззрѣній Бѣлинскаго, что основная задача воспитанія—выработка человѣка, что общее образованіе должно составлять первую, необходимую ступень образованія явилась характерной и главнѣйшей идеей педагогическаго движенія 60-хъ годовъ; ее высказывали какъ представители тогдашней педагогіи во главѣ съ Пироговымъ, такъ и публицистика во главѣ съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ.

Громадное вліяніе Бѣлинскаго на дальнѣйшее развитіе педагогическихъ идей отмѣчается всѣми, писавшими объ его педагогическихъ воззрѣніяхъ. Говоря о педагогическомъ движеніи эпохи великихъ реформъ, В. П. Острогорскій замѣчаетъ: «Движеніе это совершается въ духѣ Бѣлинскаго, въ смыслѣ пользованія его идеями, развитіемъ его идей. Возьмемъ-ли Пирогова и Ушинскаго—ихъ сочиненія проникнуты ими; возьмемъ-ли вопросъ о наглядности въ преподаваніи—объ этой наглядности говоритъ Бѣлинскій; обратимся-ли къ литературѣ дѣтской—она вся и до сихъ поръ жива, по крайней мѣрѣ, въ лучшей своей части, его требованіями, все преподаваніе словесности и исторіи литературы, всѣ учебники по этой части, начиная со Стоюнина, все это прямо проникнуто его идеями и даже на немъ, Бѣлинскомъ, въ значительной степени построено. А воспитаніе и образованіе нашей русской женщины, развѣ оно мало обязано тому же Бѣлинскому, который являлся всегда такимъ горячимъ адвокатомъ общечеловѣческаго, русскаго, женскаго просвѣщенія». (Бѣлинскій, какъ педагогъ. — Сборникъ памяти Бѣлинскаго, стр. 72). То же самое говоритъ и г. Ашевскій: «Провозглашеніе человѣчности главною цѣлью воспитанія, а любви главнымъ воспитательнымъ средствомъ, требованіе полнаго уваженія къ индивидуальности дѣтей и гармоническаго развитія нравственности, ума и тѣла ребенка, проповѣдь самаго широкаго образованія народныхъ массъ, и нѣкоторые другіе взгляды дѣлаютъ Бѣлинскаго провозвѣстникомъ и въ значительной степени виновникомъ того педагогическаго движенія, которое охватило русское общество въ началѣ царствованія Александра II. Въ лучшихъ педагогическихъ книгахъ и статьяхъ того времени нерѣдко мы встрѣчаемся со взглядами Бѣлинскаго, конечно, болѣе подробно развитыми и болѣе научно обоснованными. Точно также и въ лучшихъ произведеніяхъ современной намъ дѣтской литературы мы встрѣчаемъ примѣненіе взглядовъ, высказанныхъ впервые незабвеннымъ критикомъ болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ». (Бѣлинскій, какъ педагогъ.—«Русская Школа», 1898, кн. IV, стр. 61—62). Приведемъ еще слова С. А. Венгерова: «Когда,—говоритъ онъ,—въ концѣ 50-хъ годовъ стало появлятся собраніе сочиненій Бѣлинскаго, мысли его о воспитаніи и дѣтскомъ чтеніи, получили живѣйшій откликъ въ новомъ поколѣніи педагоговъ и роль его въ ходѣ идей русской педагогики становится первостепенной. Всѣ рѣшительно представители новой русской педагогіи—Ушинскій, Водовозовъ, Резенеръ, Острогорскій, Корфъ и др. принадлежатъ къ восторженнымъ поклонникамъ Бѣлинскаго вообще и его по истинѣ свѣтлыхъ педагогическихъ взглядовъ въ частности». (Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 530).

О высказанномъ раньше Бѣлинскимъ взглядѣ на отношенія родителей и дѣтей см. стр. 56 и примѣчаніе къ статьѣ 33.

Приведенная на стр. 79—80 цитата взята Бѣлинскимъ изъ статьи В. Боткина, помѣщенной въ «Москов. Наблюдателѣ», 1838, т. XVI.

Высказанный на стр. 80 взглядъ на воспитательное значеніе басенъ Крылова и «Юрія Милославскаго» Загоскина, Бѣлинскій высказывалъ и впослѣдствіи (см. стр. 101, 107, 115 и 203).

Рецензія, изъ которой приведена Бѣлинскимъ на стр. 86 цитата, написана о книгѣ—«Чижикъ. Повѣсть для дѣтей. Переводъ съ французскаго». Напечатавъ ее цѣликомъ въ 5 т. редакт. имъ изданія сочиненій Бѣлинскаго (стр. 556—557), С. А. Венгеровъ совершенно справедливо указываетъ на аналогичность мыслей высказанныхъ въ этой рецензіи и въ настоящей статьѣ Бѣлинскаго.

Замѣчая, что «кто писалъ рецензію, нельзя сказать вполнѣ опредѣленно», С. А. Венгеровъ предполагаетъ, что она написана Катковымъ. Возможно, что, написавъ о «Чижикѣ» для «Литерат. Прибавленій къ Русск. Инвалиду» (см. стр. 56), Бѣлинскій написалъ и для «Отеч. Записокъ», но данныхъ говорить объ этомъ болѣе или менѣе опредѣленно нѣтъ.

Въ эпоху этой статьи Бѣлинскій очень увлекался Вальтеръ Скоттомъ и Куперомъ, ставя ихъ очень высоко. Въ письмѣ къ В. П. Боткину отъ 16 мая 1840 г. Бѣлинскій, называя Вальтеръ Скотта «дивнымъ геніемъ», пишетъ: «А ты еще не знаешь Купера, который если не равенъ Вальтеръ Скотту, то ужъ непремѣнно выше его, какъ художникъ» (сочиненія Бѣлинскаго, 3-е изд. Павленкова, т. IV, стр. 1059). Впослѣдствіи Бѣлинскій всегда рекомендовалъ чтеніе Вальтеръ Скотта (см. статьи 100, 104, 109, 115). То же самое нужно сказать и о Куперѣ (см. статьи 104 и 109).

«Дѣдушка Ириней»—псевдонимъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго; къ нему Бѣлинскій очень былъ расположенъ (см. сочиненія Бѣлинскаго, 3-е изд. Павленкова, стр. 1042 и Пыпинъ. Бѣлинскій, стр. 105 и 276) и всегда высоко ставилъ его, какъ дѣтскаго писателя.

40. (стр. 100)—Объ отношеніи къ Крылову см. предыдущее примѣчаніе.

***41**. (стр. 101).—См. примѣчаніе къ статьѣ 19.

42. (стр. 103).—Впослѣдствіи Бѣлинскій неоднократно отзывался очень отрицательно о Кошанскомъ. См. примѣчаніе къ статьямъ 64 и 102.

1841 г.

43—*51 «Отечественныя Записки».

44. (стр. 105). — О взглядахъ Бѣлинскаго на отношенія родителей къ дѣтямъ см. примѣчаніе къ статьѣ 33.

***45**. (стр. 106)—Намѣреніе написать большую статью о русскихъ грамматикахъ не было выполнено Бѣлинскимъ. О Половцевѣ см. стр. 131 и 132.

46. (стр. 107).—Объ отношеніи къ «Юрію Милославскому» Загоскина см. примѣчаніе къ статьѣ 39.

48. (стр. 108).—И впослѣдствіи Бѣлинскій рекомендовалъ для чтенія юношамъ Гомера (см. стр. 230—231). Объ отношеніи Бѣлинскаго къ античному міру см. примѣчаніе къ статьѣ 52.

50. (стр. 112).—См. примѣчаніе къ статьѣ 13.

1842 г.

52—*64. «Отечественныя Записки».

52. (стр. 113).—Въ то время Мин. Нар. Просв., во главѣ котораго стоялъ Уваровъ, усиленно насаждало въ школѣ классицизмъ. Если Бѣлинскій привѣтствовалъ это, то совсѣмъ по другимъ мотивамъ, чѣмъ Мин. Нар. Просв. Сосредоточивъ все вниманіе учениковъ на изученіе древнихъ языковъ, оно думало отвлечь ихъ отъ общественной жизни, окружающей дѣйствительности, подготовить безсловесныхъ слугъ господствующаго политическаго режима. Бѣлинскій же, наоборотъ, считалъ изученіе античнаго

міра однимъ изъ лучшихъ средствъ для расширенія умственнаго кругозора, для воспитанія гражданскихъ чувствъ, для выработки сознательныхъ и стойкихъ гражданъ. Всего этого, конечно, Бѣлинскій не могъ въ силу цензурныхъ условій выразить въ своихъ статьяхъ. Но что Бѣлинскій цѣнилъ изученіе античнаго міра, какъ одно изъ лучшихъ, по его мнѣнію, средствъ гражданскаго воспитанія, ярко обнаруживается въ его письмѣ отъ 27 іюня 1841 г. къ Боткину, въ которомъ онъ пишетъ: «По совѣту твоему, купилъ «Плутарха» Дестуниса и прочелъ. Книга эта свела меня съ ума. Боже мой, сколько еще кроется во мнѣ жизни, которая должна пропасть даромъ! Изъ всѣхъ героевъ древности трое привлекли всю мою любовь, обожаніе, энтузіазмъ—Тимолеонъ и Гракхи. Біографія Катона (Утическаго, а не скотины Старшаго) пахнула на меня мрачнымъ величіемъ трагедіи,—какая благороднѣйшая личность! Периклъ и Алкивіадъ взяли съ меня полную и обильную дань удивленія и восторговъ. А что же Цезарь,—спросишь ты. Увы, другъ мой, я теперь забился въ одну идею, которая поглотила и пожрала меня всего. Ты знаешь, что мнѣ не суждено попадать въ центръ истины, откуда въ равномъ разстояніи видны всѣ крайнія точки ея круга: нѣтъ, я какъ-то всегда очучусь на самомъ краю. Такъ и теперь: я весь въ идеѣ гражданской доблести, весь въ паѳосѣ правды и чести, и мимо ихъ мало замѣчаю какое бы то ни было величіе. Теперь ты поймешь, почему Тимолеонъ, Гракхи и Катонъ Утическій... заслонили собою въ моихъ глазахъ и Цезаря и Македонскаго. Во мнѣ развилась какая-то... фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая возможна только при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести. Принимаясь за «Плутарха», я думалъ, что греки заслонятъ отъ меня римлянъ—вышло не такъ. Я бѣсновался отъ Перикла и Алкивіада, но Тимолеонъ и Фокіонъ (эти греко-римляне) закрыли для меня своею суровою колоссальностію прекрасные и граціозные образы представителей аѳинянъ. Но въ римскихъ біографіяхъ душа моя плавала въ океанѣ. Я понялъ черезъ «Плутарха» многое, чего не понималъ. На почвѣ Греціи и Рима выросло новѣйшее человѣчество. Безъ нихъ средніе вѣка ничего не сдѣлали бы. Я понялъ и французскую революцію, и ея римскую помпу, надъ которою прежде смѣялся... Обаятеленъ міръ древности. Въ его жизни зерно всего великаго, благороднаго, доблестнаго, потому что основа его жизни—гордость личности, неприкосновенность личнаго достоинства. Да, греч. и лат. языки должны быть краеугольнымъ камнемъ всякаго образованія, фундаментомъ школы». (Сочиненіе Бѣлинскаго, 3-е изд. Павленкова, т. IV, стр. 1085).

Какъ ранѣе этой статьи (см. стр. 109 — 110 и примѣчаніе къ статьѣ 48), такъ и позже (см. стр. 230—231 и примѣчаніе къ статьѣ 119), Бѣлинскій очень высоко ставилъ воспитательное значеніе Гомера. Объ отношеніи къ «Юрію Милославскому» см. примѣчаніе къ статьѣ 39.

54. (стр. 116).—Подъ именемъ Картофелина Бѣлинскій выводитъ Шевырева.

***55**. (стр. 117).—Бѣлинскій придавалъ народной литературѣ настолько важное значеніе, что считалъ нужнымъ давать отзывъ въ большомъ литературномъ журналѣ о ничтожной народной книгѣ. Бѣлинскій внимательно слѣдилъ за народною литературой и впослѣдствіи горячо привѣтствовалъ выходъ хорошаго народнаго изданія—«Сельскаго Чтенія», посвятивъ ему много вниманія (см. статьи 66 и 101 и примѣчанія къ нимъ).

56. (стр. 117)—Отзывъ о слѣдующихъ томахъ этого изданія см. стр. 148.

***57**. (стр. 117).—Бѣлинскій, высоко цѣня «Робинзона Крузе», въ 1843 г., думалъ самъ издать эту книгу (см. письмо къ Краевскому отъ 16 іюня 1843 г. — Сочиненія Бѣлинскаго, 3-е изд. Павленкева, т. IV, стр. 1012). См. примѣчаніе къ статьѣ 33.

***58**. (стр. 120). — Объ отношеніи къ Меморскому см. стр. 25, 33 и 166.

61. (стр. 122).—Объ отношеніи Бѣлинскаго къ античному міру см. примѣчанія къ статьямъ 48, 52, 103, и 109.

62. (стр. 125).—Здѣсь уже измѣнился взглядъ Бѣлинскаго на воспитательное значеніе фантастики (см. примѣчаніе къ статьямъ 39 и 109).

***64**. (стр. 127). См. примѣчанія къ статьямъ 42 и 102.

1843 г.

65—73. «Отечественныя Записки».

65. (стр. 128).—См. примѣчаніе къ статьѣ 104.

66. (стр. 128).—См. примѣчаніе къ статьѣ 55. Сочувственно отнесся Бѣлинскій и къ 3 книжкѣ «Сельскаго Чтенія» (см. стр. 182—186 и примѣчаніе къ статьѣ 101).

67. (стр. 130).—Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Б. М. Ѳедорову см. примѣчаніе къ статьѣ 19.

68. (стр. 131).—См. стр. 106—107.

72. (стр. 134).—Зинаида Р—ва—псевдонимъ Е. А. Ганъ. О взглядахъ Бѣлинскаго на отношенія родителей къ дѣтямъ см. примѣчаніе къ статьямъ 33 и 44.

73. (стр. 136).—Въ первый періодъ своей жизни Бѣлинскій держался узкаго взгляда на назначеніе женщины (см. статью 10 и примѣчаніе къ ней), ограничивая кругъ ея дѣятельности семьею, высказываясь противъ участія ея въ общественной и научной жизни. Но этотъ взглядъ съ каждымъ годомъ расширялся, и во второй періодъ жизни Бѣлинскій явился горячимъ поборникомъ женскаго образованія, страстнымъ защитникомъ ея человѣческихъ и гражданскихъ правъ. Это имѣло для своего времени крупное общественное значеніе: благородный голосъ Бѣлинскаго раздавался въ ту эпоху, когда женщина считалась вещью, когда образованіе ея находили ненужнымъ и даже вреднымъ, когда она была морально забита, обезличена.

Высказываемое Бѣлинскимъ въ этой статьѣ о женщинѣ, ея назначеніи органически связано съ его личными переживаніями. Въ это время онъ былъ увлеченъ М. В. Орловой, на которой и женился 12 ноября 1843 г. Богатый матеріалъ для характеристики взглядовъ Бѣлинскаго на женщину даютъ письма его къ М. В. Орловой (см. сборники «Помощь голодающимъ» М. 1892 и «Починъ» М. 1896 и сочиненія Бѣлинскаго, 3-е изд. Павленкова, т. IV). Объ отношеніи Бѣлинскаго къ М. В. Орловой см. вступительную статью Иванова-Разумника къ редакт. имъ изданію сочиненій Бѣлинскаго.

1844 г.

74—87. «Отечественныя Записки».

75. (стр. 144).—О томъ же произведеніи Бремеръ Бѣлинскій высказался отрицательно позже, см. стр. 168.

***76**. (стр. 145).—Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Бурнашову (Бурьянову) см. примѣчаніе къ статьямъ 23, 25, 39.

77. (стр. 148).—О первыхъ частяхъ этого изданія см. стр. 117.

81. (стр. 153).—Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Одоевскому см. примѣчаніе къ статьѣ 39.

***85**. (стр. 155).—О «Руководствѣ къ всеобщей исторіи» Лоренца Бѣлинскій далъ отзывъ въ 1842 г. въ «Отеч. Зап.» (т. XXI, апрѣль); на принадлежность этой статьи Бѣлинскому недавно указалъ Ивановъ-Разумникъ (Великія исканія. Спб. 1911, стр. 138—147). Исторію Лоренца Бѣлинскій хвалилъ и впослѣдствіи (см. статью 107, и примѣчаніе къ ней).

87. (стр. 156).—Высказанный на стр. 157 взглядъ Бѣлинскаго на главную задачу воспитанія—выработку *человѣка* остался тѣмъ же, что былъ въ 1840 г. (см. статью 39 и примѣчаніе къ ней).

1845 г.

*88—*91. «Отечественныя Записки».

89. (стр. 159).—См. примѣчаніе къ статьямъ 42 и 102.

*90. (стр. 165).—Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Бурнашову (Бурьянову) см. примѣчаніе къ статьямъ 23, 25, 39 и 76.

*91. (стр. 168).—Отзывъ о Фредерикѣ Бремеръ см. статью 75. Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Ишимовой см. примѣчаніе къ статьѣ 104.

92. «Литературная Газета».

*93—103. «Отечественныя Записки».

*94. (стр. 170).—Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Б. М. Ѳедорову см. примѣчаніе къ статьѣ 19.

*98. (стр. 178).—Объ интересѣ Бѣлинскаго къ географіи см. примѣчаніе къ статьѣ 16.

99. (стр. 181).—Объ «Учебной книгѣ Русской словесности» Греча см. стр. 26 и 30. О Плаксинѣ см. стр. 153, 154, 168, и 188.

100. (стр. 182).—Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Вальтеръ-Скотту см. примѣчаніе къ статьѣ 39.

*101. (стр. 182).—Въ 1836 г. Бѣлинскій ограничивалъ еще образованіе народа узкими рамками (см. статью 20 и примѣчаніе къ ней), теперь же является уже поборникомъ широкаго образованія. См. примѣчаніе къ статьѣ 55. Отзывъ о первыхъ частяхъ «Сельскаго Чтенія» см. стр. 128—130.

*102. (стр. 186).—Это уже третій отзывъ Бѣлинскаго о риторикѣ Кошанскаго (см. статьи 42, стр. 103 и 64, стр. 127—128). Кромѣ того Бѣлинскій не пропускалъ удобнаго случая, чтобы мимоходомъ въ статьяхъ не высмѣять Кошанскаго. Постоянно преслѣдуя его книгу, Бѣлинскій не мало удѣлялъ вниманіе разнымъ устарѣлымъ и бездарнымъ учебнымъ пособіямъ. Принимая близко къ сердцу интересы русскаго просвѣщенія, русской школы, смотря на педагогическіе вопросы, какъ на важное общественное дѣло, Бѣлинскій считалъ своимъ общественнымъ долгомъ энергично бороться съ плохими учебниками, какъ съ большимъ общественнымъ зломъ, которое, по его мнѣнію,—«не меньше чумы и холеры», какъ онъ выразился въ одной изъ рецензій 1835 г., см. стр. 35.

1846 г.

104*—*105. «Отечественныя Записки».

*104. (стр. 192).—Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Вальтеръ Скотту и Куперу см. прим. къ статьѣ 39. Ранѣе Бѣлинскій держался другого взгляда на развитіе въ дѣтяхъ фантазіи, см. тоже прим. А. Ишимова въ свое время пользовалась большой популярностью какъ дѣтская писательница. Бѣлинскій одобрительно отозвался объ издаваемомъ Ишимовой дѣтскомъ журналѣ «Звѣздочка» (см. статью 65), но не хвалилъ «Чтеніе для дѣтей перваго возраста» (см. статью 91). Безъ похвалы отнесся Бѣлинскій въ настоящей рецензіи и къ переведенной Ишимовой съ англійскаго повѣсти—«Мери и Флора», о которой очень сочувственно отозвался Добролюбовъ въ 1859 г. въ «Журналѣ для Воспитанія» (V, отд. IV, стр. 54). «По вѣрному изображенію дѣтскаго міра, чуждому всякой аффектаціи и желанія поддѣлаться къ дѣтямъ,—говоритъ Добролюбовъ,—повѣсть эта представляетъ замѣчательное явленіе въ дѣтской литературѣ; не говоримъ уже о томъ, сколько свѣжихъ знаній вноситъ она въ воспріимчивую душу ребенка, сколько благородныхъ чувствъ возбуждаетъ и развиваетъ въ ней, и все это

дѣлается безъ всякихъ возгласовъ и нравственныхъ сентенцій, одною сплою таланта, смотрѣвшаго на дѣтей не какъ на куколъ, а какъ на существа чувствующія и мыслящія». (Сочиненія Добролюбова подъ ред. Лемке т. II, стр. 730 и подъ ред. Аничкова, т. II, ст. 374). Данный Бѣлинскимъ ранѣе отзывъ объ «Альманахѣ для дѣтей» см. статью 97, стр. 177.

106 (стр. 196).—Напечат. впервые въ «Стихотвореніяхъ Кольцова», изд. Н. Некрасова и Н. Прокоповича. Спб. 1846. Объ отношеніи Бѣлинскаго къ «Тысячѣ и одной ночи» см. стр. 148 и 117.

1847 г.

107—*113. «Современникъ».

107 (стр. 197).—Бѣлинскій и ранѣе высоко ставилъ работу Лоренца, см. статью 85, стр. 155.

108 (стр. 198).—См. примѣчаніе къ статьямъ 20, 66 и 101.

*__109__ (стр. 199).—Бѣлинскій всегда очень сочувственно относился къ издаваемой Рѣдкинымъ «Новой библіотекѣ для воспитанія» (см. статьи 111, 113 и 116 и примѣч. къ нимъ). Объ высказанномъ Бѣлинскимъ на стр. 201 взглядѣ на наглядность, какъ на основаніе обученія, см. примѣчаніе къ статьѣ 110.

Плутархъ произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на Бѣлинскаго, сыгралъ извѣстную роль въ его духовномъ развитіи. Объ отношеніи къ Плутарху и вообще античному міру см. примѣчаніе къ статьямъ 48, 52, 61 и 113. Очень высоко ставилъ Бѣлинскій Плутарха и впослѣдствіи (см. статью 113, стр. 217). Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Загоскину, Вальтеръ Скотту и Куперу см. примѣчаніе къ статьѣ 39.

Очень высоко ставя прежде Гофмана, какъ дѣтскаго писателя, придавая большое значеніе фантастикѣ, какъ воспитательному элементу, считая, что поэтическая фантазія—«необходимое условіе для образованія писателя для дѣтей» (см. статью 39). Бѣлинскій все болѣе и болѣе сталъ охладѣвать къ Гофману, находить, что развитіе фантазіи въ дѣтяхъ вредно (см. стр. 194), и въ настоящей статьѣ стр. 203 уже окончательно охладѣлъ къ Гофману и заявилъ, что «для дѣтей страшно вредно все, что развиваетъ и возбуждаетъ фантазію на счетъ другихъ интеллектуальныхъ способностей». (См. прим. къ ст. 39). Объ отношеніи Бѣлинскаго къ книгѣ К. Полевого о Ломоносовѣ см. ст. 24, стр. 40—41 и прим. къ ней.

*__110__ (стр. 206).—Высказавъ въ статьѣ 109 на стр. 201, что «наглядность должна быть основаніемъ дѣтскаго развитія», Бѣлинскій въ настоящей рецензіи развилъ еще болѣе свой взглядъ, намѣтилъ идею, разработанную въ русской педагогіи въ 60-е годы и составившую характерную черту тогдашняго педагогическаго движенія. О преемственности его отъ идей Бѣлинскаго см. прим. къ статьѣ 39.

*__111__ (стр. 207).—О первыхъ двухъ книжкахъ «Библіотеки для Воспитанія» и отношеніи Бѣлинскаго къ этому изданію см. статью 109, стр. 199—206. Къ кн. Одоевскому Бѣлинскій попрежнему относится сочувственно (см. прим. къ ст. 39). «Петербургскій Сборникъ» былъ изданъ Петровымъ и М. И. Михайловымъ. См. прим. къ статьямъ 113 и 116.

*__113__ (стр. 216).—Эта рецензія не включена ни въ одно имѣющееся у насъ изданіе сочиненій Бѣлинскаго. На принадлежность ея перу критика впервые указалъ И. Осоктистовъ, напечатавъ выдержки изъ нея въ книгѣ—«Сводъ мнѣній Бѣлинскаго о дѣтской литературѣ», 2-е изд. Спб. 1898, и цѣликомъ въ книгѣ «Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи», стр. 249—252. Сопоставленіе этой рецензіи съ отзывами Бѣлинскаго о первыхъ книжкахъ «Новой Библіотеки для воспитанія» (см. статью 109, стр. 199—206 и статью 111, стр. 207—214) не оставляютъ никакого сомнѣнія, что отзывъ о V—VII книжкахъ принадлежитъ Бѣлинскому. Въ первыхъ отзывахъ онъ высказался противъ передѣлки для дѣтей классическихъ произведеній, считая болѣе цѣлесообразнымъ давать прозаическій переводъ съ выпусками.

(См. стр. 204 и 208). То же самое повторяетъ Бѣлинскій и въ настоящей рецензіи (см. стр. 216) О работѣ Соловьева—«Русской Лѣтописи для первоначальнаго чтенія» Бѣлинскій говоритъ на стр. 204. На стр. 217 онъ также относится къ Плутарху, какъ и въ отзывѣ о первыхъ двухъ книжкахъ «Новой Библіотеки для воспитанія» (см. стр. 203). Объ отношеніи Бѣлинскаго къ античному міру см. прим. къ статьямъ 48, 52, 61 и 109. Отзывъ о слѣдующихъ VIII и IX книжкахъ этого изданія см. статью 116, стр. 223—224.

1848 г.

114—119. «Современникъ».

114 (стр. 220).— О взглядахъ Бѣлинскаго на взаимныя отношенія родителей и дѣтей см. прим. къ статьямъ 33, 44 и 72.

*115 (стр. 221).—Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Вольтеръ Скотту см. примѣчаніе къ статьѣ 39.

*116 (стр. 223).—Отзывы о предыдущихъ книжкахъ этого изданія см. статьи 109 (стр. 119—206), 111 (стр. 207—214) и 113 (стр. 216—219 и примѣчанія къ нимъ.

119 (стр. 229).—Всю жизнь живо интересуясь педагогическими вопросами, постоянно удѣляя имъ вниманіе, Бѣлинскій закончилъ свою литературную дѣятельность этой рецензіей о книгѣ для дѣтей; рецензія набиралась, когда онъ былъ уже при смерти. Объ отношеніи къ античному міру Бѣлинскаго см. прим. къ статьямъ 48, 52, 61 109 и 113.

Изданія сочиненій Бѣлинскаго.

Первое изданіе собранія сочиненій Бѣлинскаго было выпущено *Солдатенковымъ* и *Щепкинымъ* подъ ред. *Кетчера* въ 12 томахъ въ 1859—1861 г.г. (2-е изд. 1861—1875; 3 е изд. 1867—1884; 4-е изд. 1872—1892; 5-е изд. 1883—1893; 6-е изд. 1888—1895). Это изданіе не является полнымъ, многія статьи значительно сокращены. Къ нему имѣется «Систематическій указатель» составленный *К. Петровымъ* (Спб. 1861; 2-е изд. Спб. 1879).

Наиболѣе полнымъ изъ всѣхъ имѣющихся у насъ изданій сочиненій Бѣлинскаго является изд. подъ ред. *С. А. Венгерова* (т. I, 1900; т. II, 1900; т. III, 1901; т. IV, 1901; т. V, 1901; т. VI, 1903; т. VII, 1904; т. VIII, 1907 и т. IX, 1910). Въ это изданіе включено множество статей невошедшихъ въ предыдущее изданіе, статьи напечатаны безъ всякихъ пропусковъ, текстъ провѣренъ по первоисточникамъ. Это изданіе, помимо его полноты, очень цѣнно по обширному комментарію, дающему богатый матеріалъ для изученія Бѣлинскаго. Изданіе еще не окончено.

Цѣннымъ изданіемъ какъ по тщательности редакціи текста, который свѣренъ съ первопечатными источниками, такъ и по комментарію, является также изданіе подъ ред. *Иванова-Разумника* (3 тома. Спб. 1911). Но въ этомъ изданіи помѣщены только наиболѣе значительныя статьи Бѣлинскаго.

Заслуживаетъ вниманія также изданіе *Ф. Павленкова* въ 4 томахъ (Спб. 1896; 2-е изд. Спб. 1900; 3-е изд. Спб. 1906; 4-е изд. Спб. 1911). Оно уступаетъ во всѣхъ отношеніяхъ изданіямъ подъ ред. С. А. Венгерова и Иванова-Разумника, но цѣнно тѣмъ, что къ 4 тому, начиная со 2-го изданія, приложено, хотя и не полное, собраніе писемъ Бѣлинскаго.

Изъ другихъ имѣющихся у насъ изданій сочиненій Бѣлинскаго отмѣтимъ: 1) Избранныя сочиненія, съ предисловіемъ и вступительной статьей *Н. А. Котляревскаго*. Спб. 1898. 2) Систематическое собраніе сочиненій Бѣлинскаго, 5 вып. Изд. *Н. Зинченко*. Спб. 1899; 2-е изд. Спб. 1901 и 3) Сочиненія Бѣлинскаго, со статьей *Г. В. Александровскаго*, 5 томовъ, изд. *Б. К. Фукса*. Кіевъ 1901 (два изданія).

Литература о Бѣлинскомъ.

О Бѣлинскомъ, какъ о педагогѣ, см.:

Миллеръ, О. Ѳ. Бѣлинскій, какъ педагогъ.—«Учитель», 1861, №№ 9—11.

Ѳеоктистовъ, И. Сводъ мнѣній Бѣлинскаго о дѣтской литературѣ. Спб. 1884; 2-е изд. Спб. 1898.

Ѳеоктистовъ, И. Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи. 1891.

Александольскій-Балталонъ В. О педагогическихъ взглядахъ Бѣлинскаго.—«Вѣстникъ Воспитанія», 1893, № 1.

Острогорскій В. П. Бѣлинскій въ средней школѣ. — «Вѣстникъ Воспитанія», 1897, № 9.

Медвѣдскій, К. П. Бѣлинскій, какъ руководитель юношества.—«Москов. Вѣд.», 1897, № 348.

Абрамовъ Я. В. Памяти Бѣлинскаго. Избранныя мысли Бѣлинскаго. Спб. 1898.

Ермиловъ, В. Я. Завѣты Бѣлинскаго молодому поколѣнію. М. 1898.
Отзывъ: «Русск. Вѣд.», 1898, № 200.

Л. С. Мысли Бѣлинскаго о воспитаніи. Спб. 1898.
Отзывы: «Москов. Вѣд.», 1898, № 174; «Нов. Время», 1898, № 7996, прил.; *А. Н.* «Саратов. Дневн.», 1898, № 108; «Сѣверъ», 1898, № 22.

Острогорскій В. Бѣлинскій, какъ критикъ и педагогъ. Спб. 1898.

Сальниковъ А. Н. Бѣлинскій о воспитаніи умственномъ и нравственномъ. Спб. 1898.

К—вичъ. Памяти Бѣлинскаго, какъ педагога.—«Бессарабецъ», 1898, № 112.

Съдовъ Л. Бѣлинскій о воспитаніи индивидуальномъ и общественномъ.—«Вѣстникъ Воспитанія», 1898, № 4, стр. 1—59 и отдѣльно М. 1898.
Отзывы: «Русск. Вѣд.», 1898, № 207; «Степной Край», 1898, № 54.

З—ва А. Изъ взглядовъ Бѣлинскаго на воспитаніе.—«Курская Газета», 1898, № 148.

Педагоги о Бѣлинскомъ.—«Москов. Вѣд.», 1898, № 151.

N. Бѣлинскій—педагогъ.—«Новое Обозрѣніе», 1898, № 4924.

Бѣлинскій, какъ педагогъ.—«Одесскія Новости», 1898, № 4253.

Шаранцевъ, Е. Бѣлинскій о дѣтяхъ.—«Прибалтійскій Листокъ», 1898, № 112.

Каллашъ, В. Къ вопросу о педагогическихъ взглядахъ Бѣлинскаго.—«Русская Мысль», 1898, № 12.

Ашевскій, Бѣлинскій, какъ педагогъ. — «Русская Школа», 1898, № 3, стр. 36—52 и № 4, стр. 48—62.

Налимовъ, А. Бѣлинскій о дѣтскихъ книгахъ.—«Русская Школа», 1898, № 5—6, стр. 92—104.

П. *Г. В.* Взгляды Бѣлинскаго на воспитаніе.—«Южное Обозрѣніе», 1898, № 479.

Острогорскій, В. П. Бѣлинскій, какъ педагогъ.—«Памяти Бѣлинскаго». Сборникъ. М. 1899.

Демковъ, М. И. Исторія русской педагогіи. Ч. III. Новая русская педагогія. М. 1909.

Демковъ, М. И. Очерки по исторіи русской педагогіи. М. 1909.

Золотаревъ, С. А. Очерки по исторіи педагогики на Западѣ и въ Россіи. Спб. 1910.

Каптеревъ, П. *Ѳ.* Исторія русской педагогіи. Спб. 1910.

Тулуповъ, Н. В. и Шестаковъ И. М. Бѣлинскій о воспитаніи и книгахъ для дѣтскаго чтенія. М. 1911.

Фоминъ, А. Г. Педагогическія идеи Бѣлинскаго.—«Воспитаніе и Обученіе», 1911, № 8, стр. 225—234 и № 9, стр. 257—258.

Соколовъ, Л. Бѣлинскій въ роли педагога.—«Западно-русская начальная школа», 1911, № 1, стр. 2—13, № 2, стр. 4—17, № 3, стр. 15—26 и № 4, стр. 54—58 и отдѣльно Кіевъ. 1911.

С.-Петербургъ, 30 мая.—«Школа и Жизнь», 1911, № 22.

О жизни, дѣятельности и міросозерцаніи Бѣлинскаго, кромѣ комментарія къ его сочиненіямъ изд. подъ ред. С. А. Венгерова и Иванова-Разумника, см.

Анненковъ, П. Воспоминанія и критич. очерки, т. III.

Анненковъ, П. Литературныя воспоминанія. Спб. 1909.

Анненковъ и его друзья. Спб. 1892.

Тургеневъ, И. С. Литературныя воспоминанія.—Сочиненія, т. XII.

Панаевъ, И. Литературныя воспоминанія, 3-е изд. Спб. 1888 и Сочиненія, т. VI.

Пыпинъ, А. Н. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, 2-е изд. Спб. 1908.

Венгеровъ, С. А. Великое сердце.—Очерки по исторіи русской литературы. Спб. 1907.

Ивановъ-Разумникъ. Великія исканія. Спб. 1912.

Лернеръ, Н. О. Бѣлинскій. М. 1911.

Нелидовъ, Ѳ. Западники 40-хъ годовъ. М. 1910.

Соловьевъ, Е. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ. Спб. 1898.

Ашевскій. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ современниковъ. Спб. 1911.

Памяти Бѣлинскаго. Сборникъ. М. 1899.

Чернышевскій, Н. Г. Очерки Гоголевскаго періода русской литературы. Сочиненія, т. II.

Пыпинъ, А. Н. Характеристики литературныхъ мнѣній, 3-е изд. Спб. 1906.

Михайловскій, Н. К. Прудонъ и Бѣлинскій.—Сочиненія.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли, т. I. Спб. 1906; 2-е изд. Спб. 1908; 3-е изд. Спб. 1910.

Бельтовъ, (*Плехановъ*). За двадцать лѣтъ. Спб. 1905; 2-е изд. Спб. 1906.

Котляревскій Н. А. Старинные портреты. Спб. 1907.

Литература о Бѣлинскомъ указана: 1) *Венгеровъ С. А.* Источники словаря русскихъ писателей, т. I. Спб. 1900; 2) *Незіеръ А. В.* Русская словесность съ XI по XIX стол., т. II. Спб. 1902; 3) *Пыпинъ А. Н.* Бѣлинскій, 2-е изд. Спб. 1908; 4) Сочиненія Бѣлинскаго, 3-е изд. *Ф. Павленкова*, т. IV. Спб. 1907; 5) *Владиславлевъ И. В.* Русскіе писатели отъ Гоголя до нашихъ дней. Бердянскъ 1909 и 6) *Малининъ Д. И.* Что читать по русской литературѣ XIX вѣка? 2-е изд. М. 1911.

А. І. Фоминъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.*)

Стр.

Предисловіе III
Фальборкъ, Г. А. Вступительная статья. V
Фоминъ, Г. А. Жизнь Бѣлинскаго и его педагогическая дѣятельность 1

Педагогическія сочиненія Бѣлинскаго.

1829 г.

1. Разсужденіе о воспитаніи 21

1830—1831 гг.

2. «Дмитрій Калининъ». Юношеская драма Бѣлинскаго 21

1833 г.

3. Переводъ статьи *Карла Нодье*: «Воспитаніе женщинъ» 21

1834 г.

4. Литературныя мечтанія 21
5. Грамматика языка русскаго. Часть I. Познаніе словъ. Сочиненіе *Калайдовича* 23

1835 г.

6. Повѣсти, изданныя *Александромъ Пушкинымъ* 26
*7. Повѣсти для дѣтей отъ пяти до десяти лѣтъ. Сочиненіе г-жи *Ренневиль*. Переводъ съ французскаго 26
Собраніе повѣстей. Сочиненіе *Берженя, Кампе, Гизо и г жи Зонтагъ*. Переводъ съ французскаго 26
8. Добрыя дѣвушки. Повѣсти, сочиненныя г-жею *Алидію де Савильякъ* 27
*9. Тетушкины сказки. Сочиненіе дѣвицы *В. М. Руссо*. Переводъ съ французскаго 27
10. Жертва. Литературный эскизъ. Сочиненіе г-жи *Монборнъ*. Переводъ съ французскаго *Z...* 28
*11. Метода Всеобщаго Обученія Жакото. Изложеніе основныхъ началъ методы Всеобщаго Обученія
Метода Жакото, изложенная для родителей и наставниковъ. Издалъ *Егоръ Гугель*, инспекторъ классовъ при Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ въ Гатчинѣ. Часть первая. Чтеніе. Письмо. Отечественный языкъ.
Чтенія для умственнаго развитія малолѣтнихъ дѣтей и обогащенія ихъ познаніями. Составлены *Егоромъ Гугелемъ*, инспекторомъ классовъ Императорскаго Воспитательнаго Дома въ Гатчинѣ. Второе изданіе, исправленное и дополненное 29

---

*) Звѣздочкой (*) отмѣчены статьи, напечатанныя цѣликомъ безъ выпусковъ

Стр.

*12. Начертаніе Русской Исторіи для училищъ. Сочиненіе профессора *Погодина* 30
*13. Русская исторія для первоначальнаго чтенія. Сочиненіе *Николая Полевого*. Двѣ части: I—II 31
*14. Опытъ полнаго учебнаго курса русской грамматики, для преподаванія русскимъ и иностранцамъ. *М. Д. П.* 32
*15. Священная исторія церкви ветхаго и новаго завѣта, въ вопросахъ и отвѣтахъ, для обученія дѣтей 33
*16. Карманная книга географіи для дѣтей съ 21 раскрашенною ландкартою, перевелъ съ нѣмецкаго докторъ философіи пасторъ *Зедергольмъ* 33
*17. Краткая географія для дѣтей, изданная по руководству г-на статскаго совѣтника и кавалера *П. А. Гейма*. Девятое изданіе. 34
*18. Цвѣты нравственности, собранные изъ лучшихъ писателей, къ назиданію юношества, *Михаиломъ Третьяковымъ* 35
*19. Дѣтскій театръ. Соч. *Б. Федорова*; изданіе второе, дополненное тридцатью пьесами. Четыре части: I—IV 36

1836 г.

20. Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта, содержащее извлеченіе изъ путешествій извѣстнѣйшихъ донынѣ мореплавателей, составленное *Дюмонъ-Дюрвилемъ* 37
*21. Викторъ или слѣдствіе худого воспитанія. Сочиненіе *П. С...ва* . 38
22. Русская исторія для первоначальнаго чтенія. Сочиненіе *Николая Полевого* 39
*23. Дѣтская книжка на 1835 годъ, которую составилъ для умныхъ, милыхъ и прележныхъ маленькихъ читателей и читательницъ *Владиміръ Бурнашевъ* 39
24. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Сочиненіе *Ксенофонта Полевого*. Двѣ части: I—II. 40

1838 г.

*25. Библіотека дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ. Сочиненіе *Виктора Бурьянова*. Четыре части: I—IV.
Совѣты для дѣтей или разсказы занимательныхъ анекдотовъ, повѣстей, происшествій и другихъ назидательныхъ примѣровъ, (?) посвященныхъ сыновьямъ и дочерямъ (чьимъ ?). Новое сочиненіе г. *Бульи*. Съ раскрашенными картинками. Переводъ съ французскаго *В. Бурьянова*.
Зимніе вечера или бесѣды отца съ дѣтьми объ умственныхъ способностяхъ, нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни, обрядахъ и промышленности всѣхъ народовъ земного шара. Соч. *Деппинга*. Переведено съ четвертаго французскаго изданія, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями *Викторомъ Бурьяновымъ*. Двѣ части: I—II.
Прогулка съ дѣтьми по С.-Петербургу и его окрестностямъ. Сочиненіе *Виктора Бурьянова*. Три части: I—III 41
*26. Новая энциклопедическая русская азбука и общеполезная дѣтская книга чтенія. Составилъ по иностраннымъ образцамъ, съ приноровленіемъ къ отечественному воспитанію *Викторъ Бурьяновъ* . 52
*27 Дѣтскій альбомъ на 1838 годъ. Собраніе повѣстей, разсказовъ и драматическихъ разговоровъ. Подарокъ на праздникъ *А. Попова*. Двѣ книжки: I—II 52
*28. Древняя исторія для юношества. Сочиненіе *Лами-Флери* (.) Переводъ съ французскаго.

Стр.

Древняя исторія, разсказанная дѣтямъ. Сочиненіе *Ламе-Флери*. Переводъ съ французскаго.
Греческая исторія, разсказанная дѣтямъ. Сочиненіе *Ламе-Флери* Переводъ съ французскаго. 53
*29. Восемь дней вакаціи или время идетъ скоро, повѣсть въ восьми отдѣленіяхъ. Съ 10 картинами. Переводъ съ французскаго . . 53

1839 г.

30. Искусство брать взятки. Восточная сказка. Сочиненіе *В. Серебренникова.*
Три бездѣлки. Сочиненіе *В. Серебренникова* 54
*31. Разговоры отца съ дѣтьми. Переводъ съ англійскаго 55
*32. Сказки моей бабушки. Шесть новыхъ повѣстей для дѣтей. Съ 6 раскрашенными картинами. 55
*33. Новѣйшій дѣтскій Робинзонъ, или любопытнѣйшія приключенія Робинзона Крюзое. Разсказъ отца своимъ дѣтямъ. Съ восемью картинами, литографированными 55
*34. Чижикъ. Повѣсть для дѣтей. Переводъ съ французскаго. Изданіе второе. 56
*35. Латинская грамматика, составленная по *Цумпту Д. Поповымъ* (бывшимъ профессоромъ греческой словесности при С.-Петербургскомъ университетѣ) 56
36. Способъ къ распространенію шелководства. *Я. Юдицкаго* 57
*37. Русская Грамматика для Первоначальнаго Обученія. (Для русскихъ). Въ пользу воспитанниковъ Земледѣльческой Школы . . 59

1840 г.

*38. Подарокъ на Новый Годъ. Двѣ сказки *Гофмана* для большихъ и маленькихъ дѣтей.
Дѣтская библіотека. Сочиненіе дѣвицы *Тремадюръ*. Переводъ съ французскаго *Александры Зражевской*. Со второго изданія. Четыре части: Леонъ, молодой граверъ; Валерія молодая художница; Просперъ, молодой скульпторъ; Эммелина молодая музыкантша.
Разговоры Эмиліи о нравственныхъ предметахъ. Переводъ съ французскаго.
Миніатюрный альбомъ для дѣтей 60
*39. Подарокъ на новый годъ. Двѣ сказки *Гофмана* для большихъ и маленькихъ дѣтей.
Дѣтскія сказки *Дѣдушки Иринея*. Двѣ части 61
40. Басни *Ивана Крылова*. Въ восьми книгахъ 100
*41. Три розы. Книжка для дѣтей, изданная *Б. Федоровымъ* 101
42. Общая Реторика. *Н. Кошанскаго*. Изданіе седьмое 103

1841 г.

43. Стихотворенія *М. Лермонтова* 103
44 Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Сочиненіе *П. П. Голикова*, изданіе второе. Томъ I—XIII.
Исторія Петра Великаго. Сочиненіе *Веніамина Берглана*. Перевелъ съ нѣмецкаго *Егоръ Аладьинъ*. Второе, сжатое (компактное) изданіе, исправленное и умноженное.
О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича. Современное сочиненіе *Григорія Кошихина* 105

Стр.

*45. Опытъ руководства къ Преподованію и Изученію Русской Грамматики для Русскихъ. *В. Половцева* 106
46. Сто русскихъ литераторовъ. Изданіе книгопродавца *А. Смирдина.* Томъ второй 107
47. Шестая книжка „Москвитянина“ и *Ф. Н. Глинка* 108
48. Римскія эллегіи. Сочиненіе *Гете.* Переводъ *Струговщикова.* . . . 108
49. Древнія россійскія стихотворенія, собранныя *Киршею Даниловымъ* и вторично изданныя.
Древнія русскія стихотворенія (,) служащія въ дополненіе (дополненіемъ?) къ *Киршъ Данилова* (у ?). Собранныя *М. Сухановымъ.*
Сказанія русскаго народа, собранныя *П. Сахаровымъ.* Т. I. Кн. 1, 2, 3, 4. Изданіе третье.
Русскія народныя сказки. Часть I. 111
50. Русская исторія для первоначальнаго чтенія. Сочиненіе *Николая Полевого.* Часть четвертая. 112
*51. Русская азбука, составленная по грамматикамъ *Н. Греча* и *А. Востокова.* Съ присовокупленіемъ сокращенія русской грамматики, правилъ чистописанія и каллиграфическихъ чертежей 112

1842 г.

52. Русская литература въ 1841 г. 113
*53. Русская грамматика, составленная *А. Ивановымъ.* Третье исправленное и дополненное изданіе. 115
54. Педантъ. Литературный типъ. 116
*55. Гуакъ, или непреоборимая вѣрность. Рыцарская повѣсть. Изданіе второе. Двѣ части. 117
56. Тысяча и одна ночь, арабскія сказки. Часть 6, 7, 8, 9 и 10. . . . 117
*57. Робинзонъ Крузе. Романъ для дѣтей. Сочиненіе *Кампе.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ картинами, рисованными г-мъ *Тимолмъ* и вырѣзанными на деревѣ барономъ *Нетгельгорстомъ.* Часть первая. 117
*58. Россійская грамматика, съ присовокупленіемъ піитическихъ правилъ. Изданная для обученія юношества *Яковымъ Ломжарскимъ.* . 120
59. Руководство къ изученію русской словесности, составленное профессоромъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея и Императорскаго Училища Правовѣдѣнія *Петромъ Георгіевскимъ* Въ четырехъ частяхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. . 121
60. Рѣчь о критикѣ, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, марта 25-го дня 1842 года, экстраордин. профес., докторомъ философіи *А. Никитенко.* 122
61. Сочиненія *Платона.* Переведенныя съ греческаго и объясненныя профессоромъ Санктпетербургской Духовной Академіи *Карповымъ.* Часть 2-я. 122
62. Наши, списанныя съ натуры русскими. Выпускъ двѣнадцатый. Няня, Соч. ****вой.* 125
63. Драматическія сочиненія и переводы. *Н. А. Полевого.* Двѣ части. I—II. 127
*64. Общая реторика *Н. Кошанскаго.* Изданіе седьмое. 127

1843 г.

65. Русская литература въ 1842 г. 128
66. Сельское чтеніе. Книжка, составленная изъ трудовъ *А. Ѳ. Вельтмана, Н. С. Волкова, С. С. Гадурина, В. И. Даля, П. И. Иванова, М. Н. Загоскина, П. И. Побѣдина, К. Ѳ. Энгельке, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ* 128

Стр.

67. Князь Курбскій, историческій романъ изъ событій XVI вѣка. Сочиненіе *Бориса Федорова.* Въ четырехъ частяхъ 130
68. Русская грамматика для русскихъ *Виктора Половцова* (старшаго) Напечатанная по Высочайшему соизволенію. Шестое исправленное изданіе 131
*__69.__ Драгоцѣнный подарокъ дѣтямъ или русская азбука 132
*__70.__ Памятная книжка для молодыхъ людей 133
*__71.__ Притчи и повѣсти, избранныя изъ *Круммахера* 134
72. Сочиненіе *Зенаиды Р—вой.* Четыре части 134
73. Сочиненіе *Александра Пушкина* Одиннадцать томовъ. Статьи I и II. 136

1844 г.

74. Русская литература въ 1843 году 141
75. Семейство или домашнія радости и огорченія. Романъ шведской писательницы *Фредерики Бремеръ.* Переводъ съ подлинника . . . 144
*__76.__ Другъ дѣтей, книга для первоначальнаго чтенія. (Изданіе четвертое). Прогулка съ дѣтьми по земному шару, *Виктора Бурьянова.* Двѣ части. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Съ раскрашенною картою всего свѣта.
Записки Петра Ивановича, собранныя и украшенныя 100 картинами *П. Фурманомъ.*
Священная исторія въ разговорахъ для маленькихъ дѣтей. Соч. *А. Пшимовой.* Изданіе второе.
Новыя повѣсти для дѣтей (.) сочиненіе *Анны Зонтагъ.*
Русскія сказки для дѣтей, разсказанныя нянюшкою *Авдотьею Степановною Черепьевою.*
Елка (,) альманахъ для дѣтей на 1844 годъ.
Золотыя (е) цвѣтки или собраніе басенъ, мыслей и другихъ мелкихъ стихотвореній. Съ картинками и рисунками.
Книга Хамелеонъ. Забавная фокусная игрушка для дѣтей . . . 145
77. Тысяча и одна ночь, арабскія сказки. Томы XI, XII, XIII, XIV и XV. 148
78. Антологія изъ *Жана Поля Рихтера* 148
*__79.__ Азбука русская новѣйшая (,) или букварь для обученія малолѣтнихъ дѣтей чтенію, съ молитвами, нравоученіями, краткими для дѣтей повѣстями, съ показаніемъ чиселъ и таблицею умноженія. Изданіе шестое.
Новыя дѣтскія поздравленія, въ стихахъ, съ праздниками. Подарокъ дѣтямъ и родителямъ на дни рожденія, имянины, Рождество Христово, Новый Годъ и Свѣтлое Воскресенье. Второе изданіе. *Л. Жебелева* 150
*__80.__ Маленькій фокусникъ. Поучительные и занимательные домашніе фокусы для дѣтей 152
81. Сочиненія князя *В. Ѳ. Одоевскаго.* Три части 153
82. Учебный курсъ словесности, составленный *Василіемъ Плаксинымъ.* Книга вторая 153
*__83.__ Краткія выписки (,) собранныя изъ лучшихъ русскихъ писателей (,) въ пользу юношества 154
84. Инстинктъ животныхъ, или письма двухъ подругъ о натуральной исторіи и нѣкоторыхъ феноменахъ природы. Сочиненіе *Надежды Мердеръ.* Четыре части 154
*__85.__ Очерки Всеобщей Исторіи для дѣтей отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Переводъ съ французскаго *В. Модестова* 155
86. Исторія царствованія Императрицы Екатерины II, для чтенія юношества. (Съ портретомъ и картинами). Двѣ части.
Исторія царствованія Императора Александра I, для чтенія юношества. (Съ портретами и картинами). Двѣ части 155
87. Сочиненія *Александра Пушкина.* Одиннадцать томовъ Статьи V—VIII 156

Стр.

1845 г.

*88. Импровизаторъ или молодость и мечты италіанскаго поэта. Романъ датскаго писателя *Андерсена*. Переводъ съ шведскаго. Двѣ части 159

89. Общая реторика, *Н. Кошанскаго*. Изданіе девятое 159

*90. Наставникъ русской грамоты или руководство къ обученію малолѣтнихъ дѣтей, въ самомъ скоромъ времени, чтенію правильному и свободному. Изданіе второе 165

*91. Леди Анна (,) или сирота. Дѣтская повѣсть. Съ англійскаго, съ картинками, рисован. *Р. Жуковскимъ*.

Чтеніе для дѣтей перваго возраста. Сочиненіе *Александры Ишимовой*

Дѣтскія комедіи, повѣсти и были. Собранныя *П. Ф.*

Дѣтскій театръ. Двѣ комедіи. 1) Волшебница. 2) Ни(е)гритянка. Соч. *Елиз... Клев...* (На французскомъ и русскомъ языкахъ).

Повѣсти и сказки для дѣтей. Подарокъ къ празднику. Съ 12-ю картинками.

Дѣтское зеркало. Нравоучительная книжка для дѣтей перваго возраста. (Съ 18-тью картинками). Изданіе второе 168

92. Портретная галлерея русскихъ писателей. 1. *Кантемиръ* 170

*93. Другъ дѣтей, книга для первоначальнаго чтенія. Изданіе четвертое. 170

*94. Сто новыхъ дѣтскихъ повѣстей, съ нравоученіями въ стихахъ. Книжка для подарка дѣтямъ. Перевелъ изъ сочиненій *Шмита Б. Ѳедоровъ*. Часть первая. Изданіе второе, исправленное и дополненное 170

*95. Сказка о двухъ крестьянахъ домостроительномъ и расточительномъ 173

96. Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Сочиненіе графа *В. А. Сологуба*. 173

*97. Альманахъ для дѣтей. Украшенный рисунками и виньетками г. *Ковригина*, гравированными на деревѣ барономъ *Неттельгорстомъ*. 177

*98. Географія, составленная *Александромъ Чертковымъ* 178

99. Опытъ исторіи русской литературы. Сочиненіе *А. Никитенко*. Книга первая. Введеніе 181

100. Романы *Вальтеръ Скотта*. Томъ третій. Антикварій. Съ послѣдними примѣчаніями и прибавленіями автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею *А. А. Краевскаго* 182

*101. Сельское чтеніе, книжка третья, составленная княземъ *В. Ѳ. Одоевскимъ* и *А. П. Заблоцкимъ* 182

*102. Частная реторика *Н. Кошанскаго*. Изданіе шестое 187

Умозрительныя и опытныя основанія словесности въ IV частяхъ. Соч. *А. Глаголева*. Изданіе второе.

103. Сочиненіе *Александра Пушкина*. Одиннадцать томовъ. Статья IX. 189

1846 г.

*104. Елка. Подарокъ на Рождество. Азбука съ примѣрами постепеннаго чтенія.

Преданіе о графинѣ Бертѣ (,) или замокъ Витсгау. Сочиненіе *Александра Дюма*.

Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Разсказъ для дѣтей. Три книжки.

Путешествіе вокругъ свѣта, изд. *Ѳ. Студитскаго*. Южная Европа.

Мери и Флора, повѣсть для дѣтей. Переводъ съ англійскаго *Александры Ишимовой*.

Каникулы въ 1844 году или поѣздка въ Москву. Сочиненіе *Александры Ишимовой*.

Картины изъ исторіи дѣтства знаменитыхъ живописцевъ. Переводъ съ французскаго. Подъ редакціею *М. Чистякова*.

Мать наставница или разговоры о многочисленныхъ предметахъ, образующихъ умъ и сердце полезнѣйшими познаніями, представленное (??!!) въ разговорахъ матери съ своими дѣтьми.

Стр.

Альманхъ для дѣтей. Украшенный виньетками и рисунками *З. Ковригина.*
Робинсонъ. Разсказъ для дѣтей.
Пантеонъ русскихъ баснописцевъ.
Маленькія дѣти. Повѣсти *Бланшара* для дѣтей перваго возраста. Изданіе второе значтельно исправленное.
Исторія Петра Великаго для дѣтей 192
*105. Занимательное и поучительное чтеніе для дѣтей. Изданіе второе. 196
106. О жизни и сочиненіяхъ *Кольцова* 196

1847 г.

107. Взглядъ на русскую литературу 1846 года 197
108. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями *Николая Гоголя* . 198
*109. Новая библіотека для воспитанія, издаваемая Петромъ Рѣдкинымъ. Двѣ книжки.
Сынъ рыбака. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Повѣсть для дѣтей. Сочиненіе *П. Фурмана.* Изданіе второе.
Альманахъ для дѣтей, составленный *П. Фурманомъ* 199
*110. Картина земли для наглядности при преподаваніи физической географіи, составленная *А. Ф. Постельсомъ.* Съ литографированнымъ большимъ рисункомъ 206
*111. Новая библіотека для воспитанія, издаваемая *Петромъ Рѣдкинымъ.* Книжка III.
Городокъ въ табакеркѣ. Дѣтская сказка *дѣдушки Иринея,* изд. княземъ *Одоевскимъ.* Изданіе второе.
Морозъ Ивановичъ. Дѣтская сказка *дѣдушки Иринея,* изданная княземъ *Одоевскимъ.*
Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ *дѣдушки Иринея,* изданный княземъ *Одоевскимъ.*
Петербургскій сборникъ для дѣтей, изданъ *В. Петровымъ* и *М. М.* Повѣсти для дѣтей. Съ шестью картинками 207
112. Векфильдскій священникъ. Романъ, сочиненный Оливьеромъ Гольдсмитомъ. Перевелъ съ англійскаго *Алексѣй Огинскій,* съ присовокупленіемъ свѣдѣній о жизни и твореніяхъ автора, заимствованныхъ *Вальтеръ-Скоттомъ* изъ сочиненій *Ирвора* . . . 214
*113. Новая библіотека для воспитанія, издаваемаемая *Петромъ Рѣдкинымъ.* Книжки V, VI, VII.
Есть-ли гдѣ конецъ свѣту? сочиненіе *И. Данилевскаго* и *А. Осповскаго.*
Другъ дѣтей. Книга для первоначальнаго чтенія. Изданіе пятое. 216

1848 г.

114. Взглядъ на русскую литературу 1847 года 220
*115. Нѣсколько словъ о чтеніи романовъ 221
*116. Новая библіотека для воспитанія, издаваемая *Петромъ Рѣдкинымъ.* Книжка VIII и IX 223
*117. Благовоспитанное дитя или какъ должно себя вести. Сочиненіе *Жозефины Лебоссю.* Съ французскаго. Изданіе второе.
Дѣтскій птичникъ или описаніе любопытнѣйшихъ птицъ и звѣрей съ 56 раскрашенными (?) картинками 224
*118. Вечеръ въ пансіонѣ. Повѣсть для дѣтей 228
119. Разсказы дѣтямъ изъ древняго міра (,) *Карла Ф. Беккера.* Три части. Переводъ съ нѣмецкаго седьмого изданія 229

Указатель къ сочиненіямъ Бѣлинскаго 233
Фоминъ А. Г. Примѣчанія 237
— Изданія сочиненій Бѣлинскаго 250
— Литература о Бѣлинскомъ 251

Московская Губернская
Центральная Библиотека